Академия наук Абхазии
Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа

ЧАМАГУА В. З.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В. Г. АРДЗИНБА И БОРЬБА АБХАЗСКОГО НАРОДА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И СТАНОВЛЕНИЕ АБХАЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (1989 – 2005 гг.)

АбИГИ
Сухум – 2017

УДК 323
ББК 63. 3(5Абх)6-38
Ч – 17

Утверждено Ученым советом Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа

ЧАМАГУА В. З.
Информационная политика В. Г. Ардзинба и борьба абхазского народа за независимость и становление абхазской государственности (1989 – 2005 гг.). / В. З. Чамагуа; ред. А. Ф. Авидзба; АНА, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа. – Сухум: Дом печати, 2017. - 408 с.

Г/Р 978-5-111-46-05017.

Редактор
Авидзба А. Ф., доктор исторических наук

Работа В. Чамагуа посвящена политике в области информации, которая, как известно, на современном этапе становится одним из главнейших рычагов достижения и воплощения в жизнь как тактических, так и стратегических задач. Здесь названная деятельность В. Ардзинба рассматривается в контексте борьбы абхазского народа за независимость и становление современной абхазской государственности.

Книга рассчитана на студенческую, творческую и научную общественность, а также на всех, кто интересуется новейшей историей Абхазии.

© АбИГИ, 2017
© Чамагуа В. З., 2017

ОТ РЕДАКТОРА

Позволю себе, хотя может это и не совсем красиво, повториться: «Наследие В. Ардзинба для Абхазского государства – это одновременно и фарватер для корабля, обеспечивающий ей безопасное плавание, и совесть для человека, подсказывающий достойный выход из сложившейся ситуации»[1].

Работа В. Чамагуа посвящена политике в области информации, которая, как известно, на современном этапе становится одним из главнейших рычагов достижения и воплощения в жизнь как тактических, так и стратегических задач. Здесь названная деятельность В. Ардзинба рассматривается в контексте борьбы абхазского народа за независимость и становление современной абхазской государственности. Она состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении дается краткий экскурс в историю национально-освободительного движения абхазов, отмечается значение средств массовой информации в консолидации передовых общественных сил, освещении целей и задач, борющегося за свободу и независимость народа.

В первой главе освещается информационная политика В. Ардзинба во взаимосвязи с борьбой абхазского общества за освобождение от колониальных пут грузинской метрополии, дается характеристика знаковых событий: Лыхненского Обращения в адрес Советского руководства (март 1989 г.), выступления В.Ардзинба на 1-м съезде народных депутатов СССР (июнь 1989 г.), «малой во-

[1] А. Авидзба. Предисловие // Владислав Ардзинба. К 70-летию со дня рождения. Сухум. 2015. С. 6.

йны» (15-16 июля 1989 г.); анализируется предвоенный период деятельности Владислава Григорьевича в должности руководителя Абхазии с декабря 1990 года по 14 августа 1992 года, его роль в укреплении политических, экономических и информационных основ абхазской республики.

Вторая глава посвящена информационной политике В. Ардзинба в условиях Отечественной войны в Абхазии 1992-1993 гг. Отмечаются стратегические и тактические цели средств массовой информации, которые вытекали из задач, формулируемых главой Абхазии для защитников Родины. Главная стратегическая задача – это защита родной земли от грузинских агрессоров. Далее по значению идут другие задачи: освещение добровольческого движения, укрепление братских связей с республиками Северного Кавказа, информирование мировой и российской общественности о положении в Абхазии, о злодеяниях оккупационного режима на захваченной территории и другие направления в деятельности СМИ.

В третьей главе рассматриваются проблемы информационной политики в поствоенный блокадный период. Печать, радио и телевидение – это было оружие, которое только и мог тогда Ардзинба противопоставить тем мощным силам, которые пытались заставить Абхазию вновь войти в состав Грузии. Наряду с абхазскими СМИ, национальный лидер весьма умело и эффективно использовал в своей информационной политике российские издания – от центральных до региональных.

В заключительной части труда отмечается, что, наряду с выдающимися достижениями В. Ардзинба в политической, дипломатической и военной деятельности, весомы были его успехи в информационной политике, в организации работы абхазских СМИ, направленной на освещение проблематики абхазского национального движения на его завершающем этапе. Национальный лидер блестяще использовал возможности СМИ в реализации своей программы по выводу Абхазии из колониальной системы Грузии.

И весьма важна была в том роль информационной политики В. Ардзинба, которая также внесла свой весомый вклад в основание и строительство независимого абхазского государства.

В рассматриваемом труде в очередной раз ярко высвечивается дальновидность и прозорливость, несгибаемость и верность избранному пути основателя современного Абхазского государства. Здесь приведу довольно обширную цитату, красноречиво свидетельствующую о сказанном: «Надо полагать, что В. Ардзинба изначально понимал, что грузинское руководство вряд ли согласится на абхазские проекты по воссозданию отношений Грузии и Абхазии на основе союза равных по правам государственных образований. На всем протяжении переговорного процесса, как свидетельствуют различные документы и многочисленные публикации по этой проблематике, несмотря на сильное давление, демарши, провокации российских и западных посредников, В. Ардзинба не только не свернул с этого пути, но твердо и целенаправленно отстаивал право абхазского народа на свободное от грузинской метрополии существование. Словом, Абхазия виделась нашему лидеру только в качестве независимой страны. Этого мнения Владислав придерживался всегда. Все остальные схемы, как показало время, вынужденная дань политико–ипломатической игре с различными центрами силы. Не раз в личной беседе с автором этих строк глава Абхазии настойчиво повторял: «Нам нужно выиграть время». И становилось понятным предназначение всех этих инициатив и различных комиссий с задействованными в них грузинскими и абхазскими чиновниками, также и химерических формулировок и схем по государственно–правовым отношениям Абхазии и Грузии, которые, вдруг появившись на свет, также незаметно исчезали с повестки дня. А появлялись они почти курьезным образом. Скажем, грузины и союзники требуют «федерацию», абхазы тотчас отвечают предложением «конфедерации». Затем оппоненты скатываются до «широкой автономии», Сухум взамен предлагает «общее» или «союзное» государство,

разумеется, с полным набором для Абхазии суверенных прав. Из всего этого, конечно, ничего получиться не могло. Но время, как и задумывал В. Ардзинба, играло в нашу пользу. И обвинить абхазское руководство в несговорчивости у всесильных оппонентов вроде не было оснований. Анализ средств информации, освещавших грузино–абхазскую проблематику в послевоенный период, подтверждает, что позиция грузинского руководства в поствоенное время, как и в предыдущие периоды, никаких изменений не претерпела. Главным условием грузино–абхазского урегулирования Тбилиси представлял только согласие Абхазии на вхождение в состав грузинского государства на правах вначале «широкой», а затем «широчайшей» автономии. Москва также с начала переговорного процесса, в основном, придерживалась грузинской позиции, отступая иной раз для проведения «двойственной политики», чтобы поставить на место слишком «зарывавшуюся» Грузию в отношениях с Россией. Владислав отчетливо видел, что влиятельные страны Запада, с помощью которых пытается решить свои проблемы, в том числе и абхазский вопрос, грузинский лидер, все громче объявляли о своих интересах в регионе Южного Кавказа… Такое развитие ситуации, которое всячески поддерживалось грузинским руководством, сильно беспокоило Россию. Это, по мнению В. Ардзинба, по всему должно неминуемо привести в перспективе к конфликту «стратегических партнеров» и разрыву отношений между Москвой и Тбилиси. В таком случае, российское руководство будет вынуждено, чтобы окончательно не расстаться с геополитическим влиянием в Закавказском регионе, считаться с интересами абхазской республики. Таким образом, по расчетам Ардзинба, время и политические обстоятельства создавали условия для будущего признания независимой де–факто Республики Абхазия, главным образом, Российской Федерацией».

В продолжение темы, напомню, что в ответ на многочисленные сентенции о том, что Абхазию никогда никакая страна, тем более Россия, не признает Абхазию, В. Ардзинба отвечал: «Признание вторично» или ставил в тупик вопросом: «Назовите мне хотя бы одно государство, независимость которого была провозглашена его соседями?»[1]. Он был уверен, что Абхазия будет признана Россией и неоднократно подчеркивал, что это случится тогда, «когда к руководству России придут люди, защищающие национальные интересы России».

В. Чамагуа в своей работе описывает события и факты, свидетелем которых сам являлся, а нередко, он в рамках своей компетенции и решаемых задач, выступал в роли непосредственного участника исторического процесса, о котором рассказывает, иногда от первого лица с полным на то основанием. Решению поставленной задачи способствует и избранный стиль изложения материала: в работе гармонично сочетаются жанры научной публицистики и мемуаристки, что облегчает широкому читателю восприятие военно-политической обстановки в Абхазии в рассматриваемый в труде период. При этом следует особо отметить тот факт, что до сегодняшнего дня нет ни одной отдельной статьи, не говоря уже о монографическом исследовании, по заявленной теме. В силу этого В. Чамагуа, по существу, является первым исследователем озвученного вопроса в данной плоскости. Последнее обстоятельство вкупе со спецификой озвученной темы и углом ее рассмотрения делает рассматриваемую рабату весьма актуальной и востребованной.

А. Авидзба

[1] ***В. Ардзинба***. Газ. «Республики Абхазия», №3 9, 11 апреля 1998 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данной работе делается попытка осветить некоторые аспекты информационной политики В. Ардзинба в период завершающего этапа национально-освободительной борьбы абхазского народа. На взгляд ее автора, названный временной этап можно разделить на три периода: предвоенный, военный и послевоенный.

В первой главе отмечается преемственность абхазского национально-освободительного движения на протяжении 70-летней истории советской власти, его влияние на изменения в общественно-политической и социально-экономической ситуации в республике. Исследуются также роль и место, отводимые средствам массовой информации Абхазии и Грузии в защите разновекторных интересов метрополии и автономии в предвоенный период. В данной работе делается попытка на конкретных примерах, с использованием источников, осветить процесс формирования новой информационной политики, создания и реорганизации печатных органов и электронных средств, с помощью которых В. Г. Ардзинба, возглавив Абхазию, начал поиск путей по деколонизации автономной республики.

Известно, что борьба абхазов за политическую и экономическую независимость от «малой империи» – Грузинской ССР – имела место, как отмечалось выше, почти все 70 лет советской власти, за исключением 10-летнего периода (1921–1931 гг.) существования Советской Социалистической Республики Абхазия. Освободительное движение начинает свой отчет с политического и военного сопротивления агрессии грузинских меньшевиков, оккупировавших Абхазию в июне 1918 года. Новый этапный период в истории движения – это многотысячный сход крестьян в 1931 году в селе Дурипш, протестовавших таким образом против вероломной сталинской автономизации Абхазии. Также и впоследствии, перманентно продолжавшееся национально - освободительное движение абхазского народа, словно проснувшийся вулкан, каждые десять лет разражалось массовым протестом против грузинской имперской экспансии, имевшей целью, в одном случае, уничтожение народа и его государственности, в другом – постепенную ассимиляцию абхазов. В отличие от других народов Союза ССР, абхазы сопротивлялись такой политике даже в сталинско-бериевские времена, в период тотального авторитаризма. Акад. Т. Ачугба по этому поводу подчеркивает: «… Благодаря высокому национальному самосознанию, абхазы никогда не соглашались с их бесправным положением в составе Грузии и продолжали борьбу за освобождение от тбилисского диктата. Свидетельством тому служат беспрецедентные для советского строя политические акции: письма – обращения, протесты, многолюдные митинги, сходы в 1931, 1947, 1952, 1956, 1964, 1967, 1977–79, 1989 годах с требованием восстановления справедливости, и, прежде всего, выхода из состава Грузии»[1].

В первой главе исследования также отмечается, что характерной особенностью прежних выступлений было коллективное руководство представителей интеллигенции протестным движением. Руководство абхазской автономии в освободительном движении участия не принимало, и в целях самосохранения у власти дистанцировалось от него. Другое отличие заключалось в том, что это было сугубо национальное абхазское явление. Представители других национальных общин, составлявшие в республике довольно значительную долю населения, в национально-освободитель-

[1] Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы». Т. 1. (Сост., автор предисловия Ачугба Т. А.). Сухум, 2003. С. 14.

ной борьбе абхазов, за редким исключением, не участвовали. На последнем этапе освободительной борьбы, начиная с 1989 года, положение начинает кардинально меняться. Русскоязычное население – русские, армяне, греки и другие - постепенно, благодаря умелой и выверенной в интернациональном плане политике межнационального согласия, проводимого НФА «Аидгылара» и В. Ардзинба, после того, как он возглавил Абхазию, заняло солидарную с абхазами позицию. Опыт большого государственного деятеля, накопленный в Верховном Совете СССР, конечно же, пригодился в деятельности В. Ардзинба на посту руководителя абхазской автономии. Он прекрасно разобрался в ситуации: воспользовавшись тем, что грузинские политики своей недальновидной националистической риторикой и неконструктивными практическими действиями отталкивают от себя негрузинское население, оперативно и четко определил совершенно противоположную программу действий. Понимая мысли и чаяния простых людей, В. Ардзинба использовал такие убедительные для населения аргументы и факторы, как справедливая кадровая политика, провозглашение принципов интернационализма в общественном укладе. Весьма действенно сказывалась и его благожелательная риторика по отношению к русскоязычному населению, к проектам по новому Союзному договору, русскому языку, как языку межнационального общения. Регулярные выступления Владислава Григорьевича по отмеченным проблемам на сессиях Верховного Совета, в печати, на радио и телевидении с большим удовлетворением воспринимались населением республики. Так, постепенно, грузинская община в Абхазии практически осталось без единомышленников из числа общественно-политических организаций русских, армян, греков… Абхазы же, в свою очередь, заручились поддержкой этих самых национальных групп населения. Так сказалась роль личности В. Ардзинба на процессы консолидации в национально-освободительном движении на его завершающем этапе.

Как свидетельствует богатый исторический опыт национально-освободительных движений народов, личность играет важнейшую роль в борьбе за свободу и независимость наций. В авангарде освободительной борьбы, как правило, находятся элиты народов, в первую очередь представители творческой и научной интеллигенции. Движущей же силой, способствующей всеобщей консолидации, является симбиоз усилий передовой части народных масс, элиты общества, и что обязательно, наличие в кульминационный момент признанного национального лидера. Без последнего фактора освободительная борьба народов малоэффективна, поэтому все национально-освободительные революции и войны, приведшие к свободе и независимости, связаны с именами исторических личностей. Свидетельством тому – вся история национальных движений за независимость: Махатма Ганди у индусов, Мао Цзэдун у китайцев, Линкольн у американцев, братья Кастро у кубинцев и многие другие выдающиеся лидеры своих народов. В этом плане не исключение и абхазский народ, за свободу которого отдал свою жизнь выдающийся представитель новейшей истории абхазов, основатель современного абхазского государства Владислав Ардзинба.

Следует отметить также немаловажное значение средств массовой информации в пропаганде задач национально-освободительного движения, организации борьбы абхазского народа за свободу и независимость от грузинской метрополии. Отчетливо осознавал эту проблему Владислав Григорьевич еще задолго до того, как стал главой Верховного Совета Абхазии в декабре 1990 года. В то сложное время официальные партийно-советские средства массовой информации автономной республики в основном обслуживали интересы грузинской метрополии. Грузинское господствующее засилье тогда чувствовалось во всех сферах жизни и деятельности республики: в экономике, политике, управленческой сфере. То же самое положение наблюдалось и в абхазских

СМИ, которые, в соответствии с партийными директивами, вынуждены были проводить прогрузинскую информационную политику, таким образом, обслуживая цели и задачи метрополии. В ту пору полную поддержку оказывали освободительному движению абхазов несколько печатных изданий: газеты Народного Форума Абхазии (НФА) – «Аидгылара» и «Единение», Гудаутская районная газета «Бзыбь», Гагрская городская «Авангард».

Началом новой информационной политики в Абхазии можно считать создание в 1989 году по инициативе народного депутата СССР В. Ардзинба и Председателя Президиума Верхового Совета автономной республики В. Кобахия газеты «Абхазия» – первой официальной газеты Верховного Совета, выведенной из сферы влияния грузинской метрополии. Позже, с 14 сентября 1991 года, начала издаваться государственная газета «Республика Абхазия», созданная Владиславом Григорьевичем. Главная абхазская газета «Апсны капш» - орган Абхазского рескома партии, отведенная В. Ардзинба от репрессии, связанных с публикацией материалов ГКЧП, в том же сентябре переходит в непосредственное подчинение Верховного Совета Абхазии и издается под логотипом «Апсны». Телевидение и радио, также городские и районные газеты, выходящие на абхазском и русском языках, в ту пору всецело разделяют политический курс абхазского руководства. Кроме того, новую информационную политику В. Ардзинба поддерживают и средства массовой информации общественных организации всех национальных общин республики, за исключением грузинских газет: республиканской «Абхазетис хма» и нескольких районных: Гульрипшской – «Дроша», Сухумской – «Комунистури шрома», Гальской – «Ленинели». Таким образом, со второй половины 1991 года на абхазском информационном поле доминируют средства информации, полностью разделяющие идеи и установки национально-освободительного движения, неформальным лидером которого с того времени становится Владислав Ардзинба – Председатель Верховного Совета Абхазии.

Предвоенные годы (1989–1992 гг.) можно определить, как полагаем, органичной частью завершающего этапа национально-освободительного движения абхазского народа. Этот период борьбы против тайных и явных планов Грузии по окончательному покорению абхазов и демонтажу их государственности принял характер жесткого противостояния грузин и абхазов. Раньше, к примеру, в 60 и 70 годы, коммунистическое руководство метрополии все же шло на определенные компромиссы. В этом плане следует отметить постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР по Абхазии (документ был принят в 1978 году), в соответствии с которым в республике был открыт Абхазский университет, создано Абхазское телевидение, произошли также некоторые другие преобразования. Однако, основное политическое требование абхазского народа и его элиты о выводе абхазской республики из состава Грузинской ССР, выраженное в адрес высших властных органов Советского государства в т. н. Письме «Ста тридцати» (10 декабря 1977 года), не было рассмотрено. Более того, такая постановка вопроса представителями абхазского народа вызвала очередной виток гонений против абхазской элиты со стороны, как грузинского ЦК партии, так и подконтрольного ему абхазского обкома КП Грузии. А в конце 80-х и в начале 90-х годов минувшего века тбилисское партийно–советское руководство, находившееся под основательным влиянием грузинского агрессивного национализма, окончательно скатилось к идее силового решения «абхазского вопроса». Профессор С. Лакоба, анализируя ситуацию того периода, в частности, отмечает: «С крушением советской империи, как и после развала царской, вновь до крайности обострились грузино-абхазские противоречия, которые привели к столкновениям (июль 1989 г.), а затем и к кровопролитной войне (1992–1993 гг.)»[1].

Именно в это тревожное время, когда уже начали сгущаться тучи над великой страной, когда советской державе оставалось

[1] С. Лакоба. Абхазия после двух империй. XX–XXI вв. Саппоро, 2004. С. 7.

существовать всего несколько лет, на Союзной и Абхазской политической авансцене появляется неординарная и знаковая личность – Владислав Григорьевич Ардзинба. Владислав - крупный ученый-хеттолог, возглавил в силу объективных и субъективных обстоятельств освободительное движение абхазов в самый ответственный момент – в его завершающем этапе. И поставил перед собой судьбоносную задачу: «отвоевать» Абхазию у грузинской метрополии (по определению историка Е. Аджинджала, методом «реконкисты»), и, разумеется, мирным путем.

В рассматриваемые сроки в национально – освободительном движении произошли три знаковых события. Это – принятие на всенародном сходе в Лыхнашта Обращения в адрес партийного и советского руководства СССР (18 марта 1989 г.); выступление на 1-м съезде народных депутатов СССР представителя Абхазии В. Г. Ардзинба (2 июня 1989 г.); трагические столкновения 15–16 июля 1989 года или «малая» грузино-абхазская война. Все эти события – звенья одной и той же цепи, ускорившие процессы национально-освободительного движения абхазов против колониальных пут имперской Грузии. В этот временной отрезок стремительно рос качественный уровень абхазского движения за независимость от метрополии.

Вместе с тем, в то же время, можно сказать одномоментно, происходил процесс становления Владислава Ардзинба как влиятельного политика и государственного деятеля, вначале на Всесоюзной парламентской арене, затем в условиях абхазской республики. В качестве народного депутата, члена Президиума Верховного Совета СССР Владислав Григорьевич впервые за десятилетия в своем знаменитом выступлении обнародовал на всю советскую страну бесправное положение абхазского народа и его государственности в составе Грузинской ССР. Там же он доходчиво и аргументировано разъяснил, и не только аудитории съезда, но и всему советскому народу, что цели и задачи Лыхненского обращения никоим образом не противоречат чаяниям и интересам ос-

новной массы населения Абхазии. Отметим также весомую роль В. Ардзинба в организации защиты населения Абхазии от десятков тысяч вооруженных грузинских экстремистов, задействованных, не без согласия властей метрополии, в акции подавления абхазского народа 15–16 июля и, что в случае успеха, привело бы к демонтажу государственных структур автономной республики. И то, что внутренние войска МВД СССР, оперативно, в течение суток оказавшиеся на территории абхазской республики, не позволили реализовать тайные планы метрополии – прямая заслуга В. Ардзинба.

В тот период для успешного решения задач национально-освободительного движения необходимо было, как отмечалось выше, привлечь умы и сердца не только абхазов, но и потенциальных союзников – русских, армян, греков и других. То есть тех, кто, еще пребывая на распутье, размышлял: включиться им в борьбу против господства метрополии вместе с абхазами или, заняв стороннюю позицию, дождаться лучших времен. Разумеется, Владислав Григорьевич четко осознавал: для того, чтобы развернуть в свою сторону широкие слои населения нужны были веские, серьезные, убедительные слова, аргументы и призывы к объединению. И они должны были зазвучать на митингах и собраниях, на страницах газет, в передачах радио и телевидении, причем на постоянной основе. Посредством пропагандистской и разъяснительной деятельности, в том числе и на страницах средств массовой информации – только так можно было поднять людей, вдохновить их на то, чтобы собраться с силами для защиты своих коренных интересов и прав. Причем, в той обстановке, когда грузинские ультранационалисты Гамсахурдия, Костава, Натадзе, Чавчавадзе, Чантурия, Бакрадзе и другие, во весь голос откровенно угрожали абхазам новыми репрессиями. А один из них – Мераб Костава прямо заявил: «Мы устроим черный день кучке абхазских сепаратистов! Этим абхазцам на самом деле не хватает угла, пусть они на самом деле скажут спасибо, что живут на нашей земле. Пусть они просят грузинское

правительство, а не русское правительство, если они что–нибудь хотят. Они живут в Грузии и всякие вопросы должны решать через грузинское правительство. Мы научим абхазов уму-разуму!!! Здесь господствует грузинское, а не русское правительство!!!»[1].

Наверное, после таких заявлений население республики стало осознавать, за исключением грузин, что эти угрозы касаются не только абхазов. В этот же предвоенный период новый масштаб приобрела фальсификация истории Абхазии. Это была, по определению С. Лакоба, «настоящая битва между грузинскими и абхазскими учеными», перенесенная со страниц научных изданий в средства массовой информации. Ежедневно печать, радио и телевидение Грузии провоцировали абхазов, заявляя, что они «гости» на грузинской земле, что они «апсуйцы» и их нужно лишить даже «автономии»[2]. В то же время, тем абхазским ученым, готовым дать отповедь грузинским фальсификаторам истории, отказывали в этом не только на страницах грузинских СМИ, но и в редакциях официальных органов печати абхазской республики. В частности, такое происходило перманентно в редакции газеты «Советская Абхазия», в бытность ее редакторами Семенова, Ермашкевича, Гаввы. Последний возглавил, к тому же, во время грузинской оккупации столицы Абхазии, коллаборационистское издание под названием «Демократическая Абхазия».

Так была выстроена в пост сталинскую эпоху и вплоть до грузино-абхазской войны политика психологического давления по отношению к абхазскому народу: подвергались дискредитации государственность, язык, культура и духовная сфера абхазов. Проводили эту кампанию агрессивного национализма грузинская политическая элита и интеллигенция, вдохновителями и организаторами являлись тогдашние неформальные и действующие во

[1] Важная веха в истории Абхазии. Сборник документов и материалов. (Составитель и автор предисловия Б. Е. Сагария). Сухум, 2002, С. 26.

[2] С. Лакоба. Абхазия после двух империй. XX–XXI вв. Саппоро, 2004. С. 38 – 39.

власти лидеры Грузии. Это обстоятельство диктовало необходимость создания защитных механизмов, в том числе свободных от грузинского диктата средств массовой информации, выработки активной информационной политики, способной отстаивать права и интересы абхазского народа и абхазской государственности. Анализируя ситуацию предвоенного периода, доктор исторических наук А. Авидзба отмечал: «Опасения абхазов по поводу сохранение родного языка, национальной самобытности и культуры приобрели весьма реальные очертания… Возникла необходимость противодействия такому давлению на качественно новом уровне… Одно из ведущих мест в этом процессе занимали сотрудники Абхазского института языка, литературы и истории, который, как считает С. Червонная «(особенно после избрания его директором в 1988 г. Владислава Ардзинбы) стал… идеологическим штабом абхазского сепаратизма»[1].

Заблуждалась Червонная, называя «штабом абхазского сепаратизма» Абхазский НИИ в эпоху директорства В. Ардзинба, или, скорее всего, ангажированный автор не захотела увидеть, что в лице ученого сообщества, руководимого Владиславом Григорьевичем, был создан штаб по противодействию планам метрополии, направленным на подавление абхазского народа и демонтаж его государственности.

В начале декабря 1990 года В. Ардзинба избирается председателем Верховного Совета Абхазии и становится фактическим главой республики. С этого периода он энергично берется за реформирование общественно-политических структур, социально-экономической сферы, значительное внимание также уделяет перестройке деятельности средств массовой информации. В свете проводимой им новой информационной политики Владислав Григорьевич лично определял стратегические и тактические зада-

[1] А. Ф. Авидзба. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга I. Сухум, 2013. С. 70.

чи абхазских средств массовой информации. К примеру, стратегическими задачами СМИ в предвоенную пору, судя по тому, на что делал ставку В. Ардзинба, являлись пропаганда и освещение процессов укрепления политических и экономических основ суверенитета и независимости абхазской государственности. Большое значение придавалось также содействию силами средств информации политическому единению русскоязычных общин Абхазии на основе программных установок национального движения и руководства автономии, имевших целью равноправное и свободное сосуществование всех народов абхазской республики. СМИ также, можно сказать регулярно, выполняли и тактические установки В. Ардзинба, иной раз и приватные, о которых был осведомлен разве лишь узкий круг из числа руководителей средств информации. И еще такая характерная особенность в деятельности СМИ со времени их реформирования. Если раньше газеты, радио и телевидение работали с оглядкой на структуры, контролируемые метрополией, то теперь, с приходом во власть В. Ардзинба, на первый план выдвигались интересы абхазского общества и государства. В этой связи следует отметить, что, как государственные газеты, радио и телевидение, так и различные общественно-политические издания, единым фронтом вели бескомпромиссную полемику с имперскими фальсификаторами абхазской истории и культуры, отрицавшими также абхазскую государственность в прошлом и в настоящем времени. Таким образом, абхазская научная и творческая элита в завершающем этапе освободительной борьбы получила широкую и эффективную возможность отвечать на лженаучное и псевдо культурное мракобесие титулованных представителей грузинской интеллигенции: историков, писателей, публицистов – со страниц абхазских СМИ, чего не было в течение многих лет грузино-абхазского сосуществования. В результате столь эффективной информационной политики общий разовый тираж печатных изданий, поддерживавших курс В. Ардзинба, достигал внушительной цифры – около 100 тысяч экземпляров.

Таковым оказался результат новой информационной политики национального лидера, которую он начинал реализовывать, как уже упоминалось, еще до прихода к власти в республике. Этот огромный успех, полагаю как очевидец и участник событий того периода, стал возможным исключительно благодаря политической воле, решительности, организаторскому таланту Владислава Григорьевича.

Верхи грузинской метрополии, тот же самый многоопытный в коварстве Эдуард Шеварднадзе, видели за год–два до войны, что «перестройка» наиболее важных сфер абхазской автономии: политического, экономического, социального, информационного укладов, затеянная В. Ардзинба, ведет абхазов к заявленной ими цели – восстановлению суверенитета, обретению былых прав и свобод абхазской республики. Этого допустить было нельзя, и метрополия решилась предпринять упреждающие меры. Глава грузинского Госсовета по этому поводу наверняка столковался со своими союзниками, поддержавшими, неофициально, конечно, намерение «образцового» демократа проучить «сепаратистов», чтобы другим неповадно было. В 90-е годы прошлого столетия в одном из своих интервью, вскрывая роль Шеварднадзе, как зачинателя агрессивной войны, Владислав Григорьевич также подчеркивал и меру вины его политических пособников таким образом: «Я уверен, что он получил на это полное согласие. Наверно, с лидерами могущественных государств обсуждался такой вопрос. Допускаю, Шеварднадзе заверил их, и разрешение на это не заставило себя долго ждать. Мы же не наивны: хорошо понимаем – достаточно было одного звонка, чтобы танки остановились. Судья по всему, такого звонка не было. Я же пытался в этот день, 14 августа 1992 года, дозвониться до Тбилиси, но никто не брал трубку. И я понял, что «старшие братья» демонстрируют: Абхазия – наглядный пример того, как будут наказаны другие, если появится у кого-либо мысль отделиться от «извечной» территории»[1].

[1] В. Чамагуа. Эпоха Владислава. Хроники. Сухум, 2013. С. 199.

Так руководство Грузии в лице нелегитимного Госсовета, опасаясь, что строптивая Абхазия способна мирным путем обрести политическую и экономическую независимость, бросила вероломно, без объявления войны, свои военные формирования на беззащитную республику. И 14 августа 1992 года началась война, вошедшая в новейшую историю как Отечественная – для оборонявшихся абхазов и захватническая – для грузин.

«Бросок «малой империи» на мирную Абхазию был предпринят, надо думать, не только как закономерное продолжение политики грузинских агрессивных националистов. (К слову сказать, определение «грузинские агрессивные националисты» было впервые введено в оборот на страницах газеты «РА» по предложению Владислава Григорьевича, заметившего при этом, что таков наш ответ на грузинское высказывание – «абхазские сепаратисты»). Силовой вариант подавления абхазов – это был, безусловно, продуманный план «Белого лиса» (Шеварднадзе), состоявший в том, чтобы воспользовавшись крушением великой советской страны, раз и навсегда решить «абхазский вопрос». В той титанической оборонительной войне, развернутой небольшим народом и его лидером против агрессора, весомой оказалась и роль абхазских СМИ по информационному обеспечению борьбы защитников Отечества. Об информационной политике главы борющейся с врагом республики, о том, как средства информации Абхазии освещали события военной поры, говорится во второй главе данной монографии.

Задачи средств массовой информации в условиях войны формулировались, можно сказать, в унисон с принятыми с первых дней грузинской агрессии решениями Верховного Совета Абхазии и его председателем. В соответствии с ними выходило, что стратегической целью абхазских СМИ становилась пропаганда всемерной защиты Родины. Именно об этом говорил Владислав Ардзинба в своем Обращении к народу в первый день войны: «… Мы должны выстоять в этот трудный час, и мы выстоим, мы нанесем поражение тем, кто сеет смерть и разрушение в Абхазии…»[1]. Это была установка национального лидера абхазов на организацию сопротивления. Вместе с тем В. Ардзинба с начала агрессии неоднократно заявлял о главном условии завершения войны, сформулированного им в таком ключе: вначале безоговорочный вывод всех грузинских войск с оккупированной территории Абхазии, и только затем - стол переговоров с грузинами. Это условие также стало главным рефреном в деятельности абхазских СМИ, то есть стратегической задачей по обеспечению информационной и пропагандистской поддержки в формировании общественного мнения о справедливом характере освободительной войны народа Абхазии в ближнем и дальнем зарубежье.

Тактические задачи абхазских СМИ вытекали из многочисленных заявлений, обращений и выступлений главы Абхазии, парламента и правительства республики. Это - информационная война с грузинскими СМИ, разоблачение акта агрессии со стороны Тбилиси, антиабхазской шовинистической политики оккупационных властей, в целом руководства Грузии, информирование о фактах геноцида и злодеяний на оккупированной территории и ряд других аспектов, связанных с выходом на зарубежье (абхазское радио), тесное сотрудничество с российскими СМИ и т.д. Это были важные задачи, ибо население и общественность западных стран имели явно смутное представление о подоплеке грузино-абхазских противоречий. А политические элиты западных стран, что не было секретом, ценили главу Госсовета Грузии, как одного из разрушителей «империи зла». По этому поводу А. Авидзба отмечает: «Этот момент является очень показательным для определения позиции СМИ и общественности европейских стран…», и приводит в доказательство высказывание влиятельной американской газеты: «На Западе, как отмечает обозреватель «Вашингтон пост» М. Доббс, Э. Шеварднадзе имеет хорошую репутацию, поэтому вряд

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. в документах. Сухум, 2004. С. 5.

ли можно ожидать каких-либо мер воздействия на Грузию. Кроме того, для западных политиков аргументы Грузии о необходимости защитить свой территориальный суверенитет звучат достаточно убедительно. У нас считают, что Абхазия – это часть Грузии»[1].

Такое отношение мирового сообщества к тому, кто военным путем пришел к власти в Грузии, в значительной мере была обусловлено, вне всякого сомнения, имиджем Э. А. Шеварднадзе, возведенного западными средствами информации в ранг одного из самых «продвинутых демократов» на всем пространстве бывшего Союза ССР (после Горбачева и Ельцина, разумеется). Что уж там говорить о Южном Кавказе! Главе незаконного Госсовета Грузии была обеспечена всемерная поддержка самых влиятельных политиков мира, включая президентов США и России. Ангажированные российские газеты и телеканалы, также как и на западе, пели осанну «хитрому лису», предавшему советское государство. Потому, естественно, ему был выдан Западом и Ельцинской Россией картбланш на усмирение абхазов по своему усмотрению. И Грузия, уже не стесняясь и ничего не опасаясь, применила самые жесточайшие методы расправы над населением своей подопечной территории. С. Лакоба в связи с этим отмечает: «С первого дня агрессии они (грузинские военные – В. Ч.) расстреливали мирных граждан, подвергали их пыткам и насилиям, сжигали дома и села, чинили расправу не только над абхазским, но и над армянским, русским, греческим, еврейским населением. На оккупированной территории производились этнические чистки. Помимо физического истребления проводилась и политика культурного геноцида. Уничтожались памятники истории и культуры абхазского народа, музеи и библиотеки, громились, грабились и сжигались театры, институты, школы, архивы, университет…»[2].

[1] А. Ф. Авидзба. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга I. Сухум, 2013. С. 558.

[2] С. Лакоба. Абхазия после двух империи XX – XXI вв. Саппоро, 2004. С. 14 – 15.

Несмотря на огромное людское и военно-техническое превосходство противника, задуманного Тбилиси блицкрига не получилось. Абхазы, постепенно оправившись от шока, вызванного вероломным нападением многочисленных соседей, от обороны перешли к наступательным действиям. На наш взгляд, этому способствовали три главных фактора, оказавших самое реальное влияние на исход войны. Первые два фактора, надо полагать, равновеликие: это сплоченность народных масс и руководство сопротивлением врагу, осуществляемое выдающимся национальным лидером. И еще один важный фактор – поддержка – военная, духовная, материальная – со стороны братских народов Северного Кавказа. Все это в целом стало катализатором массового и героического сопротивления защитников маленькой страны: абхазов, абазин, адыгов, чеченцев, осетин, русских, казаков… О том, развязывая «блицкриг», не могли и подумать верхи России, Грузии, и их западные единомышленники. И потому в начале войны, в ответ на предупреждения руководства КГНК о необходимости вывода грузинских войск из Абхазии, Шеварднадзе, уже чувствовавший себя покорителем абхазов, небрежно бросил в адрес Конфедерации, что сама организация и ее формирования, не что иное, как бумажный тигр. Но когда средства информации – абхазские, российские, грузинские – поведали широкой мировой общественности содержание приказа лидеров КГНК о переброске военных формирований добровольцев через горы на помощь абхазам, глава Госсовета явно растерялся, заговорив о том, что с подобным явлением никогда в жизни не встречался. Подобный массовый подъем в поддержку Абхазии оказался неожиданным и для Российского руководства, пришедшего в определенное замешательство, и не придумавшего ничего лучшего, нежели заключение под арест президента Конфедерации Горских народов Кавказа Мусы Шанибова. Эта акция как раз, подлив масла в огонь, накалило и так непростую общественно-политическую ситуацию в северо-кавказских республиках, следствием чего добровольческое движение приняло еще

более массовый характер. По сообщениям средств массовой информации, в Нальчике, Грозном, Черкесске, Майкопе по призыву КГНК и по доброй воле шло формирование и вооружение отрядов, групп и команд, тотчас отправлявшихся в зону боевых действий. Так, 15 августа, с группой кабардинских добровольцев через российскую границу по реке Псоу прорвался начальник военного отдела Конфедерации полковник Султан Асламбекович Сосналиев, который на следующий день по приказу В. Ардзинба был назначен начальником штаба абхазского ополчения. В первые дни войны, пишет военный историк В. Пачулия «… в Грозный за оружием приехали около 150 добровольцев из Нальчика на трех автобусах, во главе с известным бизнесменом Ягановым Ибрагимом и членом Конгресса кабардинского народа полковником Каширговым. Через некоторое время в Грозный прибыло до 150 добровольцев из Адыгеи»[1].

О тяжелой, трагической ситуации, сложившейся в Абхазии в начальный период войны сообщает глава борющейся республики и своему народу, и мировому сообществу посредством своих многочисленных заявлений, пресс-конференций и интервью. В том числе и абхазским средствам информаций: газетам, радио и телевидению. Он отмечает неравенство сил, отсутствие поддержки по отношению к Абхазии Ельцинского руководства. И, тем не менее, невзирая на вроде бы безысходную ситуацию, у национального лидера «не было сомнения в необходимости сопротивления всеми имеющимися на тот момент силами и средствами, которых катастрофически не хватало»[2]. На одной из своих пресс-конференций в первые дни войны В. Ардзинба прямо и твердо заявил: «… Вообще это война хорошо вооруженной и обученной армии противник, по сути, гражданского населения, глубоко безнравственна и бесчеловечна, но мы будем защищать Родину до конца…»[1].

[1] В. М. Пачулия. Грузино- абхазская война 1992–1993 гг. (боевые действия). Сухум, 2010. С. 313.

[2] В. З. Чамагуа. Слово лидера. // Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 10.

О том, кто вооружил агрессора, ринувшегося затем на Абхазию, откуда родом все несчастия абхазов, и о моральной ответственности тех, кто направил «карающий» меч агрессора, кто его опекал и снабжал смертоносным оружием громко и откровенно говорит Ардзинба на пресс–конференции в конце августа 1992 года: «Нам известно, – сообщает он, – что за несколько дней до вторжения в Абхазию войскам Госсовета из Ахалцихе была передана танковая дивизия. Сейчас сюда перебрасывается и такое оружие массового уничтожения, как ракеты «ГРАД». Мир должен знать о том, что 80 процентов погибших в Абхазии – это мирные жители»[2].

Следует отметить, что заявления, выступления на телевидении и радио, публикации в печати главы Абхазии становились программой действий для абхазских СМИ. В. Ардзинба обладал великолепной способностью расставлять акценты в той или иной ситуации, четко определять значимые проблемы, оставляя на потом второстепенные. Во вступительной статье автора данной работы, опубликованной в книге В. Ардзинба «Мы шли на смерть, чтобы жить», говорится о том, какие установки национального лидера становились программой деятельности абхазских журналистов в военный период. В упомянутой статье, в частности, отмечается: «Публикации В. Ардзинба военной поры убедительно раскрывают масштаб многогранной деятельности лидера воюющего народа, направленной на достижение главной цели. А она известна – это безоговорочное освобождение страны от оккупантов. В этом Ардзинба непоколебимо тверд и непреклонен[3].

Война с агрессором длилась долгих тринадцать с половиной месяцев. С большими, невосполнимыми потерями, в первую очередь людскими, а затем уже материальными, враг все же был раз-

[1] Там же. С. 10.

[2] Там же. С. 10.

[3] Там же. С. 10.

громлен и выдворен за пределы Абхазии. На поле брани сложили свои головы две тысячи защитников Родины. Тысячи бойцов были ранены и покалечены. Внес свою лепту в победу над врагом и журналистский корпус республики, были среди них погибшие и раненые. Достойно отметились на «абхазской» войне и журналисты из ближнего и дальнего зарубежья: из России, Турции, Северного Кавказа, Юга России, Татарстана, Башкортостана, Карелии и других мест. Но немало было и тех, кто отрабатывал заказными публикациями в тех же российских СМИ, в средствах информации западных стран, разумеется, не в угоду только Грузии, а все больше ради того, чтобы поддержать «образцового демократа» в его стремлении навести «грузинский порядок» на абхазской земле. Но у Шеварднадзе, у этого, по меткому определению российского журналиста из «Правды» Александра Шинкина, «витязя в лисьей шкуре», ничего из задуманного не получилось. Его воинство с позором было изгнано из страны абхазов. И вот, словно в назидание за Победу над «кумиром», Абхазии, в наступивший поствоенный период, усилиями почти всего мирового сообщества, установили жестокую блокаду: политическую, экономическую, информационную.

Много сил и энергии отдал Владислав Ардзинба в борьбе с коварными планами великих держав, задумавших «мирным» путем, коли военным не удалось, сломить упорство абхазов, вновь вернуть свободную республику в лоно грузинской «малой империи». И в то же время, заметим, Ардзинба создавал государственные институты власти, налаживал разрушенную войной экономику, выстраивал, дабы пробить блокаду, эффективную информационную политику. Об этом рассказывается в третьей главе данной работы.

Стратегическая цель средств массовой информации в ту пору, надо думать, вытекала опять-таки из речей и выступлений национального лидера, в которых основной лейтмотив определялся как необходимость и целесообразность пропаганды и освещения процессов строительства новой абхазской государственности. На это, в первую очередь, были нацелены государственные газеты

«Апсны» и «Республика Абхазия», Абхазское телевидение и радио, районные и городские газеты республики. Эпоха блокадных 90-х вошла в нашу историю как время знаковых событий, инициатором которых являлся глава страны. И принятие новой Конституции, разделение ветвей власти, введение в структуру власти должности президента страны, проведение всенародного референдума и принятие Акта о независимости Республики Абхазия – все это, безусловно, свершено по воле национального лидера и под его непосредственным руководством. Это были смелые политические шаги, закладывавшие основу государственности, создававшие перспективу для будущего признания независимости Абхазии другими странами и международными организациями. В этом плане государство Республика Абхазия сегодня существует и по форме и по содержанию, коими наделил его в свое время Первый Президент В. Ардзинба.

В то же время, официальные газеты и телевидение занимались также и освещением текущих вопросов, часто принимавших важное, а иной раз, в кризисные моменты, и первостепенное, общегосударственное значение. Например, в то время на первом плане у средств массовой информации находилась тема безопасности страны, связанная с угрозой повторной агрессии Грузии. Большое внимание также уделялось руководством Абхазии переговорному процессу между Тбилиси и Сухумом, инициированного ООН и ведущими странами мира: Россией, США, Германией, Англией, Францией. В то время, учитывая непростую политическую ситуацию и информационную блокаду, В. Ардзинба был на постоянной связи со средствами массовой информации. Случалось иной раз так, что в течение недели глава Абхазии не единожды созывал журналистов, как местных, так и зарубежных, на свои пресс–конференции и брифинги. Между ними успевал побеседовать с корреспондентами российских СМИ, и дальнего зарубежья, также местными журналистами. Подготавливая материалы для сборника интервью и выступлений В. Г. Ардзинба «Мы шли на смерть, чтобы

жить» я подсчитал, что только в газете «Республика Абхазия», которой, кстати, он никогда и ни в чем не отказывал, за анализируемый период было напечатано 106 его интервью, бесед, зарисовок, аналитических материалов. Иной раз, замечу, и он сам печатался на страницах «РА» под различными псевдонимами.

… Блокада, тяжелый переговорный процесс, постоянные провокации и вражеские рейды на приграничную территорию – все это, безусловно, требует постоянного внимания национального лидера, оперативного принятия адекватных решений. А это так непросто сделать главе небольшого государства, находящегося под жестким давлением союзников Грузии – могущественных мировых центров силы, не приемлющих стремления абхазов жить свободно и независимо от прежней метрополии. Этот период активной политической и дипломатической деятельности Владислава Григорьевича так комментирует помощник главы государства А. Таниа: «После Победы в освободительной войне В. Ардзинба избрал стратегию малых шагов и затягивания процесса политического урегулирования. Ему все время приходилось прибегать к действиям, направленным на снижение очень сильного внешнеполитического и экономического давления, как со стороны России, так и Запада, которое было способно в одночасье раздавить Абхазию и похоронить все надежды народа на свободу и независимость. Поэтому Абхазия в ходе переговоров постоянно выступала с различными инициативами, то по вопросу возвращения беженцев, то по созданию конфедеративного государства, то по формату переговорного процесса. Все эти предложения должны были дать абхазской стороне необходимую передышку. Время показало эффективность этой стратегии, которая позволила, как часто говорил Владислав Григорьевич, «довести наш корабль до спокойной воды»[1].

[1] А. Г. Тания. Предисловие. // Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 6.

О том, какое давление испытывала Абхазия в послевоенное время, В. Ардзинба рассказывал практически во всех своих интервью, опубликованных как в абхазских СМИ, так и зарубежных. К примеру, на вопрос украинского журналиста об отношениях с северным соседом, он отвечает, что «в России есть разные силы. Народ, я убежден, относится к нам с большой симпатией. А что касается лидеров – не буду скрывать: есть силы, заинтересованные в поддержке напряженности в Абхазии. И мы знаем эти силы». И продолжает далее: «У нас есть два пути: полная независимость Абхазии и возможные поиски компромиссных решений с Грузией. Но мы не допустим, чтобы наши дальнейшие отношения строились по принципам отношений между метрополией и колонией. Конечно, это надо рассматривать за столом переговоров, возможно, путем референдума, но не давлением, не физическим уничтожением»[1].

В послевоенное время тематический диапазон средств массовой информации оказался много шире и разнообразнее. Тогда, во время войны, перед нами стояла одна главная задача: и наши военные, и политики, и журналисты – все общество было нацелено на то, чтобы выстоять перед агрессором, защитить родину, нанести поражение врагу. Теперь, в наступивший мирный вроде, но тяжелый блокадный период перед государством возник целый комплекс тяжелейших и сложнейших проблем. Некоторые из них, находившиеся на контроле мировых держав, являвшихся друзьями Грузии, надо прямо сказать, были неразрешимыми. Об этом прекрасно знал В. Ардзинба, отметивший наступившее время глубоким по смыслу и значению определением: «Самое страшное – позади, самое трудное – впереди». Эта краткая формула заключала в себе два временных отрезка: период, когда встал трагический вопрос: быть или не быть абхазскому народу. Тогда народ и его лидер, кровью и плотью ощутив этот вызов истории, с честью выш-

[1] Л. Коханец. Газета «Голос Украины», 4 июля 1994 года.

ли из той, на первый взгляд, безысходной ситуации. Затем, после победы, наступили послевоенные блокадные условия, тяжелым бременем придавившие разрушенный войной хозяйственный комплекс. Народ оказался под жестким прессом политических и экономических санкций: вопреки правам человека на общепринятые свободы, цивилизованное мировое сообщество отказало абхазам в праве на передвижение в пределах той или иной страны. И все же, это нужно четко отметить, основная тяжесть давления мощных сил: России, США, Европейских стран, ООН, ОБСЕ, отстаивавших интересы Грузии, в ходе переговорного процесса испытывал каждодневно глава Абхазии. «Самое трудное» было в том, что национальному лидеру, снова повторимся, «друзьями Грузии» - ведущими странами Запада, ставились невыполнимые требования. Например, сильные мира сего пытались продавить планы по интеграции Абхазии в состав грузинской метрополии на правах «широкой автономии». Сопротивляться приходилось и требованию грузин и их союзников возвратить беженцев на всю территорию республики. Это было равносильно тому, что Тбилиси таким путем компенсировал бы свое военное поражение и возвратился к довоенному статус–кво в Абхазии. Этим реваншистским планам, дабы не вызвать новую грузинскую агрессию, надо было противостоять гибким политико-дипломатическим путем. И, что также было непросто, о хитросплетениях сложившейся драматической ситуации, о требованиях наших оппонентов, об абхазской позиции надо было информировать как собственное население, так и общественность ближнего и дальнего зарубежья. Здесь должны были сыграть значимую роль и абхазские и зарубежные СМИ. Глава Абхазии, осознавая такую необходимость, придавал большое значение активным контактам с различными СМИ именно на вышеупомянутом направлении. Ибо, как «глубокий аналитик В. Ардзинба прекрасно понимал: чтобы не сдать позиции страны–победителя и выстоять в борьбе с могущественными оппонентами, необходимы гибкая политика и информационный прорыв. И

он повел свою «игру», активно и умело используя информационное оружие: печать, радио и телевидение»[1].

Противостоя коварным замыслам грузинских политиков и их союзников, Владислав Ардзинба в то же время не забывал о союзниках абхазов. Он всегда испытывал чувство глубокой благодарности к братским народам Северного Кавказа, и в своих беседах с журналистами, выступлениях и речах, обязательно напоминал о вкладе братьев-добровольцев в Победу абхазского народа. Так, о неоценимой поддержке братских народов особенно образно и эмоционально он высказался в своей речи на втором Всемирном Конгрессе абхазо-абазинского (абаза) народа. В. Ардзинба, говоря об агрессии Грузии, прямо подчеркивал: «И в этот критический час, когда решалась судьба Абхазии, когда стоял вопрос о том – быть или не быть, - народы Северного Кавказа встали на защиту Абхазии»[2]. Также Владислав Григорьевич – глава маленькой непризнанной страны обращается к президенту Российской Федерации Б. Ельцину, предостерегая его от военного способа решения чеченской проблемы. В том послании В. Ардзинба, в частности, напоминая о прошлом чеченского народа, подчеркивает: «Сегодня, когда идет речь о судьбе целого народа, репрессированного в недавнем прошлом, не время искать правых и виноватых, главное – не допустить кровопролития»[3].

Средства информации республики в бытность В. Ардзинба у власти, руководствуясь высокими принципами дружбы и братства, о чем постоянно напоминал глава Абхазии, уделяли постоянное внимание укреплению крепких связей с родственными народами Северного Кавказа. Глава Абхазии в своих публикациях постоянно подчеркивал значение крепких уз с братскими наро-

[1] В. З. Чамагуа. Слово лидера. // Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 11.

[2] Газета «Республика Абхазия», 27 – 30 июля 1994 года.

[3] Газета «Республика Абхазия». 16 – 21 декабря 1994 года.

дами и потому не забывал напоминать о том, что они, эти связи, должны развиваться все же интенсивнее, чем это было в советский период. Также отмечая при этом, что они должны охватывать не только духовно–гуманитарные сферы, но и социально–экономические, политические. Именно таким образом ставил задачу перед абхазским обществом и средствами информации Первый Президент, считавший, что самым верным и надежным союзником абхазов, что повелось издревле, являлись наши братья – народы Северного Кавказа.

В послевоенное время, наряду с внешнеполитическими проблемами, Ардзинба также постоянное внимание уделял таким внутренним государствообразующим факторам, как укрепление и развитие государственных структур, экономики, социальной и духовной сферы, процессов демократии и народовластия. Эти темы постоянно находились в поле его зрения, особенно при встречах с журналистами, как местных СМИ, так и зарубежных. При этом, он выделял особняком две проблемы: одна – это перспективы признания Абхазии, другая – экономическая состоятельность государства. По поводу будущего признания независимости Республики Абхазия В. Ардзинба еще в далеком 1999 году прозорливо отметил следующее: «Некоторые в Москве думают, что признание Абхазии невыгодно для России, но это очень примитивная позиция. Это можно сравнить с позицией крупных мировых держав, которые в одном случае поддерживают принцип права нации на самоопределение, в других – высказывают какие–то условия. Думаю, что рано или поздно мы дождемся того, что Россия признает независимость Абхазии. И дождемся мы этого не от каких-то политических кругов, а именно от тех, кто будет руководить Россией»[1].

И это «признание» он представлял не как подарок судьбы, или каких–то там добреньких дядюшек, а как «закономерный результат жизнеспособности и устойчивости абхазского общества и государства. И в его понимании, как видим, в равной степени важны оба эти фактора»[1]. Поэтому, надо думать, в ряде своих выступлений, причем на страницах местных СМИ, то есть своему народу, он часто повторял: «Мы должны рассчитывать на самих себя, наш главный источник – это опора на собственные силы». И затем уверенно заключал: «Чем больше мы продержимся и чем больше мы сумеем сделать за это время – тем больше оснований надеяться на то, что мы станем (имеется в виду, что останемся, не сдадим позиций – В. Ч.) суверенным, независимым государством»[2].

В заключение отметим, что освещение и анализ деятельности главы Абхазии в области информационной политики во всем ее многообразии – дело сложное, и, скорее всего, в рамках одной заявленной работы, даже неподъемное. Имя и заслуги В. Г. Ардзинба – выдающегося политического и государственного деятеля – широко известны в мире. Задача же автора исследования состоит в том, чтобы отразить менее известные факты биографии лидера - его выдающиеся способности, позволившие эффективно использовать средства массовой информации в разные судьбоносные периоды завершающего этапа национально-освободительного движения абхазского народа.

В последующих трех главах данной работы делается попытка проанализировать некоторые аспекты деятельности СМИ во взаимодействии с национальным лидером в 1989 – 2005 гг., охватывающие предвоенный, военный и послевоенный периоды новейшей истории Абхазии.

---

[1] Газета «Республика Абхазия», 23 – 24 октября 1999 года.

[1] В. З. Чамагуа. Слово лидера. // Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 16.

[2] Там же.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В. АРДЗИНБА НАКАНУНЕ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОЙ ВОЙНЫ (1989 – 1992 гг.).

Знаковым, и в то же время трагическим оказался для абхазского народа год 1989-й. В его первой половине произошли два эпохальных события, оказавших огромное влияние на ускорение процессов освободительного движения: вначале, 18 марта, состоялся всенародный сход на исторической площади Лыхнашта, затем, 2 июня вся Абхазия и не только, затаив дыхание, слушала выступление Владислава Ардзинба на первом съезде народных депутатов СССР. После того прошло совсем немного времени, и в середине июля (15 – 16 числа) произошли трагические столкновения абхазов и грузин. Они были спровоцированы, как лидерами грузинского национального движения, так и партийными функционерами метрополии. Следует отметить, что эти два события – и Лыхненское Обращение, и выступление Ардзинба – имели целью в рамках Советского государства ослабить цепкую хватку грузинской «малой империи», и с помощью центральных партийных и советских органов наполнить номинальные властные полномочия абхазской автономии суверенитетом и правами, коими в ту пору обладали союзные республики. Таким образом, можно констати-

ровать, что на излете 80- х годов прошлого века национально-освободительное движение имело программной целью освобождение абхазского народа от грузинской колониальной зависимости. Свидетельством тому - решение самого массового схода абхазского народа за всю историю протестного движения в советский период, в котором участвовали до 35 тысяч человек. Участники схода, обращаясь к руководству СССР – Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачеву, Председателю Совета Министров СССР Н. И. Рыжкову, просили «… восстановить статус Советской Социалистической Республики Абхазия, каковой она была провозглашена в 1921 году, при жизни В. И. Ленина»[1].

Чуть позже, 2 июня, такую же постановку вопроса предпринял В. Г. Ардзинба на первом съезде народных депутатов СССР. Неимоверным усилием, добившись слова, и взойдя на Всесоюзную трибуну, В. Ардзинба, доселе больше известный как ученый, произнес поистине эпохальную речь, сразу поставившую его в ряд влиятельных политических и государственных деятелей не только своей страны, и Союза ССР. А тогда, сделав вначале исторический экскурс, состоявший из негативных, а порой и трагических, примеров ущемления прав и интересов, массовых репрессий против абхазского народа и его урезанной государственности в составе Грузинской ССР, оратор напомнил, что руководители союзной республики так и не извлекли уроков из прошлого. Более того, продолжил он, не прислушиваются они и к нынешним требованиям абхазского народа, обеспокоенного действиями в Абхазии т. н. поборников «демократии» из Тбилиси, пытающихся силой навязать свои новые идеи и порядки на абхазской земле. «Все это вместе взятое, – отмечал Ардзинба, – стало причиной того, что 18 марта 1989 года в селе Лыхны на исторической площади, где издревле решались важные для судеб народа вопро-

[1] Газета «Бзыбь», февраль – март 1989.

сы, был проведен санкционированный митинг, на котором было принято Обращение, направленное Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР и ряду научных учреждений… В нем была высказана просьба восстановить статус Советской Социалистической Республики, который Абхазия имела в 1921 году…»[1].

Далее Владислав Ардзинба, отвергая нападки официальных властей Грузии и неправительственных организаций, делавших все более настойчивые попытки силовым путем разобраться с абхазами и с их автономией, гибко и дипломатично, желая избежать излишней конфронтации, разъяснял суть и логику Лыхненского Обращения. Вернувшись к истории вопроса, он констатировал: «Вопреки утверждениям это означает не выход, а восстановление статуса договорной Абхазии. Такой статус, согласно договору 1921 года между Социалистической Советской Республикой Абхазия и Советской Социалистической Республикой Грузия, давал возможность Абхазии самостоятельно решать свою судьбу в случае возникновения вопроса о выходе другой союзной республики из СССР, потому что абхазский народ считает нахождение в СССР единственно возможным способом сохранения своей национальной самобытности»[2].

То, что аудитория съезда с удовлетворением (аплодисментами) отреагировала на заключительные слова абхазского депутата – несомненная заслуга его природного аналитического дара, заранее спрогнозировавшего умонастроения большинства депутатов, многие из которых были государственниками, поддерживавшими советскую власть в обновленном виде. Следующий же посыл В. Ардзинба, скорее всего, высказан им был для того, чтобы, на всякий случай, уберечься от упреков, как грузинской стороны, так и их союзников и покровителей, в, дескать, эгоистическом на-

[1] Абхазские письма (1947 – 1989). Сборник документов. (Составитель И. Марыхуба). Т. 1. Акуа (Сухум). 2004. С. 466.

[2] Там же. С. 466.

ционализме титульного народа, пожелавшего обрести некие политические дивиденды за счет других национальных групп населения. Еще раз, возвращаясь к смыслу Обращения, он настойчиво убеждал, думается, не только народных депутатов, но и население Абхазии, Грузии, всего Союза ССР, отмечая, что «… расширение прав республики – в интересах всего многонационального населения Абхазской АССР и не создает преимуществ какому–либо народу. Обращение ни в коей мере не направлено против грузинского народа, с которым мы желаем и в дальнейшем жить в мире и дружбе»[1].

И все же этот голос разума в Тбилиси не был услышан. В метрополии возобладали воинственные кличи, которые вскоре, всего через пару месяцев, претворившись в практическую программу антиабхазских действий, привели 15 – 16 июля 1989 года к межнациональным столкновениям и человеческим жертвам: были убитые и раненые с обеих сторон.

Тогда, впрочем, как и всегда после трагедии махаджирства, силы и возможности абхазов и грузин были не сопоставимы. В пределах своей Отчизны абхазское население более чем в два раза уступало числу грузин в Абхазии. И те, впрочем, даже в таких условиях, всякий раз уповали на помощь и поддержку сородичей из 4-миллионной метрополии. Надеясь на это численное преимущество грузин, проживавших в Абхазии, Тбилисское руководство попыталось перевести, под надуманным предлогом создания в Сухуме филиала ТГУ из грузинской части студентов и преподавателей Абхазского университета, эпицентр противостояния грузинских властей и неправительственных организаций из Тбилиси на абхазскую почву. В ту пору, после известных событий 9 апреля 1989 года, ослабевшая грузинская компартия, возглавляемая новым назначенцем Гумбаридзе, вместо отставленного Патиашвили, стремительно сдавала позиции провокаторам из НПО (Костава,

[1] Там же. С. 467.

Гамсахурдия, Церетели, Чантурия, Натадзе и др.), которые уже чувствовали себя вершителями новой истории Грузии. Вначале ими был ловко подставлен генерал Родионов, оказавшийся «козлом отпущения» в связи с разгоном войсками митинга в Тбилиси 9 апреля.

На самом деле, такому исходу ситуации способствовал Шеварднадзе, имевший свой сценарий развития ситуации и явно не в интересах союзного центра. Грузинское национальное движение с большим рвением исполнило ту самую роль, которую ему предназначили, чтобы дискредитировать «имперскую» Москву. Что, собственно говоря, и произошло. И чему посодействовал сам центр, то есть комиссия Президиума Верховного Совета СССР по расследованию событий 9 апреля, заключившая, что «Бюро ЦК Коммунистической партии Грузии и бывший первый секретарь превысили свои полномочия при принятии решения о проведении операции и определении ее руководителя». Таким образом, заигрывания с неформалами привели к сдаче республиканских властей, виновницей апрельских событий была объявлена и советская армия. Правда, позже комиссия съезда народных депутатов СССР, под руководством А. Собчака пришла к выводам, что «уголовную, политическую, моральную и иную ответственность за свои действия должны нести организаторы несанкционированного митинга...»[1].

Новые власти Грузии попытались, было, осудить неформальных лидеров, но после недолго продолжавшегося ареста, они вскоре были выпущены на свободу. Понадобились, выходит, их услуги в борьбе с «непокорными» меньшинствами, мешавшими реализации генеральной линии – выходу Грузии из состава Союза ССР. На очереди оказалась Абхазия, которая в марте изъявила желание восстановить свой прежний статус – Советскую

[1] А. Ф. Авидзба. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга I. Сухум, 2013. С. 95.

Социалистическую Республику в составе СССР. Подобные процессы происходили на всем пространстве Советского Союза, особенно в Российской Федерации, глава которой Борис Ельцин, видимо, заигрывая с лидерами входящих в Российскую Федерацию республик в угоду своим тогдашним политическим амбициям, щедро предложил этим автономным образованиям столько суверенитета, сколько они смогут освоить. Получалось, что абхазцев особо и обвинить было не в чем. Но не таковы грузины. Их лидеры, крепко усвоившие провокационные приемы, настойчиво пытаются вбить в сознание своих сородичей, что события 9 апреля – следствие Лыхненского Обращения. И в Москве пытались подыграть в том. Например, заядлый партийный борец с пьянством и виноградниками Е. Лигачев, ударившись в несвойственные ему политические игры, утверждал, что «эти события (9 апреля – В. Ч.) были спровоцированы национальным движением в Абхазии за выход из состава Грузинской ССР, чтобы войти в состав РСФСР»[1].

Надо думать, сие умозаключение выглядит на манер известного присловья: «В огороде – бузина, а в Киеве – дядько». Выходит, напутал все бывалый коммунист, явив в памяти письма абхазской интеллигенции десятилетней давности. Впрочем, вскоре лидеры национального движения, отставив в сторону Лыхненскую проблему, в отличие от Егора Кузьмича, вернулись к своему основному требованию – выходу Грузии из состава Советского Союза. Но этому процессу мешали автономии, не желавшие идти в ногу вместе с метрополией. И, чтобы привести к «покорности» абхазов, было задумано, основательно дестабилизировав обстановку в автономной республике, попытаться ликвидировать эту самую республику. Для этого, скорее всего, понадобилось создание искусственной проблемы разделения Абхазского университета, и образование на базе его грузинской части филиала Тбилисского университета. Хотя, если не стало бы этого повода, то грузинские агрессивные националисты нашли бы иную причину. Ведь неспроста же грузинские власти поддержали раскол Абхазского университета, издав распоряжение правительства об образовании в Сухуме филиала ТГУ, несмотря на протесты руководства абхазской автономии, правда, несколько запоздалые. Остались также без внимания выводы комиссии Верховного Совета СССР и ответ союзного Государственного комитета по народному образованию о нецелесообразности создания филиала. Получалось, что те, кто инспирировал в Абхазии конфликтную ситуацию, прекрасно понимали, что это должно вызвать ответную реакцию абхазов. Именно потому, полагаем, данное решение Тбилиси так и не было отменено.

[1] Там же.

Отметим также негативную роль в ту пору грузинских средств массовой информации. Газеты, радио и телевидение (особенно передача «Маомбе» с участием ведущего Марка Рывкина), обслуживая экстремистские партии и движения, представляли читателям в ложном свете перечисленные выше события – историческое Лыхненское Обращение и эпохальное выступление В. Ардзинба на первом съезде народных депутатов СССР. Газетными публикациями и передачами радио и телевидения подстрекали грузин, проживавших в Абхазии и в метрополии непременно и всеми усилиями поддержать взрывоопасную идею создания филиала ТГУ в автономной республике.

Таковы, на взгляд автора исследования, три базовых фактора, вокруг которых была развязана грузинская националистическая вакханалия. Основные причины этого мракобесия, думается, кроются (это было раньше, то же самое продолжилось и в перспективе) в неуверенности и робости местных грузинских националшовинистов, осознававших внутренне, что они пришельцы на абхазской земле. К тому же агрессивные силы метрополии явно были раздражены интеллектуальным отпором абхазского освободительного движения на всех «фронтах» – союзном и республиканском – в ответ на притязания грузинской власти и элиты играть

«первую скрипку» в пределах не только собственно Грузии, но и в Абхазии. В результате этих факторов по команде из Тбилиси была развернута широкая клеветническая кампания в адрес абхазского народа, его истории, культуры, государственности. В специальном выпуске газеты «Аидгылара» в июле 1989 года в статье под заголовком «Кому нужен конвейер лжи?» отмечалось, что «почти вся грузинская печать, взяв на вооружение отброшенный перестройкой старый идеологический арсенал, обрушилась на Абхазию, населяющий ее народ. В псевдонаучных статьях протаскивается и муссируется заново тезис времен культа личности о некоренном происхождении абхазов, фальсифицируются и искажаются общеизвестные факты истории Абхазии и абхазского народа, вопреки истинному положению дел, утверждается о якобы созданных для абхазов элитарных условиях жизни в автономной республике и т. п.»[1].

В том, 1989 году, оскорбительными публикациями, отрицавшими культурно–историческое наследие абхазского народа, отличились титулованные деятели науки и культуры Грузии. Среди них – Т. Гамкрелидзе, Г. Георгадзе, Н. Ломоури, Т. Чантурия, Т. Гванцеладзе, А. Бакрадзе, М. Лордкипанидзе, Ю. Качарава, Д. Стуруа и многие другие. В публикациях ученых с академическими и профессорскими регалиями, растиражированных грузинскими средствами массовой информации, «явно или завуалировано идет идейно–психологическая подготовка населения республики к подрыву и без того урезанной автономии абхазского народа, полной ликвидации его суверенитета. Высказывания этих весьма ученых мужей, их этакая категоричность, элитарный великодержавный дух прямо ассоциируются с идеями недоброй памяти меньшевистских правителей «Демократической Грузии», единственной целенаправленной политикой которых было пренебрежение интересами других народов. Вспомним яркое и точное определение С.

[1] В. Карба. (псевдоним – В. Чамагуа). Газета «Аидгылара», 2 июля 1989 года. С. 6.

Орджоникидзе, назвавшего своих тогдашних соотечественников «господствующей нацией»[1].

Готовясь к ликвидации абхазской государственности, грузинская шовинистическая научная и творческая элита (оказывается, и такое – шовинизм и творчество – вполне совместимые качества, по крайней мере, в условиях Грузии), также по-своему пыталась научно обосновать отъем у абхазов их Отчизны. Свидетельством тому широкомасштабная антиабхазская кампания в грузинской печати, развернутая учеными, писателями, деятелями культуры, да и просто людьми, специализирующимися на экстремизме, в ходе которой уже, не довольствуясь пресловутой теорией двуаборигенности, махровые дельцы от науки вводят в оборот новый псевдотезис. Формула его такова: «Племена, пришедшие в гости (имеются в виду абхазы – прим. автора), назвали себя именем древнейшего грузинского племени – абхазы, пользуясь нашей наивной добротой, навязали свой адыгейский язык грузинскому абхазу, тому абхазу, который тысячелетиями говорил только на грузинском языке»[2].

Ответить на оскорбительные выпады грузинской научной и творческой элиты, явно поддерживаемой официальной властью, представители абхазской интеллигенции не имели возможности. Средства массовой информации автономии были под колпаком спецслужб Грузии и Абхазии. Материалы абхазских авторов на тему грузино-абхазских коллизий проходили первоначальную апробацию в кабинетах идеологических отделов КГБ, и затем, как правило, отправлялись надолго, а то и навсегда, в «редакционный портфель». Мне после войны коллеги принесли из кабинета гл. редактора оккупационной газеты «Демократическая Абхазия» целую кипу неопубликованных материалов, направленных в адрес «Советской Абхазии» в предвоенный период. Там были статьи де-

[1] Там же.

[2] Там же.

ятелей науки и творчества – Ю. Воронова, Б. Сагария, М. Гунба, Г. Шамба, С. Лакоба, Д. Чачхалиа и других, на высоком профессиональном уровне разоблачавшие инсинуации известных грузинских фальсификаторов абхазской истории и культуры, нашей государственности. Конечно, грузинская охранка не могло дать «добро» на публикацию таких материалов, где, наряду с высокой квалификацией, отражалась также принципиальная гражданская и патриотическая позиция авторов. Интеллигенция в ту пору, надо сказать, состояла из решительных людей, готовых постоять за свой народ и родину. Были, наверное, и примеры иного поведения…

В этом плане вызывает интерес суждение Владислава Григорьевича о ситуации, сложившейся накануне его выступления 2 июня 1989 года. Вспоминая тот период работы в Верховном Совете, Ардзинба отмечал: «Я постоянно требовал, чтобы мне дали слово на первом съезде народных депутатов. Партийная иерархия делала все возможное, чтобы этого не произошло. С одной стороны, народ настаивал, чтобы кто-то из нашей делегации выступил, люди слали нам массу телеграмм, с другой стороны, партийное руководство, учитывая интересы Грузии, боялось дать мне слово… Я с этим был категорически не согласен и готовился публично, в знак протеста, сложить с себя депутатские полномочия и покинуть съезд, если мне не дадут слова… Насколько я помню, только один человек в нашей делегации поддерживал мое решение. Но я был готов к решительным действиям. Сегодня кажется довольно забавным, что самый молодой депутат в нашей делегации вдруг демонстрировал большую прыть, чем остальные. Я помню, что один человек из нашей делегации, когда я зачитывал ему один из первых вариантов своего выступления, пришел в ужас и сказал: «И что, ты все это будешь говорить?»[1].

Так, по всему фронту, от политических баталий, до псевдонаучных изысканий, вели наступление против абхазов, их государ-

[1] Эпоха Ардзинба. Воспоминания… Стамбул, 2009. С. 57.

ственности, языка и культуры, грузинская метрополия, ее официальные власти и тайно и явно сотрудничавшая с ней грузинская оппозиция. Именно в «абхазском вопросе» полярно противоположные по взглядам грузинские политические группировки всегда выходили на консенсус, который отрицал за абхазами право на свободное и независимое от Грузии существование. Коммунистические власти Грузии, в знак солидарности и признания программы лидеров национального движения, услужливо представляли им даже свои партийные средства информации. Таким образом, власть грузинская и оппозиция, уже объединенными усилиями ужесточают политические требования в отношении Абхазии. Формула этих требований примерно такова: вы будете делать то, что велит Грузия, а она вам взамен позволит иметь только национально-культурную автономию в пределах «единой и неделимой Сакартвело». И это – взамен на полное повиновение, в ином случае – отмена автономии и создание провинции Апхазети, на манер «Самачабло». В открытом письме Гамсахурдия, озаглавленном «грузинам Северо-Западной Грузии (Абхазская АССР)», по этому поводу отмечается: «…Грузины должны добиться того, чтобы у Абхазской АССР отторгнуть те районы, которые исторически не принадлежали Апсны и где численность апсуйцев меньше, а именно – Гальский, Гульрипшский, Гагрский, Сухумский районы и часть Очамчирского района, а также г. Сухуми. Должны составить письма в отдельных районах, населенных пунктах и в центре республики, с требованием, чтобы их непосредственно присоединили к Грузии. А для апсуйских населенных пунктов в Гудаутском районе и той части Очамчирского района, где их села, создать национальные «округа»»[1]. Грузинские лидеры, как оппозиционные, так и властные, отчетливо осознавали и ждали того, что подобная «толерантность» картвелов будет воспринята абхазами,

[1] Гамсахурдия З. Информационный журнал Грузинской Хельсинской группы и Общества святого Ильи Праведного.

как красная материя на корриде. Так это и произошло в середине трагического июля 1989 года, но с коррективами, неожиданными для тех, кто готовил сценарий межнациональных столкновений с явной пользой для себя.

Печально, но факт, что к лету 1989 года абхазское руководство и государственные средства информации фактически были деморализованы. Партийно-советские органы утеряли рычаги управления республикой. Абхазский республиканский комитет партии окончательно раскололся на абхазскую и грузинскую части, то же самое происходило в органах власти и управления на местах. Красноречивое свидетельство тому момент о том, как принималось решение по конфликтной ситуации с филиалом ТГУ. Тогда Президиум Верховного Совета Абхазской АССР постановил: «Просить Совет Министров СССР обязать Совет Министров Грузинской ССР отменить незаконное распоряжение № 343 р от 14 мая 1989 года о создании в г. Сухуми филиала Тбилисского государственного университета, незаконно изданное заместителем Председателя Совета Министров Грузинской ССР тов. О. Квилитая. Отозвать незаконное предложение Министерства народного образования Грузинской ССР, направленное в мае месяце текущего года в Госкомобразование СССР об открытии в г. Сухуми на базе грузинского сектора Абхазского государственного университета филиала Тбилисского государственного университета. Отменить приказ № 101 от 14 июля 1989 года ректора Тбилисского госуниверситета, академика Н. Амаглобели о назначении в г. Тбилиси приемных экзаменов на 20 июля т. г. в Сухумский филиал Тбилисского государственного университета. Председатель Президиума Верховного Совета – В. Кобахия. Секретарь Президиума Верховного Совета – Ю. Квициния. Гор. Сухуми, 15 июля 1989 г. № 1294-Х1»[1].

Все здесь верно сделано, но только лишь сильно припоздни-

[1] Важная веха в истории Абхазии. Сборник документов и материалов. (Составитель и автор предисловия акад. Б. Е. Сагария). Сухум, 2002. С.44.

лись абхазские власти – на пару месяцев, прошедших после принятия (14 мая) пресловутого распоряжения грузинского правительства о создании филиала ТГУ. А ведь могли же опротестовать это решение значительно раньше. Хотя бы исходя из выводов комиссии Верховного Совета СССР, объявленных еще 8 июля 1989 года. В официальном обращении председателя комиссии ВС СССР Монго, депутатов Батынской и Перелыгиной в адрес первого секретаря ЦК Компартии Грузии Гумбаридзе, председателя Президиума Верховного Совета ГССР Черкезия, председателя Совета Министров ГССР Читанава сообщалось: «Неприятие мер по отмене распоряжения Совмина ГССР от 14 мая 1989 года № 343 Р и объявление о наборе абитуриентов в филиал ТГУ все больше усиливает дестабилизацию обстановки в республике, не создает объективных условий для нахождения компромиссных решений по воссоединению АГУ. Группа народных депутатов СССР настаивает на отмене указанного решения и осуществлении безотлагательных и действенных мер по воссоединению АГУ и организации качественного набора абитуриентов на 1989 – 1990 учебный год»[1].

Таким образом, в тот день – 15 июля, когда еще никто не ведал о принятом абхазским руководством решении обратиться к центральным властям, начались столкновения между грузинами и абхазами. И вряд ли грузин остановили бы те или иные рекомендации Москвы. Несмотря на осознание грузинами того, что они являются не столь давними переселенцами в Абхазии, что уже отмечалось, массы все же были уверены в собственной неуязвимости: четыре миллиона против ста тысяч! Какие здесь могут быть сомнения – только вперед! И тогда появились первые жертвы столкновений: убитые и раненые с обеих сторон. Средства информации Грузии, в первую очередь телевидение, объявили на весь мир: абхазы, дескать, приступили, по наущению имперского цен-

[1] Правительственная телеграмма (Исх. 11- 28 от 8. 07. 1989 г.) от группы народных депутатов СССР Монго, Батынской, Перелыгиной. Тбилиси. Гумбаридзе, Черкезия, Читанава.

тра, к планомерному истреблению грузин в Абхазии. Подобная зловещая информация, не раз продублированная, всколыхнула всю Грузию. В результате совместных провокационных усилий СМИ и грузинских неформалов, вскоре против абхазов была отмобилизована и направлена 40-тысячная вооруженная колонна, поспешившая на помощь своим сородичам, переселенным не столь давно Сталиным и Берия на жительство в Абхазию.

Кстати, являясь в то время инструктором идеологического отдела Абхазского республиканского комитета партии, отвечавшим за деятельность СМИ и учреждений культуры, я был непосредственным свидетелем и участником тех событий. Например, когда комиссия Верховного Совета СССР под руководством депутата Монго вынесла решение о нецелесообразности создания филиала Тбилисского университета в Сухуме, республиканские партийные газеты «Сабчота Абхазети» и «Советская Абхазия» отказались печатать сообщение о том на своих страницах. В ту пору было важным обстоятельством, чтобы информация появилась на страницах русскоязычной газеты, имевшей наибольший тираж в республике – более 50 тысяч экземпляров. Но ее главный редактор – Юрий Владимирович Гавва – однозначно, что было не секретом для абхазского руководства, ориентировался только на грузинские власти и на Комитет Госбезопасности Абхазии, возглавляемый верным ставленником Тбилиси – Комошвили. В такой ситуации руководством республиканского комитета партии мне была поставлена задача: любыми средствами, дабы успокоить абхазскую общественность, обеспечить публикацию материала с выводами комиссии Верховного Совета СССР в газете «Советская Абхазия». Помнится, автор этих строк и ответственные работники рескома партии – В. Аршба, А. Гулиа пришли в редакцию газеты к 6 часам вечера. Редактора Ю. Гавва на месте не было – готовил номер газеты к выпуску, дежуривший в тот день завотделом А. Берулава. Я спросил его о судьбе решения комиссии Верховного Совета СССР. В ответ Берулава развел руками и заметил: мол, из этого вряд ли

что получится, поскольку ответственный дежурный по номеру не вправе, если даже настаивает секретариат рескома партии, в отсутствии «главного» ставить в номер любой материал. Я догадывался, что Гавва где-то поблизости. В такой ситуации мы вызвали в редакцию зам. редактора Т. Аршба и поручили ему, «поломав» первую полосу, поставить текст с выводами комиссии Верховного Совета СССР. И только завершили работу, как появился разъяренный Гавва, накинувшийся на нас: дескать, кто позволил, без решения редактора, останавливать процесс выпуска газеты, да еще печатать не плановый материал. Конечно, формально он был прав, мы нарушили субординацию и прерогативы главного редактора. В то же время, заметив, что Гавва уже был в подпитии, я твердо сказал: «Юрий Владимирович, мы знаем, что вы уже не раз неправомерно отказываетесь публиковать данный материал, несмотря на указание учредителя газеты – рескома партии». Только и успел произнести эту фразу. И тут, видимо, сорвавшись от злости, Гавва бросил: «Ваш обком мне не указ!». И тогда, воспользовавшись этой его промашкой, я грубовато заметил, что если он будет упорствовать, то вызовем, кого следует, и завершим дело без него. Поняв, что мы не отступим, он гневно воскликнул: «Делайте, что хотите». И тотчас стремительно покинул свой кабинет.

Не менее познавателен, думается, для уяснения создавшейся тяжелой для абхазов ситуации и такой случай, чему я также непосредственный свидетель и участник. С самого начала событий 15 – 16 июля на связь со мной вышел спецкор. «Известий» Владилен Арсеньев. Мы твердо договорились, что я буду поставлять ему информацию по ситуации, а он, по известному журналистскому кодексу чести, сохранит в тайне мое имя. Это было вынужденное обстоятельство: я представлял абхазскую часть фактически расколовшегося партийного комитета, то есть, по грузинской логике моя информация априори не могла быть достоверной. Мои опасения, что связь с центральной газетой так просто не пройдет, вскоре подтвердились. Причем, сразу, после первой публикации

«Известии» о сложившейся в Сухуме ситуации 15 – 16 июля. Уже 19 июля печатный орган ЦК Компартии Грузии «Комунисти», выходивший на грузинском языке, гневно сообщал: «Во вчерашнем номере газеты «Известия» была напечатана статья о событиях в Абхазии спецкора газеты В. Арсеньева. Информация своей необъективностью и тенденциозностью возмутила республиканскую (надо думать, все же грузинскую – В. Ч.) общественность. В редакциях республиканских газет, телевидении и радио не прекращаются телефонные звонки. Читатели и зрители интересуются, почему популярная в Грузии газета опирается только на один источник, что является причиной того, что информация носит неполный характер…»[1].

В тот же день в передаче Грузинского телевидения «Наша позиция» ведущий Хундадзе, рассуждая вокруг «абхазской проблемы», отмечал: «Обычно абхазский вопрос встает тогда, когда грузинский народ выдвигает вопросы национального суверенитета. Абхазы имеют тенденцию представлять общественности картину о якобы их притесненном положении в республике. На самом деле привилегии абхазов не имеют аналога во всей стране. Свидетельством тому, как абхазы преподносят о своем угнетенном положении – доклад народного депутата В. Ардзинба на 1-м съезде народных депутатов. Его доклад всеми был воспринят как крик души абхазского народа, якобы стоящего на грани физического и духовного уничтожения. Мы должны довести до сведения всех республик, что это не так… В газете «Известия» корреспондент Арсеньев неправильно освещает события в Абхазии: он говорит о том, что грузинское население Гульрипшского района штурмом взяло кинотеатр «Апсны», будто сейчас абхазов нет в Сухуми, что они прячутся от грузин. На самом же деле абхазские экстремисты окружили школу, напали на приемную комиссию грузинского филиала и

[1] Газета «Комунисти», №165. Тбилиси, 19 июля 1989 г. На грузинском языке.

нанесли им физическое оскорбление. Кинотеатр «Апсны» сначала был в руках абхазов, гульрипшцы заняли потом. Спрашивается, почему Арсеньев не говорит о том, как выстрелом в упор убили работника милиции М. Чочиа? Факты Арсеньева также далеки от истины и порядочности, как Тбилиси от Сухуми»[1].

Очень уж раздражительным, можно сказать гневным, было отношение грузинских СМИ и общественности к упомянутой публикации. И неудивительно, что советские и партийные органы Грузии в лице первого секретаря ЦК КПГ Гумбаридзе обратились с протестом в редакцию газеты «Известия». Гл. редактор этого центрального издания Игорь Голембиовский, выходец из Грузии, разумеется, отреагировал так, как от него и ожидали в Тбилиси. Арсеньев под давлением вынужден был раскрыть источник информации, и затем, под тем же самым прессом обвинений, его последующие материалы, как и следовало ожидать, потеряли свою объективность. Этим было продиктовано обращение в редакцию «Известии» Нодара Чанба, председателя «Союза творческой молодежи Абхазии», в котором отмечалось, что «… появление на страницах «Известий» 18 июля объективной информации В. Арсеньева всем здравомыслящим гражданам многонациональной республики придало больше уверенности в возможность конституционно-справедливого разрешения глубоко зашедшего межнационального конфликта. Однако корреспондент, командированный в республику, первая публикация которого свидетельствует о том, что он человек сведущий в развитии вопроса грузино–абхазских отношений, увы, не устоял перед натиском грузинской прессы, грузинского телевидения, а главное, грузинского правительства, которое ополчилось на редакцию газеты «Известия»… Уважаемый Вл. Арсеньев… Ваши корреспонденции, последовавшие после первой, стали менее раскованными, более бескровными и беспредметными или, как сейчас принято выражаться, однозначно

[1] Хундадзе. ТВ Грузии. Программа «Наша позиция». 19. 07. 1989 г.

антиабхазскими… Итак, в чем информация, переданная идеологическим работником Абхазского обкома партии была неверная? Разве не был разгромлен кинотеатр «Апсны», разве не бесчинствовали грузинские молодчики на мостах? (На «Красном» и «Белом» мостах – В. Ч.)»[1]. Письмо Н. Чанба в редакцию не было опубликовано в «Известиях». Но в связи с ним со мной связался сам Арсеньев и поведал о прогрузинской редакционной политике руководства «Известий», и о том, что его «стариков», проживавших в Тбилиси, просто–таки терроризировали субъекты, как от неформалов, так и от власти, требовавшие раскрыть источник получения информации. «И я не выдержал», – извинялся он передо мной, – принужден был назвать твое имя».

Это «дело», ставшее сразу же резонансным, получило дальнейшее продолжение. По поручению шефа грузинской компартии Гумбаридзе, его помощник, как оказалось довольно лояльно настроенный, к тому же грузинский еврей по происхождению, несколько раз встречался со мной, с целью то ли выяснения ситуации, то ли моего «перевоспитания». Чего в том было больше – я так и не понял. Но «вердикт» по моей персоне, к удивлению руководства республиканского комитета партии, которое решило, что я уже не «жилец», оказался совершенно неожиданным: мне было предложено исполнять обязанности заместителя руководителя штаба, созданного для координации работы СМИ по освещению событий 15 – 16 июля. Руководитель штаба, тот самый помощник первого секретаря грузинского ЦК, кстати, выпускник факультета журналистики ТГУ, доброжелательно, как коллегу-журналиста, наставлял меня: мол, теперь уже, после случившегося, важно контролировать контакты представителей российских СМИ, которые скоро наедут сюда в большом количестве и неизвестно еще как отпишутся. Получалось, что мне, в отработку прежних «прегрешений», оказывалось вроде «высокое доверие». Я все же постарался сделать все для того, чтобы «грузинский штаб» российские журналисты благополучно миновали и попадали, в основном, под «опеку» абхазов. И, когда российские журналисты отписались на тему июльских событий, единственно отрадным фактом было то, что опасения моего грузинского коллеги оправдались. Большинство средств информации отразили реальную картину событий того периода. Но вот в своей республике, абхазы, за редким исключением, на страницах официальных газет, на радио и телевидении так и не увидели публикаций, отражавших реальную обстановку в городах и районах. Контроль грузинской метрополии оказался в ту пору поистине тотальным. Свидетельством тому стенограмма телеинтервью абхазского телевидения по горячим следам правонарушений, но так и не увидевшего свет. В том, как и в других случаях, проявляли особую ретивость ставленники Тбилиси в автономии, к примеру, глава абхазского правительства Анчабадзе, заодно пребывавший также в ранге секретаря грузинского ЦК.

Словом, надо признать, что грузинская метрополия в критический момент, накануне и во время событий 15 – 16 июля 1989 года, в отличие от абхазского руководства, усилила свое влияние в Абхазии, прислав из Тбилиси сюда, в дополнение к своим креатурам, контролирующие, руководящие и милицейские кадры. В Сухум спешно откомандировали, где его безропотно приняли, секретаря ЦК Компартии Грузии Анчабадзе, назначив его одновременно на должность председателя Совета Министров автономной республики. Для того, конечно, чтобы исполнять роль надсмотрщика над абхазскими руководителями – первым секретарем рескома В. Ф. Хишба и председателем Президиума Верховного Совета В. О. Кобахия. Вдобавок в Абхазию скороспешно, утром 15 июля, прибыл второй секретарь ЦК грузинской компартии Павшенцев. Явились также председатель Президиума Верховного Совета Грузии Черкезия, глава грузинского правительства Читанава, председатель КГБ (Комитета Государственной Безопасности) ГССР

[1] Н. Чанба. Письмо в редакцию газеты «Известия». Вл. Арсеньеву. Рукопись.

Лордкипанидзе, ответственные работники аппарата грузинского ЦК и Совета Министров. Раньше всех прибыл руководитель МВД Грузии с большим числом вооруженной грузинской милиции, которая, как говорится, и пальцем не пошевелила, чтобы не допустить столкновений 15 – 16 июля. Более того, своим якобы невмешательством в ситуацию, тбилисская милиция оказывала поддержку местным грузинским боевикам. Таким образом, почти вся «грузинская руководящая рать» была мобилизована и отправлена из Тбилиси в Сухум для поддержки местных шовинистов, за исключением первого лица грузинской республики Гумбаридзе. Тот же должен был явиться к «шапочному разбору», и предстать этаким «третейским судьей», чтобы вершить справедливый, по грузинским меркам, суд над теми же, как замышлялось, побитыми абхазами. Но, как показали дальнейшие события, несмотря на то, что среди абхазов были убитые и раненые в ходе столкновений, все же посрамленными оказались грузинские боевики. Тбилисское начальство было сильно потрясено тем (это особенно живописно смотрелось с третьего этажа здания абхазского рескома, я сам тому очевидец), как бежали обратно по набережной Махаджиров, вконец, обезумевшие от страха экстремисты, совсем недавно атаковавшие на КАМАЗах, оснащенных пулеметами, мирный абхазский митинг. И вот теперь они же, с душу раздирающими криками: «Вай ме!» (Боже спаси меня, или что-то вроде того на грузинском языке), бросались в море. Это и спасло их от гнева безоружных абхазских парней.

Таков был один из эпизодов той трагической ситуации. В целом же, абхазы, не ожидавшие столь коварного сценария по их усмирению, оказались в очень сложном положении. Против малочисленного народа объединенными усилиями выступили власти метрополии и национал–шовинисты всех мастей, от монархистов до отъявленных демократов, грузинских, разумеется, цветов. Все они ожидали реванша: из пределов Грузии к Сухуму, как уже отмечалось, быстро продвигалась организованная и вооруженная,

при тайном содействий властей, 40 – тысячная колонна грузинских боевиков, остановленная небольшими силами вооруженных охотничьими ружьями абхазов на мосту через реку Аалдзга, возле города Очамчира. И тогда ни у кого из нас не было уверенности, что горстка абхазов удержит этот рубеж обороны.

В такой безвыходной ситуации мы – группа работников аппарата рескома партии – предложили нашему коллеге и товарищу Ивану Цушба позвонить в Москву своему студенческому другу Владиславу Ардзинба, чтобы тот, как депутат и член Президиума Верховного Совета СССР, посодействовал отправке к нам внутренних войск. Мы ушли звонить в кабинет, где была прямая связь с Москвой. Помню как, набирая номер Ардзинба, Иван Шаибович едва слышно, с досадой заметил: «Ах ты, сегодня же суббота, не рабочий день, он может не оказаться на месте». Но, на наше счастье, Владислав взял трубку. После того, как Иван Шаибович обрисовал картину происходивших в Сухуме и в районах событий, телефон молчал с минуту, если не дольше. Мы, конечно, понимали, что ставили перед В. Ардзинба сложную, возможно, как нам тогда представлялось, и неисполнимую задачу, особенно с учетом грузинского влияния на Московские верхи. Тут наши размышления прервал, вновь раздавшийся из телефонной трубки, четкий, уверенный голос Владислава Григорьевича: «Сегодня суббота, начальство разъехалось по дачам. Потому мне нужно некоторое время, но вы передайте кому надо, что я соберу всех, от кого зависит решение вопроса, в течение двух часов: и Лукьянова (Председатель Верховного Совета СССР – В. Ч.), и Крючкова (Председатель Комитета Государственной Безопасности – В. Ч.), и Бакатина (Министр внутренних дел – В. Ч.). Не сомневайтесь, помощь будет оказана. И в кратчайшие сроки. Перезвоните мне через два часа. Это обязательно: я сообщу о ситуации».

В кабинете секретаря рескома партии С. Таркил Цушба рассказал нашим товарищам о состоявшемся телефонном разговоре, о твердом обещании В. Ардзинба организовать помощь республике

и народу внутренними войсками. И как только минули два часа, мы снова связались с ним. Его слова просто окрылили нас. А он сообщал следующее: «По поручению Лукьянова министр внутренних дел Бакатин дал указание командующему внутренними войсками сформировать, и в сжатые сроки, группировку для отправки в Абхазию. – Я лично в контакте с руководством МВД», – ставил нас в известность о том, что делается в Москве Владислав Григорьевич. – «Бакатин заверил меня, – продолжал он, – что завтра, а может и сегодня ночью, войска будут в Абхазии. Сейчас подразделения внутренних войск собирают из разных областей России и отправляют прямо на аэродром, где для них уже подготовлены два борта (военно-транспортные самолеты – В. Ч.). Знаю об этом конкретно, поскольку нахожусь в постоянной связи с командующим внутренних войск Шаталиным. Личное участие также проявил председатель КГБ Крючков, поручивший Бакатину взять под контроль этот вопрос и ускорить отправку войск».

Так оно и произошло, внутренние войска прибыли в Абхазию вовремя и сразу же нейтрализовали многотысячную вооруженную толпу, пытавшуюся штурмовать мост на реке Аалдзга. Прибыл в республику и сам командующий внутренними войсками МВД СССР генерал- полковник Ю. Шаталин. И со знанием дела разобрался в ситуации: министр ВД Грузии, встретив его в аэропорту Сухума, коварно советовал направить войска в Гудауту, в чем не было никакой необходимости. Но командующий определил другой курс – на Очамчиру: умный и честный был генерал. И Владислава Григорьевича уважал, как я понял позже, за ту речь на съезде. В том я убедился, когда, улучив момент, прямо в коридоре рескома партии, взволнованно обратился к Шаталину: «Товарищ генерал, – сказал я, – абхазский народ в большой опасности, он может понести невосполнимые потери. – Шаталин ответил так: «У меня другая информация. Ваш народ, как я знаю, дал достойный отпор экстремистам. И не волнуйтесь, теперь мы поможем установить законный порядок. Это наш долг». И, по-

сле небольшой паузы, добавил: «Знайте, что ваш представитель в Верховном Совете СССР никому не позволит расслабиться в подобной обстановке. Свидетельством тому наше присутствие в Абхазии, и то, что в течение суток встала «на крыло» оперативная группировка внутренних войск – в том большая заслуга Ардзинбы».

Думается, многие аналитики, размышляя о событиях 15 – 16 июля 1989 года, задавали себе вопрос: каким образом случилась такая оперативность в отправке внутренних войск, отчего высокие лица советского государства, вдруг, проявили искреннюю заинтересованность к судьбе абхазского народа, а, соответственно, и активное участие в оказании ему помощи? Мало ли конфликтов происходило в неспокойный перестроечный период в огромной стране, где проживали десятки народов, меж которыми нередко вспыхивали в ту пору ожесточенные столкновения. К примеру, во время кровавого побоища в Баку и Сумгаите, несмотря на сильное армянское влияние, внутренние войска собирали в течение недели. То же самое произошло в Фергане: там, пока вмешались центральные власти, целый народ оказался в изгнании. Получалось, что помощь прибывала тогда, когда трагедия, как говорится, завершала свой последний акт. К счастью, в Абхазии, несмотря на жертвы, этого все же не случилось. Большой трагедии избежали: В. Ардзинба сдержал слово, не подвели его и высокопоставленные руководители страны. Редкий, согласимся, случай для того периода. И все же, полагаем, что «секрет» столь активного и оперативного реагирования «силовиков» – не тайна «за семью печатями». Поспособствовала этому, скорее всего, схожесть позиций уже известного к тому времени абхазского политика и тех высокопоставленных советских руководителей – являвшихся государственниками по отношению к великой стране. Это «единство взглядов» отчетливо проявилось, вне всякого сомнения, в блестящем выступлении Владислава Григорьевича на первом съезде народных депутатов 2 июня 1989 года, за полтора месяца до июль-

ских событий в Абхазии. Думается, прозвучавшая на съезде речь, подняв авторитет Владислава Григорьевича, сделала его известным и влиятельным политическим деятелем не только на родине – в небольшой Абхазии, а уже и в масштабе всей советской страны. Абхазам, испытывавшим тогда чувство величайшей гордости, казалось, что речь Ардзинба затронула до глубины души, кому – в радость, а кому – и в злобу, только их и грузин. Но это, замечу, не совсем верно. С большим удовлетворением выслушали выступление абхазского посланца многие россияне. Это – государственники, патриоты, особенно представители советской армии: офицеры и генералы. Она – эта речь – еще раз всколыхнула затаенную ненависть, которую испытывала российская патриотическая элита к представителю «малой грузинской империи» Шеварднадзе – коварному разрушителю Советского Союза, соратнику Горбачева. Ведь Ардзинба – народный депутат от небольшой автономной республики – высказал многое из того, что считалось табу, в том числе, о проявлениях агрессивного национализма и антисоветизма на малой родине «белого лиса» – Грузии, направленных против русских «инородцев», в том числе. Выходит, рассказал о том, о чем представители великого русского народа не могли сказать вслух при Горбачеве, который не потерпел бы критики в адрес своего сподвижника по перестройке. К тому же, бывшего в ту пору министром иностранных дел СССР, членом Политбюро ЦК КПСС. Именно те самые десять регламентных минут, отпущенных ему на съезде, способствовали Владиславу приобрести союзников в советских политических кругах, что не могло не сказаться на отношениях Ардзинба с политиками и государственными деятелями советской, а позже, российской власти. В то время в Верховном Совете стал широко известен упрек Горбачева, который, то ли с обидой или удивлением прилюдно заявил: «Что ты на меня, как ястреб, набрасываешься, Ардзинба?». «А почему вы нас не защищаете?» – тотчас отпарировал Владислав Григорьевич, имея в виду автономные образования, которые он представлял в

Верховном Совете СССР[1]. Ясное дело, подобные претензии предъявляют человеку и политику, обладающему весом и влиянием в общественных кругах и государстве. Вот и в данном контексте пытался защититься от принципиальной критики Владислава глава еще великой страны, перечить которому редко кто решался.

Владислав Григорьевич в тот период, до конца 1990 года, как известно, не занимал высоких властных постов в республике. Но его влияние на процессы, происходившие в национально-освободительном движении абхазского народа, особенно после его выступления на первом съезде народных депутатов СССР, было не только значительным, скорее всего, определяющим. Этому, конечно, наряду с другими факторами, способствовали его активная депутатская деятельность в Верховном Совете Союза ССР, где он занимал высокие должности члена Президиума, председателя подкомиссии по государственно–правовому статусу автономных образований СССР, члена Совета Федерации. Здесь как раз и проявились присущие ему качества: глубокий аналитический ум, волевой характер, принципиальность, работоспособность, вкупе с ораторским искусством и харизмой. Абхазская элита, и, безусловно, актив национально-освободительного движения (НФА «Аидгылара»), уже видели в личности В. Ардзинба, и вполне заслуженно, национального лидера, способного защитить интересы абхазского народа и государства. И это время вскоре наступило: в декабре 1990 года он был избран председателем Верховного Совета Абхазии.

В. Ардзинба, встав у руля управления Абхазией, тогда, надо думать, на практике познал, что такое бесправная абхазская автономия, по сути дела, настоящая колония в составе Грузинской ССР. К примеру, абхазы в своей республике не обладали правом, без согласия грузинских властей, назначать председателей колхозов, директоров предприятий, учреждений, организаций. О партий-

[1] Эпоха Ардзинба. Воспоминания. Стамбул, 2009. С. 88.

ных и советских кадрах и говорить нечего – все они подбирались метрополией и находились под ее зорким оком. Демография, экономика, финансы, управленческая сфера, словом, куда ни обратись – везде абхазы в подавляющем меньшинстве. «Как было управлять в таком разе, причем, в нужном направлении, подобной абхазской автономией? – задавался не раз, полагаем, этим вопросом председатель Верховного Совета Абхазии, по существу глава республики»[1].

В то время на планете происходили глобальные перемены: рушилась Советская страна, худо – бедно, но все же сохранявшая малые этносы, мир постепенно становился однополярным. Запад, к которому уже тогда тянулась Грузия, торжествовал победу. И в таком незавидном положении, оставшись один на один с грузинами, абхазы, несомненно, о чем мне в свое время поведал Владислав Григорьевич, легко могли потерять даже свою бесправную автономию. А через небольшой промежуток времени – стать частью грузинской нации, как это произошло в недалеком прошлом с 30 тысячным абхазским населением Галского района. Предвидя эту опасность уже в масштабе всего абхазского народа, Владислав Ардзинба, с приходом во власть, определяет себе и сподвижникам программу противодействия планам грузинской метрополии. Она состояла в том, чтобы «выдержанно и продуманно провести своеобразную реконкисту, то есть, мирным парламентским путем создать условия по отвоеванию у «малой империи» прав, отнятых у абхазской республики за время почти всего советского периода. Это, разумеется, была рискованная задача, но для абхазов жизненно необходимая. В ином случае, когда Тбилиси уже начал тяготиться даже бесправной абхазской автономией, абхазский народ, скорее всего, перестал бы существовать как этнос»[2].

[1] В. З. Чамагуа. Роль Владислава Ардзинба в становлении постсоветской Абхазии. Предвоенный этап (1990 – 1992 гг.). Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Сухум – М. 2016. С. 38.

[2] Там же.

Владислав Григорьевич, как ученый и аналитик, реально оценивая возможности Абхазии, ясно осознавал, что прямое столкновение с Грузией может стать гибельным для абхазов. Он был прекрасно осведомлен о ресурсах Грузии, о ее многократном превосходстве в демографии, в экономике, в военной сфере, в политической составляющей, особенно с учетом влияния Шеварднадзе на отношения с руководством западных стран и Ельцинской России. Только в людских ресурсах абхазы уступали метрополии в 44 раза, в самой же Абхазии грузин было в два с половиной раза больше, нежели абхазов. «Такая ситуация сложилась в силу демографической экспансии, начавшейся после махаджирства и продолжавшаяся в советское время, пик которой совпал с годами правления в Кремле Сталина и его подручного Берия. Даже в годы Великой Отечественной войны бесперебойно работало их детище – трест «Абхазпереселенстрой», организация, переселившая десятки тысяч грузин на абхазскую землю»[1].

Удручающе бесправной была автономная республика и в экономическом плане. «Подведомственные Совмину абхазской республики предприятия составляли 7,7 процента»[2]. Все остальные предприятия, расположенные в предвоенное время на территории Абхазии, в ведомственном отношении «подчинялись союзным министерствам или грузинским властям. Таковых было 243 объекта, на которые абхазская юрисдикция не распространялась»[3]. В. Ардзинба «оперативно подчиняет их абхазским министерствам и ведомствам, попутно решает кадровые вопросы, находя специалистов в среде бывших партийных и советских работников. Кстати,

[1] Абхазия: документы свидетельствуют. 1937 – 1953. (Составители: Б. Е. Сагария, Т. А. Ачугба, В. М. Пачулия). Сухум, 1992.

[2] Лыхненское Обращение от 18 марта 1989 года. // Газета «Бзыбь», февраль – март 1989 года.

[3] Т. А. Ачугба. В. Г. Ардзинба и вопросы государственного суверенитета Абхазии. Материалы первой международной научной конференции, посвященной 65-летию В. Г. Ардзинба. Сухум, 2011. С. 56 – 57.

мне же он поручил составить списки номенклатурных работников, оставшихся в ту пору без работы»[1].

Подобная ситуация в экономике, кроме грузин, не устраивало все население, в первую очередь, руководителя республики, замыслившего изменить это положение. Он, конечно, в этом вопросе руководствовался и принципом справедливости, но также ставил задачу всемерного укрепления союза между народами Абхазии, посредством справедливого распределения благ между всеми национальными общинами республики. Это он часто декларировал и последовательно осуществлял. Такая внутренняя политика вскоре стала давать результаты: многонациональное население страны, это было видно воочию, стало теснее солидаризироваться с абхазским народом. Это стало одним из самых весомых достижений внутренней политики Ардзинба в тот период. И оно было ко времени, поскольку уже вовсю шла «война законов» между Тбилиси и Сухумом, угрозы раздраженной метрополии наказать строптивую автономию становились все решительнее.

Сложная общественно-политическая обстановка стала накаляться с приближением времени проведения референдума по вопросу сохранения СССР. В то же время, это следует отметить особо, «отношение к референдуму, с одной стороны, усиливало противоречия между грузинским населением и другими народами, проживавшими в автономной республике, с другой – укрепляло союз абхазов с русскими, армянами, греками и другими национальными общинами. Это было то новое явление, привнесенное НФА «Аидгылара» и Ардзинба в национально-освободительное движение на его завершающем этапе. Создание блока общественно-политических партий и движений «Союз» стало первым шагом на этом пути»[2]. Следующий объединительный фактор – это «участие единым фронтом всего негрузинского населения Абхазии во

[1] В. Чамагуа. Эпоха Владислава. Хроники. Сухум, 2013. С. 51

[2] А. Ф. Авидзба Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга I. Сухум, 2013. С. 216.

Всесоюзном Референдуме. Решительные действия главы Абхазии и лидеров «Аидгылара» по организации референдума на территории республики были поддержаны всеми национальными группами, кроме грузинского населения. Так, проходивший в феврале первый съезд абхазского народа, в лице своих представителей однозначно заявил, что абхазы за сохранение и обновление СССР в качестве государства равноправных народов»[1]. Блок общественно-политических организаций «Союз», образованный 21 февраля в составе НФА «Аидгылара», Демократической партии, Народного союза «Абхазия», «Крунка», Сухумского общества интернационалистов, также «поддержал решение абхазских властей о проведении в автономной республике референдума в поддержку обновленного Союза ССР. В Верховном Совете Ардзинба провел ряд совещаний, в том числе, и с участием руководителей местных органов власти, на которых обсуждались вопросы, связанные с организацией на местах подготовительной работы по проведению референдума»[2].

Эти действия В. Ардзинба и лидеров национально-освободительного движения в защиту обновленного Союза вполне логичны, поскольку Грузия, в своем стремлении вырваться из Советского Союза любыми путями, не допускала учета интересов автономий, бывших в ее составе. Более того, она действовала, говоря образным языком, как слон в посудной лавке, совершенно не учитывая стремления абхазов, осетин, других народов строить свою жизнь совершенно в ином ракурсе, нежели в том, что предлагалось, причем с угрожающей настойчивостью, грузинским национальным движением. В тот период Ардзинба небезосновательно надеялся на вхождение Абхазии в качестве субъекта федерации в состав обновленного Союза. Это же при его непосредственном участии год тому назад, в апреле 1990-го, были приняты законы Союза ССР,

[1] Газета «Аидгылара», 4 февраль 1991 года.

[2] Там же.

вначале «О порядке решения вопросов, связанных с выходом Союзной республики из СССР», а затем – «О разграничении полномочии между Союзом СССР и субъектами Федерации». Так, по первому закону, в случае выхода Союзной республики из состава СССР, автономные формирования и компактно проживавшие инонациональные компактные этнические группы обладали правом самостоятельно решать вопрос о пребывании в составе СССР. По второму закону автономные республики признавались «субъектами Федерации»[1]. Основываясь именно на этих двух законах, абхазский лидер строил всю свою деятельность, направленную на мирное отвоевание у метрополии утерянных за минувшие десятилетия прав и свобод абхазского народа. Надежды эти сохранялись вплоть до попытки государственного переворота 18 августа 1991 года.

Намерения абхазского руководства и Блока «Союз» придать Всесоюзному плебисциту широкомасштабную поддержку масс, ясное дело, не могли остаться без внимания грузинских властей, объявивших неприемлемым проведение на территории Грузии референдума по сохранению СССР. К тому же, в тот период, в нарушение юрисдикции Абхазии, главой Галского района в качестве префекта был утвержден назначенец из Тбилиси. На что «с возмущением отреагировали, как руководство Абхазии, так и представители абхазской общественности»[2]. Однозначно отрицательно расценили власти Абхазии эти действия, которые были квалифицированы как стремление грузинского центра «к ликвидации существующих в Абхазии конституционных структур власти и нарушению ее территориальной целостности… ».[3] Представители негрузинских общественных организаций и движений Абхазии также постановили считать «решение

[1] Т. А. Ачугба. В. Г. Ардзинба и вопросы государственного суверенитета Абхазии. // Материалы первой международной научной конференции, посвященной 65-летию В. Г. Ардзинба. Сухум, 2011. С. 55 – 56.

[2] Газета «Аидгылара», февраль 1991 года.

[3] Там же.

Президиума Верховного Совета Грузии не действительным и не имеющим юридической силы…».[1]

Так называемая война законов между метрополией и автономией продолжалась до грузинской агрессии – 14 августа 1992 года. Это проистекало, полагаем, по причине того, что, метрополия, готовясь к выходу из состава СССР, должна была каким-то образом, силовым или правовым, усмирить свои автономий, и заставить их следовать в своем политическом фарватере. Отсюда – шлейф провокаций, шантажа, угроз о применении силового варианта решения разногласий с автономиями. В Южной Осетии в этой связи Гамсахурдия начал военные действия, но довольно неудачно, что стало началом конца его правления. На грани тогда была и Абхазия, активно отвергавшая законодательные акты метрополии, укреплявшие ее политическое и экономическое господство в автономии. Начало же тому было положено еще 25 августа 1990 года, когда в присутствии члена Президиума Верховного Совета СССР В. Ардзинба сессия Верховного Совета Абхазской АССР, заслушав доклад В. Кобахия о правовых гарантиях защиты государственности Абхазии, приняла соответствующее постановление и Декларацию о государственном суверенитете Абхазской Советской Социалистической Республики[2]. Затем, это следует подчеркнуть, с приходом к власти Ардзинба, законодательно- правовая и практическая деятельность по укреплению самостоятельности и суверенитета в решении политических и экономических проблем абхазской государственности стала систематической. Таким образом, на завершающем этапе национально – освободительного движения абхазского народа, усилиями В. Ардзинба и НФА «Аидгылара», фронт борьбы с представителями «малой грузинской империи» стал постепенно перемещаться, уходя от митингов и шествий, в парламентские аудитории, как в Тбилиси, так и в Сухуме.

[1] Газета «Аидгылара», февраль 1991 года.

[2] Важная веха в истории Абхазии. Сборник материалов и документов. (Составитель Б. Е. Сагария). Сухум, 2002. С.116 - 117

В идейно-политической и духовно-культурной борьбе, сопровождавшей длительный исторический период грузино-абхазского противостояния, были всегда задействованы СМИ Грузии и Абхазии. Правда, во все времена эти интеллектуальные средства борьбы – газеты, журналы, альманахи, позже радио и телевидение, прочие средства информации – были распределены численно только в пользу Грузии. Даже в XIX веке, после махаджирства, в Тбилиси выходило немало изданий на грузинском и русском языках, призывавших своих соплеменников не медлить с колонизацией опустевших земель абхазской страны. И не одно из этих изданий, что выходили и в Тбилиси, и в Сухуме, ни разу в своих публикациях не озаботилось судьбой изгнанного народа, тем более, не высказалось в поддержку его возвращения из чужбины на родину.

Единственным утешением для абхазов будет то, что в ту пору, когда опустела абхазская земля, «грузинская периодика не ставила под сомнение ни автохтонность абхазов в Абхазии, ни моно этничность населения домахаджирской Абхазии». «Абхазия, как подсказывает само название местности, принадлежала и принадлежит абхазам», – писала газета «Дроеба». «Четыре года тому назад в Абхазии жили абхазы», – говорится в журнале «Иверия». А журнал «Моамбе» констатировал никем не оспариваемую в то время истину о том, что этнонимы «апсуа» и «абхаз» являются названиями одного и того же народа»[1]. Следует отметить также, что в периодике того времени наглядно просматривается соперничество между грузинскими «просвещенцами» и царской администрацией за преимущественное право на колонизацию опустевшего края. И, надо полагать, потому с недовольством пишут грузинские авторы о том, что «державная Россия заинтересована в заселении Абхазии и всего Кавказа преимущественно русским населением». Но русские колонисты не смогли надолго укорениться на завоеванных царизмом землях в силу разных причин – климатических,

[1] Т. А. Ачугба. Этническая «революция» в Абхазии. Сухум, 1995. С.9.

психологических и прочих. Именно тогда, когда российская администрация оказалась бессильной в вопросе тотального заселения «надежным населением» опустевших земель Кавказа, в том числе и Абхазии, внимание соплеменников к этой проблеме привлекли, как говорится, во весь голос идеологи возрождения Грузии. В газетах «Иверия», «Дроеба», «Шрома», журнале «Моамбе» и других изданиях в 70 и 80 годы X1X столетия шла яростная, в пику русским, пропаганда грузинского переселенческого движения. Со страниц газет и журналов, из номера в номер, раздавались призывы двинуться на благодатную землю Абхазии, пока ее не освоили чужеземцы. Участвовали в том, грузинские писатели, публицисты, ученые, общественные деятели. Так, писатель Г. Церетели, обращаясь к сородичам, убеждал их, что «весь Кавказ является родиной грузин, грузинской землей»[1]. Общественный деятель и педагог Я. Гогебашвили, оспаривая право у царской администрации, в публикации под красноречивым заголовком «Кем заселить Абхазию» утверждал, что «только грузино-мегрелы на правах соседнего народа имеют преимущество на колонизацию территории Абхазии»[2].

Доходило до того, что авторы публикаций на тему колонизации с целью поощрения грузинского крестьянства к переселению всячески восхваляли Абхазию. Будущим грузинским колонистам обещали райскую жизнь в соседней стране. Представителей же других народов отпугивали малярией, отсутствием хлеба, бездорожьем и даже малоземельем и т. д. «Абхазия, сообщается в газете «Дроеба» от 26 октября 1883 года, для кавказцев (имеются в виду грузино-мегрелы – ред.) является любящей матерью, а для всего другого люда – мачехой и весьма злой»[3]. Акад. Т. Ачугба отмечает, что «публикации подобного тенденциозного характера не оставались без соответствующего реагирования со стороны властей

[1] Там же. С. 28.
[2] Там же. С. 16.
[3] Там же. С. 16.

и общественности России. В газете «Новое время», например, сообщалось, что «грузинская общественность преднамеренно распространяла слух о малярии, чтобы сюда не заселялись русские»[1].

Таким образом, поединок колонизаторов, большого и малого, по дележу обессиленной и обезлюдевшей страны, продолжался, с переменным успехом, не один десяток лет. Имперские амбиции грузинской интеллигенции, зачинавшей возрождение Грузии на пепелище покинутых абхазских очагов, имели продолжение много лет спустя. По справедливому определению проф. С. Лакоба, «плодами русской военной победы в Абхазии в Х1Х столетии в полной мере воспользовалась зависимая Грузия, выступающая и по сей день в роли мелкого хищника».[2]

Этот образ «мелкого хищника»в 20-м столетии, словно злой рок, неотступно преследовал абхазов, выживших после трагедии махаджирства. Вначале в хищном обличье Грузинской Демократической Республики Ноя Жордания, Рамишвили и Компании, затем – в формате зловещей сталинско-бериевской Грузинской ССР, и снова, как бы возвращаясь на круги своя - реанимированная «демократическая» Республика Грузия, но уже образцов Гамсахурдия и Шеварднадзе. В минувшем веке Грузия, ставшая чаяниями своих духовных отцов и волею провидения настоящей «малой империей», развязала против абхазов две войны. Ее посланцы, оказавшись у власти в Кремле, в течение нескольких десятилетий экспериментировали на народах в пределах великой России и на пространстве всей Советской страны. Также попутно превратили Абхазию, после злодейского убийства абхазского лидера Нестора Лакоба, в свою курортно – колониальную резиденцию. Абхазам же, по планам «отца народов», великодушно представлялась почетная миссия: вместо высылки в Сибирь или Казахстанские степи, возможность быть ассимилированными в

[1] Там же. С. 17.

[2] Лакоба С. Столетняя война Грузии против Абхазии. Гагра, 1993. С. 15.

грузинской этнической среде. Но тогда не сбылось – абхазы чудом уцелели. И вот на рубеже двух веков возникает чудовищная опасность: «малая империя» тайно готовит поход на Абхазию, словно Батыя нашествие к «последнему морю» – на Европу. Цель ясна – подавить раз и навсегда непокорных абхазов, задумавших по всему отложиться от метрополии. Грузинские правители уверены в успешности своих замыслов: Шеварднадзе заручился поддержкой Ельцинской России. Несомненно, поддержат грузинские планы и лидеры ведущих стран мира. Ценят там «белого лиса» за его инициативность и старательность по развалу великой Советской державы. Ангажированные, но, тем не менее, влиятельные западные СМИ, по подсказке своих хозяев, неустанно работают над имиджем главы Грузии, создавая ему репутацию самого «продвинутого демократа» на всем пространстве СНГ, не говоря уже о Кавказском регионе. Прогибаются в этом плане и грузинские средства информации, кстати, раньше, до прихода к власти Шеварднадзе, истово восхвалявшие первого грузинского президента Гамсахурдия.

Но еще до грузинской агрессии 14 августа 1992 года, был подготовительный период, захвативший частью правление грузинских коммунистов, сметенных позже грузинским национальным движением под лидерством Звиада Гамсахурдия, в свою очередь, поверженного хитроумным Шеварднадзе, являвшимся в то время Кремлевской креатурой. На этом историческом отрезке, который вполне можно назвать предвоенным, абхазский народ подвергся четко спланированной идейно-психологической атаке грузинского агрессивного национализма, проводниками которой являлись практически все наличные СМИ метрополии. И что характерно: раньше, скажем, в XIX веке, почти во всех публикациях видных представителей грузинской элиты однозначно утверждалось, что абхазы и Абхазия – это соседний народ и его страна. В условиях советского и постсоветского времени страницы грузинских СМИ заполнялись материалами, содержащими иной взгляд на эту про-

блему, ставшую на десятилетия «камнем преткновения» в грузино-абхазских отношениях. В интерпретации «новых» идеологов получалось, что якобы Абхазия ныне и всегда являлась «неотъемлемой частью» Грузии. На эту формулу, сочиненную грузинскими учеными и благосклонно воспринятую советскими руководителями Грузии, однозначно негативно реагировали абхазская общественность, и, в целом, весь народ. И потому, безусловно, грузинские общественные деятели, ученые, публицисты часто поднимали эту тему в грузинской печати, нередко к тому же подключали и ангажированные союзные СМИ. Эта практика усилилась в предвоенный период, когда, как уже помышляла грузинская политическая элита, пришло время посчитаться с абхазами, задумавшими, освободившись от опеки метрополии, жить свободно и независимо. Кстати, самую весомую лепту в разжигание грузино-абхазского противостояния внесли руководители Грузии. Например, «в свое время пресс-служба первого президента Грузии З. Гамсахурдия заявила: «Город Сухум издревле был заселен грузинскими племенами, где апсуйцы (абхазы – ред.) появились лишь в начале XX века». Сменивший Гамсахурдия в результате военного переворота Э. А. Шеварднадзе постоянно твердил, что Абхазия «неотъемлемая часть» Грузии и призывал свой народ воевать против абхазов, которые отнимают у грузин «родную землю»[1].

Характеризуя предвоенный период национально-освободительной борьбы абхазского народа, доктор исторических наук С. Шамба отмечал: «После народного схода в селе Лыхны общественно – политическая обстановка в Грузии и Абхазии становится еще более напряженной. Республику захлестывает новая волна митингов и забастовок, проводимых грузинскими неформальными организациями. На них все резче звучат требования об упразднении Абхазской автономной республики… Грузинская пресса продолжает раздувать антиабхазскую истерию. Даже официальные грузинские печатные издания, ничем не гнушаясь, публикуют нацистские призывы»[1].

[1] Т. А. Ачугба. Этническая «революция» в Абхазии. Сухум, 1995. С. 5.

В ту пору многие грузинские средства информации, разве лишь самый ленивый из того сообщества не бросил камень в огород абхазов, наперебой ринулись исполнять антиабхазские заказы неформалов, санкционированные, к тому же, официальной властью. Свидетельством тому – распространение лжи и клеветы в адрес абхазов, их истории и культуры партийными (государственными) газетами и журналами. «Заря Востока», позже «Свободная Грузия», «Сакартвелос Комунисти», «Молодежь Грузии», «Ахалгазрда комунисти» и другие официальные издания – со знанием дела неукоснительно обеспечивали реализацию программы, с одной стороны, по оболваниванию собственно грузин, с другой – по дискредитации абхазского народа, его истории, культуры, государственности. Тому же примеру, в разное время, следовали издания рангом помельче. Такие, как «Народное образование», «Вестник Грузии», «Литературная Грузия», «Грузия спектр», «Ахалгазрда иверiели», «Тбилиси» и т. д. Влиятельное грузинское лобби всегда пребывало в советских, а позже, российских СМИ:«Независимой газете», «Московских новостях», в «Известиях», «Коммерсанте», «Общей газете» и других. Не были в этом плане исключением и некоторые Российские телеканалы, также и радиостанции. Обладатели столь мощного и весьма разнообразного информационного задела, конечно же, чувствовали себя вольготно. Тогда вряд ли кому-то верилось, что абхазские журналисты и публицисты, ученые и творческие деятели, смогут когда-нибудь, сразившись с идеологами грузинского агрессивного национализма на равных, поставить на место всех этих разнузданных, изливающихся желчью шовинистов, занятых фальсификацией и злобным сочинительством на антиабхазской ниве.

[1] «Аидгылара» – 20 лет. Сборник выступлений и докладов. Сухум, 2009. С. 14 – 15.

Это произошло позже, когда в русле новой информационной политики В. Ардзинба кардинальным образом скорректировал цели и задачи абхазских СМИ. Средствам массовой информации была представлена широкая свобода действий и выбора форм и методов по защите прав и интересов абхазского народа и его государственности. Но до того, то есть в рамках второй половины 80 – х и в начале 90 – х годов, грузинские средства информации почти «безнаказанно» извергали со своих страниц горы поклепа и лжи в адрес абхазского народа, его истории, культуры, языка, государственности. В этой связи, думается, не лишне привести здесь, чтобы не запамятовали о том будущие поколения абхазов, некоторые известные образчики высказываний в печати представителей, как говорят, грузинской рафинированной интеллигенции. Например, группа «инженеров человеческих душ», то бишь писателей, лживо отмечала: «Пару веков тому назад с Северного Кавказа к нам пришли адыгские племена (апсилы и абазги). Мы пригрели их на нашей грузинской земле… Пришелец из-за гор, покрывший мхом нашу национальную плоть, оспаривает нашу землю»[1]. А вот еще один образец поклепа – абсурдное по содержанию письмо грузинского писателя Фазилю Искандеру, в котором сообщалось: «… В природе никогда и нигде не существовали ни абхазский язык, ни абхазская культура, а проклятые большевики ввели в заблуждение наивных адыгейцев, придумали для них на территории Грузии абхазскую автономию, в паспортах записали несуществующую национальность «абхаз».[2] Процитируем также классика грузинской литературы Ч. Амерэджиби, «изящном» слогом отметившего, что, оказывается, «Абхазы – грузинское племя. А те, кто пришел к нам с Северного Кавказа, – всякая шваль, адыгея, убийцы и полудикие племена…»[3].

Оскорбительные для абхазов, и совершенно неправдоподобные в историческом плане, публикации грузинской научной и

[1] Там же. С. 15.

[2] Там же. С. 15.

[3] Газета «Российские вести», 22 октября 1992 года

творческой интеллигенции (хотя возможно ли применение столь высокого звания «интеллигент» к элитным клеветникам?) выходили массовыми тиражами, как в государственных средствах информации, так и в партийных изданиях, в передачах радио и телевидения. Мощная, налаженная грузинской властью, система агрессивной информационной пропаганды была призвана, парализовав абхазов, заставить их отказаться от идеалов освободительной борьбы, от своего кровного и неотъемлемого права жить свободно и независимо в своей Отчизне.

Владислав Ардзинба, прекрасно сознавая силу печатного слова, всегда уделял большое внимание средствам массовой информации Абхазии. Еще задолго до того, как Ардзинба стал руководителем республики, он уже занимался вопросами организации новых, соответствующих духу времени и задачам освободительного движения, печатных изданий. Таковых в тот период, из числа действующих органов печати, можно было пересчитать по пальцам одной руки.

В двух публикациях газеты «Эхо Абхазии», посвященных обзору абхазских СМИ, в основном, верно, отмечалось, что на протяжении многих десятилетий журналистика Абхазской АССР «держалась на трех китах» – трех ежедневных республиканских газетах: «Апсны капш» (Красная Абхазия) на абхазском, «Сабчота Апхазети» (Советская Абхазия) на грузинском и «Советская Абхазия» на русском языках… Выходили в эфир также передачи Абхазского радио – с 30-х годов, а с 1979 года, после массовых выступлений абхазов в 1978 году с политическими и иными требованиями, – и Абхазского телевидения. Большинство районных и городских газет выпускалось… на двух или трех государственных языках… Все это были государственные газеты… Нарастание межнациональной напряженности той поры находило отражение на страницах и официальной прессы, подконтрольной комитетам Компартии Грузии и советским органам, но отражение весьма дозированное, купированное…»[1].

[1] Постсоветская журналистика Абхазии. Газета «Эхо Абхазии». 10 декабря 2010 года.

В условиях того времени, как видим, абхазской республике требовались независимые от метрополии средства информации. Летом 1989 года при Народном Форуме Абхазии «Аидгылара» стали издаваться газеты на абхазском и русском языках: «Аидгылара» и «Единение», редакторами которых были Г. Аламиа и Н. Джонуа. Эти две газеты, да еще Гудаутская районная газета «Бзыбь», стойко держали, говоря военным языком, оборону против психологического натиска грузинских шовинистов объединенными силами всех СМИ метрополии. Владислав Григорьевич, находясь в Москве и занимаясь депутатской деятельностью, в то же время внимательно отслеживал ситуацию, складывающуюся в Абхазии. Отмечал, видимо, для себя превосходство, и весьма значительное, отлаженной грузинской пропагандистской машины, имевшей целью создание условий для реализации давних планов по свертыванию автономных государственных образований в составе Грузии, ассимиляцию негрузинских национальных групп, создание в итоге унитарного грузинского государства. Таковой, по всему представлялась в ту пору программа грузинского национального движения, под лозунгами которой вскоре пришел к власти первый президент Грузии З. Гамсахурдия. Да и Эдуард Шеварднадзе позже, находясь при власти, не отказывался от идейно-политического наследия отставленного им насильственным путем предшественника. Думается, при таких неравных условиях идейно – психологической борьбы, надо было наращивать число средств информации и, безусловно, качество их работы. Так, безусловно, ставил себе задачу Ардзинба, намечая в тот период меры по противостоянию грузинской имперской идеологии. В доказательство приведу один штрих, наиболее достоверно, как мне кажется, отмечающий и обстановку того сложного периода, и то значение, которое придавал Владислав оружию слова. Однако вначале несколько слов по поводу замечания В. Шария, сделанном им в упомянутом выше обзоре «Эхо Абхазии», о том, что «в октябре 1990 года на русском языке стала выходить «Абхазия» – газета Верховного Совета Абхазской

АССР, которую основал и стал редактировать Тариэл Аршба…». Все здесь верно, кроме одного заключения: не мог никто – ни Аршба, ни Чамагуа, ни Шария – основать в ту пору, согласно законодательству, государственную газету, кроме самого государственного органа. В данном случае – это Верховный Совет. Но это к слову. На самом деле, как мне в один из ноябрьских дней 1989 года поведал о том В. Ардзинба, все происходило следующим образом.

Состоялась та наша встреча поздней осенней порой. Именно здесь, недалеко от входа в абхазский театр, Владислав Григорьевич, поздоровавшись, предложил мне отойти в сторону на пару слов. Далее цитирую по очерку «Такое было время»: «Послушай, Виталий, – начал со мной разговор Владислав, – я договорился с Валерьяном Османовичем (В. О. Кобахия – председатель Президиума ВС Абхазии – В. Ч.)по поводу тебя, то есть о твоем назначении первым заместителем главного редактора газеты «Абхазия». – Я был огорошен его словами и не знал, что сказать. А он продолжил: – «Ты пойми, дело это очень нужное, мы живем в сложное время, нам предстоит еще решительнее отстаивать свои права. Обстановку и задачи наши необходимо правдиво и своевременно доводить до народа. К сожалению, как ты видишь, у нас нет печатных органов, которым можно было бы доверить это дело. Для этого мы (то есть, Ардзинба и Кобахия. – В. Ч.) договорились создать новую газету, солидную, боевую. Нужны журналисты – профессионалы, и не только. Нужны, при этом, патриотично настроенные. Думаю, ты понимаешь, о чем я говорю», – заметил он, посмотрев мне в глаза»[1].

Я видел, что Ардзинба в том разговоре со мной был предельно искренен и, даже несколько эмоционален, сильно, видимо, болел душою за новое начинание. Это потом я осознал, что именно тогда, со времени создания газеты «Абхазия», он начал выстраивать, вначале с помощью действующего абхазского руководства,

[1] В. Чамагуа. Эпоха Владислава. Хроники. Сухум, 2013. С. 17 – 18.

собственную информационную политику. Тогда я все же не сразу согласился на его предложение, попытавшись обосновать свой отказ кадровым дефицитом и прочими причинами. Но не таков был Владислав, чтобы сразу отступиться от задуманного и, догадавшись о моем настрое, продолжил уговоры. Слушал я его со вниманием и, признаюсь в том, легко соглашаясь с его доводами. Ведь он просто и доходчиво говорил о тех вещах, кои всегда были в мыслях любого сознательного абхаза. И все же под спудом ответственности, я все еще думал об отказе, как он, перебив мои мысли, быстро среагировал: «Не спеши отказываться… Будут кадры и актив подберется. – У нас ведь немало ученых, писателей, их просто не публикуют. Да и вся республика под колпаком. Надо нам выбираться из этой ситуации. Для этого следует начинать с идеи. Нашей идеи, национальной, патриотичной. Нужно поддержать веру людей в успех…»[1].

В итоге я, конечно, не устоял. Надо думать, верх взяли харизма, логика и аргументы Ардзинба, хотя до этого разговора мы с ним общались пару раз, и то накоротке. Тогда на театральной площади, прощаясь в хорошем настроении, и, напутствуя меня, Владислав говорил: «И вообще скажу тебе откровенно, у нас большие надежды и на газету, и на предстоящее время. Но пока об этом говорить рано. Прежде надо укрепляться. О чем мы и ведем разговор»[2]. Так, на театральной площади Сухума, Владиславом Ардзинба был решен вопрос моего назначения в газету «Абхазия». Такое, замечу, было время.

Такими были первые шаги В. Ардзинба в налаживании той информационной политики, которая служила бы интересам абхазского народа, отстаивала его право жить свободно, без диктата «малой грузинской империи». Но до этого было еще далеко: республиканские газеты, телевидение и радио в предвоенный период, до их реорганизации после августа 1991 года, вряд ли обладали возможностью в полной мере обеспечивать информационную и идеологическую поддержку планам В. Ардзинба по укреплению политических и экономических основ суверенитета абхазской автономии. Партийные и советские органы, в чьем ведомстве формально числились основные абхазские СМИ, сами находились в условиях авторитарной системы, т. е. под властью и тотальным контролем грузинской советской метрополии.

Это подтверждает и непростая ситуация, сложившаяся в тот период вокруг самой массовой русскоязычной газеты «Советская Абхазия», тираж которой достигал свыше 50 тысяч экземпляров. И потому, безусловно, газета «Эхо Абхазии», в упомянутом выше обзоре отмечает, что «представители как абхазского, так и грузинского национального движений повели серьезную борьбу за влияние на редакционную политику «Советской Абхазии». Главный редактор газеты Юрий Гавва, назначенный на эту должность в конце 1988 года, по паспорту был русским, но с грузинской ориентацией (вырос и сформировался как личность в грузинской глубинке). Тем не менее, до поры до времени он придерживался «сбалансированного» освещения событий и мнений в сфере межнациональных отношений»[1].

Кстати, будучи в ту пору ответственным работником республиканского комитета партии, я не раз непосредственно убеждался в том, что «сбалансированный» прием Гавва всегда был на руку нашим оппонентам. То есть, абхазам от того «баланса» перепадали крохи, а грузинам – львиная доля. За примерами далеко ходить не надо: в пору, когда бастовали предприятия Гудаутского района, отдельные группы людей объявили голодовки после июльских столкновений 1989 года, я, как куратор СМИ Абхазии, попросил Гавву осветить в газете происходящие в районе события. На что

[1] Там же. С. 18.

[2] Там же. С. 18 – 19.

[1] Постсоветская журналистика Абхазии. // Газета «Эхо Абхазии». 12 декабря 2010 года.

мне был дан однозначный, и, вместе с тем, оскорбительный отказ. Оскорблен им был целый район, в адрес которого он пренебрежительно, с циничным подтекстом, бросил: я, мол, не собираюсь освещать проблемы гудаутских шоферов! Только и успел ему ответить на то, что время каждому воздаст по заслугам. Вот такой «баланс»!

Для того, чтобы основательно понять внутреннюю «кухню», состояние и возможности Абхазских СМИ советского периода, скажем, 70-х и 80-х годов, к чему я был причастен как журналист и партработник того времени, отмечу несколько штрихов, иллюстрирующих бесправное положение, как абхазской автономии, так и ее средств информации. Если взять, к примеру, кадровые вопросы, то вопрос назначения главных редакторов т.н. областных газет (на самом деле они являлись республиканскими) решался в ЦК Компартии Грузии. Только затем они утверждались на бюро Абхазского обкома (позже рескома) партии. В этом плане газета «Советская Абхазия», как самая влиятельная в республике, всегда была в поле зрения всевидящего ока метрополии – КГБ (Комитет Государственной Безопасности) Грузии и Абхазии. За все 70 лет Советской власти ни одному абхазу не довелось возглавить этот русскоязычный орган печати Абхазии. Выходит, метрополия, не доверяя представителям титульного народа автономии, не допускала никого из них к управлению самой тиражной газеты республики. Следили также и за ситуацией внутри коллектива газеты. Так, едва я отработал год после завершения учебы на факультете журналистики МГУ, и, будучи секретарем парторганизации редакции «Советской Абхазии», в 1978 году высказал гл. редактору категорическое несогласие по поводу замалчивания событий, связанных волнениями в среде абхазского народа. В итоге – оказался в городе Баку, в пенатах Высшей Партийной Школы. Или другой пример. В 1988 году, после кончины гл. редактора А. Ермашкевича, первый секретарь обкома партии Борис Адлейба предложил, в рамках условий того времени, грузинскому ЦК партии три кандидатуры (двух абхазов и русского), чтобы коллектив редакции сам избрал себе гл. редактора. И, когда в Тбилиси вроде согласились с выборами, Адлейба мне приватно сказал, что, судя по настроению многих в коллективе редакции, у меня неплохие шансы возглавить газету. Прошла неделя и из ЦК, как мне грустно поведал Борис Викторович, «рекомендовали»: никаких выборов, редактором должен быть не кто иной, как Гавва Юрий Владимирович.

Запомнился мне и такой инцидент, который был замят, как говорится, на «грани фола» для меня. Помнится, когда, после очередного выступления абхазского народа, республике разрешили иметь свое телевидение – радости не было предела. Несмотря на временную схему и непродолжительность передач, каждый воспринимал телевидение в качестве непременного атрибута абхазской государственности. И все телезрители, конечно, лелеяли мечты о том, что в скором времени предстоит расширение сетки абхазского вещания. О том, не секрет, мыслили и в обкоме партии. Раз, в конце 80-х, меня призывает к себе секретарь рескома партии Руфет Бутба и расстроенным голосом говорит: прочти эту бумагу и скажи свои соображения. Я еще не дочитал до конца партийную депешу из центра, как негодование и злость начали обуревать сознание. По другому и быть не могло: в руках я держал официальное решение секретариата ЦК Компартии Грузии о введении редакции грузинского вещания на Абхазском телевидении! И обосновывалось это тем, что в автономии, мол, функционируют три государственных языка: абхазский, грузинский и русский. Пресса также трех язычная, а вот на телевидении этого не сделано. И в заключение предлагалось областному комитету партии принять все необходимые меры для решения этого вопроса.

Тогда сразу не нашелся, что сказать секретарю по идеологии, да и он, понимая ситуацию, не требовал скорого ответа, лишь заметив: поговори с председателем комитета по телевидению и радиовещанию, с Шамилем Пилия – это и его касается. Я так и сделал: но ничего вразумительного мы не сообразили, лишь посетовали на

то, что, в случае утечки информации, нас могут ожидать нешуточные народные волнения. И я решил повременить с документом: дескать, в метрополии, как и у нас, неспокойно, авось каким – то образом позабудут о своем злополучном решении. Но не тут-то было: через пару недель приглашает меня к себе второй секретарь обкома Хабурзания Лео Ясонович, доктор философии, присланный из Тбилиси и, как это водилось во времена метрополии, в «помощь» абхазской республике. И говорит: мне сказали, товарищ Чамагуа, что вам передали постановление секретариата ЦК нашей партии о создании грузинской редакции на Абхазском телевидении. Из Тбилиси теперь спрашивают: как решается этот важный вопрос. Я понимал: убеждать Хабурзания в том, что реализация данного проекта метрополии, может вызвать дестабилизацию общественной обстановки, не имело смысла. Он был информирован не хуже меня и владел той информацией, о которой я мог только догадываться интуитивно: о том, например, что в ту пору метрополия пыталась подкинуть абхазов, используя те или иные проекты, вызывавшие резкое неприятие, а, значит, очередные протесты и волнения в народе. Кстати, республика уже была в напряженном ожидании в связи с планами метрополии навязать автономии грузинский язык в качестве языка делопроизводства. По этому поводу, к слову, на партийном собрании аппарата обкома мы – небольшая группа ответработников, обвинив Грузинский ЦК в национализме и игнорировании интересов и прав Абхазии, заявили второму секретарю о намерении создать абхазскую компартию, интернациональную на деле, а не по форме, как грузинская. И потому второй секретарь вежливо и осторожно, в интеллигентной манере, вел беседу со мной. Но я, так и не сообразив, что отвечать ему, на всякий случай заметил, что в этом вопросе возникли некоторые проблемы, о чем, мол, доложу через пару дней. Это время минуло, я все никак не мог собраться с мыслями: что же все-таки предпринять? Так и не придумав вескую формулу отказа, да у меня и не было таких полномочий, я пришел, в итоге к рискованному, и,

в какой-то мере, авантюрному плану. Заключался он в том, что я собственноручно написал письмо в адрес обкома от представителей одной уважаемой и довольно многочисленной национальной общины с настоятельной просьбой наладить на абхазском телевидении вещание на их родном языке. И на очередной встрече с Лео Ясоновичем мною была продемонстрировано, правда, с опаской, то самое письмо, которое я так и не выпустил из своих рук, разве лишь зачитал фамилий известных представителей той общины. И этого, к моему все же удивлению, оказалось вполне достаточным для того, чтобы дело грузинского ЦК надежно застопорилось: тогда, после разговора, обведя меня тревожно-озабоченным взглядом, Хабурзания заметил вслед: я позову вас и сообщу, что нам делать дальше. Однако, несмотря на мои ожидания, по этому поводу больше разговора не было.

Все это – примеры бесправного положения абхазской автономии в сфере СМИ. Но не лучшим образом обстояли дела и в кадровой политике, экономике, социальной и духовно – культурной составляющей. Абхазская автономия в полном объеме управлялась из имперского центра. Такое наследие получил В. Ардзинба, возглавивший Абхазию в то мрачное время – в разгар мракобесия грузинского национального движения, сомкнувшегося с партийно- советским руководством мини-империи. До прихода к власти Владислава Ардзинба, в Грузии и Абхазии, как известно, единолично правили коммунисты. Но меж ними, абхазскими и грузинскими партийцами, была большая разница. Так называемая грузинская коммунистическая власть, особенно в высшем эшелоне руководства, состояла на все сто процентов из махровых, временами затаенных, агрессивных националистов. Власть абхазская, в частности, абхазские коммунисты, в большинстве своем, искренне, без задней мысли, как говорится, исповедовали марксистско-ленинский интернационализм, к тому же абхазские партийцы были в подчиненном положении и в подавляющем меньшинстве. Отсюда происходила их явная беспомощность и пассивность в реализации тех

или иных задач по защите интересов и достоинства собственного народа, оказавшегося в результате демографической экспансии двух империи, малой и большой, в меньшинстве на родине. В такой ситуации, вместо того, чтобы сдерживать своих воинствующих шовинистов, грузинское партийное руководство, весьма далекое от провозглашаемого на словах интернационализма, в конце 80-х открыло все шлюзы по идеологической обработке грузинского населения, том числе, проживавшего в Абхазии. На страницах и в передачах официальных средств информации, по отмашке штаба грузинских коммунистов, велась оголтелая пропаганда на предмет того, что абхазы – это пришлый народ, захвативший не столь давно древнегрузинскую территорию – Апхазети.

В ответ на это абхазская руководящая элита, как обычно, молча глотала обиду, соблюдая, тем самым, субординацию в рамках так называемого «демократического централизма». Это одно из правил коммунистов, по которому меньшинство, невзирая даже на свою правоту, подчинялось большинству. Многие абхазы, среди которых нередки были и заметные деятели науки и культуры, видя подобное положение, занимали выжидательную позицию. Встречались и такие личности, которые переходили на сторону оппонентов. А те, кто искреннее и решительно были настроены на отповедь грузинским агрессивным националистам, нередко лишались трибуны, в том числе на партийных пленумах и активах, в печати, на радио и телевидении. А если и были подобные, правда, весьма редкие выступления, в том числе и на партийных пленумах, то речи эти замалчивались, как правило, не публиковались в печати.

Свидетельством тому выступление В. Ардзинба осенью 1989 года на пленуме республиканского комитета партии, посвященном межнациональным проблемам. Это было его первое публичное выступление в качестве директора Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа, вызвавшее изумление и подобие шока в партийно-советской чиновной среде, и, тем не

менее, до сих пор не известное в обществе. Причиной тому было то, что эта речь не была опубликована даже ни в изложении, ни в сокращенном варианте. Партийно-советская печать автономной республики не имела ни прав, ни желания по собственной инициативе опубликовать любой материал с партийных собраний, активов или пленумов, а критический – тем более. На освещение тех или иных мероприятий давалась санкция вышестоящего начальства, с оглядкой, как это водилось, на кураторов из метрополии. В советское время грузинский контроль был поистине тотальным. Так, при подготовке разных заседаний и активов, все доклады контролировались партийными работниками под предлогом помощи выступающим. Напичканные общими, ничего не значащими рассуждениями, вперемешку с цитатами из ленинского наследия, или, что еще нелепее, из «трудов»тогдашних партийных секретарей – эти речи ораторов вызывали в аудитории скуку и равнодушие. Но иное дело выступление В. Ардзинба на упомянутом пленуме. Я на нем присутствовал и видел воочию как Владислав, сразу приковав внимание довольно сложной аудитории, состоявшей из партийно-советских чиновников, до конца своей речи держал ее в напряжении. Один из своих тезисов он тогда излагал таким образом: «Слабое знание истории и культуры, сегодняшних проблем республики, часто ведет, как об этом свидетельствуют некоторые выступления по республиканскому (грузинскому – В. Ч.) телевидению и в печати, а также недавние события в Сухуми (столкновения 15 – 16 июля на межнациональной почве – В. Ч.), к нигилистическому восприятию абхазской нации, ее языку и культуре…». И сделав паузу, он продолжил: «Вместе с тем, мы должны говорить и о крупных просчетах и трагических событиях, нанесших колоссальный ущерб абхазской нации, от которого она до сих пор не может оправиться…». И, завершая свой тезис, отмечал: «Мы имеем дело с искажением ленинских норм партийной и государственной жизни, с противоправными злоупотреблениями власти, которые наносят вред любому народу…».

В зале заседаний воцарилась мертвая тишина. У членов бюро рескома, восседавших в президиуме, вернее, у некоторых из них, скажем, абхазской национальности, наблюдался несколько отрешенный облик: мол, ничего выходящего из ряда вон не происходит. Другие, к примеру, чиновные грузины, растеряно отводили взгляд от аудитории, особливо от сидевших там своих сородичей, недоумевавших по поводу чересчур смелых высказываний директора Абхазского института. Мы же, небольшая группа абхазских партработников, радовались как малые дети, соображая: не может быть того, чтобы не было продолжения. Уж кухню-то партийную, с ее регламентом и субординацией, мы изучили отменно.

Тогда, замечу, наши ожидания оправдались. Да еще как! Владислав, обведя своим зорким взглядом сидевших в зале чиновников, приступил к изложению своих главных тезисов. Должен отметить, что в ту пору, после июльских столкновений, они прозвучали как обвинительная речь против известной политики грузинского руководства в мрачный период 30-х и 40-х годов. Прозвучала она, эта речь, следующим образом: «Необходимо еще раз коснуться вопроса о том, что в Абхазии сплошь и рядом изменены и искажены названия населенных пунктов, причем, некоторые из них переименованы без специальных постановлений. Ужасный смысл переименований состоял в том, чтобы лишить этнической памяти нынешнее и грядущее поколения абхазов, уничтожить древние памятники их культуры. Можем ли мы созидать правовое государство, сохраняя наследие того времени, когда демократические нормы, национальные права народа грубо попирались!» – эмоционально восклицал Ардзинба, обводя требовательным взглядом смущенных столь смелой речью партийцев. – И, приметив, что его обвинительное, по существу, выступление воспринимается без реплик и прочих протестных явлений, он жестко, с нотками металла в голосе, продолжил: – «Не о переименовании должна идти речь, а о восстановлении того, что было грубо растоптано…».

По части своего личного ощущения от выступления В. Ардзинба, не могу не отметить следующее: С волнением слушая оратора, я с тревогой думал: вот-вот, еще немного и грузины, не дав завершить выступление, прервут Владислава. И был несказанно поражен: ни слова протеста не раздалось и во время речи Ардзинба, и затем, после ее завершения. Никто из них, как из состава президиума пленума, так и со стороны участников партийного форума, не выразил протеста. Абхазы, конечно, в основном, с удовлетворением восприняли речь Владислава Григорьевича. Это, впрочем, понятно. А вот то, что грузины промолчали, особенно члены бюро рескома партии, то было явлением необычным. Надо отметить, что абхазские требования о реабилитации искаженной топонимики, они всегда, как пришлое грузинское население, так и чиновные соплеменники, встречали, как говорится, в штыки, то есть, однозначно отрицательно. А в случае с Владиславом все прошло гладко, как по маслу, хотя, в его речи, прямо скажем, было мало приятного для грузин. Но, думается, наших оппонентов сдержала от протестов логика и интеллект оратора, его искусство общения с аудиторией, способность на основе четкой и выверенной аргументации, убедить людей в непреложной истине сообщаемых им фактов и сведений.

Надо также отметить, что описываемое событие происходило в сложное время, когда Абхазию постоянно потрясали конфликты и протестные выступления, большей частью, разумеется, организуемые грузинским национальным движением. В грузинском обществе, в отличие от абхазского, активно формировалась идеология сепаратизма, отделения от советской страны и создания независимого грузинского государства. Практическими шагами в этом направлении как раз и были те митинги и демонстрации силы, как в Грузии, так и в Абхазии, которые призваны были продемонстрировать: кто не с нами – тот против нас. А как будут наказываться противники подобного курса, было видно по лозунгам и высказываниям грузинских неформалов, поддерживаемых союзниками от

власти. Словом, это было начало великого разлома, трансформации умонастроений народов Советской державы: кто за Союз, а кто против него. Таким образом, разделились грузины и абхазы. И вот теперь, когда это свершилось открытым текстом (Лыхненское Обращение, выступление Ардзинба на 1 съезде народных депутатов СССР, трагические июльские события 1989 года), наши оппоненты стали особенно внимательно отслеживать ситуацию в абхазском национальном движении. Начали также более тщательно присматриваться, в качестве своих будущих противников, к абхазским лидерам, ибо представляли, что дороги абхазов и грузин по всему окончательно расходятся. И потому им, грузинам, впереди предстоит дать абхазам, по определению агрессивных националистов, решительный и окончательный бой!

В этих условиях, ясное дело, резонанс от рассматриваемого выступления Ардзинба, был знаковым не только для партийных кругов, но и, в целом, для всего общества. Многие стали осознавать: на политической арене республики появилась неординарная личность, совершенно отличная от местных политиков независимостью суждений, блестящим талантом, глубиной мысли, широким интеллектом. Абхазы, это было заметно, приободрились и стали более консолидированы. Грузины, особенно крайних взглядов, задавались вопросом: какую опасность для них представляет в будущем этот ученый абхаз?

Действительно, предчувствие представителей метрополии было не беспочвенным: определяющим оказалось влияние личности Владислава на передел существовавших десятилетия грузино-абхазских колониальных отношений, при которых автономия явно прозябала на задворках мини-империи. Но в ту пору до абхазской независимости было еще далеко, а новому главе Абхазии приходилось, шаг за шагом, постепенно мостить дорогу к свободе и суверенитету новыми законами и преобразованиями в закосневшем общественно – политическом и экономическом укладе жизни республики. В то же время для ощутимого сдвига в том, необходима была реальная, не на словах, а на деле, поддержка помощников и союзников в средствах массовой информации. В национально-освободительном движении имелись свои СМИ, которые вполне успешно справлялись с поставленными руководством движения задачами. По иному обстояло дело с государственными средствами информации: они частью были рассредоточены между соперничавшими структурами – советами и партийными органами, частью – занимали ярко выраженную грузинскую позицию. Это были, как правило, республиканская и районные газеты, как в Сухуме, так и в ряде районов – Сухумском, Гульрипшском, Галском и, частично (грузинская редакция газеты «Авангард») Гагрском. Партийная республиканская газета «Советская Абхазия» также по многим параметрам не могла стать надежным проводником программы преобразований, намеченных лидером автономной республики. С одной стороны, газета обслуживала интересы абхазской партийной организации, формально связанной с Грузинской компартией, с другой – руководство редакции и часть коллектива, будучи тайными или явными сторонниками метрополии, никак не вписывались в идеологию национально-освободительного движения абхазов.

Надо признать откровенно, что в тот предвоенный период, когда махровые силы грузинского реваншизма в лице объединенной (политики, научные и творческие деятели) грузинской элиты проводили мощную антиабхазскую кампанию, абхазы не могли в полную силу реализовать в ответных публикациях свой научный и культурный потенциал. И по той причине, что малая империя контролировала почти все СМИ автономной республики. Безусловно, с приходом Ардзинба к управлению, в Абхазии все начало меняться, и средства массовой информации не являлись исключением. Но до этого момента, отметим, информационная политика в Абхазии выглядела весьма убогой, скорее всего, провальной. Так, например, характеризовалась деятельность государственных СМИ Абхазии в обзорной статье «Кому нужен конвейер лжи?»

от 2 июля 1989 года в специальном выпуске «Аидгылара: «В сложившейся ситуации, когда от руководителей средств массовой информации автономной республики требовалась наивысшая объективность и принципиальность, почти все газеты, за исключением районной газеты «Бзыбь», городской «Авангард», многотиражной «Абхазский университет», предпочли тактику умолчания, не давали оперативной и правдивой информации о положении дел в Абхазии, не публиковали известных абхазских ученых, литераторов, общественных деятелей, способных на высоком культурном полемическом уровне защитить честь и достоинство коренной нации, а также содружество всех народов, проживающих в Абхазской АССР»[1].

Винить только СМИ Абхазии в том, что они действовали в большинстве случаев с оглядкой на метрополию, на процессы, которые там проистекали, было бы не совсем верно. Ведь таким же образом, зачастую безвольно, вели себя и их учредители – и Республиканский комитет партии, и Совет министров, и Президиум Верховного Совета. У властей Абхазии явно отсутствовала информационная политика, направленная на поддержку собственных органов печати, постановку перед ними задач по защите интересов абхазского народа и его государственности. Потому, полагаем, что и подчеркивалось в обзорном материале «Аидгылара», «республиканские газеты не осмелились высказать принципиальное суждение по поводу событий декабря 1988 года, марта и апреля 1989 года, когда экстремистскими националистическими элементами из местных и тбилисских подпольных партий и групп проводились антиабхазские, антирусские шабаши, в ходе которых лидеры экстремистов Костава, Мамулия, Какубава открыто призывали к выходу из СССР, всячески хулили советское общество, партию и т. д. Кстати, в этих несанкционированных митингах принимали участие члены бюро обкома партии, но не один из них

[1] Газета «Аидгылара». 2 июля 1989 года.

не решился осудить публично антипартийные, антисоветские, националистические речи и лозунги, звучавшие на этих сборищах. Ни обком партии, ни его печатные органы так и не дали соответствующей оценки поведению партийных лидеров республики. В то же время в республиканских газетах было опубликовано постановление бюро обкома партии от 12 апреля 1989 года, в котором осуждались партийно члены бюро обкома, подписавшие Обращение участников схода в селе Лыхны о восстановлении статуса Советской Социалистической Республики Абхазия. Следует отметить, что данный сход был санкционирован и проводился в рамках подготовки предложений к пленуму ЦК КПСС по межнациональным отношениям»[1].

В упомянутой публикации также отмечалось, что пассивность властей автономии в руководстве своими СМИ компенсировалась, естественно, в пику абхазам, чрезмерным имперским влиянием на абхазские средства информации, которые, таким образом, становились проводниками шовинистической идеологии и установок, как властного грузинского центра, так и «грузинского национального движения». А на страницах абхазских республиканских средств информации в результате проходили публикации, в завуалированной форме оправдывавшие действия грузинских экстремистов и забастовщиков, создававших напряженную обстановку в автономной республике. Так, в частности, попыткой «ввести в заблуждение общественное мнение являлась редакционная статья «Советской Абхазии» от 16 мая 1989года, в которой автор, не утруждая себя исследованием причин правомерности действий забастовщиков, ловко манипулируя фактами, смещая акценты, пытался вызвать сочувствие читателей газеты к нарушителям порядка и законности. В сухумской районной газете «Комунистури шром» была опубликована статья под названием «Должны быть правдивыми» (6. 06. 89г.), грубо искажающая обще-

[1] Газета «Аидгылара». 2 июля 1989 года.

известные истины, подвергавшая критике выступление на съезде народных депутатов СССР депутата от Абхазии (В. Ардзинба – В. Ч.). Примечательно, что ни коллектив редакции, ни районные власти, чьим органом является газета, не дали соответствующей оценки субъективизму, политической незрелости автора, являющегося к тому же заместителем редактора газеты. Эти факты говорят о том, что подняли свой голос и наши доморощенные идеологи экстремизма. Еще один подобный голос со страниц газеты «Авангард» (грузинская редакция – В. Ч.), принадлежащий шовинисту со стажем Н. Хундадзе. Его «Письмо в редакцию» и статья «Правду и только правду» («Авангард» №20, 30 мая 1989 г.) насыщены типичной ложью, столичные образцы которых ежедневно штампуются в грузинских газетах»[1].

К проблемам Абхазии в то время редко обращались средства информации западных стран. И все же один орган печати дальнего зарубежья (англоязычный журнал «Индекс на цензуре», №1, 1990 г.) довольно емкой формулой точно охарактеризовал расклад средств массовой информации автономии: «Единственная (отдушина) у абхазов местное (предельно ограниченное) телевидение, абхазоязычная газета «Апсны капш», у северных абхазов – газета «Бзыбь». Грузиноязычная газета «Сабчота Абхазети» – враждебная, и русскоязычная газета – «Советская Абхазия» – подозрительная. У абхазов, конечно, нет другой возможности дать знать о своем положении за пределами Абхазии»[2]. Ведущие средства информации Советской страны, в свою очередь, вели политику ублажения грузинской мини – империи в надежде на то, что грузины, одумавшись, все-таки отменят курс на независимость от СССР. Активным проводником прогрузинской политической линии на советском Центральном телевидении был некто Какучая, являвшийся зам.

[1] Газета «Аидгылара». 2 июля 1989 года.

[2] Страницы грузино-абхазской информационной войны. Документы и материалы. (Составители Т. А. Ачугба, Д. Т. Ачугба). Том 1. Сухум, 2015. С. 378.

директора влиятельной информационной программы «Время». Об этом в свое время, уже после войны, доверительно поделилась со мной Наталья Ч., по заданию ЦТ освещавшая в советские времена деятельность председателя Советского правительства. В целом, отмечала она, как в среде коллектива Центрального телевидения в прошлом, так и ныне в российских телеканалах, сильно влияние грузинского лобби. «Если даже перед вашими глазами не мелькают на экране грузинские фамилии, это совершенно не значит, что там не работают на разных должностях грузинские жены, дети, кумовья и прочие родственники, близкие и друзья. И таким способом создаются каналы грузинской информационной политики. В этом отношении ваши возможности по сравнению с грузинами, к сожалению, довольно ограничены», – заключила тогда, сочувствовавшая абхазам, российская журналистка.

В предвоенное время, несмотря на уже ярко выраженный антисоветизм грузинского общества, такие влиятельные СМИ как «Правда», «Известия», «Независимая газета», программа «Время» Центрального телевидения услужливо представляли свои страницы и передачи для провокационных материалов из Грузии. Таких примеров в ту пору было немало. Так ЦТ спешно сообщила об отмене Президиумом Верховного Совета ГССР решений Абхазского Верховного Совета, принявшего Постановление « О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии» и Декларацию «О государственном суверенитетеСоветской Социалистической Республики Абхазия». И та же программа «Время», как отмечал С. Шамба, обошла молчанием сам факт принятия Постановления и Декларации абхазским парламентом. В то же время газетами «Правда», «Известия» всесоюзным агентством ТАСС, также и по телевидению «была дана информация, согласно которой 31 августа 1990 года, якобы сессия Верховного Совета Абхазской АССР вынесла решение об отмене Постановления и Декларации, принятых 25 августа. Это далеко не первый случай, когда центральные органы печати, телевидение дают противоречивую и даже лож-

ную информацию, касающуюся Абхазии. Самый свежий пример – сообщение о блокаде железной дороги в г. Самтредиа. Программа «Время» в качестве повода этой акции, нанесший значительный материальный ущерб стране, назвала несогласие организаторов акции с повесткой планировавшейся сессии Верховного Совета Абхазской АССР. Спасибо организаторам акции. Они опровергли домыслы программы «Время» и назвали истинную причину блокады железной дороги»[1].

Владиславу, в таких условиях информационной изоляции, необходимы были лояльные русскоязычные средства информации с широким охватом населения, то есть сродни газете «Советская Абхазия» с ее более чем 50 тысячным тиражом. И, как отмечает газета «Эхо Абхазии» в своем обзорном материале, «развязка наступила после путча в СССР в августе 1991 года, когда была запрещена КПСС и прекратили существование все ее структуры, в том числе и печатные органы партийных комитетов. Руководство Верховного Совета Абхазии (председатель – Владислав Ардзинба) и лидеры НФА «Аидгылара» решили воспользоваться ситуацией, чтобы сменив редактора, создать на базе «Советской Абхазии» (дополнив группой сотрудников «Абхазии») ежедневную газету, способную стать трибуной для отстаивания абхазских интересов. Это встретило активное сопротивление со стороны Ю. Гавва (гл. редактор – В. Ч.) и сплотившейся вокруг него значительной части весьма пестрого по национальному составу и политическим воззрениям коллектива «СА». Многие в этом коллективе элементарно боялись потерять работу: в объединенную редакцию собирались брать не всех из «СА». Дошло до пикетов с транспарантами и т. п. В итоге было найдено компромиссное решение: Ю. Гавва возглавил созданный еженедельник «Панорама Абхазии», в редакцию которого вошла часть коллектива «Советской Абхазии»; другая часть последнего и молодые сотрудники газеты «Абхазия» образовали

[1] Там же. С. 27.

редакцию ежедневной газеты Верховного Совета Абхазской АССР «Республика Абхазия». Главным редактором ее стал работавший до этого зам. главного редактора «Абхазии» Виталий Чамагуа. «Абхазия», главный редактор которой Т. Аршба набрал новых сотрудников, стала выходить как независимая газета»[1].

Автор обзора в «Эхо Абхазии» весьма лаконично изложил далеко непростую ситуацию, сложившуюся тогда в СМИ и в целом в республике. События, имевшие место, как в Абхазии, так и в целом пока еще в Советской стране, затронули не только средства информации, но и многие другие структуры, имевшие значительное влияние на общество и государство. Мало кто знает, например, что в том августе прокололись не только партийные газеты Абхазии. Сдали нервы даже у «несгибаемого борца» с советской империей, главы Грузии З. Гамсахурдия, давшего отмашку на введение чрезвычайного положения во всех частях независимой вроде от Москвы Сакартвело. Пришло такое указание из Тбилиси и в Абхазию. Шеф МВД Г. Ломинадзе в секретной обстановке, набросав план мероприятии по абхазской автономии (В. Ардзинба, кстати, в то время находился в Москве, в надежде, что состоится подписание нового Союзного договора), дал команду разослать директиву о ГК ЧП по всем районам и городам республики. В ней, в частности, отмечалось: «В целях обеспечения общественного порядка, и в связи с заявлением Советского руководства и во исполнение постановления №1 Государственного Комитета по чрезвычайному положению в СССР, наметить и осуществить следующие мероприятия…». Далее следует перечень мероприятий, необходимых для поддержания чрезвычайного положения в республике. Подтверждением тому пункт 15 – й секретного циркуляра, отмечавший: «О принимаемых мерах по выполнению требований постановления №1 Государственного Комитета по чрезвычайному положению в СССР докладывать лично министру к 10.00 каждого дня»[2].

[1] «Эхо Абхазии». 12 декабря 2010 года.

[2] Газета «Республика Абхазия», №49, 1 мая 2001 года.

Однако «заговор», как известно, провалился. Владислав Григорьевич, разумеется, понимал, что есть возможность, воспользовавшись указанием из Москвы, оперативно произвести реорганизацию СМИ, при этом, по мере возможности, подключить ведущие средства информации к освещению насущных задач, стоявших в то время перед абхазским обществом. В то же время ему, конечно, было небезразлично, что многие журналисты могут остаться без работы. В этой связи хорошо помню совещание в кабинете Председателя Верховного Совета Абхазии в конце августа 1991 года. В нем приняли участие руководители правительства, редакторы газет и журналов, представители общественно-политических организаций. Тогда Владислав Григорьевич, обратившись к нам, сказал: «Я собрал вас, чтобы обсудить положение, сложившееся в СМИ. Вы знаете, что наши ведущие партийные газеты опубликовали документы ГК ЧП (это произошло, несмотря на предупреждение Ардзинба, сделанное им из Москвы, занять структурам Абхазии нейтральную позицию). В связи с этим есть директива Москвы о запрете выпуска этих газет. Аналогичные распоряжения получили все республики Союза ССР. Я хотел бы вместе с вами найти выход из этой ситуации. Ведь без газет современное общество обойтись никак не может. Да и журналисты не должны остаться без работы. У меня есть соображение по этому вопросу, но вначале хотел бы выслушать вас»[1].

Так завершив свою речь, он выжидающе смотрел на всех нас. Но дельных советов от нас так и не поступило. Хотя трое из присутствующих, С. Шамба, Ю. Гавва и я, говорили о ситуации не менее часа. Затем, возвратившись к своему конкретному вопросу, Ардзинба напомнил нам, что к решению вопроса мы так и не приступили. И снова взяв слово, ознакомил всех со своим, как оказалось, уже готовым решением: «Поскольку рекомендации по газетам я не услышал, давайте рассмотрим мое предложение. – Заключается оно в создании на базе двух редакции газет – «Абхазии» и «Советской Абхазии» – новой газеты». – Сделав паузу, он продолжил: – «Абхазия» очень нужная газета, за короткий период хорошо зарекомендовала себя в кругах нашей общественности. Думаю, она должна и дальше издаваться, но уже в качестве общественно- политической газеты, а из числа части ее сотрудников и работников «Советской Абхазии» целесообразно учредить печатный орган Верховного Совета. Что думаете по этому поводу?» – спросил он, обращаясь к присутствующим. – «Вряд ли журналисты двух изданий смогут работать в одной государственной газете», – сразу отреагировал редактор «Советской Абхазии» Ю. Гавва. – «Вы имеете в виду число работников или же политику издания?» – спросил его Ардзинба. И, не дожидаясь ответа, развил свою мысль: – «Может вы и правы, не все, наверное, захотят работать в одном издании. А, впрочем, на базе «Советской Абхазии» можно выпускать еще одну газету, скажем, еженедельную. Не так ли?» – обратился он к участникам совещания, приглашая их к разговору»[1].

Таким образом, поймав на слове Гавву, что в новой государственной газете не смогут сработаться представители двух журналистских коллективов, он тут же предложил компромиссное решение. На данный момент оно устраивало главу Абхазии: он, тем самым, мирным путем отстранял прогрузинского редактора от должности руководителя самой массовой газеты и в то же время сохранял рабочие места для журналистов в создаваемом еженедельнике. Гавва был недоволен, но возразить Владиславу ему было нечем. Он тогда промолчал и по другой причине. Надеялся на то, что вполне возможно его назначат гл. редактором вновь создаваемой государственной газеты. Ведь никто тогда, во время совещания, не знал, что выбор Ардзинба пал на меня. И что мне он поручил подыскать название газеты. А надежды Гаввы были также

[1] В. Чамагуа. Эпоха Владислава. Хроники. Сухум, 2013. С. 31.

[1] Там же. С. 33 – 34.

не беспочвенны. Когда наверху зашел разговор о том, кто возглавит будущую газету Верховного Совета, в моем присутствии некоторые высокие абхазские чиновники, ничтоже сумняшеся, заявили Владиславу, что для этого вполне подходит «опытный журналист и руководитель» Юрий Владимирович Гавва. Я до того был удивлен и подавлен столь подобострастным поведением наших крупных номенклатурных работников перед представителем грузинской метрополии (Гавва, кстати, присутствовал при том разговоре), что решил отказаться от предложения возглавить новую газету.

О нашем разговоре с Владиславом на эту тему в упомянутой книге сообщается следующее: «Теперь поговорим о названии газеты», – обращается ко мне Ардзинба. – «Надумал что-либо?» – Я, припомнив недавний разговор в т. н. узком кругу, невольно вздрогнул от чувства обиды. Это, наверное, отразилось на моем лице. – «Что-то случилось, у тебя появились сомнения?» – спросил Ардзинба, заметив мое состояние. – «Я, кажется, не давал согласия на редакторство, тем более, после той встречи, неделю тому назад. Мы договорились, что подумаю над логотипом газеты – вот и все. Что же касается работы, меня устраивает должность первого зам. гл. редактора в газете «Абхазия». Зачем менять эту работу? Чтобы стать замом у Гаввы, как настаивали на той встрече некоторые? Это было бы глупо и не логично», - завершил я, наконец, свой эмоциональный монолог. Владислав Григорьевич все это время слушал, давая мне, как я понял потом, выговориться. – «Обиделся, значит», – тихо сказал он. – «Основание, конечно, есть для обиды. Правда, оно не настолько серьезное, чтобы отказаться от предложения возглавить новую государственную газету. Вот это было бы непростительно и несерьезно в столь сложное для нас время», – твердо произнес Ардзинба последние слова. – Я молчал, видимо, основательно выговорившись. – «А ты, оказывается, не очень-то хорошо знаешь своих партийных коллег», – с иронией подначил меня Владислав. – «Тех, кто предложил тебе пойти замом к Гавве. К тому, кто закрыл для абхазов газету «Советская Абхазия». Мне же

интересно было их послушать, ведь они не ведали, а я не сказал им, о нашем с тобой предварительном разговоре. А как я еще могу узнать нутро тех, с кем мне приходится работать?» – задал, скорее себе, отчасти и мне, вопрос председатель Верховного Совета»[1].

Эти, довольно пространные, цитаты приводятся мной для того, чтобы показать блестящие способности Ардзинба. Владислав, разумеется, больше известен, как стратег, обладающий предвидением последствий принимаемых им судьбоносных решений. Но и в тактическом плане он был силен, от чего также зависел успех его многих начинаний. Будь это сфера политики, экономики, или же средств массовой информации. Этот его талант организатора был особенно необходим на начальной стадии формирования основ информационной политики. Тогда, когда создавались заново, или же перестраивались действующие средства информации. Надо отметить и то обстоятельство, что, когда заходил разговор о проблемах национальных СМИ, Владислав никогда не собирал лишних людей и не афишировал ту или иную проблему. Скажем, тот же самый прокол с ГК ЧП случился со старейшей абхазской газетой «Апсны капш» («Красная Абхазия»). И никаких совещаний и встреч по этому поводу не известно. Но это не значит, что по ней не принималось никаких решений. Вскоре она стала выходить в свет под более емким и звучным названием «Апсны», то есть, под логотипом, принадлежавшим еще той «Апсны», основателем которой в 1918 году был основоположник абхазской письменности Д.И. Гулиа. Правда, тот же самый маневр был проделан и грузинской «Сабчота Абхазети» («Советская Абхазия»),которая стала называться «Апхазетис хма». В ту пору, известно, без компромисса с грузинами в некоторых щепетильных вопросах не обходились. Ведь и председатель Верховного Совета при решении кадровых вопросов, в том числе и в сфере СМИ, чувствовал ощутимое сопротивление грузинских партийных и советских чиновников, и не только.

[1] Там же. С. 35

Также и определенная часть абхазских номенклатурщиков, опасаясь прогневить своих тбилисских начальников, все никак не решалась рвать сроднившиеся узы с грузинской метрополией. В этом плане я могу засвидетельствовать трудный случай с моим назначением на должность гл. редактора газеты «Республика Абхазия», что было прерогативой Верховного Совета. Усложнялась эта проблема еще и тем, что гл. редактором предполагалось утвердить, впервые за все время существования советской власти, «лицо абхазской национальности». В этом отношении преодолеть грузинское табу было очень сложно, а в моем понимании, скорее всего, невозможно. Эти свои сомнения я выложил Ардзинба еще тогда, когда он предложил мне возглавить новую газету. Позже узнал от Владислава Григорьевича, что сомневающиеся в успехе моего назначения также были среди абхазской части депутации, которые и советовали ему пойти на временный компромисс – согласиться с назначением на должность редактора все того же Гавву. В ином случае, настаивали они, мол, в явных оппонентах Ардзинба окажется вся грузинская депутатская часть Верховного Совета. Владислав, конечно, знал, что абхазскому назначенцу попытаются дать бой, но свою позицию не поменял под грузом таких серьезных обстоятельств. И никакой озабоченности не выказывал передо мной, даже шутил, поддерживая мой дух.

Утром, накануне моего утверждения, пригласив к себе в кабинет, Ардзинба спокойно, без тени сомнения, инструктировал меня, как вести себя при том или ином выпаде оппонентов и, в то же время, настраивал на веру в успех нашего кадрового предприятия. В очерке под заголовком «Это у них не пройдет» я описал ту ситуацию. Приведу эпизод из него, где Владислав беседует со мной перед сессией: «Самое главное будь спокоен, отвечай, если надо будет на все вопросы без эмоции. Я, думаю, – заметил он, – кое-кто попытается вытащить старые приемы, но это у них не пройдет. – Затем он пояснил мне, что по его информации, некоторые депутаты договорились провести главным редактором в новую газету Ю.

В. Гавву или другого, но только не абхаза. – Но их же много, на что нам надеяться? – спросил я, поняв, что на сессии предстоит борьба, и что в нее, понятно, будет вовлечен Председатель Верховного Совета. – А ты не сомневайся, все будет в порядке. Не видеть им своего редактора, как собственных ушей без зеркала, – задорно ответил Ардзинба»[1].

Все действительно произошло так, как предвидел Ардзинба. И я был свидетелем того, как тактически грамотно, умно переиграл своих оппонентов Владислав Григорьевич, причем, весьма закаленных и опытных в интриге партийных и советских чиновников. Именно из такого круга в ту пору избирался Верховный Совет: депутатами являлись работники обкома партии, Совета министров автономии, министры, директора крупных предприятий и т. п. Абхазы не составляли большинства в том советском парламенте и не определяли политику, необходимую для поступательного развития абхазского народа и его государственности. За все время существования автономной Абхазии, то есть, после 1931 года, самым заметным и знаковым актом стало принятие Верховным Советом Абхазской АССР в августе 1990 года, по инициативе и поддержке народного депутата СССР, члена Президиума Верховного Совета СССР В. Ардзинба, «Декларации о государственном суверенитете Абхазии»[2]. Но поскольку в автономии нужную ей политику ,за спиною абхазского руководства, всегда определяла метрополия, на заседание сессии, как и следовало ожидать, не явилась грузинская часть депутатов. Кроме того, в силу слабости абхазской власти ей перечили даже свои вроде подконтрольные СМИ. Так, после того, как был утвержден проект постановления «О правовых гарантиях государственности Абхазии», грузиноязычные газеты «Сабчота Абхазети» 25 июля и «Дроша» 26 июля опубликовали статьи и заяв-

[1] Там же. С. 39

[2] Т. А. Ачугба. В. Г. Ардзинба и вопросы государственного суверенитета Абхазии. // Материалы первой Международной конференции, посвященной 65-летию В. Г. Ардзинба. Сухум, 2011. С. 55.

ления, грубо искажавшие смысл предстоящей сессии Верховного Совета Абхазии, вводившие в заблуждение население республики и по существу призывавшие к межнациональному столкновению. Русскоязычной официальной газетой «Советская Абхазия», также наперекор решению Верховного Совета, было опубликовано письмо 13 депутатов, в котором они высказали свое надуманное «несогласие» с повесткой дня предстоящей сессии[1].

Представляя воочию деструктивную информационную политику, которую СМИ автономии проводили на территории Абхазии, безусловно, под влиянием, как властей метрополии, так и местных воинствующих грузинских националистов, Ардзинба принял для себя однозначное решение: подобное положение надо было кардинально менять. И начал он, как уже отмечалось, с самой влиятельной газеты – с «Советской Абхазии», решив сменить руководство редакции. Только так можно было начать преобразования по формированию той информационной политики, которая соответствовала бы чаяниям народа и требованиям освободительного движения. Но и представители грузинского «большинства» в парламенте догадывались о том, куда клонит новый глава Верховного Совета, и без боя сдаваться не собирались. Оно так и произошло во время моего назначения, в тот августовский день 1991 года.

«И вот подошел тот момент, – отмечалось мною в очерке под названием «Это у них не пройдет», – и я это видел, когда многие депутаты, отложив папки с рабочими документами, устремили свои взгляды в мою сторону. Оно и понятно: все ведь знали, что предстоит утверждение главного редактора русскоязычной государственной газеты. Причем, знали и то, что редактором намечено назначить «лицо абхазской национальности». Налицо, как рассуждали меж собой грузинские депутаты и те, кто их поддерживал (а парадокс еще в том, что и некоторые абхазы считали этот вопрос

[1] А. Ф. Авидзба. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга I. Сухум, 2013. С. 173 – 174.

несвоевременным), ущемление грузинских интересов. Вслух же они говорили о нарушении кадрового паритета, сложившегося в СМИ Абхазии. Замалчивая при этом, что сей паритет – детище метрополии и колониальной системы»[1].

Здесь уместно будет еще раз отметить, что 70 с лишним лет в этой газете, выходившей в абхазской республике под разными заголовками, примерно столько же времени ни разу не был редактором представитель коренной нации страны. А многие из тех, которые руководили редакцией в разное время, как правило, присылались из Грузии, либо из России. За редким исключением, интересы и чаяния абхазского народа им были глубоко чужды, а, порой, воспринимались сугубо негативно, как проявления буржуазного национализма и даже антисоветизма. Я знавал и часто общался по служебным делам с несколькими гл. редакторами и только один из них – Георгий Голубев – не соответствовал выше приведенной характеристике. Другие же из четверки – были засланы из грузинской метрополии. Также и коллектив, в основном, подбирался тщательно, и, как правило, из персон, весьма далеких от абхазской патриотической проблематики. А если там появлялись, скажем, болеющие за родину, то их послужной список, зачастую, был весьма скоротечен. О том, как меня выставили из газеты, даже не посмотрев на то, что я был еще в «ранге» молодого специалиста, хотя и успел стать секретарем парторганизации, уже отмечалось. И вынужден был вскоре отправиться «на учебу» в ВПШ. На моей памяти ушли из редакции в разное время первоклассные журналисты и публицисты Станислав Лакоба и Николай Джонуа, один – в науку, другой – в многотиражную университетскую газету. А ведь в ту пору абхазов – профессионалов в журналистике было немного.

И вот теперь новый руководитель республики пытался, сломив традиционно имперскую схему, продемонстрировать грузинским верхам и их местным креатурам, что подбор и расстановка

[1] В. Чамагуа. Эпоха Владислава. Хроники. Сухум, 2013. С. 42

кадров в автономии, в том числе и в сфере СМИ, – это прерогатива абхазского руководства. И я, видимо, был один из тех, с кого Владислав Ардзинба начинал эту практику. Приведу эпизод о том из упомянутого выше очерка: «Я еще явственнее убеждался, что мое назначение просто так не пройдет. Что-то подобное ощущал и Владислав, который, словно затягивая создавшуюся паузу, долго рассматривал какую-то бумагу на столе. Затем, обведя взглядом сидевших в зале, будто только вспомнив, сказал: – «Да, товарищи, у нас остался еще один вопрос, снимем его с повестки дня и тогда разойдемся с чувством выполненного долга… А теперь конкретно о «Республике Абхазия», – быстро перешел к повестке дня Владислав Григорьевич, – предлагается кандидатура Чамагуа Виталия Зиевича на должность главного редактора. Хотя вы его знаете, тем не менее, считаю, полезным ознакомится с биографическими данными, потом послушаем и самого кандидата». Зачли справку: родился, учился, трудился… В зале царила тишина… – «Ну что же, товарищи, на бумаге все вроде неплохо, давайте теперь дадим слово самому кандидату, пусть расскажет о том, как будет строить работу редакции, если утвердим его», – предложил Ардзинба. – «Владислав Григорьевич, я хотел бы сказать несколько слов в виде ремарки», – встав с места, громко произнес бывший секретарь Абхазского обкома партии А. Москаленко. – «Слушаем вас», – коротко сказал Ардзинба, бросив явно недовольный взгляд на экс-секретаря обкома. – «Ну, вот началось, как, кстати, я и ожидал», – подумалось. – «Понятно, что грузины бросили в драку Москаленко, как русского. Я хорошо знал его по работе в обкоме партии. Русского в нем было, как говорится, с гулькин нос: внешность разве... Остальное – дух, мировоззрение, язык – все грузинское». – «У нас, в Абхазии, существует добрая традиция, – продолжал, тем временем, заготовленную речь Москаленко, – придерживаться паритета в кадровых вопросах, в том числе и в газетах. У нас три главные газеты: абхазская, грузинская, русская. В русской – всегда был русскоязычный редактор. Такой практики, по сути интернациональной, придерживался реском партии», – завершил этими словами он свое выступление. В зале стало тихо… В задних рядах раздавались негромкие голоса, реплики на грузинском, явно одобрявшие речь только что выступившего оратора. Прервала эту атмосферу приглушенного оптимизма неожиданная фраза Председателя Верховного Совета: «Я ставлю вопрос назначения тов. Чамагуа главным редактором газеты «Республика Абхазия» на утверждение Верховного Совета», – уверенно, с нажимом, произнес Ардзинба. – «Но вначале я хотел бы ответить на реплику депутата Москаленко», – продолжил он. – «Всем нам, и товарищу Москаленко, в частности, известно, что и реском, и партийная организация Абхазии – составная часть Компартии Грузии. Составная часть, как ей и подобает, всегда заверяет, что ровняется во всех вопросах, в том числе и кадровых, на вышестоящий центр». – И затем, обведя взглядом зал, четким, уверенным голосом произнес: – «Обратите внимание, товарищи, в Грузии, к примеру, главным редактором государственной русскоязычной газеты «Заря Востока» назначается не русскоязычный, а грузин по национальности. Интернационализма в Грузии, как вы знаете, от этого не убавилось. Так давайте и в этом будем равняться на них»… Видно было, что Москаленко сбит с толку, союзники же, растерявшись, хранили молчание. Моментально оценив создавшуюся обстановку, Владислав призвал депутатов: «Что ж, товарищи, тогда проголосуем. Кто за то, чтобы…». Вот таким образом, усилиями Владислава Ардзинба, впервые за многие десятилетия, главным редактором русскоязычной государственной газеты «Республика Абхазия» стал абхаз по национальности»[1].

На примере выше отмеченной характеристики состояния СМИ Абхазии, наверное, можно представить, какой тяжелый и сложный процесс созидания в этой сфере предстоял новому главе абхазской республики. Продвижение Абхазии к политическому и эко-

[1] Там же. С. 42 – 45.

номическому суверенитету Владислав увязывал с кардинальным изменением целей и задач средств массовой информации, с их переориентацией на защиту интересов абхазского общества, его государственности. Для этого, безусловно, необходим был журналистский актив в каждой редакции, разделяющий установки освободительного движения. Такие новшества легко не проходят, особенно под прицельным взором метрополии. Этим как раз руководствовался В. Ардзинба, и потому принял решение разделить сотрудников редакции «Советской Абхазии» на две группы. Скажем, те журналисты, которые готовы были служить идеалам освободительной борьбы, вливались в коллектив, создаваемой для этой цели газеты «Республика Абхазия». А те, кто не разделял подобных устремлений, оставались в еженедельнике «Панорама Абхазии», возглавляемой Ю. Гавва. Словом, для реализации стратегической цели – вывода СМИ Абхазии из опеки метрополии требовались не только решительность и воля, но и тактическая гибкость, особенно в процессе ломки устоявшихся ориентиров абхазских средств информации на исполнение установок грузинской мини-империи. Чтобы в полной мере развернуть средства информации к выполнению задач, стоящих перед абхазским обществом, также необходимы были и другие масштабные преобразования, связанные не только с созданием новых органов печати, но и с кадровым обновлением СМИ, укреплением их материально- техническими ресурсами. Этот процесс, при непременном участии Ардзинба, начался еще в конце в 1989 году с идеи создания газеты Верховного Совета автономной республики «Абхазия», обговоренной Ардзинба и Кобахия. Позднее, в 1990-м ее главным редактором был утвержден опытный абхазский журналист, работавший ранее заместителем гл. редактора газеты «Советская Абхазия» Т. Л. Аршба. В то время Владислав Григорьевич занимал должность директора Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа, являлся также народным депутатом СССР, членом Президиума Верховного Совета СССР. Он

уже в ту пору был влиятельной политической фигурой в Абхазии. Подтверждением тому следующее обстоятельство: Владислав был не только участником сессии Верховного Совета Абхазии 25 августа 1990 года, он, безусловно, являлся инициатором принятия тех знаковых законодательных актов – Декларации и Постановления, провозглашавших союзный, то есть, независимый статус Абхазии. Этим, впервые за десятилетия советской власти озвученным идеям и намерениям по деколонизации страны, необходима была народная поддержка. Впереди, ясное дело, предстояла довольно сложная практическая и идеологическая задача. И в этом – в пропаганде идеи абхазской независимости – большая роль отводилась средствам массовой информации. Однако подавляющее большинство из них пока (в предвоенный период, до прихода к власти Ардзинба) ориентировалось на политику метрополии. Получалось, что колониальный статус-кво автономии вполне устраивал эти средства информации, за исключением выходящих на абхазском языке. Такое положение нужно было кардинально менять.

Следует также отметить, что Владислав Ардзинба, исходя из реалий, сложившихся в тот период в республике, большие надежды возлагал на русскоязычные СМИ. Средства информации на абхазском языке выходили небольшими тиражами. Например, в ту пору самая массовая абхазская газета «Апсны капш» насчитывала в лучшие времена до 14 тыс. экземпляров, еще до 20 тысяч экземпляров, примерно, прибавляли к тому районные и городские газеты, выходившие на абхазском языке. Абхазское телевидение, выходившее в эфир по временной схеме, продолжительностью до 30 минут информационного времени, вряд ли имело возможность оказывать существенное влияние на процессы консолидации общества. Время же диктовало необходимость эффективной реализации в абхазской и русскоязычной среде (только таким образом, совместными усилиями, можно было одолеть грузинский агрессивный национализм), идеалов и программных установок национально – освободительного движения. Средствам массовой

информации республики, выходившим на абхазском и русском языке, по мысли Ардзинба, предназначалась эта важнейшая миссия: сплочение в политическом, идейном и духовно-психологическом аспекте представителей русскоязычных общин республики.

Поэтому для В. Ардзинба, наряду с вопросами реформирования политических и экономических основ абхазской автономии, важным было решение информационной проблемы в нужном для Абхазии направлении. На всех этапах своей деятельности, что необходимо отметить, национальный лидер ценил силу слова, которое, по его мысли, не уступало по значение ни политике, ни экономике. А в условиях полинациональной Абхазии слово, в том числе печатное, способствовало объединение здоровых сил общества против грузинского реваншизма. С учетом этого фактора в конце 80-х и в начале 90-х годов прошлого века усилиями Владислава были созданы и мобилизованы достаточно мощные (в рамках Абхазии, разумеется) средства информации, полностью разделявшие позицию освободительного движения. Таковыми были государственные газеты «Республика Абхазия», «Апсны», телевидение и радио, общественно – политическая «Абхазия», «Аидгылара» и «Единение – печатные органы НФА «Аидгылара», гудаутская районная «Бзыбь», гагрский «Авангард» и некоторые другие. Они-то и развернули в ту пору единым солидным фронтом борьбу с грузинскими национал-шовинистами и их властными покровителями. Безусловно, это было заслугой главы Абхазии, проявившего волю и решительность, стратегическое предвидение и тактическую гибкость, и сумевшего, таким образом, перестроить деятельность ведущих русскоязычных СМИ республики.

Надо также отметить, что успешность информационной политики В. Ардзинба, неразрывно связана с такими его личными качествами, как искренняя и постоянная забота о людях: журналистах, полиграфистах, технических работниках. Владислав был частым гостем редакции и каждый раз, помню отчетливо о том, начинал разговор, что для меня было вначале непривычно, с бытовых во-

просов: как у нас с зарплатой, вовремя ли получаем ее, как обстоит дело с обустройством рабочих мест журналистов, в каком состоянии находится полиграфия. И что было удивительно, находил время пройтись по всем кабинетам, поговорить «по душам» с редакторами отделов, корреспондентами. Потом в редакции всю неделю только и было разговоров о том самом общении с главой республики. А что касается информационной политики газеты в разные периоды, то ее мы всегда обсуждали в его кабинете. И говорили о том подробно и подолгу.

Отношение Владислава Григорьевича к прессе, в частности, к редакции газеты «Республика Абхазия», иллюстрирует такой случай, происшедший, если не ошибаюсь в конце 1991 года, через несколько месяцев со дня учреждения печатного органа Верховного Совета Абхазии. Меня пригласил к себе Владислав Григорьевич и, с места в карьер, спросил: «Ты, наверное, слышал о такой фирме, как «Макинтош»? – Я промолчал, поскольку догадывался, что речь идет не о пальто с подобным названием – нам в то время было не до того. – «Имею в виду компьютерную технологию, – уточняет Ардзинба, – звонили из Москвы, хотят подарить, а она стоит недешево, мне же дают по дружбе». – «На какие деньги командирую работника», – подумалось сразу, – с этим у нас в редакции, где работало около 50 человек, всегда были проблемы. Поняв мои затруднения, Владислав интересуется: «есть ли у меня сотрудник, который мог бы найти жилье в Москве на день-два». – «Есть такой, – отвечаю, – Георгий Гулиа – редактор политического отдела, с жильем у него не будет никаких проблем». – «Тогда обратись в Форум (НФА «Аидгылара»), к Сергею Шамба, и возьми под мое слово одну тысячу рублей под отчет, – находит выход Владислав, – в случае чего мы поможем вернуть этот долг». Так перед войной газета «Республика Абхазия» обзавелась собственной передовой технологией.

Кстати, проблемы и нужды журналистов, как только появлялась такая возможность, В. Ардзинба решал кардинально. Об

этом мною упоминается в очерке, под заголовком «Из всех машин – соберешь одну». Там я, в частности, отмечаю: «… К радости коллектива, нам выделили прекрасное помещение. По протекции нашего учредителя В. Ардзинба, мы стали обладателями двух этажей в здании бывшего городского комитета партии. Оставалось только быстрей завершить подготовительную работу и приступить к выпуску печатного органа Верховного Совета. Но до этого, помимо текущих дел, меня нередко приглашал к себе Владислав Григорьевич. Спрашивал: как идут дела, в чем нуждаемся, справимся ли сами с проблемами и т. д. Иной раз, неожиданно для нас, сам захаживал в редакцию посмотреть, как мы управляемся с делами. Помню его первый визит к нам. Прошелся по всем комнатам сотрудников, осмотрел внимательным, цепким взглядом мебель: столы, стулья, шкафы. И заметил сразу: – «Ничего, годик поработаете с этим наследством, потом приобретем вам новое, более удобное, современное»[1].

При всей его загруженности, Владислав, помню, помогал в делах, которые вполне можно было решить на ином уровне, но порой это, по вине своевольных чиновников, мне самому не всегда удавалось сделать. В дальнейшей совместной работе я убедился в том, что для главы Абхазии, если это касалось государственных вопросов или судьбы человека, не было деления на главное и второстепенное, в этом отношении для него все обстоятельства являлись наиважнейшими. Возьмем, к примеру, такой случай из того времени, который я посчитал банальным и не достойным особенного внимания. В том же 1991-м, когда распределяли автомашины организациям, редакции предложили «убитую» машину, от которой знающие люди посоветовали отказаться: мол, не оберетесь хлопот на ее ремонт с вашими скудными редакционными средствами. Мы от сего «подарка» отказались и успокоились в надежде на «счастливое будущее». Но в какое-то время последовал

[1] В. Чамагуа. Эпоха Владислава. Хроники. Сухум, 2013. С. 46 – 47.

телефонный звонок Ардзинба с приглашением к нему в кабинет. И сразу, как говорится, в один присест, спрашивает: «Почему не берешь из гаража автомашину для редакции. Когда все распределят, где я тебе найду транспорт». – «Показали мне старую колымагу, – объясняю, – полагаю, постарше, чем я возрастом. И на спущенных скатах обретается, а у нас нет денег на ее восстановление. Да и много других проблем». – Тут же Ардзинба вызывает начхоза и говорит: – «Вот что я тебе скажу, – строгим голосом приказывает Владислав, – откроешь все боксы, покажешь все машины, если они не понравятся, из всех соберешь одну машину для редакции. Не выполнишь мое задание – пеняй на себя», – заключил Ардзинба. Чиновник опрометью выскочил из кабинета»[1]. В тот же день, замечу, закрепили за редакцией черную «Волгу» ГАЗ – 3110. Потом мне поведали приватно, что эту машину держали для высокопоставленного руководителя. Это был, оказывается, автомобиль первого секретаря обкома партии, собранный на Горьковском заводе по спецзаказу.

Не обделял он вниманием все СМИ, в том числе и национальную газету «Апсны», которые сосредоточившись в русле информационной политики В. Ардзинба, активно включились в борьбу освободительного движения против метрополии. Абхазской газете, в частности, были созданы такие же условия, как и «РА» в том же здании бывшего горкома партии. В другом крыле здания расположилась редакция общественно – политической газеты «Абхазия». Владислав Григорьевич сюда же пригласил грузинскую редакцию газеты «Абхазетис хма», руководство которой сочло за лучшее остаться на прежнем месте, в здании по улице Ленина (ныне – Леона). В конечном итоге, в результате верно спланированной стратегической цели, В. Ардзинба создал, силами учрежденных им или же привлеченных его усилиями средств информации, мощный информационный задел, в суммарном отношении пре-

[1] Там же. С. 49 – 50.

вышавший тираж русскоязычных изданий, ранее подконтрольных грузинским властям. Так, общий тираж «Республики Абхазия», «Абхазии», «Бзыби», «Авангарда» и некоторых других изданий приближался, по прикидочным расчетам, к 80 тысячам экземпляров. Таким образом, за короткий промежуток времени, начиная с 1989 года, Ардзинба произвел кардинальные изменения в рамках информационного поля абхазской автономии. Свидетельством тому то, что самые влиятельные и мощные издания, усилиями главы Абхазии, с того времени систематически, на высоком профессиональном уровне пропагандировали идейно – политическую программу национально-освободительного движения, установки национального лидера на разных этапах борьбы за свободу народа и независимость абхазского государства.

Такая консолидация органов печати, радио и телевидения, безусловно, сказалась на мобилизации совместных усилий негрузинского населения автономии по защите интересов и прав коренного народа и русскоязычных национальных общин Абхазии. Государственные СМИ, за исключением грузиноязычных, уже с сентября, со дня выхода первого номера газеты «Республика Абхазия» (14. 09. 1991 г.), основательно влияли в информационном плане на положительное восприятие большинством населения принимаемых руководством республики решений по укреплению политических и экономических основ суверенитета Абхазии. Также эти средства информации активно противостояли попыткам метрополии и местных реваншистских сил сорвать мирный процесс преобразований, то есть, любыми способами не допустить реформирования политических и гражданских институтов автономии, в то числе, и парламентским путем. Но они, эти преобразования, шаг за шагом охватывали все сферы жизнедеятельности республики. Так, 27 августа 1991 года был принят закон Абхазской АССР «О выборах депутатов в Верховный Совет Абхазской АССР», позволявший, на основании договоренности абхазских и грузинских властей, провести выборы по квотной системе: 28 мест сохранялось за абхазами, 26 мест – за грузинами, остальные 11 мест распределялись между представителями других национальностей. Средствами массовой информации, как государственными, так и общественно-политическими, широко освещались в сентябре 1991 года и такие важные решения Верховного Совета и Совета Министров, как постановления об обеспечении экономического суверенитета Абхазии и о мерах по переходу под юрисдикцию автономии предприятий и организаций, расположенных на ее территории. На страницах СМИ регулярно сообщалось и о комплексе мер по переподчинению властям абхазской республики всех силовых структур – воинских формирований, КГБ, МВД, прокуратуры, военных комиссариатов – реализованных в течение ноября 1991 года по март 1992 года. Средствами печати активно поддерживались и пропагандировались важные решения в сфере безопасности абхазской государственности. Таковыми были постановления Президиума Верховного Совета Абхазии о создании при его Председателе Временного Совета по координации деятельности и переподчинении воинских и милицейских частей, дислоцированных на территории Абхазии, о призыве на военную службу и мерах по соблюдению закона «О всеобщей воинской обязанности…». Отныне граждане Абхазии обязаны были служить в своей республике. И в том, что населением эти преобразования воспринимались положительно, есть и весомый вклад средств массовой информации республики.

Надо отметить и такое обстоятельство: государственные средства информации, после реформирования, произведенного В. Ардзинба в августе – сентябре 1991 года, практически выполняли единую задачу с органами печати национально – освободительного движения. Несмотря на то, что силы абхазских и грузинских СМИ сильно разнились, с учетом метрополии, но по качеству и действенности публикуемых материалов абхазские издания вышли на достаточно хороший профессиональный уровень. И, как практический работник СМИ того периода, замечу, что с прихо-

дом В. Ардзинба к руководству Абхазией у журналистов, актива редакций, в целом, творческой элиты, исчезло чувство угнетенности и страха перед метрополией. И, разумеется, редакций газет «Республики Абхазия», «Абхазия», «Единение», «Аидгылара», «Апсны», «Бзыбь», «Авангард», «Ткварчельский горняк», «Ерцаху» уже не испытывали недостатка в актуальных материалах, написанных на злобу дня. Ученые, политики, общественные деятели, просто граждане Абхазии, были частыми авторами на страницах газет, также на радио и телевидении. И совершенно справедлива оценка, констатирующая, что «… на закате Советского Союза, в процессе политического отторжения Абхазии от тбилисского колониального диктата, абхазская интеллектуальная элита смогла отстоять честь и достоинство своего народа и Родины в этой беспощадной информационной схватке, что стало неотъемлемой частью военно-политической и морально-психологической Победы Абхазского народа»[1].

Здесь, конечно, следует добавить, что полномасштабной «информационной схватки» не состоялось, если бы национальный лидер не подготовил для того необходимые условия. С появлением на политической арене Абхазии Ардзинба, особенно с тех пор, как он стал главой республики, расширились и информационные возможности абхазского общества. Новая информационная политика Владислава Григорьевича, всецело направленная на реализацию идей национально – освободительного движения, позволила консолидировано противостоять натиску имперской идеологии и практики. Проводники грузинской имперской политики впервой ощутили не только слаженную абхазскую оборонительную линию в области идеологической борьбы, но и мощный наступательный порыв в защиту прав и достоинства абхазского народа и его государственности, попранных за минувшие десятилетия грузинским

[1] Страницы грузино-абхазской информационной войны. Документы и материалы. Т. 1 // (Составители:Т.А. Ачугба, Д. Т. Ачугба). Сухум, 2015. С. 3.

колониальным правлением. В этом плане абхазские СМИ, за исключением разве лишь выходивших на грузинском языке, обрели возможность самостоятельно формировать тактическую программу действий. Стратегические аспекты деятельности СМИ, безусловно, определял глава Абхазии. На примере газеты «Республика Абхазия» можно убедиться, каков был потенциал авторского актива в то сложное и ответственное время. На страницах газеты часто выступали видные абхазские политики, ученые, граждане республики, жители городов и сел республики. Разумеется, самыми частыми, вернее, систематическими были публикации, освещавшие повседневную деятельность Верховного Совета и его руководителя В. Ардзинба. Это и понятно. Ведь именно с ним конструктивная и разумная часть общества сверяла свои действия. Авторитетными были и другие издания со своими редакционными активами. Сложнее было положение на телевидении, которое ограничивалось временными рамками, что в то время компенсировалось тематическими передачами абхазского радио.

О сложной ситуации того периода, о политике и стратегии главы Абхазии в предвоенное время, на что ориентировались средства информации, свидетельствует интервью В. Ардзинба «Независимой газете». На вопрос корреспондента газеты В. Портникова о том, как руководитель Абхазии представляет дальнейшие отношения с Грузией в отсутствие Союзного договора, Владислав Григорьевич, в частности, отмечал: «Мы должны решать наши проблемы путем непосредственных контактов и переговоров с руководством Грузии, других республик. Суверенное право принадлежит не какому-то одному народу (абхазский народ не лишен суверенных прав), имеет права и республика, которая является формой его самоопределения. При понимании и учете интересов абхазского народа, его государственности и при понимании и учете грузинской государственности мы можем искать здесь точки соприкосновения. Хотя ощущается и грубый диктат, и давление на нас, мы в Абхазии ищем компромиссы. Пока это удается. Мы бы

хотели, чтобы в Абхазии царили мир и спокойствие. Сейчас спокойствие есть, но сказать, что люди спокойны, я не могу. Потому, что я не спокоен, и они не спокойны. А как можно быть спокойным в такой ответственейший период нашей истории?»[1].

Проблемы репрессивных процессов, происходивших в Абхазской республике в 30–40 годы, изменивших существенным образом этнический баланс в республике, в частности, в Гальском районе, рассматриваются в двух резонансных публикациях газеты «Абхазия». Это - статьи Михаила Эзугбая, вызвавшие полемику в среде грузинской элиты и населения, особенно в Гальском районе. Я, будучи в то время, в феврале 1991 года, зам. гл. редактора упомянутой газеты, в беседе с Михаилом Кегуцовичем искренне предупредил, что его статья, справедливая во всех отношениях, вызовет в нынешних условиях гневную отповедь, в том числе и со стороны его земляков – гальцев. На это Эзугбая ответил так: «Знаю, что многие ополчатся на меня, но кто-то должен сказать правду о том, что происходило в Самурзакане в недавнем прошлом. Я уже в преклонном возрасте, мне надо поспешить с этим делом». На том мы и остановились: предварив редакционным вступлением, дали материал в печать. На моей памяти подобных прецедентов тогда не было. Писал о фактах коренной житель Гальского района, очевидец многих событий – это произвело эффект «бомбы» в кругах экстремистски настроенных наших оппонентов. Стоит процитировать отдельные абзацы статьи, которые убедительно доказывают недавние абхазские корни населения Гальского района.

М. Эзугбая, в частности, отмечал: «Об абхазском происхождении основной части жителей Самурзакана свидетельствуют многочисленные факты. Например, подавляющее большинство фамилий местных жителей и по сегодняшний день имеют абхазские корни. К таковым относятся: Эзугбая, Цхуцхубая, Маргания, Кавшбая, Лакербая, Квеквескири, Тарбая, Званбая, Басария, Акиртава, Колбая, Эмхвари, Зухбая и многие другие. Целый ряд носителей этих фамилий были в свое время переселены сюда владетельным князем Мурзаканом Шервашидзе (Чачба – В. Ч.) из Бзыба, Калдахуара и Гудаута. Носители упомянутых выше фамилий и сегодня живут в десятках и сотнях дворов. Например, наша фамилия – Эзугбая – насчитывает 133 семьи, или 532 человека, основная часть которых проживает в нашем районе…». «…О многочисленности абхазского населения Самурзакана указывает и тот факт, что во многих селах вплоть до 40-х годов сохранялась абхазская речь. В 1930 году, когда я начал свою педагогическую деятельность в селе Первый Гали, старшее поколение из местных родов Эзугбая, Кецбая, Тарбая, Микая, Вардания и других прекрасно владело абхазским языком. В некоторых семьях, например, Мазлоу Басария, Шахана Кецбая, Хиудара Тарбая, Игнатэ Вардания и других разговорным языком был абхазский. Скажу больше, в начале нынешнего века старшее поколение Самурзакана свободно владело абхазским языком… Ассимиляция (как бы неприятно это слово не звучало) абхазов усилилась после установления Советской власти. Приведу такой факт. В 1935 году провели паспортизацию нашего района… В результате чего выяснилось, что в нашем селе из граждан, получивших паспорта, абхазами записались 72 проц., и если не ошибаюсь, в целом по Гальскому району – 68–70 проц. Через четыре года, в 1939 г., у населения собрали паспорта в связи с их заменой… Все те, кто в старых паспортах были записаны абхазами, в новых – были записаны грузинами… Мне пришлось вручить паспорт и своему отцу Кегуцу Асламбаковичу Эзугбая. Передав ему паспорт, я сказал, что этот обмен был связан с заменой национальности, и на этом основании его там записали грузином… Забрав паспорт, отец обратился в сельсовет, где заявил председателю, что он является абхазом, а не грузином, и спросил, кому понадобилось поменять ему национальность. И добавил: «Такой паспорт я не принимаю!»… Прибыв в паспортный отдел (Гальского района – В. Ч.), отец выразил протест по поводу искус-

[1] «Независимая газета». 9 ноября 1991 года.

ственной замены национальности. «Я узнал, сказал он, что жители Гальского района, ранее записавшиеся абхазами, в новых паспортах записаны грузинами… Такой паспорт мне не нужен», – добавил он, и оставил свой паспорт. На третий или четвертый день отцу на дом привезли новый паспорт, где в графе «национальность» была запись «абхаз», а фамилия вместо Эзугбая – Эзугба»[1].

Не прошло и полугода со времени публикации вышеотмеченной статьи, как в редакцию пришла печальная весть о кончине нашего автора. Не выдержал, выходит, нападок оппонентов М. К. Эзугбая. В то время газета «Абхазия» готовила к выходу в свет его очередную статью, в которой Михаил Кегуцович полемизирует с потомками абхазского населения Гальского района, оболваненными, вконец, грузинской пропагандой. Вначале публикации он, в частности, писал: «Многие читатели отозвались на мою статью «Национальность? В паспорте исправлено…». Как и ожидалось, одни оценили ее положительно, другие отрицательно… Среди них хотел бы выделить кандидатов наук В. Зухбая и В. Акиртава». Последний, как подчеркивает М. Эзугбая, «не обладал новыми конкретными данными и практически повторил уже давно известные читателям за последние 2 – 3 года тенденциозные «тезисы» по истории Абхазии и Грузии… А статья В. Зухбая отличается конкретными фактическими материалами, изысканиями самого автора и собственным видением некоторых исторических событий в Абхазии и, в частности, в Самурзакано»[2].

М. Эзугбая, на высоком полемическом уровне развенчивая надуманные тезисы кандидата наук В. Зухбая, показывает истинную суть гибельных процессов, имевших место в прошлом в абхазской этнической среде Гальского района. Обращаясь к своему оппоненту, он отмечает»: «К Валериану Зухбая я отношусь с уважением, как к давнему знакомому и уроженцу моего района.

[1] Там же. С. 139 – 145 // Газета «Абхазия», №3, 4 февраля 1991 года.

[2] Там же. С. 328 – 329 // Газета «Абхазия», №32, 13 августа 1992 года.

До публикации моей статьи я был уверен в его взаимном ко мне расположении. Но, увы! Уважаемй В. Зухбая пишет, что я, будучи преподавателем истории, неверно трактую исторические факты и явления. Выходит так, что химик В. Зухбая критикует историка… Я ни в коем случае не претендую на звание ученого… Я лишь изложил услышанное от старших, а также факты и явления, свидетелем которых являлся сам… Автор рецензии утверждает, что я не знаком с историей своей фамилии. В моей статье нигде не опровергается, что в настоящее время моя фамилия Эзугбая, и по национальности я грузин. Я отмечаю лишь первоначальную форму моей фамилии Эзугба, которую носили мои ближайшие предки. И, слава богу, в этом отношении есть вещественное доказательство в виде паспорта, выданного официальными органами на имя моего отца. Там черным по белому пишется имя, отчество и фамилия моего отца – Кегуца Асламбакович Эзугба, а национальность – абхаз. Наличие данного паспорта, выданного в 1939 году, который в свою очередь был заполнен на основании паспорта образца 1935 года, опровергает утверждение В. Зухбая о том, что сельские жители Абхазии в 30-х годах не имели паспорта и все это мои вымыслы. Далее он утверждает, что фамилия в форме Эзугба в Абхазии не известна. Но это не верно. Помимо нашей фамильной ветви в городе Сухуми на улице Тархнишвили проживал Самсон Кунаевич Эзугба, с которым я был лично знаком… Неужели, В. Зухбая, уроженцу Самурзакано, неизвестно, что Эзугба является первоначальной формой фамилии, а Эзугбая производной. В конце концов, и Ваша фамилия, уважаемый Валериан, была Зухба, а не Зухбая. Какая необходимость делать такой элементарный вопрос спорным?[1].

Затем Михаил Кегуцович приводит убедительные исторические свидетельства о проживании крупного абхазского этнического массива на территории современного Гальского района. В этом плане он подчеркивает следующий момент в полемике с

[1] Там же. С. 330 – 331.

оппонентом: «Уважаемый Валериан, Вы меня обвиняете еще и в том, что мною придуман факт проживания абхазов на территории Самурзакано с древнейших времен, и в подтверждение этому, дескать, произвольно привожу слова известного ученого С. Джанашия. Еще раз повторяю: С. Джанашия утверждал, а не предполагал, что в Самурзакане абхазы проживали с древнейших времен, и ставил вопрос об историко-этнографическом, лингвистическом и геологическом изучении этого края… А то, что абхазы с древнейших времен проживали на территории Самурзакана, разве это новость? Помимо десятка других авторов, в том числе известных, Вы сами с этим согласны. «Две тысячи лет тому назад, – пишете Вы в своей книге, – на территории нынешнего Гальского района (между реками Ингур и Галидзга) проживало одно из древнейших абхазских племен апсилов (апшилов)». (В. Зухбая, Х. Зантарая. Гали. Сухуми, 1988. С. 63). Думаю, комментарии излишни. Хочу с Вашего позволения задать Вам вопрос: что принудило Вас за это короткое время поменять собственное мнение?». В статье автора приводятся следующие весьма любопытные факты из недавнего прошлого исторического региона Абхазии. Он, к примеру, пишет: «В. Зухбая оклеветал меня еще и в том, что переселение абхазов в Самурзакано я связываю с именем Мурзакана Шервашидзе. В моем тексте ничего подобного нет. Там говорится о том, что целый ряд носителей абхазских фамилии, распространенной в Самурзакане, были переселены Мурзаканом Шервашидзе. Неужели выражение «целый ряд» опровергает факт проживания там абхазов до этого события? Конечно же, нет! В таком случае, какова причина вынудившая Вас исказить смысл моего высказывания?». Затем Михаил Кегуцович, обращаясь к своему оппоненту, вопрошает: «Неужели автор рецензии не замечает, что ее содержание и тон вызывает недовольство мной грузин – мегрелов, переселившихся в разное время из Мегрелии. Например, когда я объясняю причину переселения их в Самурзакан, В. Зухбая считает, что с помощью «лжи и клеветы» ввожу в заблуждение читателей и оскорбляю народ. Почему Вы, В. Зухбая, считаете ложью, что в старое время мегрельские крестьяне обрабатывали у абхазов земли, тем более Вы сами считаете, что причиной переселения мегрелов являлось наличие в Мегрелии тяжелого крепостного права и благоприятные условия приобретения земли в Самурзакане. Я с Вами согласен, но Вы должны учесть, что в те времена каждый клочок земли в Самурзакане имел своего хозяина, а этими хозяевами были абхазские князья, дворяне и свободные общинники (вспомните их фамилии и национальную принадлежность). Где должны были работать или же поселиться сбежавшие из Мегрелии крестьяне от жестокого крепостного гнета, если не на земле абхазов?[1].

Автор публикации в газете «Абхазия» подвергает обоснованной критике В. Зухбая, отрицавшего процесс массовой ассимиляции абхазов в Самурзакане. Например, он (то есть, В. Зухбая – В. Ч.) отмечает, что по переписи 1926 года в Самурзакане проживало 12960 абхазов. И это объясняется тем, что тогда к Гальскому уезду относились абхазские села Агубедиа, Первая Бедия, Река, которые в настоящее время относятся к Очамчирскому району. Выходит, что все 12 тысяч 960 абхазов жили в трех этих селах, и в оставшихся селах Гальского района огрузинивание абхазов не имело места?» – задается закономерным вопросом М. Эзугбая. И продолжает: «Официальные же данные свидетельствуют о другом. По данным переписи 1926 года, из упомянутой численности абхазского населения лишь 3 тысячи 659 человек приходились на три села, остальные 9 тысяч 301 абхаз остались в других селах Гальского района. Из этого количества в течение каких-то 13 лет, то есть к переписи 1939 года в Гальском районе абхазами были записаны всего 1 тысяча 786 человек. Вопрос: куда исчезли 7 тысяч 517 абхазов? Это что разве не ассимиляция?». Затем, напрямую обращаясь к своему оппоненту, М. Эзугбая констатирует: «Даже если отбросить сухие цифры, разве Вы, уважаемый Валериан, уже

[1] Там же. С. 331 – 332.

не молодой человек и абхаз по происхождению, не помните людей преклонного возраста в нашем районе, не только в 40-х, но и в более позднее время, говоривших на абхазском языке? И если очень постараться, то и сегодня можно найти людей в нашем районе, владеющих этим языком». В заключение своей статьи Михаил Кегуцович подчеркивает, что «вопрос об ассимиляции абхазов (в том числе массовой) не должен быть спорным. Спорить можно о том, какого характера были эти процессы – насильственного или естественного. Я допускаю и то и другое. Что касается протестов в связи с изменениями национальности в паспортах, то они не носили массового характера, да и не могли носить. Вспомните предвоенный период. Такова истина»[1].

Подобные материалы с большой убедительной силой повествовали о трагизме абхазского народа в годы сталинизма, когда катком репрессий прошли по целому району, отменив родной язык, национальную принадлежность, исконные имена и фамилии многотысячного абхазского коренного этноса. Эти публикации вряд ли могли увидеть свет на страницах прежних абхазских республиканских газет, если бы не усилия В. Ардзинба по реформированию средств массовой информаций автономии. В результате этого появились тесные контакты абхазской интеллектуальной элиты с республиканскими газетами на русском и абхазском языках. До того публикации, раскрывавшие истинное лицо метрополии, ее неблаговидные деяния, печатались, как уже отмечалось выше, только в нескольких изданиях. Эти газеты («Бзыбь», «Авангард», издания НФА «Аидгылара») опубликовали немало резонансных материалов, дававших достойный отпор имперским инсинуациям грузинских властных политиков и лидеров неформальных организаций, фальсификаторам от грузинской науки и творчества. Затем эстафету подхватили, при поддержке главы Абхазии, республиканские газеты. Эффект оказался налицо: грузинские СМИ и их покровители стали осознавать, что перед ними серьезный и принципиальный противник. Подтверждением тому становились многие публикации на страницах абхазской печати, вызывавшие большой интерес у общественности, кстати, и грузинской. Таковыми были аналитические статьи, комментарий, сообщения, опубликованные в ту пору в газетах «Бзыбь», «Авангард», «Единение», «Аидгылара», «Абхазия», «Апсны», «Республика Абхазия» и в некоторых других изданиях. Авторами резонансных публикаций на страницах этих изданий являлись видные абхазские ученые Ш. Инал-ипа, Б. Сагария,Т. Шакрыл, Ю. Воронов, Г. Шамба, М. Гунба, С. Лакоба, Г. Амичба. Р. Чанба, В. Бганба, В. Цвинария, В. Кварчия, Е. Аджинджал, В. Бутба, В. Касландзия, а также доктор юридических наук Ю. Калмыков и профессор Лондонского университета Д. Хьюитт. Весомы были выступления в печати, связанные с именами известных политических деятелей М. Шамба, А. Отырба, писателей, публицистов и журналистов Б. Шинкуба, А. Гогуа, Д. Ахуба, А. Возба, Ю. Лакербай, А. Джения, Д. Чачхалия, Н. Акаба, З. Агрба, Г. Гулиа…

В середине лета 1992 года произошло еще одно знаковое событие, вызвавшее пристальное внимание не только абхазских СМИ, но и многих зарубежных средств информации. Тогда, 23 июля, менее, чем за месяц до начала грузинской агрессии, Верховный Совет Абхазии, «в целях защиты государственности и преодоления существующего правового вакуума между Абхазией и Грузией, принял решение об отмене Конституции Абхазской АССР 1978 г. и переходе к Конституции ССР Абхазии 1925 г., согласно которой Абхазия являлась суверенным государством, субъектом международного права (ст. 5), состоявшим с Грузией в договорных отношениях. На том же заседании сессии были утверждены название страны «Республика Абхазия», Государственный герб и Государственный флаг Республики Абхазия (автор герба и флага – художник В. В. Гамгия)[1].

[1] Там же. С. 332 – 333.

[1] Т. А. Ачугба. В. Г. Ардзинба и вопросы государственного суверенитета Абхазии. Материалы первой Международной конференции, посвященной 65-летию В. Г. Ардзинба. Сухум, 2011. С. 55.

Некоторые аналитики и наблюдатели связывали обострение грузино-абхазских отношений, впоследствии приведших к военным действиям Грузии против Абхазии, в определенной степени с изменениями, произошедшими в области государственно-правового статуса автономии после 23 июля. На самом деле, как отмечают отдельные источники, грузинские власти и их приспешники из числа «пятой колонны» в абхазской автономии еще раньше готовились и обсуждали планы по «силовому» обузданию Абхазии. Свидетельством тому совещание с участием грузинского руководства (Шеварднадзе, Сигуа, Иоселиани, Китовани) и «абхазских представителей» из числа местных грузин, состоявшееся в конце июня в Тбилиси. Один из участников совещания – влиятельный депутат грузинской фракции Верховного Совета Абхазии Наполеон Месхи в свое время отмечал: «После очень эмоциональных антиабхазских выступлений я с не меньшей эмоциональностью изложил свое видение. Главный тезис – исключить силовой метод»[1]. Согласно логике, напрашивается вопрос: к чему бы г-ну Месхи эмоционально возражать против войны с абхазами, если на встрече с руководством Грузии о том (о войне с абхазами) не велась бы речь?! Кстати, его объемистая книга, изданная в Тбилиси под названием «Как отторгалась Абхазия», содержит немало познавательных для абхазских исследователей сведений.

Что же касается решений абхазского парламента, объявляющих суверенитет Абхазии в рамках Конституции договорной ССР Абхазии, это, на наш взгляд, шаг, предпринятый в контексте подготовки переговорного процесса с грузинским руководством по проблеме обсуждения проекта «Договора об основах взаимоотношений Республики Абхазия и Республики Грузия», подготовленного Т. М. Шамба. Данный проект, следует обратить внимание на это обстоятельство, был опубликован газетой «Абхазия» 4 июля 1992 года. И только затем, 23 июля, учитывая отсутствие каких-либо государственно-правовых отношений между Грузией и Абхазией, в силу того, что первая отменила свою Конституцию советского периода, Верховный Совет посчитал логичным вернуть Абхазию в то правовое поле, в котором она пребывала вместе с Грузией в качестве Советской Социалистической Республики. Тем самым абхазское руководство, несмотря на сильное внутреннее противодействие, шло на компромиссное решение спорных вопросов, к чему, как показали дальнейшие события, Грузия была не готова. Она не могла и не желала пойти на компромисс с абхазами, поскольку 24 июня, после встречи с Б. Ельциным в Дагомысе, Шеварднадзе окончательно уверовал в иной план – в возможность силового решения «абхазского вопроса». Уже 26 июня, сразу после переговоров Ельцина и Шеварднадзе, Тамаз Надарейшвили, лидер грузинской депутатской фракции в Верховном Совете Абхазии, с прямо-таки залихватской уверенностью заявляет представителям грузинской общественности, что не надо идти на сессию, хотя абхазская сторона всячески пытается вернуть нас… «Если мы решим создать параллельные структуры, нас профинансирует Тбилиси…». Он также сообщает, что в Абхазии будет дислоцировано 5 батальонов грузинской гвардии. После этого, 29 июня, грузинское население начало акцию неповиновения[1].

В. Ардзинба четко осознавал опасность складывающейся ситуации, которую вполне могли, как власти в Тбилиси, так и их местные союзники, раскачать с целью ввода грузинских войск. Такое уже происходило, но тогда, как говорится, Бог миловал: обходилось без столкновений и человеческих жертв. Теперь же, это чувствовалось по всему, простой демонстрацией силы не обошлось бы. Владислав Григорьевич, хоть и с сомнением, но все же принял решение начать обсуждение выше упомянутого проекта Т. Шамба на сессии: рассчитывал, видимо, оттянуть время, чтобы разрядить неблагоприятную обстановку.

1 А. Ф. Авидзба. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга I. Сухум, 2013. С. 443.

1 Там же. С. 443.

В тот период газеты «Республика Абхазия», «Абхазия», «Аидгылара» и другие внимательно отслеживали политическую обстановку, как в Абхазии, так и в Грузии. Анализ публикаций периодической печати той поры убедительно свидетельствует, что позиции и риторика противоборствующих сторон основательно разнятся друг от друга. Так, абхазская политическая элита во главе с Владиславом Ардзинба проводила вполне сбалансированную и «миролюбивую» линию, направленную на достижение консенсуса с грузинской частью абхазского общества. Такую же линию по его рекомендации проводили государственные СМИ. Однако и власти в Тбилиси, и лидеры грузинской общины, и грузинские средства информации, наоборот, не «замечая» компромиссных предложений со стороны абхазов, держали твердый курс на разжигание конфликтной ситуации с целью, это становилось явным за месяц-два до начала войны, чтобы силовым путем придавить абхазское освободительное движение. В этом как раз проявлялось то самое пресловутое единство мировоззрений, форм и методов, присущих, как метрополии, так и ее «пятой колонне» в борьбе против коренного народа бывшей автономии.

Тогда, по негласной установке главы Абхазии, чтобы грузины не думали о том, что абхазы стушевались, на страницах республиканских газет, в передачах радио и телевидения, стали появляться заявления, авторы которых предупреждали, что терпеливое стремление абхазской стороны достичь компромисса имеет свои пределы. И, дескать, только одними благими пожеланиями вряд ли возможно убедить грузинских оппонентов отказаться от конфронтации с абхазами. И что такой их настрой, безусловно, приведет к дестабилизации общественной обстановки в республике. Об этом, как писали абхазские газеты, состоялся обстоятельный разговор и в парламенте, в котором приняли участие депутаты С. Шамба, З. Ачба, председатель Верховного Совета В. Ардзинба и другие. Владислав Григорьевич, речь которого в тот момент «миролюбием» по отношению к грузинским экстремистам особо не

отличалась, информировал депутатов о ситуации, сложившейся в республике в связи с осуществлением акции неповиновения, которая, по его словам, управлялась из Тбилиси. Отметил и то, что сторонниками силовых действий искусственно создавался образ врага в лице депутатов ВС и особенно его председателя. Владислав Ардзинба тогда решительно заявил, что «попытка разговаривать с ВС с позиции силы, что пытаются сделать некоторые руководители Госсовета Грузии, не приведет к желаемому результату. Он отметил, что акция неповиновения поддерживается вооруженными формированиями, существование которых представляет прямую опасность конституционной власти и государственности Абхазии. Председатель ВС Абхазии подчеркнул, что парламент за политический путь решения проблем. Однако затем добавил: «Если нас принудят – то мы можем решить вопрос о введении чрезвычайного положения и объявления всеобщей мобилизации, чтобы защитить Конституцию и государственность»[1]. Депутат Зураб Ачба предложил срочно сформулировать «требования по гарантиям безопасности государственности Абхазии» и добиться участия в переговорах Грузии и России. Его поддержал депутат Сергей Шамба, который отметил опасность создания параллельных структур власти и размещения вооруженных формирований Грузии в Абхазии. Он заявил, что «если не представляется возможным договориться по вопросам расширения прав государственности Абхазии, то парламенту следует объявить декларацию о независимости Абхазии»[2].

Таким образом, как видим, властям метрополии, при поддержке абхазских СМИ, была продемонстрирована жесткая позиция руководства Абхазии. В Тбилиси должны были уяснить, что и такая позиция, наряду с политикой компромиссов, также имела право на применение в необходимых случаях. Подобные тактические задания В. Ардзинба еще не раз отрабатывались абхазскими сред-

[1] Там же. С. 443 – 444.

[2] Там же. С. 444.

ствами информации. О том, конечно, знали те, кому это было положено по долгу службы.

Кстати, в разгар отмеченных здесь событий, накануне размещения в печати того самого проекта Договора об основах взаимоотношений Грузии и Абхазии, меня пригласил Владислав Григорьевич и у нас состоялся такой диалог: «Что ты думаешь по поводу документа, - спросил он меня, - согласится с ним Тбилиси, или же там продолжат политику давления на Абхазию?» - Я, нисколько не сомневаясь, ответил: – «Вряд ли Шеварднадзе согласится на расширение прав абхазского народа. Он ныне на коне: известен на весь мир, за ним стоит запад, его поддерживает Ельцин. Самое большее, на что он пойдет – это местное самоуправление и культурная автономия, наподобие испанских «автономий». – «Значит, говоришь, сомнения одолевают, – заметил вроде удовлетворенно Владислав на мои слова. – «Что ж, это вполне понятно. Так, я вижу, что не желаешь печатать проект в «Республике Абхазия». Или я не прав?» – Я, откровенно говоря, к такому повороту в разговоре не был готов. После небольшой заминки, отвечаю: – «Особой охоты публиковать этот документ нет. Такой союз с грузинами мы уже проходили. И договорную республику в 20-х годах, и, теперь, автономию. Ничего хорошего из того не вышло. И разграничение полномочий между Грузией и Абхазией ничего не даст. Не может быть равноправных отношений между народами, численно неравными. Больший всегда будет давить меньшего». – Владислав Григорьевич, улыбнувшись, заметил: – «Хорошо, на нет и суда нет. Опубликуем проект в газете «Абхазия» - тоже солидный республиканский печатный орган. Если редактор государственной газеты воздерживается от публикации такого важного документа, я не настаиваю…»[1].

Тогда, действительно, несмотря на наличие официальной газеты Верховного Совета, проект документа был опубликован в

[1] В. Чамагуа. Эпоха Владислава. Хроники. Сухум, 2013. С. 26.

общественно – политическом издании «Абхазия». Но это было сделано, конечно, не в результате «разногласий» издателя газеты В. Ардзинба и печатного органа в лице гл. редактора «Республики Абхазия», а совершенно по иным, более веским причинам, о которых я лишь смутно догадывался в процессе беседы. Это позже, по истечении некоторого времени, мне стал понятен смысл, столь не свойственного ему, «покладистого» поведения. До меня дошло, что «секрет» сговорчивости Владислава весьма прост: он сам не находил нужным публиковать проект документа, напоминавший уже пройденный и довольно печально завершившийся этап в истории Абхазии 20 – х годов, в государственном органе печати. Выходило, что Ардзинба «уже в то время не разделял мнение значительной части абхазской элиты о том, что Абхазия могла бы удовлетвориться уровнем «договорных» отношений с Грузией. Ибо известно, чем заканчиваются подобные «договоры» с такими «цивилизованными» странами, как Грузия. Ему, однако, нужно было время для политического маневра. Потому, разумеется, проект был опубликован не в государственной газете, а в общественно – политической… Этого как раз ни один аналитик до сего времени не заметил. А ведь этот факт о многом говорит. Хотя бы о том, что Владислав Григорьевич, еще в начале 90-х, до войны с грузинами, не исключал создания, путем постепенного продвижения к этой цели, независимой от грузинской метрополии абхазской государственности»[1].

Кстати, и в полемике по поводу опубликованного проекта «РА» не участвовала, отклики появлялись, в основном, на страницах газеты «Абхазия». Было заметно по откликам, что абхазское общество с недоверием отнеслось к планам по созданию объединенного государства грузин и абхазов.Словом, «проект вызвал неоднозначные, в большинстве случаев отрицательные отклики. К примеру, М. Лолуа в статье «А нужен ли вообще договор?», писал: «Не

[1] Там же. С. 27.

вижу необходимости для Абхазии заключать вообще какие – либо договоры с Грузией типа конфедеративного или федеративного. Скорее всего, надо признать друг друга как независимые государства, а затем уже заключать обычный межгосударственный договор. Для меня давно ясно: каждая нация, живущая на своей исконной исторической территории, должна быть свободной и независимой, иначе она пропадет». Обозреватель К. Гулиа также выступал за то, чтобы «вначале – провозглашение суверенитета, в затем заключение договора». Ученый И. Цвинария заявил: «До тех пор, пока официальной Грузией перед всем мировым сообществом не будут признаны государственный суверенитет, права и свободы Абхазии, и ее народа, предлагать ей договор мне представляется бесперспективным. Предложение договора – равносильно самоуничтожению». Пресс-служба при ЦК народной партии Абхазии заявила, что «расплывчатые и взрывоопасные пункты» проекта Договора несут опасность для абхазской государственности»[1]. Полагаю, что и само руководство газеты, опубликовавшей проект Договора Грузии и Абхазии по предложению Владислава Григорьевича, также и авторы откликов имели отношение к «утечке» информации от первого лица, и вполне были с ним солидарны относительно обсуждаемого документа. Таким вот образом выстраивалась Владиславом в ту пору политическая и, вместе с тем, информационная тактика, чтобы убедить влиятельные силы, как метрополии, так и за ее пределами, в том, что предложения абхазов вполне конструктивны и не выходят за рамки устоявшихся международных правил. Все это делалось для того, разумеется, чтобы избежать военных действий со стороны Тбилиси, на что ее толкала грузинская «пятая колонна» в Абхазии, да и руководство мини-империи, после Дагомысского сговора, само склонялось к «небольшому и успешному блицкригу».

[1] А. Ф. Авидзба. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга 1. С. 445 – 446.

В то жаркое лето 1992 года, не столько в климатическом аспекте, сколько в плане политическом, происходили события, которые, ни абхазскими, ни российскими аналитиками и наблюдателями, не были отражены, как в печати, так и в исторических сведениях или заметках. Речь идет о закрытых встречах В. Ардзинба с высшими руководителями России в предвоенный период, накануне войны. О том автору этих строк стало известно со слов В. Ардзинба после грузино-абхазской войны. Таковые имели место, по словам Владислава Григорьевича и его некоторых «личников» (офицеров личной охраны), в Москве (в Кремле и Совете Безопасности), в Сочи (в правительственной резиденции «Бочаров ручей»), в Абхазии (на госдаче «Мюссера»). Во время этих встреч обсуждалась ситуация в Абхазии и Грузии, там же звучали заверения российского руководителя Б. Ельцина, секретаря Совбеза Ю. Скокова, министра обороны П. Грачева, что абхазский народ не будет оставлен один на один с многочисленным противником, что Абхазия будет защищена, если это понадобится, российской армией. Такие заверения следовали и после Дагомысской встречи Ельцина и Шеварднадзе, которая считается закрытой в части, касающейся обсуждения «абхазского вопроса». По мнению некоторых исследователей, в том числе и абхазских, о чем достаточно подробно писали средства информации, как Абхазии, так и ближнего и дальнего зарубежья, что именно эта встреча стала точкой отсчета, с момента которой руководство России вело в отношении Абхазией двойную игру. По этому поводу С. Лакоба, ссылаясь на «Русскую мысль»» (29 мая 1992), сообщает: «Прекращение военных действий в Южной Осетии (по Дагомысскому соглашению – В. Ч.) открывало путь и для получения вооружений на основе Ташкентского соглашения от 15 мая 1992 г. Для Грузии, в отличие от других бывших республик СССР, эта процедура осложнялась тем, что она не являлась членом СНГ. Видимо, и по этому вопросу Шеварднадзе договорился с Ельциным в Дагомысе, дав обязательства скорейшего вступления в СНГ после укрепления своей власти в Грузии и наведения по-

рядка в сепаратистских регионах… Отмечалось, что это «соглашение» стало возможным благодаря уступчивой позиции России»[1]. Исследователь отмечает, к примеру, и такой момент: председатель Госсовета Грузии «под разными предлогами затягивал с вопросом вступления в СНГ, и тогда его заместитель Джаба Иоселиани сказал: «Если в Москве чихнут, у нас будет двустороннее воспаление легких. Что ты затеваешь?» Шеварднадзе ответил: «Сначала надо разобраться с Абхазией»[2].

О двуличной политике российского руководства в ту пору по отношению к Абхазии свидетельствует следующее суждение С. Лакоба: «Конечно, некоторых политиков и военных из ближайшего окружения Ельцина настораживала позиция Шеварднадзе, который явно не торопился выполнять данные еще в Москве обязательства на вступление в СНГ. По всей видимости, они решили подстраховаться и организовали неофициальную встречу Президента России с руководством Абхазии, которая состоялась в Сочи, на даче «Бочаров ручей» в субботу 18 июля 1992 г. Вероятно, и его (Ардзинба – В. Ч.) Ельцин заверил в своей поддержке»[3].

Это действительно так. Но до встречи с Ельциным в Сочи, было еще одно рандеву с Борисом Николаевичем. Это случилось раньше на день и в Мюссере, куда тот прибыл морским путем из Сочи. По свидетельству «личников» (личных телохранителей) Ардзинба, несмотря на желание главы Абхазии, серьезный разговор тогда так и не состоялся: Ельцин был навеселе и пригласил Владислава Григорьевича назавтра к себе на дачу – в Бочаров ручей. Встретившись на следующий день, 18 июля, глава Абхазии «напомнил президенту России о данном ему обещании поставить на Ингурском рубеже российские подразделения для защиты населения Абхазии. Об этом разговор между ними состоялся еще в марте

[1] С. Лакоба. Абхазия – де – факто или Грузия де-юре? Саппоро, 2001. С. 25.

[2] Там же. С. 25.

[3] Там же. С. 25.

на той же даче Бочаров ручей, который проходил тет-а-тет (один на один) и не был отражен в СМИ»[1]. И вот опять, уже в июле, как выше отмечалось, Ельцин заверил Ардзинба в своей поддержке.

Позже, вспоминая события предвоенного времени, в том числе и выше отмеченный эпизод, Владислав Григорьевич отмечал: «Как-то, в начале марта 1992 года, задолго до начала войны, я был у Б. Н. Ельцина на даче «Бочаров ручей», где он отдыхал. Я добивался гарантии со стороны России на случай начала военных действий Грузии против Абхазии. Он тогда обещал, что на реке Ингур будут выставлены войска, с тем, чтобы не допустить обострения ситуации и похода Грузии против Абхазии. И когда стали известны планы переброски 901 ОДШБ (отдельный десантно-штурмовой батальон – В. Ч.), ранее находившегося в составе Советских войск в Германии, естественно, связывал это со своей просьбой не допустить похода Грузии против Абхазии…»[2].

В том тревожном июле – августе 1992 года приближение войны, ее близкое дыхание, чувствовали все: от простого гражданина Абхазии, до руководителя страны. О том же, о предвоенной обостренной ситуации, предупреждали средства информации, как абхазские, так грузинские и российские, иной раз даже, как говорится, открытым текстом. Удивительно, но факт, что в этом особенно отличились грузинские СМИ, которые, не маскируя, откровенно предавали широкой огласке намерения, высказывания, и угрозы руководителей Грузии в адрес строптивой Абхазии. Не редкостью были в ту пору, в самый канун агрессии, заявления главы Госсовета Грузии Шеварднадзе, что теперь настала острая необходимость навести порядок, в том числе с помощью военных формировании во всех уголках Грузии, начиная с реки Псоу. Российские средства информации, видимо, для отвода глаз, больше акцентировали

[1] В. З. Чамагуа. Роль Владислава Ардзинба в становлении постсоветской Абхазии. Предвоенный этап (1990 – 1992 гг.). // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Сухум – М. 2016, С. 38.

[2] В. Чамагуа. Владислав: испытание судьбы. Хроники. Рукопись книги.

внимание, с подачи грузинских властей, нато, что Тбилиси намеревается навести порядок в западной Грузии, где частыми были нападения на железнодорожные составы, а также на ситуацию, связанную с протестными выступлениями сторонников первого президента Грузии Гамсахурдия.

Как отмечает В. Пачулия, «… с апреля по август 1992 года в Тбилиси под руководством Э. Шеварднадзе разрабатывался план оккупации Абхазии. Уже не является секретом, что план операции по вторжению в Абхазию был разработан именно в штабе Группы российских войск в Закавказье. 7 августа 1992 года в Тбилиси состоялось совещание под председательством Э. Шеварднадзе, где обсуждался вопрос ввода грузинских войск в пределы Абхазии. Об этом известно доподлинно от одного из участников совещания. Необходим был повод для вторжения в Абхазию. Кстати, вскоре нашелся такой «безупречный» повод. Выехавшего в Зугдиди 2 августа министра внутренних дел Грузии Романа Гвенцадзе на встречу с Лоти Кобалия (один из руководителей вооруженных сторонников свергнутого первого грузинского президента – В. Ч.) захватил в заложники сторонник З. Гамсахурдия Бахия Гоча. Российские СМИ сообщили, что якобы Гвенцадзе вывезли в Гальский район Абхазии. Позже стало понятно, что сценарии с участием некоторых российских СМИ был очень хорошо продуман и спланирован»[1].

Грузинские средства информации, как говорилось выше, довольно подробно комментировали намерения Тбилисского руководства обуздать «мятежные провинции». Так, С. Лакоба по этому поводу пишет: «В официальном печатном органе Грузии под броским заголовком «Вопрос: быть или не быть решается сегодня», было опубликовано воинственное обращение Шеварднадзе к нации, которое транслировалось по Грузинскому телевидению 11 августа 1992 года. Грузия сейчас сильна, – говорил он, – более

[1] В. М. Пачулия. Грузино-абхазская война 1992–1993 гг. (боевые действия). Сухум, 2010. С. 26.

сильна, чем 10 – 15 дней назад. Сейчас у нее довольно многочисленная вооруженная армия, у нее достаточно и оружия… Мы приняли решение этой ночью разработать план военных операций. Выполнение этой большой и серьезной работы поручено господину Тенгизу Китовани, министру обороны нашей страны… Сейчас в Главном штабе вооруженных сил проводится серьезная работа по претворению в реальность намеченного. Это не касается только одного региона (имеется в виду Южная Осетия, где после Дагомысского соглашения установилось перемирие – В. Ч.), речь идет о всей территории Грузии, начиная с Леселидзе (т.е. с абхазского поселка Гячрипш на российско- абхазской границе. – С. Л.)… Для этого будет использована и армия, и полиция, и военная техника. Я предупреждаю всех, кто еще не отказался от злых помыслов, пусть они одумаются, примирятся с нами, пока не поздно. В противном случае им это очень дорого обойдется… С тех пор как я приехал в Грузию, я не употреблял этого слова, но сейчас хочу впервые его произнести – в наступление против наших врагов, в наступление против врагов и предателей Грузии, если мы хотим, чтобы жила и здравствовала Грузия»[1].

Таким образом, Шеварднадзе, еще с советских времен лелеявший мысли об усмирении абхазов, наконец, решился силовым путем поставить точку в своих сомнениях.На то, что глава Госсовета изначально для себя определил этот путь, указывает С. Лакоба: «Шеварднадзе с самого начала придумывал различные поводы, версий, причины, почему войска Госсовета вторглись в Абхазию, намекая при этом на своего министра обороны Китовани как на виновника случившегося. Однако свидетельства многих грузинских военно – политических деятелей говорят о начале этой войны как о личной инициативе, прежде всего, самого Э. Шеварднадзе»[2].

[1] С. Лакоба. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре. Саппоро, 2001. С. 29.

[2] С. Лакоба. К 20-летию начала войны Грузии против Абхазии. Апснынпресс.

Это подтверждает в своих воспоминаниях бывший военный министр Грузии с января по май 1992 года Леван Шарашенидзе – автор книжки «Заметки десантника – комиссара» (2006 г.). В период, когда он возглавлял МО Грузии, неоднократно приезжал в Сухум и вел переговоры с Ардзинба. Генерал, в частности, отмечает, «что… Э. А. Шеварднадзе в этот период ни разу не встретился с В. Г. Ардзинба, хотя тот на встречу был согласен, даже с приездом в Тбилиси. У меня было несколько встреч с Ардзинбой, и я подтверждаю это, а также и то, что абхазское руководство в то время положительно относилось к возвращению Шеварднадзе в Грузию и возлагало на это определенные надежды. Во всяком случае, можно и нужно было вести переговоры самому Э. А. Шеварднадзе, но он почему-то тянул и связывал свою встречу с определенными условиями. В этот период, май – июнь, я четырежды встречался с Ардзинбой и подтверждаю все вышеизложенное. Очень подробно после каждой встречи я докладывал Шеварднадзе, в том числе и о готовности Ардзинба встретиться с ним»[1].Из отмеченного бывшим министром обороны Грузии в Кабинете Шеварднадзе становится предельно ясным то обстоятельство, что грузинский лидер сделал ставку на решение «абхазского вопроса» военным путем – раз и навсегда. Национальный лидер абхазов до последнего пытался всеми возможностями избежать губительной для малочисленного абхазского народа войны с превосходящими силами соседнего государства. Свою оценку началу военных событий дает генерал Л. Шарашенидзе: «Вступление в Абхазию началось 14 августа, а Э. А. Шеварднадзе прибывает 7 марта, имея более пяти месяцев, политик и дипломат такого уровня, не смог предотвратить войну. Это неподготовленное, необеспеченное вступление было предпринято, конечно, с согласия Э. А. Шеварднадзе, от которого он в последующем отмежевался»[2].

[1] С. Лакоба. К 20-летию начала войны Грузии против Абхазии. Апсныпресс.

[2] Там же.

В предвоенные месяцы абхазские СМИ внимательно отслеживали, и, в определенной мере, предвосхищали развитие ситуации в том или и ином направлении. Анализировать процессы журналистам, разумеется, было намного легче, чем политикам, поскольку последним, к тому же, приходилось принимать решения по ситуации и отвечать за них.И, тем не менее, в конце июня зав. политическим отделом «Республики Абхазия» Георгий Гулиа, завершая свое очередное обозрение, пришел к весьма реальным выводам, которые, в основе своей, вскоре полностью подтвердились. Кстати, в телефонном звонке ко мне, Владислав Ардзинба тогда, он это делал нередко, отметил, что в высказываниях нашего корреспондента есть немало рациональных мыслей. В том номере газеты Гулиа писал: «На мой взгляд, существуют три пути развития ситуации в Абхазии. Первый (весьма реальный): внешняя агрессия со стороны Грузии. Подобный путь логичен для нынешнего руководства Госсовета. Именно так подавляется всякое инакомыслие в Грузии. Второй (почти нереальный): мирное заключение договора между Абхазией и Грузией. В это трудно поверить, учитывая то, что даже «самовольное» решение о назначении министра ВД вызывает у Тбилиси весьма определенную реакцию. Третий: попытка дестабилизировать обстановку в Абхазии изнутри. Нечто подобное уже происходит. Но это, как мне кажется, лишь несколько отодвигает опасность внешней агрессии, делая невозможным мирный выход из создавшегося положения. Все это может лишь подтолкнуть руководство Абхазии к принятию Декларации о независимости республики»[1]. Добавлю к тому, что все же Декларацию не приняли, а вот конституцию автономии сменили, восстановив 23 июля Основной закон договорной, значит, суверенной ССР Абхазии. Властями грузинской мини – империи и то, и другое, надо думать, воспринималось как выход Абхазии из под диктата Грузии. И следовало, разумеется, ожидать на то реакцию Тбилиси.

[1] Газета «Республика Абхазия», 30 июня 1992 года.

О том, кстати, вещали и средства информации метрополии, как уже отмечалось, такжедовольно откровенно поддерживавшие планы высшего руководства страны по силовому обузданию недругов Грузии, то есть абхазов, и, быть может, некоторым образом, формы ради, ближних своих - мегрелов. Ангажированные российские СМИ как раз таки проводили ту самую, с прицелом на мегрелов, заданную тбилисскими политиками тактику. В этой акции прикрытия участвовали такие издания, как «Известия», «Независимая газета», «Коммерсант» и прочие, а также российские телеканалы. Они же рисовали картину того, что весь гнев грузинских властей якобы должен пасть на головы мятежников - мегрелов, что, вне всякого сомнения, являлось «дипломатической завесой военной агрессии против Абхазии». Подтверждением тому обстоятельство, описываемое на страницах «НГ». Газета отмечает, что 12 августа на заседании Госсовета заместитель министра иностранных дел Д. Зеикидзе огласил ультиматум. В нем говорится, что, «если 13 августа до 12 часов дня захваченные участники переговоров в Зугдиди не будут освобождены, то силы правопорядка, общая численность которых составляла 25 тысяч человек, не только вступят на территорию Менгрелии, но и войдут в каждый дом, в каждый двор, в каждую семью, чтобы найти заложников»[1]. По поводу этой угрозы А. Авидзба отмечает: «Речь шла о Мегрелии, но с учетом того, что постоянно муссировалось, что заложники находятся в Гальском районе, т.е. на территории Абхазии, имелось в виду вторжение в Абхазию армии в 25 тысяч человек. Уже в 12.30 12 августа подразделения Национальной гвардии Грузии, оснащенные военной техникой и двумя боевыми вертолетами, в составе трех тысяч человек, отправились в Западную Грузию, где дислоцировались в Сенаки и окрестностях Зугдиди»[2].

[1] А. Ф. Авидзба. Проблемы военно – политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга 1. Сухум, 2013. С. 475.

[2] Там же. С. 475.

И все же фактический ультиматум, выдвинутый Шеварднадзе открытым текстом в телевыступлении и на страницах официальной печати, безусловно, надо думать, был воспринят абхазским руководством как реальная угроза военной интервенции Грузии против Абхазии. Но, к сожалению, глава Абхазии не был в полной мере, на основе достоверных фактов, информирован компетентными службами автономии об ускоренной, с помощью российских войск в Закавказье, подготовке грузинских военных. К тому же, не была в то время налажена соответствующая аналитическая структура и в самом Верховном Совете, способная отслеживать (читать хотя бы грузинскую прессу)каждодневно менявшуюся политическую и информационную ситуацию в Грузии.

Теперь уже, с позиции сегодняшнего дня, когда появляется возможность рассмотреть в целом картину минувших событий, многое из предвоенной ситуации воспринимается более четко и ясно. Например, то, как по публикациям абхазских и грузинских СМИ можно было заметить, что барометр, образно говоря, острых грузино-абхазских противоречий уже в мае – июне стал резко клониться к худшему, грозя перейти в горячую (военную) фазу. В ту пору «война законов» между Абхазией и Грузией уступила пальму первенства всякого рода заявлениям и обращениям. Раздавались они как с абхазской, так и с грузинской стороны. На одно из них, направленное «председателю Верховного Совета Абхазской АССР господину В. Г. Ардзинба от имени группы депутатов»: Т. Надарейшвили, В. Колбая, Г. Гвазава, Э. Астемировой, следовало обратить особое внимание. Заявление грузинских депутатов тогда было опубликовано в газете «Республика Абхазия» и сопровождено редакционным комментарием. Оппозиционная грузинская депутатская верхушка ставила вопрос, практический в ультимативной форме, перед председателем парламента об отмене ряда важных решений Верховного Совета, в том числе по Совету Министров, нормативным актам, вносящим изменения в Конституцию Абхазии. Требуя также роспуска «незаконных воин-

ских формирований», авторы заявления подразумевали под этой формулировкой отдельный полк внутренних войск, подконтрольный ВС Абхазии. И никоим образом это не касалось криминальных отрядов «Мхедриони» и нацгвардии, под командой Какубава и Ахалая. При этом грузинской фракцией ВС Абхазии выставлялся ультиматум: «В случае незамедлительного, в срок до 27 мая с. г. (текст обращения был опубликован 23 мая) выполнения вышеуказанных требований диалог и сотрудничество сторон считаем возможным». А если «выполнения вышеуказанных требований» не последует, что тогда?- зададимся вопросом. Такая постановка проблемы не что иное, как явная угроза, ибо дальше разъясняется: «В иной ситуации оставляем за собой право снять с себя ответственность за возможные последствия…»[1]. Вскоре, в тот самый последний день «ультиматума», 27 мая, Надарейшвили, разумеется, с подачи Тбилиси, предпринял еще одну акцию, направленную на углубление кризисной ситуации. С экрана грузинского телевидения заявил, что для блага дела готов уйти в отставку, но только вместе с Ардзинба. Объяснял он свое решение несогласием с политикой Главы парламента Абхазии. Такой вот демарш, замышленный метрополией в целях дискредитации абхазского лидера. Думается, этот ход , задуманный властями метрополии, был последней попыткой «мирного» решения «абхазского вопроса»: т.е. с удалением В. Ардзинба Шеварднадзе проще было договориться с бывшей абхазской партийной номенклатурой, имевшей сильное влияние в абхазском обществе, о будущем грузино-абхазского сосуществовании. Тогда абхазская часть парламента, вступилась, немного припозднившись, однако, в защиту главы Верховного Совета. Абхазские депутаты в своем заявлении, опубликованном в «Республике Абхазия» (9 июня 1992 г.) отмечали, что «жизнеспособность нашего парламента многих, и особенно тех, кто хотел бы видеть Абхазию зависимой и бесправной, не устраивает… Именно поэтому парламент Абхазии и лично В. Ардзинба подвергаются злобным нападкам со стороны реакционно настроенных по отношению Абхазии и абхазам представителей политических кругов Грузии. Их политику, не гнушаясь в выборе средств, и проводит в Абхазии Т. Надарейшвили… Еще свежи в памяти те дни, когда не кто иной, как тов. Т. Надарейшвили активно поддерживал требования о вводе войск Госсовета Грузии в Абхазию в качестве единственного пути разрешения проблем абхазо – грузинских взаимоотношений…»[1]. Вскоре в СМИ появляется обращение Председателя ВС республики В. Ардзинба к народу Абхазии, вкотором национальный лидер акцентирует внимание населения на взрывоопасной ситуации, создаваемой по наущению из Тбилиси, местными грузинскими экстремистскими силами. Он, в частности, отмечает: «Видя эти и другие подобные решения (создание и расположение в Абхазии подконтрольных Тбилиси воинских и милицейских формирований – В. Ч.),принимаемые за пределами республики, многие задаются вопросом: не означает ли все это начало упразднения даже куцей государственности Абхазии, ликвидацию законных прав абхазского народа? Так это на самом деле или иначе, покажет ближайшее время. Права государственности Абхазии мы готовы и будем, пусть никто не сомневается в этом, защищать, но сегодня, сейчас, пока еще есть возможность и время искать решение этих и других вопросов за столом переговоров, пусть каждый проявит терпение и выдержку, ибо история не простит нам того, что когда остается хотя бы один шанс для цивилизованного решения проблемы, мы не использовали его до конца»[2].

Словом, уже тогда, в июне, основательно запахло порохом. В такие моменты глава Абхазии гибко и весьма эффективно ис-

[1] Газета «Республика Абхазия», 23 мая 1992 года.

[1] Газета «Республика Абхазия», 9 июня 1992 года.

[2] Газета «Республика Абхазия», 13 июня 1992 года.

пользовал возможности абхазских СМИ, чтобы люди прочувствовали тревожную ситуацию, и воочию видели и представляли тех, кто привносил в общество напряженность и дестабилизацию. Вспомним передачи абхазского телевидения из зала заседаний Верховного Совета, рейтинг которых не уступал лучшим зарубежным сериалам того периода. Вот и с начала июня на страницах всех абхазских газет появляются материалы, призывающие к бдительности, к действиям, упреждающим потенциального агрессора. Так, «Республика Абхазия» публикует резолюцию собрания представителей семи политических и общественных организаций, принявших следующее единогласное решение: «1. В связи с создавшейся в республике политической ситуацией незамедлительно сформировать… Комитет национального спасения. 2. В случае создания в республике неконституционных параллельных структур, а также незаконных вооруженных формирований – объявить всеобщую мобилизацию; обратиться к Парламенту Конфедерации горских народов Кавказа с просьбой объявить мобилизацию в республиках КГНК, как это имело место во время известных событий в Чеченской Республике; обратиться в ООН, СБСЕ, другие международные организации, а также к парламентам стран СНГ с предупреждением о готовящейся против Республики Абхазия агрессии; призвать соотечественников за рубежом в этот трудный час оказать всестороннюю помощь своей исторической Родине. 3. В случае невозможности урегулирования проблем политическим путем потребовать от парламента Абхазии немедленно принять Акт о государственной независимости»[1]. Этот комплекс мер, направленный на отражение возможной агрессии Грузии против Абхазии принимался 5 июня, более чем за два месяца до начала Отечественной войны абхазского народа, развязанной грузинской мини-империей 14 августа 1992 года. Но тогда, в начале июня, Шеварднадзе

[1] Газета «Республика Абхазия». 9 июня 1992 года.

колебался, опасаясь начать военные действия без поддержки Российского руководства. А вот встреча в Дагомысе с Ельциным, состоявшаяся 24 июня, вселила в грузинского лидера уверенность, что он сможет поделом наказать зарвавшихся абхазов.

Конечно, глава Абхазии представлял себе, что грузины вполне способны развязать войну, но что касается времени ее начала – отследить это было почти невозможно, учитывая такой фактор, как грузинское, мягко говоря, влияние на спецслужбы автономии. Помнится, говоря о начале войны, Ардзинба как-то заметил, что узнал о вводе грузинских войск из передач российских телеканалов. Сермяжная, заметим, правда, так оно и было. Могу сие подтвердить: утром, 14 августа, в 12- м часу, Ардзинба в своем кабинете заявил нам – мне и депутатам С. Лакоба и В. Ашхацава о том, что грузины захватили Очамчиру. В это время раздались танковые выстрелы и пулеметные очереди: враг уже был перед «Красным мостом». Со слов Владислава Григорьевича после войны мне стало известно, что руководители силовых структур автономии, и грузины, и абхазы, имея информацию о времени ввода грузинских войск в Абхазию, скрыли это от главы республики. К примеру, такой факт, который описан очевидцем событий в Очамчире 14 августа 1992 года: «Сразу после захвата города, из здания Администрации, где собрались до ста человек абхазов, позвонили в Сухум высокому военному чину о том, что танки уже вошли в Очамчиру. Оттуда последовал ответ: «Никаких танков нет, не паникуйте, не драматизируйте обстановку!»… В это время танковая колонна подходила к селу Тамыш, а хвост ее был у Моквского моста. В районе Тамыш – Киндги колонна была обстреляна, и несколько грузинских гвардейцев было убито»[1].

Владислав Григорьевич, еще за несколько месяцев до войны, анализируя ситуацию, сложившуюся после прихода к власти

[1] Нартов Зубер (псевдоним Заура Делба – корр. газеты «РА»). Газета «Республика Абхазия», №30, 24 июня 1993 года.

в Грузии Шеварднадзе, постепенно приходил к выводам, что Грузию влиятельные политические игроки, как на Западе, так и в ельцинской России, исходя из разных интересов, готовят к броску на Абхазию. Эти выводы подтвердили события апреля 1992 года, когда между грузинскими и абхазскими подразделениями, вставшими по обе стороны реки Ингур, имели место перестрелки. И в ту пору, несмотря на обещание Б. Ельцина защитить Абхазию, данное Ардзинба на неофициальной мартовской встрече, республика оказалась один на один с превосходящими силами многочисленного противника. Это уже был сигнал о том, что политикам типа Бориса Николаевича верить на слово, как говориться, себе во вред. И все же абхазы тогда не остались в одиночестве. Именно в тот опасный момент отчетливо проявилась столь необходимая малочисленному абхазскому народу солидарность братских народов Северного Кавказа. Тогда в поддержку Абхазии выступил президент Международной черкесской ассоциации Юрий Хамзатович Калмыков, призвавший Шеварднадзе проявить благоразумие и не вводить войска в Абхазию. В свою очередь руководство Конфедерации горских народов Кавказа (Ю. Шанибов, Ю. Сосламбеков) также решительно заявило, что в случае агрессии Грузии, КГНК примет все меры, в том числе военные, по защите народа Абхазии. И, чтобы не было в том сомнении, в Абхазию был перебазирован один из батальонов сил Конфедерации. По всему, такая поддержка северо – кавказских братьев оказалась одним из основных сдерживающих факторов, сбившим воинственный пыл грузинских агрессивных националистов[1].

Позже, через несколько месяцев, состоялся тайный сговор двух лидеров, т. н. Дагомысское рандеву Ельцина и Шеварднадзе. Встреча и ее итоги вселили веру в успех задуманного каждым из

[1] В. З. Чамагуа. Роль Владислава Ардзинба в становлении постсоветской Абхазии. Предвоенный этап (1990 – 1992 гг.). //Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Сухум – М. 2016. С. 45.

них. Эдуард Амвросиевич, решив, образно говоря, что теперь уж точно дело «в шляпе» и строптивая Абхазия у него в кармане, начал усердно, под «крышей» группы российских войск в Закавказье, готовиться к агрессии. Ельцин, в свою очередь, предвкушая то время, когда хитроумного Шеварднадзе «абхазские обстоятельства» принудят покорно изъявить желание войти в СНГ, и вовсе «запамятовал» свои обещания Ардзинба защитить Абхазию от грузинской агрессии. Не зная условия сговора имперских руководителей, Владислав, особым чутьем незаурядного политика все же ощутил угрозу, нависшую над Абхазией. О том же свидетельствовали воинственные заявления грузинской «пятой колонны», ее подкрепление в пределах Абхазии вооруженными формированиями, узаконенными центральными властями Грузии. В этих условиях глава Абхазии пытается разрядить обстановку, перевести ситуацию в мирное переговорное русло. 12 августа, за два дня до войны, абхазский парламент обращается к Госсовету Грузии, в котором, в частности, отмечается: «Верховный Совет Республики Абхазия вновь заявляет о своем желании сохранить связи с Грузией, твердо выступает за их установление на новых, цивилизованных и равноправных основах, которые исключают диктат и подчинение, омрачавшие на протяжении десятилетий отношения между абхазским и грузинским народами. Мы, депутаты Верховного Совета Республики Абхазия заявляем, что свою часть пути в направлении возрождения добрых отношений между абхазским и грузинским народами, пройдем без оглядки. При этом надеемся, что протянутая для пожатия наша рука не повиснет в воздухе»[1]. Но вопрос войны был решен положительно еще раньше, и теми силами, кто не привык менять своих намерений. Так маленькая страна стала разменной монетой в «состязании» интересов двух империй – «малой» и

[1] «Айдгылара» – 20 лет. Сборник выступлений и докладов. Сухум, 2009. С. 23.

большой. «И вскоре на землю Абхазии пришла война. Владислав Ардзинба не мог ее предотвратить. А вот сделать ее победоносной для абхазов, дано было только ему. Но это уже начало другого периода новой истории, самого трагического для абхазов, после катастрофичных последствий махаджирства, имевших место полтора столетия тому назад»[1].

Таким образом, абхазское общество, за свое стремление к идеалам лучшей жизни вне метрополии, было наказано лихолетьем войны, развязанной грузинской «малой» империей 14 августа 1999 года.

[1] В. З. Чамагуа. Роль Владислава Ардзинба в становлении постсоветской Абхазии. Предвоенный этап (1990 – 1992 гг.). Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Сухум – М, 2016. С. 47.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В. Г. АРДЗИНБА В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ (14.08.1992 – 30.09.1993 гг.)

14 августа, где – то в половине 12, вблизи здания Верховного Совета Абхазии начали разрываться снаряды. В кабинете В. Ардзинба, расположенном на третьем этаже, также отчетливо слышны были не только разрывы пушечных выстрелов, но и продолжительные пулеметные и автоматные очереди. Тогда об этом не думалось, но позже стало понятным, что длинными, почти бесконечными очередями, стреляло грузинское воинство, которому не приходилось экономить на боеприпасах. Нужды в том не было: из арсеналов группы российских войск в Закавказье грузинские военные черпали боезапаса столько, сколько могли унести. То же самое с вооружением и техникой: его также было выдано грузинам – «ГРАДов», танков, БМП, артиллерии, стрелкового оружия – несметное количество.

В это самое время, явно о чем - то сосредоточенно размышляя, В. Ардзинба, в присутствии троих гражданских лиц, машинально подписывал какие-то бумаги. Мы, эти трое – депутаты Владимир Ашхацава, Станислав Лакоба и автор этих строк – некоторое время удивленно наблюдали за ним. После войны, вспоминая о ее первых часах, я пришел к мысли, что Владислав Григорьевич тогда вряд ли ощущал в полной мере грохот снарядов и трескотню авто-

матных и пулеметных очередей, и ту личную опасность, подступившую неожиданно. Он, конечно, осознавал, что грузинские лидеры решились на зловещую акцию, грозившей бесславной кончиною мечты абхазов о свободе и независимости. Неимоверным усилием воли сосредоточившись, он взвешивал на неких, только его уму подвластных весах, возможный выход из создавшейся ситуации. И, при этом, четко представляя соотношение сил и возможностей 4-хмиллионного противника и своего стотысячного, мучительно раздумывал: каков выход? Можно ведь сдаться без борьбы, и через непродолжительное время исчезнуть с карты мира в качестве абхазов. Разве не так случилось с десятками тысяч абхазов в Гальском районе? Они также были храбры, как и нынешние абхазы, но не проявили воли, не вступились за свою национальную честь, как это не побоялся сделать их земляк Кегуца Эзугба. И результат не преминул сказаться: в том районе за 20 – 30 лет коренного народа практически не осталось. Все они влились в мегрело-грузинский этнический массив. То же самое черное дело, но уже в большем масштабе, со всеми абхазами, задумал провернуть Шеварднадзе. Надеется, конечно, на покровителей – российских, западных. И все же надо дать бой, в том есть шанс отвоевать свободу, с помощью наших братьев на Северном Кавказе, в Турции. А без сопротивления – мирная смерть для народа, исчезновение, причем, позорное. Этому не бывать! – внутренне возмущенно воскликнув, В. Ардзинба тотчас, в те самые минуты, принял единственно верное решение. Оно было объявлено буквально через полчаса по абхазскому телевидению. Это произошло ровно в 12 часов пополудни. У него не было времени даже на запись тезисов выступления: все, казалось, было предопределено свыше. И потому, приступая к своему историческому Обращению, он прекрасно осознавал: как говорили древние, рубикон уже пройден – назад ходу нет! И национальный лидер призвал свой народ к сопротивлению. Он твердо и уверенно чеканил слова: «Уважаемые граждане Абхазии! Я обращаюсь к вам в этот трудный час. На нашу землю

вторглись вооруженные формирования Госсовета Грузии… На наши предложения решить вопросы взаимоотношений мирным, цивилизованным путем нам ответили танками, самолетами, пушками, убийствами и грабежами… Я думаю, что мы должны выстоять в этот очень трудный час, и мы выстоим, мы нанесем поражение тем, кто сеет смерть и разрушения в Абхазии!»[1].

Это было программное по содержанию и мужественное по форме выступление главы Абхазии, призвавшее граждан республики к всемерной защите Родины от многочисленного и вооруженного врага, вероломно вторгшегося на землю Апсны. Этот призыв В. Ардзинба однозначно должен был восприниматься как объявление оборонительной войны агрессору: ведь войска вторглись не прогулки ради, и не с целью «косметического обновления абхазской автономии», как рассуждал кое – кто из «соратников». Стояла задача – подавить и искоренить абхазский народ, разрушить раз и навсегда абхазскую государственность. Владислав без колебаний принял верное решение: Верховный Совет Республики Абхазия, объявил в тот же день, 14 августа, мобилизацию взрослого населения. С телеэкрана диктор З. Аргун сообщал: «В связи с вводом вооруженных формирований Госсовета Грузии на территорию Республики Абхазия и возникшей реальной угрозой суверенитету Республики Абхазия, жизни населения Президиум Верховного Совета Республики Абхазия постановляет: 1. Провести мобилизацию взрослого населения в Абхазии от 18 до 40 лет и направить его в полк Внутренних Войск. 2. Командиру полка Внутренних Войск сформировать на базе полка 5 батальонов по 500 человек каждый. Председатель Верховного Совета Республики Абхазия – В. Ардзинба»[2].

Разве из выше отмеченного не становится понятным и ясным, что грузины пришли в Абхазию с войной, с намерением ликвиди-

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 в документах. Сухум, 2004. С. 5.

[2] Там же. С. 6.

ровать республику, абхазов же заставить верой и правдой служить интересам грузинской метрополии. Какие могли быть сомнения в том, особенно после телевизионного Обращения В. Ардзинба, и постановления Верховного Совета о мобилизации взрослого населения? Что это, если не призыв к защите родины от захватчиков? А те, кто до сих пор оправдывается, особенно из представителей элиты, что, дескать, не был предупрежден о начале войны руководством страны, это, заметим, просто не серьезные сетования, рассчитанные на людей, особо не осведомленных. Кстати, еще раз напомним, что В. Ардзинба с началом войны14 августа 1992 года определился, как видим, весьма оперативно, хотя, это уже известно, не был информирован своевременно абхазскими «силовиками». А вот глава Советского Союза И. Сталин в таком разе около недели был в шоке и не смог выступить 22 июня 1941 года с сообщением о фашистской агрессии против советского народа, что по поручению Политбюро сделал Молотов. И никому из советских граждан в ту пору и в голову не могло прийти, чтобы заявить: я-де не понимал, что пришла «настоящая» война или что это была германская провокация.

Абхазские СМИ, находившиеся в столице, как и государственные структуры, учреждения и ведомства, в большинстве своем, начиная с 16 августа, перебазировались в Гудауту. Газеты, правда, остались без полиграфической базы: типографию зараз было не перевезти за 40 км. Работники телевидения и радио с трудом, но все-таки успели вывезти часть техники и оборудования. И в Гудауте произошло окончательное размежевание средств массовой информации Абхазии. Раскол-то был давно, но теперь грузинские и абхазские СМИ, заняли позиции по разные стороны «баррикад». И это, думается, стало закономерным явлением. Ведь самая массовая республиканская грузинская газета «Абхазетис хма», также несколько районных газет на грузинском языке всегда, со времени их создания, рьяно обслуживали интересы метрополии. Да только советская власть, в силу формального (часто в пользу

Грузии) понятия об интернационализме, пыталась сгладить, или, скорее, не замечать агрессивного национализма идеологических прислужников мини-империи, комфортно устроившихся в пределах Абхазии, но никогда не считавшихся с народом абхазским, с его государственностью, историей, культурой, языком. Примкнула к ним и созданная оккупантами, вместо «Панорамы Абхазии», газета «Демократическая Абхазия» во главе с тем же Ю. Гавва. После захвата телевышки 16 августа грузинскими военными, скоро была налажена работа т.н. Сухумского телевидения.

Абхазские средства информации, которые лишились материальной базы, оказались в несравненно худшем положении. И, тем не менее, в течение довольно короткого времени, в соответствии с призывом национального лидера к сопротивлению, каждое средство информации собственными усилиями, также при поддержке местных коллег (это больше касается печатных изданий), смогло наладить работу. К примеру, две республиканские газеты «Апсны» и «Республика Абхазия» стали выходить на базе Гудаутской районной типографии, небольшими, разумеется, тиражами. Специалисты телевидения и радио также довольно быстро справились с налаживанием технологии и, буквально, с колес коллектив приступил к своей профессиональной деятельности.

И все же непросто было сразу прийти в себя, а не то, чтобы войти в ритмичную рабочую колею, после неожиданного и вероломного нападения многочисленного и хорошо вооруженного воинства соседнего народа. Острое ощущение тревоги – за близких и родных, за судьбу народа, родины – в то время испытывали, полагаю, все: только лишь по-разному, в большей или меньшей мере. И перебарывал эти чувства каждый из нас в меру своих возможностей – физических, психологических и иных качеств характера. На первых порах, откровенно говоря, то же самое на своей персоне испытал и я. И первый номер газеты военной поры вышел не сразу: не мог сосредоточиться, собраться с мыслями и идеями. Это, наверно, понятно тем, кто прошел хаос первых дней войны, видел

и переживал тревогу и растерянность верхов, и панику в низах. Да и несколько сотрудников, прибывших в Гудауту, должны ведь были как – то обустроиться, найти пристанище семьям. К тому же, в первые дни я выполнял некоторые поручения Владислава Григорьевича. Одно из них, к примеру, обязывало быть в контакте с прибывшими в Гудауту российскими депутатами. Другое задание Ардзинба, случившееся чуть позже, было связано с российской военной базой, расположенной близ города. О той истории рассказано в очерке «Август 1992: десант над Гудаутой».

Тем не менее, мы – газетчики из «Апсны» и «Республики Абхазия» постепенно обживались на новом месте. Нас приняли радушно и, вместе с тем, по деловому наши местные коллеги – журналисты и полиграфисты Гудаутской газеты «Бзыбь» и районной типографии. Именно в то время с большим сожалением вспомнил период обкомовского кураторства, и что тогда почти ничего не было сделано для укрепления материальной базы районной полиграфии. Теперь, во время лихолетья, вынудившего нас – журналистов разных столичных изданий – собраться под крышей скромной типографии, это ощущалось особенно болезненно.

Несмотря на те, или иные задания, которые были разовыми, необходимо было заняться своей основной обязанностью – выпуском печатного органа Верховного Совета в условиях войны. Желание делать газету присутствовало, а вот возможности были ограничены. Трагическая ситуация отразилась и на положении редакции: ни материальной базы, ни технических и людских ресурсов в ту пору не оказалось. Пришлось обращаться к местным собратьям по перу. Руководство газеты «Бзыбь» и районной типографии (Л. Губаз и З. Гунба) искренне уверили меня, что окажут всяческую помощь и поддержку. Так оно и оказалось впоследствии: на протяжении всей войны «Республика Абхазия» выходила на базе Гудаутской типографии, материалы готовились в помещении районной газеты. И все это время сотрудники республиканской газеты ощущали постоянную поддержку, теплоту и гостеприимство

коллег из «Бзыби» и работников типографии. Большую помощь и внимание оказывал республиканским газетам генеральный директор Абхазского полиграфического объединения Р. Аргун.

К подготовке первого военного номера, датированного 14 – 21 августа (позже вернулись к первоначальной периодизации), приступил, как помниться, 18 августа, после закрытого совещания в парламенте, где речь шла об организации партизанского движения на случай, если грузины все же полностью оккупируют Абхазию. Ясное дело, что настроение было отвратительное, как говориться, дальше некуда. Да и поговорить было не с кем: на депутатском совещании из «посторонних» я был один в качестве руководителя парламентского печатного органа. Тогда-то и решил – назло всем обстоятельствам издавать газету. Работал над первым номером в одиночестве. И уперся в проблему, как говорится, на ровном месте. А она состояла в том, что еще не подоспели сотрудники, в том числе те, кто знал секретарское дело, то есть, мог профессионально и оперативно макетировать номера газеты. Этому, разумеется, обучают в университетах, но, как я убедился, знания по этой части закрепляются фундаментально только лишь на практической работе. И мне помог припомнить азы макета и верстки ответственный секретарь газеты «Бзыбь» Р. Анкваб.

Для выпуска газеты также нужны были материалы, оперативная информация о происходящих на тот момент событиях. Но кто мог тогда поручиться за точность излагаемых фактов, слухов и сообщений, иной раз панических, совершенно не достоверных. Помню, часть материалов для номера взял из пресс-центра Верховного Совета, к тому времени уже функционировавшего в здании Гудаутской Администрации. В тот момент, когда я общался с Аидой Ладария по поводу достоверности сведений, отобранных мною для газеты, в пресс – центр почти ворвались двое крепких ребят призывного возраста и, во весь голос, возвестили, что, дескать, они лично видели, как грузины захватывали Пицунду. И еле, мол, унесли ноги оттуда. Время было тревожное, наше положение

нестабильное, всякое могло случиться. Но кричать о том, значит, еще более усугубить моральную и психологическую ситуацию. Мне пришлось, не знаю, на каком основании я тогда это делал, отвести крикунов в сторону и пригрозить им самым суровым наказанием в военное время за распространение панических слухов. Ребята, враз присмирев, больше и рта не раскрыли. И Пицунда, слава Богу, как была, так и оставалась под защитой нашего ополчения и добровольцев. В общем, в той неопределенной обстановке решил на первую полосу поставить заметки, сообщавшие о доблести и героизме тех, кто первыми преградил путь грузинским агрессорам. Материалы писал на основе собственной информации о событиях, происходивших в разных регионах Абхазии. Вскоре стало легче: подошли сотрудники редакции В. Шария, З. Цвижба, С. Бигвава, позже пришли в редакцию В. Цвижба и З. Делба. В типографии включились в выпуск газеты сухумские и гудаутские полиграфисты: К. Базба, З. Руруа, А. Паразия, Ф. Чамагуа – Капба.Таким образом осваивалась в новой обстановке не одна наша газеты, но, полагаю, все СМИ, покинувшие Сухум. Да и только ли средства информации? Все госструктуры, учреждения и организации были на таком же положении и прошли определенный этап адаптации к военным реалиям.

Во второй половине августа Владислав стал ощущать твердую почву под ногами. Менее активными были уже те, кто никак не мог или не хотел определиться по главному вопросу: быть оборонительной войне до победного конца или «миру» на грузинских условиях. При решающей поддержке народных масс (на сходе в Гудауте 18 августа), установка на всемерное сопротивление агрессору стала главным стратегическим условием деятельности всех структур республики, как военных, так и гражданских. Но в начале, до многотысячного схода, положение складывалось тревожное: влиятельные оппоненты Владислава из числа «старого» руководства автономии считали, по подсказке извне, конечно, что «спасение» абхазов зиждется лишь на обязательном удалении В.

Ардзинба из Абхазии. Таков был однозначный ультиматум грузинского руководства. В предисловии к книге «Эпоха Владислава. Хроники» по этому поводу отмечается: «И вовсе тяжкой, можно сказать драматичной, оказалась в первые дни войны ситуация для главы Абхазии. С одной стороны, грозное нашествие, с другой – созданная внутренними оппонентами Владислава дилемма для народа: сопротивляться агрессии или сдаться на «милость» врага. Сегодня очевидно, что сила воли и решительность Владислава, проявленные в первые дни войны, спасли абхазов от грузинского рабства. Тогда местечковый партийный «вождь» Рубен Рубенович (обобщенный образ оппонентов национального лидера), обвинив Владислава в провоцировании войны, выдвинул ему ультиматум: «Ты много на себя берешь, решая за народ, – упрекал он Ардзинба, – уезжай в Москву, а мы здесь, как-нибудь, без тебя разберемся. Вернемся к конституции автономной Абхазии и будем нормально жить с грузинами». – Таким смелым он был оттого, что имел союзников из числа себе подобных. Владислав не дрогнул. Собрав народный сход, он, напрямую обращаясь к народу, спросил: «Воевать будем или сдаваться? Иного выбора у нас нет». – Нависла тишина. И затем, после паузы, прогремело: «Будем воевать до победного конца!» – Таким образом, поддержав лидера нации, пассионарий из народа победили карьеристов – партократов, не мысливших существования Абхазии вне грузинской метрополии»[1].

Чуть позже, в третьей декаде августа, В.Ардзинба установил режим ежевечерних совещаний, назначив определенное время – девять часов вечера. Туда приглашались депутаты парламента, главы министерств и ведомств, представители силовых структур, руководители государственных средств массовой информации. Конечно, многое из того, что там обсуждалось, было не для печати. Но зато мы – редактора газет – получали близкую к реальной дей-

[1] В. Чамагуа. Эпоха Владислава. Хроники. Сухум, 2013. С. 10.

ствительности информацию. И на ее основе имели возможность выбрать главное направление деятельности, не размениваясь на второстепенные проблемы, которые могли подождать. Кроме того, на этих совещаниях я почерпнул немало сюжетов для своих воспоминаний. Многие из них, связанные с Владиславом, не были отражены ни в научных изданиях, ни в СМИ.

Вторая половина августа для главы Абхазии выдалась тяжелейшим испытанием на прочность, как руководства Абхазии, так и сопротивлявшегося изо всех сил абхазского народа. В Кремле, на Западе и, понятно, в Тбилиси с нетерпением ждали развязки в решении «абхазского вопроса». Время шло, кончались сроки, обговоренные в Дагомысе, а грузины все никак не могли завершить эффектную операцию под кодовым названием «Меч», хотя сей режущий и колющий атрибут, по их разумению, должен был бы способствовать «умиротворению» несговорчивых абхазов. Да вот подзабыли они присказку: «Кто к нам с мечом придет, тот от меча и помрет». Пока, разумеется, было далеко до этого финала. Но все же, день ото дня, рубежи абхазской обороны начали стабилизироваться. Тем временем руководство страны, пытаясь неимоверными усилиями прорвать политическую и информационную блокаду, вело активную деятельность, разъясняя общественности ближнего и дальнего зарубежья агрессивную, античеловеческую сущность развернутой против малочисленного народа войны. В тот период (с 16 по 28 августа) В. Ардзинба, вплотную отслеживая военную ситуацию, в то же время направлял многочисленные обращения с призывом остановить войну, наказать агрессора, разным адресатам. Глава Абхазии обращался, в том числе, к Верховному Совету Российской Федерации (16 и 18 августа), Парламентам, президентам, и народам мира (16 августа), Народам стран СНГ (16 августа). Также и в международные организации: Международную Хельсинкскую Федерацию, СБСЕ, Международный Красный Крест, Организацию Непредставленных Народов (18 августа), Юнеско (20 августа), Генеральному секретарю ООН Бутросу Гали (27 и 28 августа), Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе (27 августа). Ардзинба дважды обращался с посланием к президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину (19 и 28 августа), председателю Всемирной черкесской ассоциации Ю. Калмыкову (28 августа), главе Администрации г. Сочи Н.И. Карпову (28 августа), губернатору штата Арканзас господину Биллу Клинтону (28 августа). За тот же период он принял ряд обращений к народам Северного Кавказа, к руководителям северо-кавказских республик, к грузинскому народу, к председателю Госсовета Грузии и многие другие инстанций[1].

За тот же отрезок времени глава Абхазии сделал четыре заявления по разным вопросам. При его непосредственном участии был сформирован Государственный Комитет Обороны (ГКО). Все обращения и заявления руководителя борющейся не на жизнь, а на смерть абхазской республики рассматривались под пристальным вниманием не только Грузии и России, но и ведущих стран Запада: США, Германии, Франции, Великобритании, Турции… Не на все документы абхазского лидера реагировали адресаты, но то, что они тщательно изучали послания – это факт. Хотя бы с той целью, чтобы сделать по содержательной части писем и обращений выводы о силе духа, политической воле и решимости главы Абхазии продолжать сопротивление намерениям грузинского лидера и его союзников навести «демократический» порядок в бывшей автономии Грузии.

Безусловно, что обращения и заявления, получали свое отражение и в средствах массовой информации разных стран в виде информации, комментариев, обзорных материалов и т. п. В Абхазии, Грузии и России их тексты цитировались, а в иных случаях публиковались на страницах газет в изложении. Именно в этих документах просматривалась стратегия и тактика главы Абхазии

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 в документах. Сухум, 2004.

по политическим и военным вопросам. Например, о том, что оборонительная война будет вестись всеми силами и средствами абхазского общества и союзников – добровольцев до последней возможности подтверждается и словами самого Ардзинба. На пресс-конференции, состоявшейся во второй половине августа, которую для газеты «РА» записал автор этих строк, Владислав Григорьевич откровенно, предупреждая агрессора и его покровителей, заявил, что для них легкой победы не будет. И что вообще это «борьба хорошо вооруженной и обученной армии против, по сути, гражданского населения глубоко безнравственна, бесчеловечна, но мы будем защищать родину до конца, в случае необходимости уйдем в горы, и будем вести партизанскую войну»[1].

О решительном настрое В. Ардзинба свидетельствует его Обращение к народу Абхазии в первую неделю войны. В нем говорится: «Вероломное нападение на Абхазию подчиненных Госсовету Грузии войск вызвало у нас состояние оцепенения и некоторой растерянности. И это неудивительно… Время нерешительности безвозвратно ушло, руководство Абхазии, его военные структуры и органы жизнеобеспечения переключены на режим военного времени… Наши воинские формирования преодолели психологический барьер. Ширится солидарность с народом Абхазии всех честных людей мира. Весь Северный Кавказ бурлит от негодования. 18 августа в Грозном Парламент Конфедерации горских народов Кавказа принял решение о направлении в Абхазию подчиненных ему воинских формирований для защиты абхазского народа. Требуются единство, железная дисциплина и беспрекословное выполнение распоряжений военных властей. Мы переживаем время, когда не должно быть места беспечности и разгильдяйству… У нас имеются резервы для наращивания сил сопротивления и разгрома агрессоров… Смерть пришедшим к

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба. 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 21.

нам с оружием варварам!.. Смерть врагам всего многонационального народа Абхазии!»[1].

В ту тяжелую пору, 21 августа, словно колокольный набат во время пожара, прозвучал Указ президента и председателя парламента Конфедерации Горских народов Кавказа (Ю. Шанибова и Ю. Сосламбекова), вызвавший огромный резонанс в Абхазии, Грузии и России. Абхазыс большой радостью и величайшей благодарностью восприняли заявление Конфедерации о том, что братский народ не будет оставлен, как это хотелось бы врагам, на произвол грузинам. Абхазские средства информации, все издания на свободной от оккупантов территории республики, опубликовали этот важный для нас документ. Наши оппоненты, и не только в Грузии, вроде и не печатали весь текст указа, но пристальное внимание уделилиего содержанию. В России и Грузии столь решительная поддержка абхазского народа, ставшего жертвой агрессии «малой» империи, вызвала раздражение в верхах. Тогда, помнится, в кругах стран, поддержавших Грузию, были возмущены якобы чересчур воинственным содержанием указа, которым предписывалось: «1. Всем штабам Конфедерации обеспечить переброску добровольцев на территорию Абхазии для вооруженного отпора агрессорам. 2. Всем вооруженным формированиям Конфедерации, при противодействии им каких – либо сил, вступать в бой и пробиваться на территорию Абхазии любыми методами. 3. Объявить город Тбилиси зоной бедствия, при этом использовать все методы, включая теракты 4. Объявить всех лиц грузинской национальности на территории Конфедерации заложниками. 5. Задерживать все грузы, предназначенные Грузии, и все виды их переброски. 6. О готовности доложить в штаб КГНК до 24. 00 часов 22 августа 1992 г.»[2]. Два условия Указа, об объявлении столицы Грузии «зо-

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 в документах. Сухум, 2004. С. 24 – 26.

[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 в документах. Сухум, 2004. С.37.

ной бедствия» и признании заложниками «всех лиц грузинской национальности», думается, приводились с целью психологического воздействия на агрессора, исторически, с давних времен, признанного в кавказском мире не особо стойким сообществом. О том и русские прознали в свое время, судя по тому, как восклицал поэт: «Бежали робкие грузины…». Так что, «мочить» их в тбилисских сортирах никто не собирался. Предупредили лишь, чтобы все же призадумались грузины про себя: не сойдет, мол, просто так вероломная агрессия против соседнего народа. Есть у него – братья единокровные, и, как это водится издревле меж ними, не останутся они в стороне: многие уже здесь, в Абхазии, другие – в пути. Пусть и российское руководство знает о том, и западные покровители Шеварднадзе, что прогулки на танках по абхазской земле, как они все вместе втайне задумали, у грузинского воинства не получится.

Еще одно свидетельство тому – обращение президента Международной черкесской ассоциации Ю. Х. Калмыкова, в котором он, в частности, заявлял, что МЧА считает необходимым «немедленно обратиться с призывом к адыгейскому и абазинскому народам, ко всем народам Северного Кавказа, казачеству Юга России, всем, кому дороги свобода, честь и достоинство народов, объявить призыв добровольцев для защиты братского абхазского народа»[1]. И, надо думать, многие стали понимать, в том числе и в Грузии, что Конфедерация и добровольческое движение не какое-то там бутафорское образование, как пренебрежительно обронил «многоопытный» Шеварднадзе, а реальная сила. Ему, наверняка, донесли, что это дело серьезное грузинские спецслужбы, присовокупив к тому и копию образца «Клятвы добровольца», в которой говорилось: «Я, доброволец, по личному зову своего сердца, возмущенный непринятием своевременных мер местными правителями, народными фронтами, ВС России, и ее президентом, добровольно объединяюсь по пути в Абхазию с теми, кто хочет остановить агрессию Грузии против мирного населения. И в кругу своих единомышленников торжественно клянусь: защищать любого человека любой национальности в равной степени – абхаза, русского, казака, армянина, грека, грузина, мегрельца, всех тех, кто сегодня с народом Абхазии отстаивает независимость малой Родины – Абхазии. С этой минуты мы отказываемся от гражданства, предавших нас правителей и просим правительство Абхазии считать всех нас с 20 августа с 00 часов абхазами. Теперь защита Абхазии – наше неотъемлемое право и обязанность. Для нас теперь она, Абхазия, – Родина. И на Кавказе нет неабхазов с этой минуты»[1].

[1] Там же. С. 20.

В те августовские дни, точнее, во второй его половине, стала намечаться, как уже отмечалось, определенная стратегия и тактика абхазского лидера, но, отмечу, не всего руководства, в политических и военных вопросах. Средства массовой информации, по выступлениям, обращениям и заявлениям главы Абхазии, стали придерживаться того курса, что озвучивал национальный лидер. Стратегические направления в военной сфере, в политических вопросах, и, разумеется, в деятельности средств информации основывались на установках Ардзинба. Первое – это всемерная защита Абхазии, ее народа и государства, второе – его же постулат о том, что переговоры возможны тогда, когда будут выведены с территории Абхазии грузинские войска. Этой своей принципиальной позиции, вопреки воззрениям некоторых абхазских политиков, Владислав Григорьевич держался до победоносного завершения военных действий.

В этой связи следует отметить, что в ту пору были и некоторые другие тенденций и подходы к урегулированию обстановки. Так, по сообщениям СМИ, в то время,(во второй половине августа), «в Сухуме при содействии членов Госсовета предпринимаются попытки создать так называемый Временный Совет, который будет

[1] Там же. С. 33.

осуществлять государственную власть на территории Абхазии. В него войдут представители как грузинской, так и абхазской сторон. Свое согласие участвовать в Совете дал и Сергей Багапш. Временный Совет в случае его создания будет функционировать до выборов ВС Абхазии, которые состоятся предположительно 11 сентября вместе с выборами ВС Грузии». Далее отмечалось, что «открытым остается вопрос о судьбе Владислава Ардзинбы, председателя ВС Абхазии… Грузинская фракция ВС добивается его отставки. Требования об отставке поддерживает и Тбилиси. Однако от Ардзинбы нет никакой реакции, и с ним у грузинской стороны нет контакта. По некоторым сведениям, он намерен продолжать войну, и надеется на помощь Северного Кавказа. В то же время, по сведениям Ивлиана Хаиндравы, во время встреч в Гудауте представители абхазской стороны дали понять, что не допустят того, чтобы Ардзинба стал препятствием в урегулировании абхазской проблемы»[1].

Тем не менее, 21 августа, в критической ситуации, глава Абхазии уже ставил условия врагу, отмечая следующее обстоятельство: «Средства массовой информации Грузии упорно продолжают распространять сообщения о якобы ведущихся переговорах между абхазской и грузинской сторонами. Со ссылкой на грузинские источники телевидение России передает, что в результате этих переговоров достигнуто соглашение и уже осуществляется отвод войск Госсовета Грузии. (Отвода войск не было, но переговоры о перемирии велись – В. Ч.). Должен заявить, что эта информация не соответствует действительности. Фактически продолжается наращивание военного присутствия. Так, в поселок Леселидзе (Гечрипш – В. Ч.) дополнительно переброшены бронетехника и живая сила. Непременным условием начала переговоров является безусловный вывод со всей территории Абхазии всех вооруженных формирований, подчиненных Госсовету Грузии…»[2].

[1] «Независимая газета», 21 августа 1992 года.

[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. в документах. Сухум, 2004. С. 36.

С этого документа, как я знаю, берет начало официально, в письменном виде, сформулированное Владиславом Григорьевичем жесткое, но справедливое условие: вначале вывод войск, затем – стол переговоров. Днями позже то же самое говорится и в Обращении Верховного Совета к грузинскому народу, в котором однозначно утверждается: «Мы уверены в своей победе. Думая о дальнейших взаимоотношениях абхазского и грузинского народов, мы призываем вас использовать все формы воздействия на Госсовет для немедленного вывода войск с территории Абхазии, чтобы мирным, цивилизованным путем разрешить проблемы взаимоотношений Абхазии и Грузии. Лишь в таком случае снимается моральная ответственность с грузинского народа за трагедию в Абхазии»[1]. В заявлении Президиума Верховного Совета Республики Абхазия от 25 августа также подчеркивается, что «своей бездумной недальновидной политикой деятели типа Надарейшвили (первый зам. председателя ВС Абхазии – ставленник метрополии) и Ломинадзе (бывший глава МВД автономии) уже втянули Абхазию в кровавый конфликт с Грузией. Но, вооружая местное население и посылая его на войну с абхазами и их братьями с Северного Кавказа, они ввергают Грузию в страшную катастрофу. Было бы гораздо мудрее призвать к выводу оккупационных войск с территории Абхазии»[2].

В те тревожные августовские дни в грузинских и российских СМИ прошла информация о ряде заявлений, совершенно разных по содержанию. Это и обращение Российского президента с призывом к руководству Грузии и Абхазии остановить военные действия, и ультиматум командующего грузинскими оккупационными войсками Г. Каркарашвили абхазам о поголовном их уничтожении, и заявление грузинского лидера Шеварднадзе на заседании Госсовета Грузии о том, что «его можно считать добровольцем но-

[1] Там же. С. 40.

[2] Там же. С. 45.

мер один». И в то же время, по информации агентства «Интерфакс», прозвучало приглашение Главы Абхазии на переговоры в Тбилиси, где, по словам Шеварднадзе, ему, то есть В. Ардзинба, будет «обеспечена полная гарантия безопасности». На что тот отвечал таким образом: «Мы не вступим ни в какие переговоры с руководством Грузии, пока все ее вооруженные формирования, включая полицейские, не покинут территорию Абхазии»[1].

Эта формула Владислава Ардзинба: вначале вывод войск, затем – стол переговоров, подхваченная тогда средствами информации разных стран, во время войны и по сей день, является предметом изучения и обсуждения политиками, исследователями, публицистами и журналистами. А вот тогда, когда забуксовала грузинская военная машина и блицкриг явно не удался, в Кремле стали прислушиваться к неоднократным требованиям абхазского руководства о выводе войск, как условию для начала переговоров. Этому, как вспоминал позже В. Ардзинба в разговоре с автором этих строк, также поспособствовал секретарь Совбеза России Ю. Скоков, заявивший Ельцину, что, дескать, если грузины победят абхазов, то в Гудауте, вместо российской военной базы, разместится американская. Потому, наверно, Российский президент, после почти двухнедельного «молчания», отреагировал 26 августа 1992 года Обращением к «руководству Грузии и Абхазии». В нем отмечалось: «События в Абхазии глубокой болью отдаются в сердцах россиян. Гибнут люди, разрушаются материальные ценности. Против мирного населения применяется тяжелая боевая техника. Напряженная ситуация складывается и в Республиках Северного Кавказа… Необходимо незамедлительно прекратить боевые действия, использование военной силы с обеих сторон. Только это может открыть путь для диалога… Мы убеждены в необходимости незамедлительного вывода войск и прекращения боевых действий…»[2]. Правильные слова, но… опять

[1] Газета «Куранты», 26 августа 1992 года. (По телефону из Гудауты).

[2] Там же. С. 46.

же из информированных источников, стало известно о воздействии на главу России влиятельного министра иностранных дел Козырева с подачи, разумеется, западных стран. И требования о прекращении военных действий были спущены на тормозах.

В тот же день, когда прозвучало обращение Б. Ельцина к руководству Грузии и Абхазии, абхазский лидер, уже ознакомленный с этим заявлением, срочно собрал пресс-конференцию. Это было важно, поскольку долго молчавший президент России призвал к прекращению огня и выводу грузинских войск с территории Абхазии. Абхазское общество с большой долей надежды восприняло это обращение, но, судя по словам Ардзинба, его отношение оказалось более сдержанным. Он, разумеется, представлял себе, что войну, развязанную Шеварднадзе не без согласия российского руководства, остановить будет нелегко. О характере и цели войны, и об ответственности тех, кто ее развязал и поддержал, четко и недвусмысленно говорит глава республики в начале пресс-конференции. Он отмечает, «что цель этой акции – оккупация Абхазии, создание неконституционных структур власти и, если говорить откровенно, то, судя по некоторым заявлениям грузинских лидеров, в частности, командующего войсками Госсовета в Абхазии Г. Каркарашвили, ликвидация абхазского народа. Заодно решается задача изгнания из Абхазии другого негрузинского населения. Таким образом, претворяется в жизнь бредовая идея создания моноэтнической Грузии. Совершенно определенная ответственность за все это ложится на тех, кто снабдил войска Госсовета оружием. (Имеется в виду руководство России – В. Ч.). Нам известно, что за несколько дней до вторжения в Абхазию, войскам Госсовета из Ахалцихе была передана танковая дивизия. Сейчас сюда перебрасывается и такое оружие массового уничтожения, как ракеты «Град». Мир должен знать о том, 80 процентов погибших в Абхазии – это мирные жители. И вот, когда в руки одних вкладывается оружие, обороняющейся стороне не только не помогают, но и препятствуют приезду честных людей разных на-

циональностей, которые не могут оставить народ Абхазии в беде и спешат в эти дни ей на помощь»[1].

Как видим, Владислав Ардзинба, в присутствии абхазских и российских журналистов, совершенно откровенно, без всякой лакировки, обвиняет в трагедии войны не только грузинских агрессоров, но и их пособников. Тех, кто в силу тайного сговора снабжал агрессоров большим количеством оружия, и в то же время, стремясь быстрее поставить на колени малочисленный народ, препятствовал добровольцам добраться до Абхазии, чтобы пополнить ряды ее защитников. Там же глава Абхазии сообщает, что « о намеченных переговорах его, Ельцина и Шеварднадзе он узнал из средств массовой информации, официально к нему относительно этого никто не обращался». Перенос этих переговоров с первоначальной даты – 28 августа на 3 сентября он расценил, «как возможную попытку Грузии решить за это время проблему военным путем». Вообще, очень странным, подчеркнул В. Ардзинба, «представляются постоянные призывы Тбилиси к переговорам одновременно с постоянным наращиванием военного присутствия в Абхазии». По его мнению, ультиматум Георгия Каркарашвили, объявленный 25 августа (в эфире т. н. Сухумского телевидения в оккупированном Сухуме им было сказано: «С сегодняшнего дня грузинской стороне будет запрещено взятие пленных… Хочу дать совет господину Ардзинба: пусть сделает так, чтобы абхазская нация не осталась без потомков» - В. Ч.), не мог не быть санкционирован Госсоветом Грузии. На просьбу прокомментировать слова Ельцина о том, что он стремится сохранить мир и одновременно – гарантировать целостность грузинского государства, В. Ардзинба сказал, что «ничего не имеет против целостности Грузии как таковой, но Абхазия и Грузия – это два государства, представляющих два различных народа и имеющих меж собой определенные отношения. Разделять же, кстати, как это сейчас пытаются сделать, абхазов и близкородственные им народы Северного Кавказа, всегда испытывавшие тяготение друг к другу, укрепляя границу, которая в советское время хоть и проводилась произвольно, но, в общем – то, была условной, – все равно, что резать по живому»[1].

[1] Газета «Республика Абхазия», 26 августа 1992 года.

Надо отдать должное проницательности Ардзинба, когда он высказал журналистам свое мнение (тому я сам был свидетель), что перенос даты переговоров с 28 августа на 3 сентября – это возможная попытка Грузии решить проблему военным путем в течение этих дней. Вскоре так и произошло. Эта ситуация описана мною в очерке «Отступление для нас смерти подобно». Там, в частности, повествуется: «Вечером 31 августа Глава Абхазии В. Ардзинба сообщает депутатам Верховного Совета, членам правительства, собравшимся по экстренному случаю, весьма тревожную весть. О том, что в селе Эшера танковой атакой прорвана линия обороны наших ополченцев. И что создалась реальная угроза цитадели абхазской обороны – городу Гудаута. После этих слов наступает пугающая тишина. Все подавлены сообщением о грузинском прорыве. Но никто не ведает насколько катастрофично положение, в том числе и Председатель Верховного Совета. Он спрашивает командующего Вооруженными Силами: «Полковник, доложите – какова ширина прорыва?» Ответ: «Не знаю». Вопрос Ардзинба: «Сколько танков и пехоты вошло в прорыв?» Ответ: «Не знаю, наверно несколько единиц». Ардзинба: «Что вы вообще знаете по существу, как командующий?» (говорит со злостью). Ответ: «Я думаю, что пора заканчивать эту братоубийственную войну». Все ошеломлены этим высказыванием. Владислав также безмолвствует, уткнувшись взглядом в одну точку. Затем произносит резким, строгим голосом: «Полковник! Отправляйтесь на рубеж обороны, узнайте обстановку и доложите. Исполняйте!»Полковник резво, почти бегом, покидает помещение. Ардзинба провожает его мрачным, тяжелым взглядом, пока тот не исчезает. Владислав Григорьевич по-

[1] Там же.

сле этого еще около минуты сидит молча, опустив голову. Потом, обведя взором зал, тихо произносит: «Какая ошибка!». И, обращаясь к присутствующим, говорит: «Судя по всему, атака противника предусматривает захват села Эшера, выход на «Тещин язык», на высоту, где расположив артиллерию, грузины могут достать Гудауту. Это сильно осложнит наше положение», – подчеркивает он… Мы все, потрясенные анализом складывающейся для нас обстановки, с надеждой внимали словам Владислава. – «Я, полагаю, – продолжил он, – что предпринятое грузинами наступление – это попытка расширить зону оккупации вплоть до Гудауты. Что позволит грузинскому руководству, как замыслили они и их союзники, предстать на переговорах в Москве с ультимативными условиями. В любых смыслах, думаю это всем понятно, грузинское приближение к Гудауте – для нас смерти подобно! И чтобы этого не случилось, во чтобы то ни стало надо отбросить врага за Гумисту. Другой альтернативы у нас вами нет!» – решительно и твердо заключил Владислав Григорьевич»[1].

Тогда врага, разгромив, отбросили за Гумисту. Расчет Шеварднадзе и его московских единомышленников, что, прорвав оборону абхазов, они заставят Ардзинба согласиться на капитуляцию, не оправдался. Эта была самая опасная атака грузинских формирований за все время войны, поддержанная (о том автору этих строк поведал непосредственный участник описанных событий Герой Абхазии, полковник В. Смыр), военнослужащими группы российских войск в Закавказье, которые сидели за штурвалами боевой техники: танков и БМП, являлись артиллерийскими наводчиками. Но и с такой поддержкой у грузин ничего не вышло: не пошла пехота в атаку, а бронетехнику абхазы и добровольцы частью сожгли, частью взяли в качестве трофеев.

К сожалению, в тех военных событиях, имевших место в конце августа, ни в СМИ, ни в исследованиях, выдающаяся роль Ардзинба

[1] В. Чамагуа. Эпоха Владислава. Хроники. Сухум, 2013. С. 123 – 124.

до сих пор практически не отражена. В то же время надо отметить, что ряд абхазских исследователей уделили значительное внимание военной и политической обстановке накануне переговоров 3 сентября.

В этой связи процитируем военного историка В. Пачулия, который по этому поводу в своей работе отмечал: «3 сентября в Москве должна была состояться трехсторонняя встреча руководителей России, Грузии, Абхазии по вопросу урегулирования абхазо-грузинского конфликта. Грузинское руководство решило накануне предпринять крупномасштабное наступление, достигнув успеха, создать для себя дипломатическое преимущество на переговорах. Исходя из этого, 31 августа в 15 часов грузинские войска предприняли крупномасштабное наступление, нарушив договоренность о прекращении огня… Противник вклинился в глубину боевых порядков на полтора километра. Особенно ожесточенный бой завязался в нижней части Гумистинского оборонительного рубежа, где противник намеревался захватить мельзавод и нефтебазу. Силы были далеко неравные. В сложившейся ситуации командование Вооруженных сил Абхазии дало добро на отход. Однако многие бойцы и командиры отказались отступать, оставлять позиции… В ночь с 31 августа на 1 сентября на помощь абхазским ополченцам подошли добровольческие группы из Северного Кавказа… Противник открыл огонь. Началась перестрелка. Были потери с обеих сторон… Дальнейшее продвижение грузинских войск было приостановлено в результате непрерывных атак со стороны ополченцев и добровольцев»[1].

В упомянутом выше очерке мною подчеркивалось, что исследователь «все здесь правильно» отобразил. Единственно, однако, не по его вине, не было сказано о роли Ардзинба «в ликвидации опасного прорыва грузинами Эшерского оборонительного рубе-

[1] В. М. Пачулия. Грузино – абхазская война 1992- 1993 гг. (боевые действия). Сухум, 2010. С. 48 – 49.

жа… по причине отсутствия документальной информации. А она, эта информация, тогда и не могла быть по объективным причинам. Помешал тому хаос первых дней войны. Мне, автору этих строк, удалось набросать в тезисной форме услышанное и увиденное тогда. В ту пору я не придавал этим записям большого значения. Теперь понял: они тянут на вес золота, там же речь идет о нашем лидере Владиславе Ардзинба. И о том, как он оперативно, четко, уверенно принимал решения военного характера. И все они были направлены только на ликвидацию прорыва. Речь шла только о движении вперед. Главный лейтмотив этих мер – ни шагу назад! Отступление – смерти подобно! Так мыслил и действовал тогда Владислав. И это спасло ситуацию. На самом деле, что касается Главнокомандующего (он им станет позже) в лице Председателя Верховного Совета Владислава Ардзинба, мы видим, как он, никоим образом не помышляя об отступлении (устный приказ об отходе без согласования с главой Абхазии все-таки военными был отдан – В. Ч.), делал все необходимое для концентрации сил с целью контрудара по грузинским формированиям, перешедшим Гумисту… Всю ответственность, я был свидетелем, тогда взял на себя Ардзинба».[1]

И Тбилиси, и Москва, безусловно, придавали стратегическое значение, и в военном, и политическом плане, военной операции, развернутой грузинскими формированиями в конце августа на Гумистинском рубеже обороны. Это наступление предпринималось, скорее всего, как последнее усилие, которое поставит точку во всей «абхазской кампании». Так, наверное, помышляли «союзники» Ельцин и Шеварднадзе накануне Московской встречи. О той ситуации С. Лакоба пишет: «Тридцать первого августа войска Госсовета предприняли широкомасштабное наступление, форсировали на танках реку Гумиста и попытались прорвать абхазский фронт, чтобы открыть путь на Гудауту. Но атака была отбита, пехота

[1] В. Чамагуа. Эпоха Владислава. Хроники. Сухум, 2013. С. 125 – 126.

отсечена, а танки сожжены или захвачены. Встреча в Москве оказалась под угрозой срыва. Абхазские позиции на Гумистинском фронте были восстановлены… Думается, что драматические события конца августа и попытка с помощью танковой атаки прорвать фронт и взять броском Гудауту, где находилось легитимное правительство Абхазии, были предприняты с молчаливого согласия Ельцина, который в последний раз предоставил Шеварднадзе шанс овладеть Абхазией, закрыв глаза на проведение этой операции. Если бы Шеварднадзе добился ночью 31 августа успеха, необходимость в Московской встрече, назначенной на 3 сентября, отпала бы сама собой»[1].

Поражение грузинских военных на Гумистинских рубежах оказалось неожиданностью для Шеварднадзе. Известно, когда политики проигрывают, они обязательно ищут виновных, но не в своем стане. Так и грузинское руководство, оно вдруг узрело причиной своих неудач… коварство Кремля, который-де поддерживает абхазов, чтобы нанести ущерб интересам Грузии. Это был первый кризис между Тбилиси и Москвой, вызванный обидой грузин тем, что Абхазия не пала, и что с ней придется вести переговоры. А тут еще российский президент заявляет, будто не было устного соглашения в Дагомысе, дескать, Грузии следует выводить войска из Абхазии. Ну как тут не заподозрить Россию, особенно этих красно-коричневых, ненавидящих главу Грузии – образцового демократа и разрушителя советской империи. Не стерпел, первым выдал средствам информации свою «обиду» Шеварднадзе. Как пишет А. Авидзба, «накануне встречи в Москве Э. Шеварднадзе сделал категоричное, хотя ничем не подкрепленное заявление о том, что Россия принимает участие в боевых действиях на стороне абхазов. Член Госсовета Грузии Г. Чантурия в ходе поездки в Брюссель убеждал своих собеседников в том, что за действиями абхазов

[1] С. Лакоба. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Саппоро, 2001. С. 46 – 48.

стоит Россия. А в интервью грузинскому радио он же заявил, что за действиями «абхазских сепаратистов» стоят исключительно «происки имперской политики России, которая вновь покушается на независимость Грузии». 2 сентября Сухумское телевидение, находившееся под контролем грузинских войск, сообщило об участии российских военнослужащих в боевых действиях на стороне Абхазии. При этом преследовалась цель оказать давление на Россию накануне переговоров, превратить ее из арбитра в оправдывающуюся сторону и, угрожая «разоблачением ее имперских претензии» перед мировым сообществом, склонить к прогрузинской позиции»[1].

«Давили» накануне Московской встречи не только на российскую сторону, в абхазский «огород» также подбрасывали состряпанные грузинскими фальсификаторами фальшивки, наподобие якобы заявления абхазского лидера об образовании абхазо-мингрельского государства, которым должны «править Ардзинба и Гамсахурдия». Этим «проектом» оперативно заинтересовалась «Независимая газета», поскольку зав. отделом республик редакции являлся тов. Гагуа, этнический мегрел. Владиславу Григорьевичу, несмотря на огромную загруженность военными и политическими проблемами, за два дня до поездки в Москву на переговоры, пришлось по телефону дать интервью «НГ». Правда, по случаю, Ардзинба не ограничился только ответом на заведомую фальшивку. Отметил по этому поводу, что за последнюю неделю, учитывая характер той тяжелой обстановки, которая сложилась на территории Абхазии, он по телевидению не выступал и никаких заявлений, в том числе и о создании некоего абхазо-мингрельского государства, по телевидению не делал. «Считаю это фальшивкой, цель которой известна только автору этой фальсификации», – отвечал он. И затем глава Абхазии перевел разговор в более важную для

[1] А. Ф. Авидзба. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга 1. Сухум, 2013. С. 580.

него плоскость, заметив, что «сейчас вообще много делается для дискредитации руководства Абхазии, это совершенно очевидно. Поэтому я бы просил – и это, видимо, чрезвычайно важно – достоверность любого сообщения, поступающего с грузинской стороны, особенно если оно приписывается самому высокому лицу, проверять через пресс-службу ВС Абхазии. Мне трудно поверить, что, например, Шеварднадзе может говорить заведомо ложные вещи, хотя вчера (30 августа) в телефонном разговоре со мной глава Госсовета заявил о том, что о соглашении по прекращению огня, подписанном 30 августа в Сочи, в том числе и официальным лицом Грузии, он ничего не знает. Я как раз и говорил с ним об этом соглашении, о его главном принципе, предполагающем прекращение кровопролития. Я сказал ему: – «если вы разделяете этот принцип, если соглашаетесь с тем, что все вопросы должны решаться политическими методами, что не должно быть допущено кровопролития, тогда… дайте команду прекратить стрельбу, прекратить наступление». Но, как вы знаете, вчера оно (наступление – В. Ч.) было продолжено и сегодня продолжается»[1].

В этом случае следует обратить внимание на то, что корр. «НГ» Г. Лапидус вышла на Владислава Григорьевича по совершенно другой, явно надуманной где-то и кем-то, теме. Но Ардзинба, коротко поговорив по проблеме, интересовавшей редакцию, весьма подробно остановился на ситуации, которая разворачивалась в ту пору вокруг Абхазии. Это – предстоящая встреча в Москве 3 сентября, отказ грузинского руководства, на примере Шеварднадзе, от соблюдения условий только что заключенного в Сочи перемирия, о деструктивной позиции бывшего зам. председателя Верховного Совета Надарейшвили, которого Владислав представляет пособником ввода войск, несущим «ответственность за то кровопролитие, за те беды, которые обрушились на народ». Говорит он и

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 22.

о том, что накануне переговоров о мире, грузинские войска развернули мощное наступление на село Эшера и, ворвавшись туда, «в упор из танков расстреливали дома мирных граждан, танками стирали их с лица земли. В результате противодействия часть грузинских войск покинула село. Но кровопролитие не прекратилось. Сегодня туда введены новые силы, весь день продолжается стрельба из танковых 125 мм орудий и 120 мм гаубиц под ласковым названием «Жасмин», которое истребляют то, что создавалось десятилетиями»[1].

Наверное, газета все-таки рассчитывала на подробности вокруг своего вопроса, а вот глава Абхазии поставил дело так, что редакция поведала своим читателям, причем из первых рук, что трагедия военного нашествия продолжается, что Тбилиси отвергает миролюбивые предложения, и последняя надежда – предстоящие переговоры в Москве. Таким именно образом, очень часто лидер Абхазии, используя свой авторитет, широкую эрудицию, безупречную логику, четкую аргументацию, также, что немаловажно, прекрасное владение русским языком, своими пресс-конференциями, интервью, заявлениями и обращениями пробивал плотную информационную завесу, которой нередко окружали борющуюся республику наши враги и оппоненты.

Здесь будет уместно привести впечатления корреспондента «Красной звезды» Владимира Попова, опытного журналиста, знакомого с «горячими точками», такими, как Абхазия, не понаслышке, от его встречи с Владиславом Григорьевичем во фронтовой Гудауте. Он, кстати, написал книгу о нашей войне, о предшествовавшей ей борьбе абхазов за свободу и независимость на протяжении десятилетий. Написана она тепло и со знанием дела, на хорошем профессиональном уровне, потому и читается легко, как говорится, на одном дыхании.

Вначале, однако, о некоторых весьма интересных наблюдениях журналиста в первое его пребывании в воюющей Абхазии.

[1] Там же. С. 22 – 23.

Знакомство с республикой началось с аэродрома российской военной базы: «На бетонке стояли беженцы: женщины, дети, те, кому удалось вырваться из осажденного Сухума. Их скарб был нищ, а лица и голоса бесцветны. Словно они боялись спугнуть реальность – вдруг сейчас что – то случится, кончится сон и они снова окажутся в вымирающем городе среди пьяных грузинских мародеров. Тогда я впервые услышал о том, как грузины грузовиками вывозили из города награбленное добро, убивали «негрузин» – абхазов, русских, армян… Если честно, поначалу верилось в это с трудом. А когда довелось идти по следам мародеров и убийц, выяснилось, что правда куда страшнее и горше, чем мы могли себе представить»[1].

И еще такое любопытное наблюдение Владимира, что и мне, как журналисту, приходилось видеть, а, иной раз, и прочувствовать на собственном опыте. Итак, В. Попов отмечал: «Гудаута тогда была своего рода временной столицей Абхазии. Там располагалась резиденция Владислава Ардзинба, правительственные учреждения. А еще в Гудауте был пресс-центр, где с утра до вечера толкались журналисты самых разных изданий, толков и направлений. Были и те, кто действительно с тревогой и болью следил за происходящими событиями, переживал за абхазов. А были и те, кто получал удовольствие от того, что находился в экзотической республике, где, представьте, еще идет и война. В кафешке у центрального рынка, который незаметно превратился в еще один своеобразный пресс – центр, мы однажды разговорились с московскими журналистами. Помнится, одна из них – с восторженными серыми глазами – совершенно искренне спросила нас: «Ребята, скажите, вам это не напоминает Испанию?» Вероятно, она видела себя где-то между Михаилом Кольцовым и Алексеем Трофимовым. Но вряд ли о таком сравнении мечтали сами абхазы»[2].

[1] Владимир Попов. Абхазский крест. Москва, 2007. С. 12.

[2] Там же. С. 13 – 14.

«Мечтательных» и бездумных журналистов также повидала Абхазия в ту пору. Но происходили случаи и похлеще. Со мной как раз такой и произошел: по моему, в конце 1992 года это было, когда мне сообщили из пресс – центра, что прибыл из Москвы журналист и ищет со мной контакта. Мы встретились, разговорились, и оказалось, что он и я заканчивали один вуз – факультет журналистики МГУ. Это, конечно, меня быстро расположило к нему (такие мы – абхазы доверчивы), хотя я испытывал недоверие и скептицизм к редакции «Известий», возглавляемой в то время И. Голембиовским, человеком, можно сказать, из московской команды Шеварднадзе. И надо же, что Яков, таковой была фамилия молодого корреспондента, оказался не по годам весьма пронырливым и двуличным человеком и, соответственно, таким же журналистом. Интересовался он очень настырно добровольцами: кто они, откуда приехали, как воюют, отношение к ним абхазов… В общем, получил на все обстоятельные ответы – и с моей стороны, и от самих добровольцев. Словом, потратил на него немало времени, по абхазскому обычаю, даже угощал коньяком из правительственного «НЗ». И что же? Прошло некоторое время, пока отписался московский гость и, наконец, появляются его заметки в «Известиях» под заголовком (что запомнил на всю жизнь) «Дикие гуси». И что, мол, они на абхазской войне делают деньги. Это так он о наших героических добровольцах: за что не только, пардон, морду бьют, но и под статью соответствующую можно было бы подвести. Да что там говорить: он исполнитель, как и его шеф, заказчики те самые известные наши недруги. И такая «кухня» была в ходу в ту пору у некоторых изданий, обслуживавших грузинские интересы. Вспомним спецкора российского ТВ Джафарова на оккупированной территории, в Сухуме, его провокационные репортажи, скроенные на потребу конъюнктуре и грузинским властям. Ни он, ни Яков, насколько я помню, в нашей республике больше не появлялись. Сознавали, конечно, что здесь они, после своих «деяний», в лучшем случае – по определению персоны нон грата.

Но это к слову о наблюдениях военной поры принципиального и честного журналиста В. Попова в Абхазии, который подробно, в деталях, рассказывает о своей первой встрече с главой Абхазии в качестве корреспондента «Красной звезды». В одном из эпизодов его книги говорится: «Он принял нас в светлой комнате с новым государственным абхазским флагом на деревянной стойке. Честно говоря, я ожидал увидеть сурового человека с плотно сжатыми губами и жестким взглядом. Как-никак идет война и на кону – не только собственная жизнь, но и судьба всего абхазского народа, чья вина заключалась лишь в том, что он, безоружный, не встал на колени перед грузинскими танками, не склонил голову перед потомками бериевских палачей, и решился защитить свою жизнь. Однако глаза Владислава Ардзинба излучали не суровую, а добрую энергию, и даже иронию. Вместе с тем сразу было понятно: эта ироничность вовсе не означает, что председатель Верховного Совета республики не может быть жестким, даже жестоким в определенных ситуациях. Забегая вперед, скажу, что пройдет несколько месяцев, и я смогу в этом убедиться. Но тогда он пригласил нас и сказал: «Слушаю вас, друзья мои»…

«…Мы говорили 22 минуты. Голос у Ардзинба немного гортанный, а речь правильная, поставленная. Все-таки чувствуется классическая школа… Мы тогда задавали примерно те же самые вопросы, с которыми приходили к этому человеку все журналисты. Почему Грузия напала на Абхазию? Какова ситуация в республике на этот момент? Как вы оцениваете позицию России в этом конфликте? И так далее… Даже если на подобные вопросы приходилось отвечать по три раза на дню – Владислав Григорьевич не подавал вида. И он также терпеливо объяснял нам, что Абхазия не хотела этой войны. Ожидали агрессию? Да, ожидали. Но, откровенно говоря, до конца не верили, что вчерашние соседи решатся на такое страшное преступление. Впрочем, чему удивляться? Вся абхазская политика Грузии в советский период была, по сути, направлена на уничтожение абхазского этноса и захват наших земель…

И сегодня военно-фашистский режим Шеварднадзе проводит в Абхазии самый настоящий геноцид. Я уже говорил и повторяю: речь идет не о наведении кого – то правопорядка на «территории Грузии», а об уничтожении абхазского этноса и полной грузинофикации территории от Псоу до Ингура… Мы располагаем тысячами фактов реальных грабежей, унижений, убийств мирного населения на оккупированных территориях. Мы эти факты фиксируем, потому что, веря в нашу победу, намерены предъявить серьезный счет мародерам и убийцам в мундирах солдат Госсовета Грузии.

… Владислав Ардзинба говорил спокойно, уверенно. А ведь на его плечах была огромная ответственность. Ведь каждый абхаз знал, на что способны грузины… Понятно, что грузины мастера блефа и надувания щек. Но когда вас – сто тысяч человек, а против вас – пять миллионов, невольно задумаешься о последствиях»[1].

Могу засвидетельствовать, как человек, близко знавший Ардзинба много лет по работе, что наблюдения российского журналиста, его описание характерных черт и качеств личности национального лидера, надо отметить, вполне соответствовали реалиям. Это, впрочем, было редким явлением в среде пишущих: обычно журналисты, общаясь с Владиславом Григорьевичем, больше внимания уделяли сообщаемой им информации, оказывались под сильным воздействием его безупречной логики, убедительной аргументации, и, наконец, личной харизмы. Они, тем самым, становились авторами качественных публикаций, в которых сам характер интервьюера, его внутренний мир, детали поведения и быта, как правило, оставались втуне. Полагаю, что Владислав это видел, но для него важнее было дело. И потому он всегда находил «общий язык» с журналистами. Во время войны и после нее, сотни корреспондентов из многих стран мира брали интервью, беседовали с абхазским президентом, были случаи, и немало, когда отдельных журналистов, с которыми у него возникали теплые, товарищеские отношения, Владислав приглашал разделить хлеб-соль в родительский дом, в Эшеру. Но это было уже после войны, когда Абхазия, мало-помалу, залечивала физические и духовные раны, восстанавливала постепенно разрушенное войной хозяйство.

[1] Там же. С. 15 – 19.

Однако до этого было еще далеко: теперь же истекал август 1992 года, и впереди предстояло важное событие – подготовленное Москвой совещание с участием Грузии, Абхазии, республик Северного Кавказа, призванное, как виделось абхазскому руководству, остановить грузино – абхазскую войну. Но, говорится же, человек только предполагает, а Всевышний, к тому же, и располагает. Вот и в Московском случае, в роли вершителей людских судеб выступили, вместо Всевышнего, хоть и смертные, но всесильные властители – Ельцин и Шеварднадзе. О роли грузино-российского политического тандема, развеявшего абхазские иллюзии той поры, пишет С. Лакоба, который отмечает: «После провала планов Шеварднадзе (имеется в виду безуспешная попытка прорвать абхазский фронт – В. Ч.) состоялась встреча в Москве… В первой половине дня практически все высказались за немедленный вывод грузинских войск из Абхазии и возвращение в Сухум законных парламента и правительства. Во время перерыва Ельцин и Шеварднадзе встретились с глазу на глаз, и вторая часть переговоров пошла совершенно по другому руслу. Явно подвыпивший президент России представил вдруг новый текст документа, Ардзинба высказал мнение о необходимости его обсудить, но Ельцин заявил, что документ нет времени обсуждать, а нужно немедленно подписать. Московская встреча, подготовленная министром иностранных дел России А. Козыревым, завершилась 3 сентября подписанием Итогового документа, в котором говорилось о территориальной целостности Грузии, необходимости частичного присутствия грузинских войск на абхазской территории, вывода из Абхазии конфедератов и умалчивалось о федеративном устройстве Грузии. Сразу по окончании встречи Ардзинба заявил в средствах массовой информации, что вынужден был поставить свою

подпись под сильным давлением руководства России, т. к. в противном случае Абхазию могли обвинить в срыве «мирных» переговоров. Тем самым Председатель Верховного Совета Республики Абхазия дезавуировал свою подпись»[1].

И все же, в общественном мнении, в средствах информации Грузии и России, итоги совещания, безусловно, выглядели как победа грузин и поражение абхазов. В личном разговоре со мной Ардзинба уже в мирное время не раз говорил о том, что он, конечно, надеялся с помощью поддержки руководителей республик Северного Кавказа добиться иного исхода переговоров – прекращения войны и вывода грузинских формирований. Но, в процессе переговоров, вдруг, словно по команде, представители республик, все до единого, отступив от первоначального мнения, практически солидаризировались со всеми предложениями Ельцина и Шеварднадзе. На первых порах, после возвращения грузинской делегации из Москвы, их встречали как триумфаторов. В грузинской печати и на телевидении пели осанну дипломатической победе главы Грузии, предсказывая скорый крах режима Ардзинба. Примерно также воспринимали ситуацию и некоторые российские журналисты и публицисты. Так, по этому поводу А. Авидзба отмечает: «Российский исследователь О. Васильева, анализируя итоги Московской встречи, писала: «В. Ардзинба, не имеющий политического опыта, был сломан – он подписал документ, узаконивший пребывание грузинских войск в Абхазии и ни словом не оговаривающий федеративное устройство Грузии»[2]. Примерно то же самое утверждал аналитик Г. Урусов, заключивший, что «в столице России Президент КБР и иже с ними испугались имперского гнева и «потребовали» от руководителя Абхазии В. Ардзинба подписать итоговый документ» и далее, развивая свою мысль, он назвал итоговый документ «ужасным документом об избиении Владислава Ардзинба»[1].

[1] С. Лакоба. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Саппоро, 2001. С. 48 – 49.

[2] А. Ф. Авидзба. проблемы военно – политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга 1. Сухум, 2013. С. 594.

Ясно, что в силу сильного давления московских верхов, поубавилось решительности у северо-кавказских лидеровоказать поддержку главе Абхазии. В. Ардзинба, оставшись один на один с тяжеловесами от политики – Ельциным и Шеварднадзе, вынужден был против своей воли подписать итоговый документ. И все же Владислав, довольно деликатно характеризуя позицию коллег, отмечает: «Я бы на их месте постарался не отступить. Но мы понимаем политическую обстановку, в которой они работают, поэтому не в претензии к ним, тем более, если учитывать давление такого человека, как Б. Ельцин. Мы благодарны им также за гуманитарную помощь»[2]. В то же время Владислав Григорьевич понимал, что абхазы ждали большего от Московской встречи. В этих условиях определенные силы, и внутри Абхазии, стали муссировать мысли о том, что это самый настоящий политический разгром Абхазии, за которым недалек и окончательный военный реванш грузин. Учитывая тяжелую военную ситуацию, и, чтобы не усугубить ее негативным грузом от впечатления «проигранного дипломатического сражения», Владислав Григорьевич предпринял верные шаги в информационном плане. Об этом он думал еще в Москве, а возвращаясь в Абхазию, уже на борту самолета давал большое интервью Абхазскому телевидению, разъясняя плюсы и минусы, или же наоборот, что едино, подписанного им соглашения. Владислав, используя свое ораторское мастерство, довольно лаконично, и в то же время убедительно, рассказал о перипетиях переговорного процесса, о том, что в рамках неблагоприятной для абхазов ситуации, достигнут максимум возможного, что прекращение кровопролития позволит сохранить многие жизни защитников Абхазии. Убежденность главы Абхазии в том, что народ наш, вместе с со-

[1] Там же. С. 594.

[2] Там же. С. 595.

юзниками, выстоит, наперекор временным неудачам, вне всякого сомнения, произвели определенную разрядку негативного настроения в обществе. Положительными факторами Итогового соглашения национальный лидер считал то, что «необходимо прекратить огонь, прекратить передвижение, передислокацию войск, одним словом – прекратить кровопролитие. И начать отвод соответствующих формирований. Вот, наверное, самый положительный момент этого Итогового документа. Сказано (в документе – В. Ч.) также о том, что должны быть восстановлены все конституционные структуры власти, т. е. должен работать парламент, тот самый, который хотели разогнать и заменить на нечто вроде органов по образцу Госсовета и что должен быть восстановлен Совет Министров, органы власти на местах»[1].

Из того, что перечислил Владислав как самый положительный момент Соглашения – это прекращение огня, то есть сохранение человеческих жизней. Этот фактор, что сразу бросается в глаза, у него на первом плане. Ведь он нередко повторял: зачем нам Абхазия, если там не будет абхазов. Отметил он и такое условие Соглашения, как восстановление законных структур власти. Но я все-таки возьму смелость на себя и отмечу, что для него очень важным был и фактор времени, нужна была передышка для собирания сил и средств. Об этом обычно не говорят, и без чего вряд ли было возможным вытеснить грузинские военные формирования за пределы Абхазии. Ардзинба в ту пору, сразу после Московских переговоров, а может быть и в ходе их, отчетливо стал понимать: никакие разговоры и увещевания здесь не помогут, чтобы прогнать захватчиков необходима реальная сила, нужны решительные военные действия. Для этого нужно время. Перемирие как раз и есть то время, которое поможет собраться с силами. В определенной мере эти соображения, наверное, созвучны следующим

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 24.

комментариям Ардзинба в том интервью, где явно просматривается его недовольство отдельными статьями Московского соглашения: «Совершенно противоположные чувства я испытываю по поводу того, – утверждает он с телеэкрана, – что не решен главный вопрос. Вопрос о выводе всех войск, введенных на территорию Абхазии, выводе за пределы республики. В чем здесь опасность? Дело в том, что это те самые войска, которые грабили, убивали, мародерствовали в Абхазии и нахождение их в любой форме на территории Абхазии фактически может вновь привести к столкновению. Поэтому мы выступали за радикальное решение проблемы: вывод войск и решение всех вопросов взаимоотношений Абхазии и Грузии путем переговоров, потому что, в главной причине вывода войск нет никаких сомнений…»[1].

Таким образом, Глава Абхазии сказал своему народу все, что можно было обнародовать гласно. В том числе и о том, что в Москве не решен главный вопрос, связанный с выдворением грузинских войск за пределы страны абхазов. Вывод из того напрашивался сам собой: значит, такая задача не снята с повестки дня, и ее надо будет решать собственными силами, вместе с союзниками – добровольцами.

В Гудауте 6 сентября состоялась пресс-конференция В. Ардзинба для абхазских и зарубежных журналистов. В ней принял участие и член Президиума Верховного Совета Абхазии К. Озган. Владислав Григорьевич, в основном, в тезисной форме повторил свои соображения по поводу Московского Соглашения, сказанные им в телевизионном интервью. В своем выступлении на пресс-конференции К. Озган, в частности, отметил: «Я видел, как готовилась и проходила эта встреча. Тот, кто там не был, может подумать, что можно было добиться большего. Но уверяю вас: сам Бог, если бы он поехал в Москву, не сделал бы этого – такая там была обстановка, в такие мы были поставлены условия»[2].

[1] Там же. С. 24 – 25.

[2] Газета «Республика Абхазия». 27 августа – 8 сентября 1992 года.

Анализируя информационную политику главы Абхазии, нельзя не отметить, что ее можно подразделить на ряд периодов, как и периодизацию самой войны. Это особенно наглядно проявляется на примере зарубежных, в том числе, российских СМИ, которые вначале войны дозированно освещали события в Абхазии, и, как правило, в грузинской интерпретации. Словом, в соответствии с негласными российско-грузинскими договоренностями в Дагомысе, Абхазия оказалась в информационной блокаде. В самой республике, силами журналистского сообщества на свободной территории, на основе установок Ардзинба проводилась достаточно эффективная деятельность абхазских средств информации. А вот за пределами республики, особенно в СМИ России, в начале войны, основном, господствовала грузинская точка зрения на происходящие события вокруг Абхазии. Это длилось до тех пор, пока не стало меняться российское общественное мнение, подвергшееся трансформации под воздействием активной деятельности общественно – политических движений и организации, в целом бурного протеста народных масс братских республик Северного Кавказа против войны в Абхазии, в защиту абхазского народа. Сказалась, безусловно, и однозначно четкая позиция Верховного Совета Российской Федерации о безоговорочном выводе грузинских войск с территории абхазской республики. Определяющее значение также имели существенные противоречия между Москвой и Тбилиси, все чаще возникавшие после крупного поражения грузинской войск и освобождения северо-западной части Абхазии. Это, на наш взгляд, стало началом коренного перелома в ходе грузино-абхазской войны, в процессе которого позиций Тбилиси, как политические, так и военные, постепенно слабели. Абхазские же, наоборот, усиливались. То же самое происходило с освещением процессов, происходивших в регионе конфликта, средствами массовой информации. Постепенно, вслед за ослаблением влияния и контроля грузинского лобби над российскими СМИ, усиливался разнообразный, и более или менее сбалансированный, информационный поток с места событий – из региона противостояния абхазов и грузин. По этому поводу Владислав Григорьевич, после завершения Московской встречи, отмечал: «Я все же думаю, что мир не настолько безнравственен, как кажется некоторым, и Россия – она многолика, есть общественность России, есть интеллигенция России, русский народ, есть народы России, есть народы всего сообщества, они сумеют точно определить, что произошло в Абхазии и дать оценку всему этому. И когда мы сегодня отправлялись (из Москвы в Абхазию – В. Ч.), вполне официальные люди и высказывали свое особое мнение по отношению к Абхазии, по отношению к тому, что здесь происходит. Выражали сочувствие и старались всячески нам помочь. Я думаю, что очень важны – печать, телевидение, все же, несмотря на то мощное лобби, огромные силы, огромный потенциал, который есть у наших оппонентов, им не удалось скрыть от мировой общественности то варварство, которое совершается в Абхазии»[1].

В этом плане в СМИ действительно появились, и весьма реалистичные, оценки по поводу грузинской агрессии, политики российских верхов, в целом вокруг ситуации, связанной с грузино-абхазской войной. Так, доктор исторических наук Вячеслав Никонов писал: «Введение войск Госсовета Грузии в Абхазию, какими бы благообразными предлогами оно не обставлялось, явилось безусловным триумфом «партии войны» в Тбилиси, отвергающей любые компромиссы, в том числе – на путях федерализации республики… Масла в огонь подлили и некоторые шаги российского руководства, которые вряд ли можно признать образцами высокой дипломатии и дальновидной политики. Трудно понять, зачем России понадобилось форсировано передавать грузинской национальной армии вооружение. Если это плата за «хорошее поведение» Грузии в решении южноосетинской проблемы, то ее

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 30

следует признать, вероятно, преждевременной. Пока же оснащение грузинских сил большим количеством совершенного оружия породило дополнительные жертвы… Трудно понять, для чего Министерству юстиции России именно в этот момент всеобщего проявления солидарности российских горцев с абхазами понадобилось признавать незаконной Конфедерацию горских народов Кавказа. Это решение, которое и реализовать-то невозможно, никак не помогло примирению в Абхазии, но зато стало щедрым подарком тем лидерам КГНК, которые заявляют о колонизаторских настроениях Москвы в отношении кавказских народов. В результате оказалось, что использовать модель, сработавшую в Молдове и в Южной Осетии, явно недостаточно для распутывания абхазского клубка. Вариант с разъединительным коридором на переговорах в Москве не прошел, он оказался неприемлем для грузинской стороны, заинтересованной в военном присутствии на всей территории Абхазии. Создание трехсторонней (грузинско-российско-абхазской) комиссии по контролю и инспекции за соблюдением соглашения (от 3 сентября – В. Ч.) о прекращении огня устраивает Грузию куда больше, чем Абхазию, и надежд на эффективную деятельность комиссии и скорое замирение сторон мало»[1].

Интересны также суждения народных депутатов России. Владимир Исаков, комментируя недовольство Шеварднадзе решениями Верховного Совета России, в которых говорится о необходимости вывода грузинских войск с территории Абхазии, сказал: «В решении, которое принял российский парламент, нет элементов диктата. В нем предусмотрены меры, позволяющие вернуть в Абхазию мир. Председатель Госсовета – в общем-то, замечу, неконституционной структуры – посчитал это вмешательством во внутренние дела Грузии. Это, на мой взгляд, неоправданная реакция. Долг России – защитить малый народ, который связал с ней свою историческую судьбу. Еще большее удивление вызывало заявление Шеварднадзе о том, что в ходе недавней встречи в Москве Президент России занял чуть ли не его, Шеварднадзе, сторону. Можно только догадываться, чем вызвана такая странная позиция Президента, но ясно, что расхождение между высшей законодательной и исполнительной властью России в столь важном вопросе ударит прежде всего по людям, которые воюют в Абхазии. Кому выгодно столкнуть Россию с народами Кавказа? Тем, кто не хотел бы видеть Россию великой державой; тем, кто открыто бросает фразы о том, что они предпочли бы гражданскую смуту и хаос, нежели восстановление единого государства. Эту фразу сказал Генри Киссинджер…»[1].

Также и депутат российского парламента Геннадий Саенко отмечал: «В составе парламентской делегации я ездил в Абхазию, когда только что начался этот конфликт. Встречались мы и с В. Ардзинба, и Э Шеварднадзе, и с руководством ЗакВО… Что я об этом думаю? Это агрессия со стороны Грузии, инспирированная Госсоветом и Шеварднадзе. Агрессия, преследующая как личные политические интересы – поскольку Шеварднадзе готовится к выборам, – так и интересы, так сказать, глобального характера: идея «Великой Грузии» и т. п. У господина Шеварднадзе почему- то не возникло никаких возражений, когда Конгресс США обсуждал положение дел в Ираке или в какой-то другой суверенной стране. Что же противоправного он нашел в том, когда я в Верховном Совете России ставлю вопрос: как уберечь наш Северный Кавказ, Россию от того пожара, который зажег Шеварднадзе?»[2].

Откликнулся на беду Абхазии и Фазиль Искандер, отметивший: «Не скажу, что события в Абхазии стали для меня полной неожиданностью. Дурные предчувствия давно меня преследовали… О роли Шеварднадзе в этом конфликте… Мне трудно судить, насколько она первостепенна. Но, так или иначе – он ведь возглав-

[1] Газета «Московские новости», 13 сентября 1992 года.

[1] «Литературная газета», 2 октября 1992 года.

[2] Там же.

ляет Грузию, и ответственность за происходящее в первую очередь ложится на него. А если говорить о позиции горских народов Северного Кавказа… Что ж, я вполне понимаю эмоциональную и психологическую сторону дела. Когда на маленькую республику, где живут всего сто тысяч абхазов, двинулись танки, вертолеты, огромная армия, у всякого честного человека, а тем более – живущего по соседству, сердце не могло остаться спокойным. Так что желание и стремление людей встать на защиту маленькой Абхазии мне, повторяю, очень понятны. Сейчас, конечно, главный вопрос – как скорее прекратить эту войну. На мой взгляд, единственная возможность нормализовать обстановку – прекратить огонь, убрать из Абхазии грузинские войска»[1].

Совершенно по иному думал и рассуждал в ту пору глава Грузии. Судя по его многочисленным выступлениям в СМИ, как Грузии, так и России, сей «демократ» к компромиссам и вовсе не был готов, и потому твердил: «Я не могу, не вправе опережать события. Это дело будущего парламента. Форму государственного устройства Грузии и Абхазии должен определить народ путем референдума. Но, честно говоря, в федеративное устройство Грузии я не очень верю… Можно и без федеративного устройства Грузии решить вопросы, гарантирующие соответствующие права и статус абхазов. Все можно решить в рамках единого государства»[2].

Абхазскому руководству становилось ясно, что только мирным путем, в том числе и на основе Московского Соглашения, вряд ли удастся решить проблему грузино-абхазского противостояния. В. Ардзинба, убежденный в том продолжающейся агрессивной риторикой грузинских властей и наращиванием военного потенциала противника, судя по дальнейшим его шагам, приступил к реализации намеченного им плана действий. Он, конечно, должен был придерживаться решений, принятых в Москве. При этом, как

[1] Газета «Правда», 3 сентября 1992 года.

[2] Газета «Известия», 2 сентября 1992 года.

задумывалось, следовало вести дело так, чтобы убедить российскую общественность, мировое сообщество, а затем и российское руководство в том, что, при всей готовности Абхазии, Грузия никоим образом не намерена претворять в жизнь московские договоренности. О том грузинские руководители заговорили вскоре после принятия Соглашения. Глава Грузии Шеварднадзе, видимо, под воздействием победной эйфории заявил в выступлении на Государственном совете, что«ст. 10 Итогового документа, которая предусматривала восстановление законных органов власти Абхазии, носит рекомендательный характер». Тем самым он дал понять, что его страна не собирается соблюдать даже выгодный для нее в целом документ. А министр обороны Грузии Т. Китовани 3 сентября, сразу после окончания переговоров, заявил журналистам, что «Грузия выведет свои войска только тогда, когда будет восстановлен порядок на транспортных магистралях в Абхазии». Заместитель председателя Госсовета Д. Иоселиани и вовсе пришел к выводу, что «этот конфликт будет длиться долго»[1]. Владислав Ардзинба, в свою очередь, настаивал на том, что «присутствие грузинских войск в Абхазии остается главным дестабилизирующим фактором, который, в конце концов, может взорвать хрупкий мир, и что вывод грузинских войск продолжает быть основным условием восстановления мира и спокойствия в Абхазии»[2].

Известно, что Владислав Григорьевич обладал способностями просчитывать ситуацию, по выражению шахматистов, на много ходов вперед. Это, разумеется, свойство высокого интеллекта и глубокого аналитического мышления. К счастью, абхазский лидер обладал этими качествами в избытке. Это позволило ему в сентябре, после провального для абхазов московского соглашения – так расценили его многие политики, в том числе грузинские, российские и некоторые абхазские – осмыслить положение Абхазии,

[1] А. Ф. Авидзба. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.) Книга 1. Сухум, 2011. С. 606 – 611.

[2] Там же. С. 604.

создавшееся после московских переговоров, и четко расставить акценты: выработать стратегию и тактику, как в военных вопросах, и в политической составляющей.Стратегической задачей в области политики для В. Ардзинба в тот период, судя по документам, письмам и заявлениям, становилась проблема дискредитации грузинского руководства, отказавшегося от выполнения практически всех пунктов соглашения. Чаще всего по этому поводу глава Абхазии апеллировал к президенту Российской Федерации, Верховному Совету России, Генеральному секретарю ООН. Так, в течение сентября Абхазский парламент, госструктуры, общественность направили президенту России и Верховному Совету не менее двух десятков заявлений, обращений и постановлений, аргументированно, на основе многочисленных и убедительных фактов отмечавших нежелание грузинского руководства выполнять Московское соглашение. Только глава Абхазии в течение сентября и в начале октября направил Б. Ельцину пять обращений, в ООН – Генеральному секретарю – четыре обращения.

В. Ардзинба в этот период много внимания уделял сотрудничеству со средствами массовой информации, как с местными, так и зарубежными, особенно российскими. Впрочем, надо отметить, что интерес был обоюдным: журналисты также были не прочь сделать интервью или беседу с руководителем небольшой, но строптивой республики. Так, только за сентябрь, сильно загруженный военно-политическими проблемами, Ардзинба охотно общался с журналистами весьма разных по политическим направлениям и взглядам изданий. Задача была одна: убедить российскую общественность в том, что агрессия Грузии принесла народу Абхазии – абхазам, русским, армянам, грекам, евреям – неслыханные бедствия, сравнимые лишь с геноцидом. И, чтобы остановить дальнейшее развитие трагедии, необходимо прекратить войну и вывести грузинские войска. И показать с помощью средств информации, что к таким действиям грузинское руководство, несмотря на данное обязательство по итогам Московской встречи, не стремится.

Оно, наоборот, усиливает военное присутствие в оккупированной части Абхазии, угрожая также продолжить наступление с целью полного захвата республики. Эти положения были лейтмотивом бесед и интервью Владислава со всеми средствами информации в тот период, несмотря даже на то, если какое-то издание ставило вопрос в иной плоскости. Даже заголовки материалов привлекали читателей: они свидетельствовали об уверенности, силе воли, твердом характере абхазского лидера, еще до ознакомления с публикациями. Например, так назывались интервью и беседы Ардзинба, опубликованные в печати после Московской встречи: «Под дулами автоматов мы работать не будем», «Горячая линия: Абхазия не отступит», «Мы не чужие для России», «Возможность избежать дальнейшего кровопролития еще существует», «Самое главное – единство» и другие. Эти его публикации в «Независимой газете», «Московских новостях», «Литературной России», «Известиях», «Экспресс – Хронике», «Литературной газете» и других изданиях были нацелены на информирование российской общественности о реальной обстановке в Абхазии, также и на то, что «мирными» уговорами Грузию не заставить следовать принятым в Москве решениям. Выходило, что для того нужны были усилия иного характера. И к тому также готовилась Абхазия, и весьма успешно, что доказали события начала октября 1992 года.

Тем временем, в центре сопротивления – Гудауте, как уже отмечалось выше, были сконцентрированы республиканские и региональные средства информации. В Сухуме, где хозяйничали оккупационные власти, сосредоточились СМИ и их сотрудники, издавна обслуживавшие интересы грузинской метрополии. Теперь они с энтузиазмом обеспечивали идеологическую поддержку оккупационным войскам. Следует отметить, что ни один творческий работник, из числа перебазировавшихся в Гудауту изданий, не сотрудничал с оккупационными СМИ, несмотря на нужду и лишения, испытываемые в оккупированном городе. В обзорной статье «Эхо Абхазии» отмечалось, что «республиканские СМИ абхазской сто-

роны, эвакуировавшись в Гудауту, возобновили свою работу в этом райцентре; в частности – газеты «Апсны», «Республика Абхазия» (тираж – 1 тыс. экз.), которые стали печататься форматом А3 на базе Гудаутской районной типографии. Там же выходили гудаутская «Бзыбь» (тираж – 200 экз., 1 – 2 раза в месяц), «Боевой листок» (издание, выходившее тиражом 300 – 500 экз. без указания периодичности, по инициативе группы депутатов Верховного Совета РА), «Конфедерация» (тираж – 1000 экз.) – газета оперативного штаба Конфедерации Народов Кавказа. Позже, на базе Гагрской типографии, кроме городской «Гагры», стали печататься газета министерства обороны Республики Абхазия «За наше Отечество» (1 – 2 раза в месяц, 1 тыс. экз.), «Все об Абхазии» – дайджест публикаций зарубежной прессы о событиях в Абхазии, который выпускал коллектив Гагрской типографии. В Сочи вышло несколько номеров газеты «Абхазия»[1]. В том же редакционном обзоре также отмечается, что «в Сухуме, который был взят под контроль грузинскими войсками, Ю. Гавва (бывший редактор «Советской Абхазии» – В. Ч.) сперва, в августе – сентябре, продолжал выпуск газеты «Панорама Абхазии», а затем возглавил новую – «Демократическая Абхазия». Первоначально она выходила как орган «депутатской фракции ВС Абхазии «Демократическая Абхазия» и временного комитета по стабилизации положения в республике», затем – как независимая. Печаталась эта газета около года (вышло более 70 номеров) форматом А2 и тиражом 15 тыс. экз. На русском языке на оккупированной территории выходил также «Вестник военной полиции». Продолжала выпускаться на грузинском «Апхазетис хма» («Голос Абхазии», редактировал газету Т. Чочия – В. Ч.). Средства массовой информации воюющих сторон оказались не в равных условиях и по следующим причинам: если Сухумское телевидение (т.н. телевидение Абхазии), передачи которого наладили грузинские журналисты во главе с бывшим сотрудником «Советской Абхазии»

[1] Газета «Эхо Абхазии», №№ 8, 11. Декабрь 2010 года.

Александром Берулава, принимались практически на всей территории Абхазии, то сигнал Абхазского телевидения, вещавшего из Гудауты, западнее Гумисты не принимался. Таким образом, Абхазское радио стало главным источником информации о происходящем в абхазском «лагере» для тех, кто находился на территории, подконтрольной Грузии»[1].

Абхазское радио военного времени – одно из самых действенных средств информации в борьбе с грузинской пропагандистской машиной, обеспечивавшей идеологическую поддержку агрессии против Абхазии. К примеру, русская служба радио отличалась весьма широким диапазоном своей деятельности. Это – регулярные информационные передачи для наших граждан, оказавшихся в блокаде. Также аналитические материалы, вскрывавшие неблаговидные действия, ложь и инсинуаций оккупационных властей, передачи, разоблачающие публикаций грузинских средств информации, приукрашивавших жизнь на оккупированных территориях. И в противовес тому, раскрывавшие истинное положение дел, как в руководстве оккупантов, так и в среде простых граждан, в том числе грузинской национальности. По этому поводу Олег Шамба, являвшийся в тот период военным корреспондентом и руководителем русской службы Абхазского радио, отмечал: «Весьма большую роль в деле оперативного освещения хода войны и в разоблачении провокационных происков грузинских оккупантов сыграло во время войны Абхазское радио. Актуальность и действенность его передач заключались в том, что преобладающее их большинство было насыщено большим фактологическим материалом. Конкретные факты били наших врагов, как говорится, «не в бровь, а в глаз». Удивительно то, что, по прошествии многих лет после окончания войны, мы еще раз через призму времени, сопоставляя наши передачи с трофейными материалами (документами, оставленными грузинами в паническом бегстве), неоднократ-

[1] Там же.

но убеждались в правдивости наших радиорепортажей. Они, по существу, являются «летописью войны»[1].

Голос Абхазского радио доходил до каждого города и района, до самого отдаленного населенного пункта Абхазии. Радио слушали все: абхазы, грузины, русские… Радиопередачи принимались далеко за пределами республики: на Северном Кавказе, в областях и краях Юга России, в Турецкой республике. Но основная работа радиожурналистов, особенно русской редакции, была сосредоточена на освещении проблематики оккупированных территорий. Здесь происходила, образно говоря, настоящая «схватка» абхазской и грузинской пропаганды. О том свидетельствуют названия рубрик и передач Абхазского радио: «Корреспондент из оккупированного Сухума сообщает…», «Слова и дела псевдодемократов», «Ложь на коротких ногах», «Кто оккупант, а кто беженец», «Осторожно – фальшивка», «Конвейер лжи», «Истинная цена дружбы», «Радиоутки из Тбилиси», «Анонимы из «Комитета спасения» и многие другие.

Так, большой популярностью пользовалась отмеченная выше рубрика «наш корреспондент сообщает…», которую вел О. Шамба. В начальный период войны в передаче, адресованной населению оккупированной территории, в частности Сухума, он отмечал: «Жители прифронтового Сухума давно привыкли ко всякого рода сенсационным сообщениям в печати, по радио и телевидению. Понятно – идет война и политикам необходимо идеологическое обеспечение своим замыслам для их практического воплощения. Ни для кого не секрет, почему в свободной продаже имеются лишь газеты «Свободная Грузия», «Демократическая Абхазия», «Абхазетис хма» – четвертая власть полностью находится на службе новоявленных демократов. Передачи по телевидению из Москвы зачастую отключаются, или же излагаются с подачи политических комментаторов, т. е. выдается «дозированная» правда. Зато радио и телевидение Грузии, так называемое телевидение Абхазии – слушай и смотри вдоволь. Ощущается острый информационный голод, но многие уже научились отличать правду от лжи. Этому научила их сама жизнь, реальность ежедневных событий. Все сухумцы полностью разобрались – вооруженные бандиты вторглись охранять железную дорогу, или грабить мирных жителей? Никто уже не верит болтовне Надарейшвили, который не устает рассказывать о массовых изнасилованиях в Гагре, о том, что отрубленными головами играют в футбол, что «сепаратисты» ходят с чайными стаканами и пьют кровь грузин…»[1].

[1] Олег Шамба. Летопись войны: грузинские беженцы – кто они? Сухум, 2007. С. 16 – 17.

В следующей передаче сообщалось: «На улицах столицы Абхазии – Сухума почти не звучит абхазская речь. Не только говорить, но и появляться на улицах стало опасно. Убить могут просто так – лишь потому, что в паспорте написано «абхаз». Родной город не узнать, многие наши бывшие соотечественники в паническом страхе бегут, другие готовятся к обороне от абхазских «оккупантов». О, Боже! В своем доме мы стали гостями. Пусть эта суровая действительность послужит уроком не только живущим ныне, но и грядущим поколениям»[2].

Недаром говорят: факты – упрямая вещь. На этом и строилась абхазская пропаганда, в том числе и посредством радио. Например, в одной из передач рассказывается, со слов грузинской прессы, о встрече Шеварднадзе с беженцами из Гагры, которых «уютно разместили в гостинице «Иверия» в Тбилиси. Глава Грузии клятвенно заверил всех «беженцев», что вскоре их родной город Гагра будет освобожден от абхазских оккупантов, и они будут возвращены на Родину. Это сообщение было воспринято гулом одобрения. Некоторые даже прослезились от радости и стали поспешно упаковывать свои чемоданы. Время, конечно же, образу-

[1] Там же. С. 38 – 39.

[2] Там же. 43.

мит их и многие смогут убедиться в авантюризме Шеварднадзе… Впрочем, сам Эдуард лукавит, он – то прекрасно знает, что Гагра – это Абхазия и абхазы освободили Гагру от оккупантов… Надо же как - то обмануть свой народ, чтобы оправдать эту необъявленную войну… Нам стала известна одна любопытная история: вскоре после памятного выступления Шеварднадзе в «Иверии» один любопытный чиновник гостиницы взял списки беженцев (благо, они у него были) и путем опроса получил весьма неожиданные сведения. Оказывается, до 90 процентов гагрских беженцев и их родичей составляли переселенные с 1942 по 1985 годы из разных регионов Грузии. А остальные 10 процентов по праву могли называть себя «аборигенами», поскольку являются потомками грузин и мегрелов, появившихся в Абхазии после 30 – х годов нынешнего столетия. Так что комментировать, чьей родиной является Гагра, и кто же является оккупантом, не считаем необходимым»[1].

На дискредитацию оккупационных властей была рассчитана и передача, озаглавленная «Нынешние правители Сухума: кто они?». Как сообщает автор О. Шамба, «в ней использованы источники из ближайшего окружения Надарейшвили». Речь идет о том, как «на одном из заседаний в т. н. Совете Министров, в Сухуме, которое проводил всемирно известный «демократ» Шеварднадзе, в центре Президиума сидел довольно упитанный мужчина в военной форме. Бросилась в глаза одна деталь: энергично жестикулируя, Эдуард Амвросиевич в каждом случае обращался в сторону этого человека, и тот, как бы одобряя сказанное им, слегка кивал головой. Невольно обратив на это обстоятельство внимание, телезрители мучились в недоумении: кто же этот тучный человек, по которому, словно по камертону, сверяет свои слова глава Грузии? Вскоре оператор крупным планом показал его лицо – и многие ахнули от удивления: «Ба! Так это же судья всесоюзной категории по футболу Гурам Габескирия!.. «Тайны мадридского двора»

[1] Там же. С. 85 – 86.

вскоре рассеялись: выяснилось, что Габескирия официально назначен мэром города. Кто-то, говорят, при этом известии чуть не умер со смеху, но лица многих порядочных сухумцев помрачнели: они поняли – мафия наступает!.. А между тем первый же день пребывания на посту мэр начал с того, что издал распоряжение о возобновлении купли – продажи домов и их оформлении. На следующий день об этом было напечатано в газете оккупационного режима «Демократическая Абхазия». Для кого война – гибель близких, а кому – возможность приобретения за бесценок домов беженцев и получение доходов от различных махинации. На одном из совещаний мэр заявил: «Недавно распределял итальянскую муку по организациям и в списках оказалось несколько абхазцев, я их вычеркнул». Окружение мэра одобрительно закивало головами… Габескирия часто любит похвастаться своей бескорыстностью. В качестве веского доказательства показывает весьма любопытный документ… «Вот видите мое заявление о том, что мэрии через частных лиц нужно купить три машины для производственных нужд. Машины фактически конфискованные, но через моих доверенных лиц мы оформили куплю – продажу. И что же вы думаете? Девять миллионов я отдал Надарейшвили, пять – Сичинава, а сам остался на бобах…». И еще такой факт: «Всем известна алчность временщиков в правительстве, как ито, что через подставных родственников они давно купили недвижимость в Тбилиси и готовы в любой момент «отступить» на заранее подготовленные позиции. А тем временем мэр не перестает удивляться: «Сосо Ахалая (начальник военной полиции – В. Ч.) раньше я знал как рэкетира и уголовника, а теперь он генерал и комендант города, ну и чудеса!». И при всем этом они стоят друг друга, а вместе составляют слаженный дуэт, украшающий команду Шеварднадзе. Однако невдомек Габескирия, что так долго продолжаться не может, и что каждый получит по заслугам. Искренне поздравляем Шеварднадзе! Как не вспомнить в этой связи пословицу: «Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты»[1].

[1] Там же. С. 59 – 63.

С первых дней агрессии мощным идеологическим и информационным оружием в деле организации сопротивления грузинским захватчикам было Абхазское телевидение. Информационное сообщение о начале войны прозвучало со слов известного тележурналиста и диктора абхазского телевидения Зураба Аргун. В этот же день с историческим обращением к народу выступил Владислав Ардзинба, призвавший всех, кому дорога Родина, к защите от грузинских агрессоров. Тогда же было объявлено решение Парламента о мобилизации взрослого населения для отпора вражеского нашествия. «Вначале, 14 – 15 августа, телевидение вело передачи из Сухума, но 16 августа, когда была захвачена грузинскими военными телевизионная вышка, работники телевидения перебазировались в город Гудаута. Здесь, это надо отметить, техническая служба оперативно, буквально в течение 2–3 дней, наладила работу телевидения. И после того, как говорится, без устали тележурналисты, операторы, весь коллектив направляли свои усилия на освещение борьбы абхазского народа, всего населения республики, против грузинских агрессоров. Это были репортажи с передовой, оттуда, где насмерть встали ополченцы и добровольцы, аналитические материалы, посвященные политическим процессам вокруг Абхазии, корреспонденции и зарисовки о тружениках тыла. Специальная программа посвящалась добровольческому движению, тем, кто по зову сердца и совести прибыл в Абхазию и встал на ее защиту вместе с абхазскими братьями. Словом, всех тем и передач не перечесть...[1].

В первые месяцы войны Восточная Абхазия, отрезанная вражеской оккупацией от центра в Гудауте, оказалась в информационной изоляции. В таких случаях появляется опасность возникновения панических слухов и дезинформации, которую по правилам войны подкидывает противник. В таких условиях в городе

[1] Екатерина Бебия. Живая память. Из истории СМИ Абхазии. Москва, 2008. С. 291 – 296.

Ткуарчале было решено создать свое телевидение, которое было бы способно охватить город и села Очамчырского района. И как отмечает журналист и исследователь Е. Бебиа «руководителем Ткурчалского телевидения вскоре стал А. Б. Данилевский, приложивший немало усилий для создания технических условий выпуска передач. Руководителем абхазской редакции и диктором был журналист газеты «Апсны» Виктор Кокоскир, вещание на русском языке вел собкор газеты «Республика Абхазия» Леонид Черкезия. У телевидения быстро возник талантливый и боевой актив из числа защитников Родины. Наряду с профессионалом своего дела режиссером и оператором А. Шония, материалы для телепередач также поставляли общественные помощники, приходившие прямо с передовой участники боевых действий. В эфире выступали известные представители общественности и интеллигенции, родители воинов, героически сложивших свои головы за родную землю. Передачи продолжались около двух с половиной месяца, пока подавалось электричество в город. После отключения города от электропитания, непродолжительное время силами тех же энтузиастов было организовано радиовещание, выходившее с позывными «Голос Ткуарчала». Также на протяжении всей войны здесь, в городе и селах Восточной Абхазии, население с надеждой ожидало сообщений из центра сопротивления агрессорам – Гудауты из передач Абхазского радио. Люди имели ограниченную возможность читать республиканскую прессу, периодически поступавшую сюда с гуманитарной помощью и боеприпасами воздушным путем[1].

Так уж сложилось, что информационная политика главы Абхазии военной поры опиралась, образно говоря, на своеобразную триаду: это абхазские СМИ, российские средства информации и издания дальнего зарубежья. Все они, российские и зарубежные СМИ, по мысли Владислава Ардзинба должны были, по мере возможности, разумеется, способствовать тому, чтобы правда об

[1] Там же. С. 297 – 311.

Абхазии была доведена до общественности, особенно российской. Стратегия абхазского лидера состояла в том, чтобы убежденные в правоте абхазского народа, ведущего оборонительную войну, общественность, элита, политические движения оказали давление на руководство России, занимавшее прогрузинскую позицию. В своих интервью, пресс-конференциях, комментариях к политическим или военным событиям Владислав всегда, при всех вопросах, однозначно, независимо от направленности издания, проводил стратегическую линию: Абхазия – жертва грузинской агрессии. И потому агрессор должен, безусловно, вывести войска из республики, и только затем возможно будет сесть за стол переговоров. Далее, в тактическом плане, необходимо было убедить читателей или телезрителей, в агрессивном характере развернутой против небольшого народа войны. И что «камнем преткновения» в отношениях Абхазии и грузинской метрополии является извечное желание Тбилиси, в лице Сталина и Берия, а ныне Шеварднадзе, ликвидировать абхазскую государственность и растворить, то есть, ассимилировать абхазов в грузинской этнической среде. Конечно, не все российские издания однозначно соглашались с высказываниями абхазского лидера, некоторые корреспонденты, при этом, пытались обвинить абхазов в сепаратизме, что, дескать, и привело к такой ситуации. Однако Владислав легко разрушал подобные «обвинительные» конструкции, убеждая своими ответами, основанными на реальных фактах, а не на лжи, как у оппонентов. И старался убедить в правоте абхазского народа не только журналистов (для него не это было главным), а массы читателей и телезрителей. Такая задача особо остро стояла на первоначальном этапе войны, когда ведущие российские СМИ в основном поддерживали симбиоз двух постсоветских «демократов»- Ельцина и Шеварднадзе, направленный смертоносным острием против абхазов. В первые месяцы войны, до первой сокрушительной победы над грузинским воинством и освобождения северо-западной Абхазии, некоторые влиятельные средства информации всецело

поддерживали политику давления и дискредитации, как руководителя абхазского сопротивления грузинской агрессии, так и защитников Абхазии.

Ярким свидетельством такого настроя против абхазского лидера и освободительной борьбы народа за свои права являются вопросы, подготовленные редакцией газеты «Московские новости» в интервью с В. Ардзинба. Целью этого издания, что сразу бросается в глаза, по заранее намеченному сценарию, было «изобличение» абхазского лидера в разжигании войны, то есть, стремление переложить ответственность, как говорится, с больной грузинской головы на здоровую абхазскую. Но, реализовав свою задумку в виде вопросов, редакция и заказчики с треском проиграли поединок на страницах газеты с абхазским лидером. Его блестяще выверенные ответы, вне всякого сомнения, убедили непредвзятого читателя в том, кто виновник трагедии, а кто жертва войны. Поскольку это интервью готовилось по лекалам абхазских оппонентов, думается, есть необходимость отметить некоторые моменты в виде образчиков вопросов и ответы на них Ардзинба, доказавшие интеллектуальное превосходство национального лидера и правоту абхазского народа.

Начнем с предваряющей материал врезки, в которой сообщается: «Дважды за последние годы Владислав Ардзинба был в эпицентре общественного внимания. Сначала когда он стал председателем комиссии парламента СССР по автономиям и разделял взгляды на будущее Советского Союза спикера его парламента Анатолия Лукьянова. Затем, когда руководимый им абхазский парламент взял курс на независимость от Грузии, что привело его к изгнанию». После такой ремарки, неверной по своей сути (Ардзинба не был изгнан, он отошел вместе с абхазскими воинами перед превосходящими силами и в результате коварства противника), корр. задает вопрос: «В Сочи от беженцев я часто слышал: «Мы не будем защищать Ардзинбу, потому что он бросил нас»». Вы согласны с тем, что бежали, бросив свой народ на разграбление?».

Владислав, конечно, был не из тех, кто мог бы в иной обстановке стерпеть такой наглый и несправедливый вопрос. Но, ради дела, он сдержался, зажав свой гнев в сомкнутый кулак. И отвечал, не тому, кто спрашивал, а читателям, чтобы знали правду: «Если бы я бежал, то сдался бы на милость победителей – подал бы в отставку по требованию Госсовета. Но «победитель», как Наполеон под Москвой в 1812 году, одержал пиррову победу. Если вы помните, о результатах оставления столицы России тоже шел спор. У нас же нет регулярной армии, чтобы противостоять гвардии. Здесь, в Гудауте, мы не смирились. Организуем ополчение и не теряем надежды на помощь мирового сообщества[1].

Но задание редакции, заранее продуманное, надо все же выполнять. И журналист издания вновь идет в лобовую «атаку», и, пытаясь представить абхазского лидера виновником агрессии Грузии против Абхазии, обращается к Ардзинба: «Не находите ли Вы, что радикализм абхазского парламента и ваш личный спровоцировал ввод грузинской гвардии в Сухуми?». На что Владислав Григорьевич, обладавший к тому времени большим опытом работы в Верховном Совете СССР, спокойным, даже скорее, менторским тоном, разъясняет «непонятливому» собеседнику причинно – следственную связь тех событий, отмечая, что «все, что от нас исходило и исходит, вполне умещается в рамки тех изменений, которые происходят в бывшем Союзе. Парадокс в том, что новые независимые государства унаследовали от своего патрона жесткий унитаризм. В итоге вместо одного центра образовалось что-то около пятнадцати. Естественно, что крайними оказались «малые народы». На нас и «тренируются» новые «центры». И только Россия нашла в себе силы решить проблему с автономиями, заключив с ними федеративный договор. Под «войной законов», вы, вероятно, имеете в виду законы о земле, о курортно – санаторной собственности, принятые нашим парламентом и отмененные Госсоветом Грузии? – риторически обращается к представителю газеты Владислав. – И сам же отвечает: – Ее, этой войны, не было бы, будь власть в Тбилиси основана не на насилии… У Госсовета Грузии нет желания искать согласия со своими оппонентами. Последний его «аргумент» в споре – это гвардия, ее танки, пушки и мародеры… Абхазия всегда строила свои отношения с Грузией на договорных началах. Мы всего лишь хотели их сохранить и приспособить к изменившемуся времени. А оно всюду подсказывает децентрализацию»[1].

Но логика и аргументы абхазского лидера только раззадоривают журналиста из «МН» В. Емельяненко, который с явным подвохом отмечает: «Господин Ардзинба, Вы заметно изменили свою позицию. Раньше Вы отстаивали единый СССР, а теперь заслужили репутацию сепаратиста внутри Грузии». В ответ Владислав, не замедлив сразу жеподначить чересчур ретивого корреспондента, сдержанно заметил, что к нему, «кстати, можно обращаться и «товарищ»… И продолжил: «Да, я выступал за сохранение СССР потому, что он был гарантом для национальных меньшинств от физического истребления. И только история рассудит, кто был прав. Посмотрите, что дало и дает разъединение. Убивают карабахских армян, притесняют русских в Молдове и Прибалтике, убивают осетин и абхазов в Грузии…»[2].

Далее, отвечая на сетования собеседника о том, что добровольческое движение народов Северного Кавказа в защиту абхазов может привести к глобальной кавказской войне, Ардзинба эмоционально говорит: «Я был поражен, когда прочитал, что прокуратура России, собирается возбудить уголовное дело против Конфедерации горских народов. Из истории взаимоотношений России и Кавказа вроде бы должны извлечь очевидное: нель-

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 32 – 33.

[1] Там же. С. 34.

[2] Там же. С. 34.

зя разделять братские народы. Проведение между нами межи или «санитарного кордона», теперь уже в рамках нескольких государств – это самоубийственный путь… Вставшая на этот путь Грузия неизбежно скатилась к насилию… Но вы не можете отменить большую кавказскую семью. Это выше политических амбиции… Вам, представителю большого народа, это трудно понять… Народы Конфедерации боятся, что наша судьба, абхазов, может постигнуть и их, если они будут молчать. Это интернациональные отряды в высоком значении этого слова. Они стоят против современного оружия – МИГов, танков, игольчатого оружия. Поэтому, я уверен, к глобальной войне ведут не Абхазия и абхазы. К ней толкают недальновидные политики»[1].

«Вы тоже политик, и небезгрешный», – тотчас спохватывается представитель «Московских новостей», – и добавляет: – «В годы Вашего председательствования для избрания в парламент была введена квота по национальному признаку. Причем абхазов, которых меньше в республике, чем грузин, гораздо больше в парламенте. Наконец, наметилась явная тенденция: на все руководящие посты назначаются абхазы. Это ли не дорога к национальному диктату меньшинства над большинством? Против него и выступила оппозиционная Вам фракция «Демократическая Абхазия»…[2].

« … Добавьте: в которой нет ни одного абхаза», – быстро перехватывает инициативу Ардзинба. – И отвечает на выпад собеседника весьма убедительным аргументом, что… «к национальному ущемлению абхазов настолько все привыкли, что попытка быть хозяевами, а не гостями на своей земле, воспринимается как национализм. Кстати, закон о выборах утвердил грузинский парламент. Спросите его: почему? Не спорю, этот закон далеко не совершенен. Однако это не повод для вторжения грузинских войск в Абхазию. Но обратите внимание, когда в маленький Кувейт вторглись ирак-

[1] Там же. С. 35.
[2] Там же. С. 35.

ские войска, ему на помощь пришел чуть ли не весь мир. У нас ситуация аналогичная. Но вместо помощи Россия размышляет, как ей быть. Или пытается уличить в национализме… абхазов, как это делаете вы»[1].

Наконец, явно впечатленный аргументами и доводами главы Абхазии, он, уже, видимо, слегка утомленный, не философствуя, вопрошает: «В чем Вы видите выход?». Ардзинба на сей вопрос также предельно лаконично отвечает: «В праве народов на самоопределение своей судьбы»… [2].

В завершение интервью Владислав отмечает, что нынешнюю политику России можно определить не как политику, по утверждению корр. «МН», «невмешательства во внутренние дела (имеется в виду Грузии – В. Ч.), а созерцание нарушения прав человека… Это может взорвать, как минимум, ее юг. Меня обнадеживает одно: реакция общественности России, ее народов и правительства – это не одно и то же. Верю, что народ подтолкнет собственное правительство к мудрому решению», - пришел к своей стратегической цели Ардзинба[3].

На этот вывод руководителя Абхазии, корреспондент нашелся все-таки спросить напоследок: «Что, если этого не произойдет? Или семья потребует Вашего возвращения в Москву. Вы оставите сопротивление?» На явную редакционную заготовку ответ Владислава прозвучал более чем однозначно: «Ничего изменить нельзя. Семья – там, я – здесь. Отказ от борьбы – хуже предательства. Мы тогда просто исчезнем как народ»[4].

В другом интервью В. Ардзинба, опубликованном в «Литературной газете» под заголовком «Под дулами автоматов мы работать не будем», корр. редакции Георгий Гулиа и Олег Мороз сконцентрировали внимание на главных для Абхазии в тот момент вопросах. И Владислав Григорьевич, как это было ему свойственно,

[1] Там же. С. 34 – 35.
[2] Там же. С. 35.
[3] Там же. С. 36.
[4] Там же. С. 35 – 36.

откровенно, без прикрас, характеризует сложную обстановку, также дает нелицеприятную оценку действиям политических кругов, как Грузии, так и России. Отвечая на вопрос о том, что с 15 сентября (1992 года – В. Ч.) должны начать функционировать законные органы власти Абхазии (имеется в виду их перевод из Гудауты в Сухум – В. Ч.), Ардзинба отмечает: «Даже в день подписания итогового документа и все последующее время грузинская сторона постоянно нарушала взятые обязательства. Ведется обстрел из тяжелых орудий, танков, применяются боевые вертолеты… Складывается впечатление, что руководство Госсовета ищет любой повод для возобновления боевых действий. Что же касается восстановления конституционных органов власти, то грузинская сторона заявляет, что не считает Парламент Абхазии законным органом власти, и всячески препятствует возобновлению нормальной его деятельности. Я же хочу сказать, – твердо и непреклонно заявляет он представителям редакции «Литературной газеты», – пока в Сухуме остаются войска Госсовета, парламент работать под дулами автоматов не будет»[1].

«Неужели Грузии выгодно продолжать военные действия в Абхазии?» – спрашивают главу абхазской республики журналисты. – Ответ, как всегда, четок и прям, рассчитан, конечно, на российского читателя, который наверняка усвоит оценку Ардзинба того, что в «Грузии фактически существует военно-фашистский режим. А он не может существовать за счет других источников, как только насилие». Здесь, разумеется, взгляд на проблему абхазского лидера разделят многие в России, ибо средства информации тогда уже много писали о «деятелях от политики и криминала» типа Иоселиани и Китовани – сподвижниках Шеварднадзе. Это было «слабое» место агрессора, и Ардзинба бил наверняка.

Искренней и правдивой была оценка абхазским лидером действий Конфедерации горских народов Кавказа. На вопрос корр. он ответил так: «Я считаю, что именно позиция КГНК не позволила

[1] Там же. С. 37.

уничтожить абхазский народ. И мне представляется кощунственной сама идея возбуждения уголовных дел российской прокуратурой против тех, кто выступил в защиту малочисленного народа. Надо сказать, что вместе с нашими братьями с Северного Кавказа в Абхазию прибывают и сотни русских парней из различных уголков России, которым не безразлична судьба нашей республики». Эта фраза, безусловно, также рассчитана на российского читателя, который, по мысли Владислава, должен проникнуться осознанием того, что эта агрессивная война для абхазов оборонительная и, по сути своей, интернациональна. Сразу ниже он говорит о позиции руководства России, отмечая, что «в данном вопросе вызывает (оно, руководство России – В. Ч.) самую серьезную критику, потому что фактически это политика невмешательства. Но мы не можем уйти от того факта, что все оружие, которым уничтожается народ Абхазии, было передано Грузии Россией. Уже одно это обстоятельство должно было заставить Россию принять меры для того, чтобы оружие это не использовалось»[1].

Также следует отметить, что и в тяжелейший период грузинской агрессии Владислав Григорьевич не оставлял без внимания местные СМИ. Еще в первые дни войны в Гудауте была создана пресс – служба Верховного Совета, через которую проходили ежедневно десятки информационных сообщений, также и официальные материалы: заявления и обращения парламента, его отдельных комитетов и комиссий, материалы Совета Министров, министерств и ведомств, общественных организаций, граждан Республики Абхазия по разным проблемам. Туда же прибывали представители российских СМИ, журналисты из стран дальнего зарубежья. Затем, по поручению пресс-службы, они закреплялись за отдельными редакциями и их руководством.

Первоочередной задачей для СМИ Абхазии, скорее, главным направлением редакционной политики военного периода, явля-

[1] Там же. С. 38.

лось освещение самоотверженной борьбы абхазского народа и его союзников – добровольцев с превосходящими силами агрессора. Например, в газете «Республика Абхазия» (как и в других газетах, на телевидении и радио)с этой целью регулярно печатались оперативные сообщения министерства обороны республики, комментарий военачальников, депутатов Верховного Совета, ответственных за эту сферу. По инициативе редакции на постоянной основе публиковались материалы, повествующие о героизме наших бойцов, вставших против агрессора первоначально на трех фронтах: Западном (Гагрском), Гумистинском, Восточном (Очамчыра – Ткуарчалском).

За время войны в передачах Абхазского радио и телевидения, на страницах «Республики Абхазия», «Апсны», «Бзыби», «Абжьуаа» и других изданий было рассказано об огромном количестве разных эпизодов, наглядно представлявших весь трагизм военного периода, колоссальную волю народа и национального лидера, оказавших отчаянное сопротивление превосходящим силам агрессора. Для всех СМИ того периода, повторимся, рефреном информационной политики являлся постулат главы Абхазии В. Ардзинба: сопротивление грузинской агрессии до победного конца. Им также не исключался и мирный исход, но, как однозначно и твердо отмечал Владислав Григорьевич: вначале вывод грузинских войск, а затем – стол переговоров.

На примере газеты «Республика Абхазия», по ее публикациям, можно отследить титанические усилия фронта и тыла, что в итоге привело к разгрому имперской Грузии и окончательному освобождению Абхазии из пут метрополии. Но победа пришла после тяжелых потерь в ряде неудачных наступлений, однако абхазы и союзники – добровольцы не пали духом, готовились к новым, победным сражениям. Веру в успех правого дела абхазов ковали и журналисты, борющейся за свободу страны. И, чтобы на конкретных примерах показать правдивую реальность, картину происходивших в тот период событий, сотрудники газеты стремились

побывать на всех рубежах обороны. На Восточном фронте, в Ткуарчале, находился собственный корр. газеты «РА» Л. Черкезия, но контактов с ним почти не было в связи с блокадой региона грузинскими войсками. И туда на вертолете летала спец. корр. газеты З. Цвижба, после чего газета опубликовала серию материалов о тамошней ситуации. Активно, с выездом на боевые позиции, освещалось положение на Гумистинском оборонительном рубеже, на Гагрском плацдарме.

Ситуация в то время, в конце сентября и в начале октября, для Абхазии была не только архисложной, но и судьбоносной, учитывая назревавший коренной перелом в военном и политическом противостоянии Грузии и Абхазии. С. Лакоба отмечает, что «положение Абхазии к концу сентября осложнилось, а московские договоренности не выполнялись. В этой обстановке Э. Шеварднадзе отправился в Нью-Йорк на заседание Генеральной Ассамблеи ООН и обратился по сути дела за помощью к Западу, ко всем международным организациям. Председатель Госсовета не смог скрыть своего раздражения по поводу непокорных абхазов. «Пигмеи подняли мятеж против человечности, – говорил он 25 сентября с высокой трибуны ООН. – …Лилипуты, опутывающие Гулливеров, – реальность многих стран, и моей в том числе». Это выступление смутило многих в зале заседаний ООН, а Ельцин в своем окружении не без ехидства заметил: «Шеварднадзе возомнил себя президентом великой державы, а на деле не имеет под собой даже банановой республики…»[1]. Кстати, названный исследователь тогда в «Республике Абхазия» по этому поводу отмечал: «Выступление «кровавого демократа» … повергло по всей вероятности в шок весь западный и восточный мир. Суть его сводилась к тому, что у малых народов не должно быть права на самоопределение, а их стремление к независимости надо подавлять танками, гаубицами, боевыми вертолетами и ракетами. Это были лилипут-

[1] С. Лакоба. Абхазия де-факто или Грузи де-юре? Саппоро, 2001. С. 51.

ские мысли Гулливера Шеварднадзе, который оказался политическим пигмеем. Не случайно все средства массовой информации молчат по поводу откровенно – нелепого выступления грузинского лидера, миротворческий образ которого лопнул, как мыльный пузырь там же, где его и родили».[1]

В то время как Шеварднадзе с трибуны высокой международной организации метал громы и молнии на головы непокорных абхазов, в Москве Верховный Совет РФ принял 25 сентября 1992 г. Постановление «О положении на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии». В нем однозначно отмечалась необходимость безоговорочного вывода войск с территории Абхазии и восстановления законных органов власти. Это решение российского Верховного Совета вызвало бурю возмущения грузинской элиты и во властных кругах, вылившейся на страницы всех средств информации. Обстановка накалилась, требование о выводе российских войск из Грузии усилились. Непременно в связи с этим «встревоженный грузинский лидер из Нью-Йорка срочно прибыл в Москву. Ельцин, отмечал позднее Шеварднадзе, «принял меня несколько обиженным». На встрече с российским президентом 28 сентября он решил объясниться по поводу постановления и заявления парламента, а также выразил свое возмущение в связи с московским визитом Ардзинба. «Мне непонятны вот эти контакты господина Ардзинба, – опрометчиво подчеркнул он. – Он ведь прекрасно понимает, что в Москве вопросы Абхазии и Грузии не решаются»… Такое откровенное заявление Шеварднадзе сыграло против него. Руководство России убедилось в том, что он и не помышляет о вступлении в СНГ… И Ельцин, так долго поддерживавший Шеварднадзе, вынужден был уступить напору своих военных во главе с Грачевым, на которых он опирался в противостоянии оппозиции. У министра Грачева, в свою очередь, также изменился взгляд на Грузию, когда он понял, что ни Шеварднадзе, ни его

[1] Газета «Республика Абхазия», 25 сентября – 1 октября 1992 года.

«друг» Китовани и не думают вступать в СНГ, а лишь пытаются использовать российскую военную поддержку»[1].

В такой обстановке, полагаем, глава Абхазии твердо пришел к мысли, что наступил момент для решительных действий. Владислав Григорьевич, рискуя навлечь недовольство Москвы, и воспользовавшись возникшими в конце сентября 1992 года грузино-российскими противоречиями, сделал нежданный руководством и России, и Грузии, свой абхазский ход. К тому он готовился весь сентябрь, после встречи 3 сентября, когда поставил перед собой задачу – во что бы то ни стало взять реванш: освободить оккупированную территорию Северо-Западной Абхазии, и, тем самым, компенсировать политические неудачи, связанные с Московским соглашением. Итак, нужно было штурмовать мощные вражеские позиций, и, преодолевая превосходящие по вооружению и численности вражеские силы, непременно побеждать. Причем, делать это надо было против воли Кремля, нарушая Московское Соглашение о перемирии, принятое под эгидой великой страны – члена Совета Безопасности ООН. Риск был очень большой, но другого выхода не было. И глава Абхазии решился атаковать врага.

Военный историк В. Пачулия, исследуя создавшуюся на тот момент обстановку, писал: «Руководство Абхазии обращалось неоднократно к российскому руководству с тем, чтобы оно оказало воздействие на Госсовет Грузии с целью неукоснительного выполнения Соглашения (от 3 сентября 1992 года – В. Ч.). Тем более, что абхазская сторона приступила к поэтапному выводу добровольцев из республики согласно приказу командующего Вооруженными Силами РА «О выводе добровольческих формирований из Абхазии». С Гудаутского аэродрома они улетели на Северный Кавказ. В сложившейся ситуации у командующего Вооруженными Силами РА полковника Аршба В. и начальника

[1] С. Лакоба. Абхазия де – факто или Грузия де-юре? Саппоро, 2001. С. 51 – 52.

штаба ГКО полковника Сосналиева С. возник замысел начать освобождение оккупированных территории Абхазии с Гагрской зоны. Председатель ГКО В. Г. Ардзинба этот план утвердил»[1].

Под впечатлением выдающейся победы абхазов и добровольцев в Гагрском сражении с мощной группировкой грузинских войск и освобожденияСеверо-Западной Абхазии от оккупантов, мною был написан очерк, озаглавленный «Операция «Буря»: организаторы и исполнители». Приведу отрывки из него, написанные на основе реальных событий и исследований, воспоминаний участников боевых действий. О крепком, испытанном веками, единстве абхазов и наших северо-кавказских братьев, также о народном характере войны, рассказывается в следующем эпизоде: «В последних числах сентября мне (автору этих строк) предложили съездить на Гагрский фронт. Я сразу согласился, поскольку там бывал реже, нежели на Гумистинском рубеже обороны. Поехали на «Жигулях», за рулем которого был юрист Юра Арчелия, рядом с ним сидел его коллега Беслан Хагба. Вскоре, минут через сорок, оказались возле блокпоста, расположенного невдалеке от Пицундского поворота. И были сильно удивлены тем, что укрепление, состоявшее из нескольких бетонных глыб, которые, видимо, предназначались стать препятствием для грузинской техники или еще чего, охранялось всего лишь десятком людей, вооруженных охотничьими ружьями, а некоторые были и вовсе без какого либо оружия. Пока ребята разговаривали с ополченцами, угощая их сигаретами, подошел к стоявшему поодаль немолодому бойцу. Представившись ему, что, мол, являюсь корреспондентом газеты «Республика Абхазия», предложил рассказать о людях, пришедших сюда защищать Родину.

– Подожди немного, скоро придут те, о которых можешь написать в газете. – О нас же писать не стоит, – почему-то смутившись,

[1] В. М. Пачулия. Грузино-абхазская война 1992–1993 гг. (боевые действия). Сухум, 2010. С. 85.

отвечал он на абхазском языке. Они ночью ушли на охоту, теперь ждем их благополучного возвращения, – добавил к сказанному старик не совсем понятную мне фразу.

Я, присмотревшись к нему, понял, что сильно ошибся, определяя его возраст. Ему было не менее восьмидесяти, а то и больше лет, что он и подтвердил позже. Старика молодила сухощавая фигура, легкость в движениях и жестах. Но в то же время, внимательно приглядевшись, нельзя было не заметить, что лицо его густой массой обрамляли глубокие морщины. Лобные залысины и сплошная седина в волосах головы и жесткая по виду, давно небритая, также седая, с желтоватым оттенком, щетина выдавали преклонный возраст моего собеседника. Становилось ясно, что жизнь его не всегда ступала по ровной накатанной дороге. На плече старика дулом вниз висела видавшая виды двустволка, так называемая, «тулка». Тут только я приметил, что на нее вожделенно посматривает парнишка, явно школьного возраста, стоявший хоть и невдалеке от нас, но все время нашего разговора державшийся на почтительном расстоянии. Старик, заметив мой взгляд, брошенный на мальчугана, сказал:

– Внук мой, шестнадцати нет еще, в десятый пошел. Не слушается меня, не хочет идти домой. Думаю, что все время соображает негодник, каким это образом завладеть моим ружьем. Напрасно старается прохвост, ему не провести фронтовика еще той войны, воевавшего с такими же фашистами, как и эти, ворвавшиеся к нам домой. И он на войну, видите ли, собрался, пацан, молоко еще на губах не обсохло… Вот вернется отец с охоты, – повышает голос старик, чтобы слышал внук, – велю ему задать трепку своему отпрыску. Не дело деда наказывать внука: пусть отец с сыном сами разбираются.

«Какая еще охота в военное лихолетье, – дивился я словам старика. Странным было и то, что внук и дед оказались в опасной обстановке, близ фронтовой зоны: недалеким эхом сюда с грузинских позиций отдавались, то и дело, пулеметные трели, автомат-

ные очереди, и время от времени, орудийные выстрелы. А сын в то же время – на непонятной мне охоте». Собеседник, приметив мое удивление, пояснил:

– Еще ночью наши бойцы ушли за линию фронта. И сын мой там. Но я спокоен потому, что там бьются с грузинами не только абхазы. Вместе с ними наши братья – добровольцы. Все те, кто пришел к нам, чтобы помочь отстоять нашу землю от грузинских фашистов. Вот о ком надо писать в газете, они это заслуживают больше. Но и мы, старики, имей в виду, не подведем, если надо будет, то станем твердо против врага.

В это время раздались звуки сигнала наших «Жигулей»: меня звали мои попутчики. Недовольный тем, что так скоро приходится прервать разговор с интересным собеседником, попрощавшись, направляюсь к машине…»[1].

… Операцию под кодовым названием «Буря» вначале планировали провести под покровом темноты, но в связи с некоторыми неувязками, наступление перенесли с 30 сентября на 1 октября. Началось она после артподготовки (две системы «Алазань») в 14. 30, когда подразделения абхазского ополчения и отряды добровольцев двинулись на штурм грузинских позиций по всей линии фронта. На страницах абхазских средств информации официальная сводка боевых действий на гагрском плацдарме появилась с 2 октября. В этой связи газета «Республика Абхазия» сообщала:

«Направление Бзыбь – Гагра. С утра 2 октября, в 6.00 час. началась атака позиции противника (второй день боев – В. Ч.) в районе железнодорожного вокзала. После ожесточенной перестрелки, в которой участвовала тяжелая техника с обеих сторон (с абхазской стороны 2 танка и два БМП, с грузинской – 30 единиц бронетехники и свыше 20 стволов артиллерии – В. Ч.), в 9.00 час. укрепленный район противника был занят.

В 8 час. 45 мин. Противник применил авиацию – СУ–25 и два боевых вертолета, которые обрабатывали правый и левый фланги

[1] В. Чамагуа. Владислав: испытание судьбы. Хроники. Рукопись книги.

наступающих частей абхазского ополчения. Налеты авиации противника с перерывами продолжились почти весь день.

В 11. 00 часов 2 октября в районе универсама завязался бой с засевшими в здании КБРЦ (клинико-бальнеологический республиканский центр – В. Ч.) гвардейцами Госсовета. Штурмовые группы народного ополчения прорвались и продолжили наступление к центру. Другая группа бойцов НО (народного ополчения – В. Ч.) окружила здание КБРЦ и к 19. 00 часам взяла в плен 60 гвардейцев.

К 16.00 часам основные очаги сопротивления противника в центре города Гагра (гостиница Абхазия», милиция) были сломлены. К 17. 00 час. 35 мин. был подавлен последний очаг сопротивления противника в районе санатория «Украина»… Город Гагра полностью освобожден от врага»[1].

К вечеру 2 октября основные силы фронта остановились возле санатория «Украина».Там же, как отмечает военный историк В. Пачулия, командующий «полковник Дбар С. П. проводил совещание полевых командиров, где обсуждались дальнейшие планы действий. Командование дало войскам 3 дня отдыха. Большинство согласилось с приостановкой наступления. Однако часть командиров, хотя их было меньшинство, придерживалось другого мнения: если враг бежит в панике, надо его преследовать до конца»[2]. Командующий фронтом, «по всей вероятности, решил дать передышку войскам, а заодно еще раз тщательно поразмыслить о том, какой должна быть стратегия и тактика, чтобы оперативно, с наименьшими потерями, добиться реализации намеченного плана по освобождению всей территории Северо-Западной Абхазии. То и дело ему на память приходили слова Ардзинба, сказанные во время ночного совещания с участием его – Дбара, Аршба и Сосналиева. О том, например, что от выполнения поставленной задачи зависит судьба Абхазии, будущее абхазского народа. Затем

[1] Газета «Республика Абхазия», 1 – 3 октября 1992 года.

[2] В. М. Пачулия. Грузино – абхазская война 1992–1993 гг. (боевые действия). Сухум, 2010. С. 89.

предупредил еще раз, что следует ускорить дальнейшее наступление и в течение короткого времени завершить освобождение нашей территории с выходом к государственной границе.

… Глава Госсовета Грузии также старался переломить ситуацию в свою пользу. С одной стороны, он перебрасывал подкрепления из Сухума в Леселидзе и Гантиади (Гечрипш и Цандрипш), с другой – увещевал президента Б. Ельцина воздействовать на абхазского лидера. В конце – концов, 4 октября в Сочи Российской стороной Абхазии и Грузии было предложено рассмотреть проект прекращения огня, за небольшим исключением, повторявший условия Московского Соглашения от 3 сентября. Ардзинба из тактических соображений, и, безусловно, чтобы дать возможность военным завершить операцию «Буря», согласился обсудить эти условия. В то же время он рассчитывал на то, что Шеварднадзе ответит отказом, поскольку один из пунктов документа предполагал «вывод вооруженных формирований грузин и абхазов из зоны Псоу – Гудаута». Так и произошло, как и предполагал Ардзинба: грузинский лидер не принял российские предложения… Шеварднадзе, надо думать, решил попытать счастья на поле боя. К пяти часам вечера 4 октября, не договорившись с представителями Москвы, он прилетел из Сочи в Цандрипш. Здесь он встретился с высшими командирами разбитой абхазами в боях за Гагру группировки войск, командование которой недавно принял новоиспеченный бригадный генерал Г. Каркарашвили, занимавший также должность командующего войсками Госсовета Грузии в Абхазии. Он доложил обстановку, отметив также, что отступившие грузинские части составляют значительные и боеспособные силы. К примеру, генерал отметил, что в строю находятся элитные подразделения «Тетри арциви» и «Мхедриони», которые ни шагу не отступили без приказа командиров, здесь также храбро дравшиеся в городе во главе со своим командиром полковником Маринашвили. Это батальоны Тбилисский, Дидгорский, Цхалтубский, Руставский, Кутаисский. Есть подразделения из местных грузин, отчаянно, до последнего

сражавшиеся в Гагре. Я не сомневаюсь в том, что наши бойцы и командиры дадут достойный отпор абхазам, – бодро и уверенно рапортовал командующий»[1].

«Шеварднадзе несколько приободрился, выслушав доклад новоиспеченного генерала. И приказал: «Сегодня уже поздно, но завтра предлагаю атаковать врага, уверяю вас – абхазцы не выдержат вашего удара. Они устали воевать, я также знаю, что у них большие потери… Что скажете, генерал?» – «Ждем разрешения выполнить ваш приказ. Завтра, с раннего утра, в 5 часов, мною спланировано наступление силами двух батальонов, при поддержке бронетехники и артиллерии на абхазские позиции у санатория «Украина»[2].

На том и завершили военный совет. И действительно, ранним утром 5 октября, грузинские батальоны, после массированной огневой подготовки, двинулись в наступление на абхазские позиции… Все закончилось, как известно, к вечеру 6 октября, полным разгромом и выдворением грузинских войск с территории Северо-Западной Абхазии.

Шеварднадзе был шокирован. Грузинский разгром был подхвачен всеми средствами массовой информации – абхазскими, грузинскими, российскими, изданиями дальнего зарубежья. Но вот освещалось это событие совершенно по-разному. Возмущению грузинских телеканалов, газетных изданий не было предела: виноватыми были все – и коварные абхазы, и имперская Россия, и некие «предатели», сыгравшие на руку российским интересам. И ни слова о том, что грузинская агрессивная национальная политика тому причиной. До чистосердечных выводов с грузинской стороны было очень далеко, да и вряд ли стоило ожидать того от зачинщиков и апологетов агрессивной захватнической войны. Российские СМИ, в целом, были более сдержаны, за исключением тех, которые изначально держали грузинскую сторону, где

[1] Газета «Резонанси», 22 – 28 июля 2001 года.

[2] В. Чамагуа. Владислав: испытание судьбы. Хроники. Рукопись книги.

ощутимо было влияние грузинского лобби. Под сильным влиянием Шеварднадзе, к примеру, были информационная программа «Время» первого телеканала, газеты «Известия», «Московские новости», «Независимая газета» и некоторые другие. В этих средствах информации работали – зам. директора программы «Время» – Какучая, гл. редактор «Известий» – Голембиовский, спецкор. «Московских новостей» – Микадзе, зав. отделом республик «Независимой газеты» – Гагуа и прочие, являвшиеся прямой грузинской креатурой в российских СМИ.

Но большинство российских средств масовой информации, не в пример тому, как это делалось до Гагрской операции, довольно объективно осветили события, связанные с разгромом оккупантов и выходом к границе Абхазии. В общем, в конце сентября, начале октября, Москва стала проводить более сдержанную политику в отношениях с Грузией. В том, полагаю, в определенной мере есть и заслуга средств массовой информации, в первую очередь России, некоторых зарубежных изданий, в том числе турецких, в которых, где – то больше, где - то меньше, но все же проходила информация по абхазским событиям. Такие издания, как «Советская Россия», «Правда», «Литературная газета», «Комсомольская правда», агентство «Интерфакс», «Би-Би-си» информационные программы «НТВ», «РТР», СМИ республик Северного Кавказа, наряду с информационными сообщениями, стали чаще давать на своих страницах и телепередачах также и аналитические материалы по абхазским событиям.

В то же время Шеварднадзе также развил бурную пропагандистскую деятельность, чтобы каким – то образом оправдать провалы своей агрессивной политики, в том числе и военное поражение в Гагре, отнеся их на счет недавнего союзника – России. «В своем выступлении по грузинскому телевидению председатель Госсовета заявил, что московские переговоры 3 сентября «оказались ловушкой». С этого времени , чтобы как-то объяснить военные неудачи, Шеварднадзе и его окружение стали публично заявлять о том, что в Абхазии Грузия воюет с Россией… По этому поводу Шеварднадзе даже обратился к Президенту США, однако Дж. Буш не разделил этого мнения, сообщив, что информация «не подтверждает сознательной военной помощи России Абхазии»[1]. А на пресс-конференции в Тбилиси глава Грузии утверждал, что «к сожалению, у абхазских сепаратистов большая поддержка в России. И дело не только в Конфедерации горских народов Кавказа, которую я считаю террористической и реакционной организацией, дело в том, что абхазцев поддерживают российские красно – коричневые и консервативный армейский генералитет»[2]. Охлаждение отношений наблюдалось и между главами России и Грузии: Ельцин, видимо, был недоволен тем, что грузинский лидер не справился с задачами, обговоренными в Дагомысе, Шеварднадзе, в свою очередь, был обижен, что его партнер недостаточно активно продавливает обговоренные планы по Абхазии. И потому, наверно, «после поражения в Гагре грузинская сторона, как уже не раз отмечалось, начала упрекать Россию в том, что она поддерживала абхазов, в силу чего они добились успеха. Наверняка эта тема не прошла мимо собеседников во время «острого и принципиального» разговора по телефону Б. Ельцина и Э. Шеварднадзе 7 октября, который состоялся по инициативе президента России. 8 октября на брифинге в МИД РФ было заявлено, что «высказывания официальных представителей Грузии, обвинявших Россию в пособничестве одной из сторон в абхазском конфликте, лишены всяких оснований»[3]. Что касаетсяВице-президента РФ Руцкого и Председателя Верховного Совета России Хасбулатова, они изначально считали главу Грузии главным виновником агрессии против Абхазии. Надо думать, и власти Турецкой республики – С. Демирель и Т. Озал – к тому вре-

[1] С. Лакоба. Абхазия – де факто или Грузия де-юре? Саппоро, 2001. С. 53 – 54.

[2] А. Ф. Авидзба. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга II. Сухум, 2013. С. 67.

[3] Там же. С. 72 – 73.

мени с прохладцей относились к главе Грузии, создававшим им проблемы в отношениях с влиятельными диаспорами абхазов и адыгов. С приходом к власти в США представителя демократической партии «малоизвестного» Билла Клинтона, у Шеварднадзе менее тесными становились отношения с Соединенными Штатами, нежели в бытность президентства «друга» Джорджа Буша. Тем не менее, все это компенсировалось поддержкой руководства Организации Объединенных Нации, лично Генсека Кофи Аннана, который с энергией, достойной лучшего применения, реагировал на любое обращение грузинского руководства. В том числе, и на просьбу «вора в законе», а по совместительству зам. председателя Госсовета Грузии Д. Иоселиани оказать поддержку Грузии. Ответ высокой организации не замедлил себя ждать. К. Аннан объявил: «… Я намереваюсь ввиду чрезвычайности положения послать еще одну миссию ООН в регион во главе с заместителем Генсека… Позже в докладе Генсека ООН от 28 января 1993 года освобождение абхазскими подразделениями Гагры было названо «захватом»[1]. Этим силам также подыгрывал советник Ельцинской Администрации и политолог по совместительству Э. Пайн, лукаво писавший о «захвате ряда населенных пунктов в Абхазии», и что это, мол, «разрушительно действует на общественное правосознание. В этом плане прав был публицист А. Борзенко, считавший, что освобождением Гагры перечеркивался «грузинский сценарии, выработанный Ельциным и Шеварднадзе 3 сентября на переговорах в Москве»[2].

Потому, безусловно, шок, испытанный главой Грузии после разгрома грузинских войск в Северо-Западной Абхазии, оставался в нем долгое время, может быть и до конца жизни. С этого времени, думается, началось крушение планов Шеварднадзе по созданию единой и целостной Грузии – форпоста Запада на Южном Кавказе.

[1] Там же. С. 70.

[2] Там же. С 70.

Тогда, наверное, он также стал убеждаться в том, что его планы по возвеличению Грузии вряд ли получат поддержку российских верхов. И что ныне чаша весов колеблется, и может отклониться в сторону от Грузии. Действительно, поражение грузин в октябре 1992 года заставило призадуматься исполнительную власть в Кремле: на того ли она сделала ставку? Ведь абхазы и союзные им народы Северного Кавказа, что показали последние события, вполне могли самостоятельно поставить Грузию на колени, а затем припомнить Ельцинской власти ее предательское поведение и по отношению к Абхазии, и к народам собственно России. Эту ситуацию той поры остро прочувствовали и в Москве, и в Тбилиси.

В грузинских верхах царила полная растерянность, которая, переходя в злобу, только и способна была разжечь еще больший пожар ненависти к абхазам, к северо-кавказским народам, русским, к тем, кто выступал против грузинской агрессии. В этих условиях была дана отмашка средствам массовой информации, которые по команде сверху открыли «все шлюзы» черной пропаганды, заставлявшей содрогаться сердца простых неосведомленных людей. Старались отличиться инсинуациями, вымышленными сюжетами телевидение, радио, официальные и прочие издания. Первый почин сделал глава Грузии, сообщивший по грузинскому телевидению, что абхазы, после взятия Гагры, ворвались в городскую больницу и зверски расстреляли всех грузин – врачей и раненых, беспомощных гвардейцев. И, сделав паузу, многозначительно добавил: «Ну что ж, война – так война». В свою очередь, глава оккупационной власти в Сухуме Т. Надарейшвилив печати и на телевидении не уставал рассказывать «о массовых изнасилованиях в Гагре, о том, что отрубленными головами играют в футбол, что «сепаратисты» ходят с чайными стаканами и пьют кровь грузин…»[1].

[1] Олег Шамба. Летопись войны: Грузинские беженцы – кто они? Сухум, 2007. С. 39 – 40.

Подобными, кричащими ненавистью материалами также заполнялись оккупационные газеты: «Демократическая Абхазия», «Абхазетис хма», Сухумское телевидение, старался поспеть за ними и собкор. «Свободной Грузии» в Сухуме Т. Пачкория. Военный корреспондент О. Шамба в своих радиопередачах по этому поводу отмечал: «К сожалению, многие не выдержали сурового экзамена войны и утеряли моральное право быть журналистами. Саша Берулава (директор т.н. Абхазского телевидения – В. Ч.) писал одно, но с началом войны разительно преобразился: и все, что должно быть, накапливалось в тайниках его сердца, вылезло наружу, и он полностью отдал себя разжиганию межнациональной розни, внося посильную лепту в увеличение оборотов адской войны. Обращает на себя манера его выступлений по телевидению: глаза отводит в сторону, нервно дергается, голос дрожит от негодования при упоминании слова «абхазец». Он давно болен национализмом и вызывает лишь чувство сожаления, что такого, с позволения сказать журналиста, используют для пропагандистских целей. А как преобразился партийный функционер Юрий Гавва (редактор «Демократической Абхазии – В. Ч.)! Всмотритесь внимательно, кого он собрал в когорту независимых журналистов – тех, кто в итоге своими заказными статьями подписал себе позорный приговор. Признаюсь, журналист Тенгиз Пачкория, собственный корреспондент «Свободной Грузии», мне казался иным… Но началась война… Я перечитал много твоих сообщений и репортажей, и поверь, вскоре за них тебе будет стыдно. В ряде случаев заведомую ложь ты предваряешь ссылкой: «В пресс-центре штаба грузинского военного командования в Сухуме нам сообщили…». Понятно, выполняя специальный заказ, ты пытаешься уйти от ответственности, ссылаясь на официальные власти. Ты все время пишешь об успехах «гвардейцев» на Очамчырском направлении. Изложи объективно, в чем суть этих успехов, и каковы истинные потери, упорно скрываемые официальными органами. И, наконец, я помню как ты, Тенгиз, на втором месяце войны искренне недоумевал, почему абхазы не сдаются? Если сейчас до тебя, наконец-то, дошло это и другие «почему», то напиши все по совести, если она у тебя еще осталась»[1].

Классический образец агрессивной имперской пропаганды, способствовавшей окончательному размежеванию народов Грузии и Абхазии, продемонстрировал тот же Надарейшвили. В печально известном своем интервью грузинскому радио он отмечал: «… И, разумеется, я принесу несчастье им, сепаратистам. И несчастье – это хорошие слова по сравнению с тем, что они заслуживают от меня в ближайшее время (смеется). Поэтому я не скрываю этого и хочу сказать вам, что буду бороться до последней капли крови, пока будут существовать враги Грузии, пока они не будут уничтожены физически… Мне не безразлично будущее абхазов, я очень думаю о них и беспокоюсь, будет ли вообще существовать абхазский народ или нет… Если мы сегодня не примем мер и не накажем их (сепаратистов – В. Ч.), это проблема завтра и послезавтра останется нашим детям. И я с полной ответственностью хочу заявить, что я эту проблему не оставлю нашим детям. Ни вашим детям, ни детям ваших друзей я не оставлю эту проблему. Пока я здесь нахожусь во главе власти, я эту проблему окончательно сниму, у грузинского народа не будет заботой абхазская проблема»[2]. Затем лидер грузинской «пятой колонны» в Абхазии, весьма своеобразно заверив грузинское население, что победоносное окончание войны не за горами и, что, мол, его производство в генералы ускорит развитие ситуации в этом направлении, с неуместным бахвальством проговорил: «Победа будет очень скоро. Сейчас господин Каркарашвили назначен министром обороны, и у нас с ним очень дружественные взаимоотношения… И этот наш дует вызывает страх между прочим. Из Гудауты пришел слух о том, что абхазы сказали: раз Надарейшвили стал генералом,

[1] Там же. С. 158 – 162.

[2] Грузинское радио, 13 мая 1993 года. // Владимир Попов. Абхазский крест. Москва, 2007. С. 74 – 75.

а Каркарашвили министром обороны, плохи наши дела, лучше, мол, бросим оружие»[1].

Такой пропагандистский настрой, с несущественными вариациями, определял деятельность всех грузинских средств информации до окончания войны. Кстати, и после, уже вроде в мирное время, тактика и стратегия грузинского руководства, и подконтрольных ему СМИ по отношению к абхазам так и не изменились. Изначально, грузинское руководство, каких бы политических тонов оно ни было, Гамсахурдия ли это или Шеварднадзе, полагалось в решении грузино-абхазской проблемы лишь на диктат и силу. Абхазам в ответ ничего другого не оставалось, как кроме того, что противопоставить агрессивной имперской политике так же силу, лишь с разницей в том, что она была оборонительной, то есть мерой самосохранения народа. Такую задачу под руководством Владислава Ардзинба выполняли абхазские военные формирования, государственные структуры, средства массовой информации.

Газеты, радио и телевидение всецело были нацелены на пропаганду и освещение, как уже отмечалось, двух основных военно-политических установок главы Абхазии. Первое – это всемерная защита Родины вооруженным путем и до победного конца, второе – вначале вывод грузинских войск со всей территории Абхазии, затем – стол переговоров с грузинами по политическим проблемам. Так что все перипетии в области военных действий и в сфере политики были под пристальным вниманием СМИ республики. Абхазское телевидение и радио регулярно передавали сообщения и оперативные сводки пресс-центра, вначале штаба ополчения, затем министерства обороны Республики Абхазия. Сюжеты и репортажи о бойцах и командирах на регулярной основе также записывались непосредственно на передовой. Операторы вели съемки в ходе военных операций, под бомбежкой и артобстрелами. В таких условиях, снимая наступающие порядки абхазского

[1] Там же. С. 76.

ополчения в боях за Гагру, героически погиб оператор Абхазского телевидения Анзор Кварчелия. Не имея элементарных технических возможностей, большую и ответственную работу вели журналисты Восточного фронта, пытаясь зафиксировать значимые события, а также защитников Родины, тружеников тыла. Такие же задачи стояли перед редакциями республиканских и иных газет, сосредоточившихся в центре абхазского сопротивления – Гудауте.

Наряду с вышеотмеченными обязанностями, газета «Республика Абхазия», к примеру, публиковала материалы, которые, на взгляд редакции, могли нести в себе большой заряд стойкости и мобилизационного ресурса, тем самым, способствуя настрою людей на отпор агрессору, вере в окончательную победу абхазов. Именно такая духовная сила заложена в интервью народного поэта Абхазии Баграта Шинкуба, когда, отвечая на слова корр. газеты З. Цвижба о том, что «сыны Абхазии, весь народ на защите Родины…», он коротко, но, вместе с тем, емко и доходчиво говорит: «Если бы был другой путь! Но не вижу ничего, кроме этого. Народ должен выдержать, выстоять, не упасть духом. Когда в войне защищаешь Родину, бывают и кровь, и могилы. Но превыше всего – свобода родной земли. Однако добиться победы можно только тогда, когда воюет не только защитник на передовой, но и рядом с ним организованно действуют все – от той, кто у плиты стоит, до штабных военных»[1]. Обращение со страниц газеты духовных лидеров, как скажем, Б. В. Шинкуба, было важным и нужным, особенно в начальный период войны, когда абхазы оказались почти в одиночестве, и слова искренней поддержки приходились особенно уместными в этих трагических обстоятельствах.

Именно таким, сплачивающим в беде людей, был митинг матерей Абхазии, прошедший вечером 14 сентября, в центре Гудауты, на котором выступавшие ораторы «гневно осудили вторжение войск Госсовета Грузии в нашу республику и оккупацию ими зна-

[1] Газета «Республика Абхазия», 1 – 3 октября 1992 года.

чительной части территории Абхазии». Все они единогласно призывали к отпору агрессорам, требовали немедленного вывода грузинских войск и суда над зачинщиками войны: Шеварднадзе, Надарейшвили, Ломинадзе и другими. С призывом отстоять Родину выступила на митинге жительница Гагры Раиса Таркил-Сергегия: «Я потеряла единственного сына, который погиб в боях за родную абхазскую землю. Пусть же дух погибших сыновей Апсны сопровождает тех, кто сейчас с оружием в руках отстаивает нашу красавицу – Абхазию!». Представительница Ткуарчала Ирина Агрба сказала: «Мы ведем сейчас войну с государством, где, к сожалению, национализм стал главенствующей идеологией. Я не умею произносить проклятия, и, тем не менее, мне хочется сказать в адрес оккупантов: «Пусть вас всегда преследует крик матери московского поэта Саши Бардодыма, который воевал за народ Абхазии и вчера был похоронен в Новом Афоне»[1]. На митинге выступили представительницы армянской общины М. Бердикян, грузинской – М. Мелия, кабардинского и черкесского народов – Л. Тхамокова и М. Тхагушева. Прозвучали душевные и искренние слова поддержки из уст представительницы российского народа: «Вы не маленький народ, вы великий народ, потому что смогли сохранить свою культуру, свои традиции, и с таким мужеством отстаиваете свою свободу!» – сказала учительница из Воронежа Елена Зюбина, приехавшая в Абхазию на отдых и решившая остаться в трудную для абхазского народа минуту вместе с ним. На митинге было объявлено, что в этот же день аналогичные акции в защиту Абхазии проходят в Турции, ФРГ, Голландии, Швейцарии, Санкт – Петербурге, Москве, на Северном Кавказе»[2].

Не обходила стороной редакция и щепетильные темы в тот период, когда народ оказался на перепутье, и каждое слово, любое действие необходимо было нацеливать только на единство и

[1] Газета «Республика Абхазия», 9 – 15 сентября 1992 года.

[2] Там же.

сплочение абхазов. В то время, по большому счету, усилиями национального лидера, вскоре после первых потрясений, было налажено сопротивление агрессору, негласным девизом которого подразумевалась та самая формула: один за всех, и все за одного! И все, кто остался в стране, не оставил ее на произвол судьбы в трудную годину, держались друг за друга, будь то на поле брани, или же обеспечивая войнам необходимое снабжение: оружием, питанием, обмундированием, медикаментами… Но, заметим, были редкие исключения. И, как писала газета, «война рождает героев и высвечивает предателей. Сегодня земля горит под ногами оккупантов. Многие из них на этой земле уже закончили свою преступную деятельность, многих еще ожидает такая участь. К их числу относятся, в первую очередь те, кто в минуту обрушившихся на Абхазию испытаний предали свой народ, нанесли ему удар в спину. Больно осознавать тот факт, что среди предателей оказались и наши соплеменники, безликие приспособленцы-номенклатурщики, способные ради своего живота предать интересы собственного народа. Благо, что народ увидел их подлинное лицо, их ничтожность и мерзость. И зря надеются на то, что уйдут от ответственности, от суда народа… Лорик Маршания, Константин Салия, Аркадий Хашба, Рауль Эшба и другие «господа» с докторскими званиями, с награбленными миллионами, но без совести и чести»[1]. Этими заметками, получилось так, что редакция предвосхитила дальнейшие события по развитию предательства до чудовищных размеров, коли это обстоятельство подлежит измерению. Предатели, создавшие по указке грузинских верхов некий «комитет спасения Абхазии», в январе 1993 года с подачи тех же опекунов обратились в ООН и руководству России. В обращении, в частности, отмечалось: «К нынешней национальной трагедии абхазский народ привели те абхазские политики, которые пришли к власти на волне псевдодемократических преобразований. В боль-

[1] Там же.

шинстве своем не обладая опытом политического и хозяйственного руководства, они не нашли ничего лучшего, как выдвинуть лозунг суверенизации Абхазии и в одночасье демонстративно повернуться спиной к грузинскому народу… Этот курс был принят вопреки воле большинства абхазского народа, хорошо понимающего, к чему приведет политика насильственного разрыва живых связей абхазского и грузинского народов»[1]. Духовный отец абхазских отщепенцев Шеварднадзе по достоинству оценил их поступок, назвав его «гражданским мужеством». Присовокупив сюда же имена Л. Маршания и Р. Эшба, он в своем демагогическом стиле заявил: «Я так представляю, что абхазы, мыслящие на этом уровне, должны решить будущее своего народа. И они являются действительно освещающими маяками, если можно так сказать, мне так представляется»[2].

Что здесь можно бы добавить к словам главы Грузии? Разве лишь то, что они, его креатуры, на самом деле являлись «освещающими маяками», но освещающими именно тот путь, который привел бы абхазов в колониальное прошлое, чреватое ассимиляцией, в конечном счете, утерей этнической идентичности и государственности. Ведь по такой программе «работали» с абхазами самые видные грузины 20 столетия – Жордания, Сталин, Берия, Шеварднадзе. И ужели найдутся еще такие абхазы, которые могут поверить, что сие ядовитое наследие столь одиозных политических фигур в среде их политических потомков и этнических сородичей окончательно искоренено? Таковое было бы безумием и полнейшей слепотой. Даже бывший в приятельских отношениях с грузинской интеллигенцией русский писатель Андрей Битов в дни войны разочарованно писал: «Я переживал вместе с вами 9 апреля и требовал вывода войск ЗакВО из Грузии, а сегодня преемники Родионова являются друзьями Госсовета (генералы Патрикеев и Беппаев, помогавшие грузинам составить план военного вторжения в Абхазию под кодовым названием «Меч» – В. Ч.). Уже грузинские отряды получают от них оружие бывшей империи, чтобы топтать своих подданных, что настраивает против грузинского народа весь Кавказ. Уничтожены культурные очаги абхазского народа: университет, библиотеки, архивы, творческие союзы. Грузинская интеллигенция не может этого не знать. Ваше молчание не может быть оправдано ничем, тем более мировым общественным мнением, введенным в заблуждение. Я потрясен событиями в Абхазии после вторжения в нее войск, руководимых безумными военачальниками и существующих за счет грабежей…»[1].

Анализ средств массовой информации подтверждает, что каждый прожитый день в Абхазии был не напрасен. Все было подчинено фронту, мобилизации сил и средств, моральных и материальных, только на победу. Шел 1993 военный год. Абхазская армия, несмотря на ряд неудачных наступлений, набирала все большую силу. Сам факт, что абхазы наступают, в то время как грузины только помышляют об обороне – было свидетельством того, что рано или поздно агрессор будет разбит и изгнан из пределов Абхазии. И это стало реальностью не в один момент. Процесс реорганизации ополчения в армейские формирования происходил по ходу войны, значит, и времени на спокойную подготовку не было.

О становлении армии, о дисциплине и профессионализме, материально-техническом обеспечении военных рассказывает газете «РА» председатель комиссии по обороне и безопасности Верховного Совета Абхазии Валерий Гурджуа: «На сегодняшний день – это мое личное мнение – военное положение стабилизируется в том смысле, что противник, захвативший часть нашей

[1] А. Ф. Авидзба. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны Абхазии (1992–1993 гг.). Книга II. Сухум, 2013. С. 195. // «Независимая газета», №10, 20 января 1993 г. С. 3.

[2] Интервью Шеварднадзе грузинскому радио. 8 февраля 1993 г. (Перевод подстрочный с груз. языка). Л. 4. // Там же. С. 195.

[1] Открытое письмо Чабуа Амирэджиби, которое так и не стало коллективным. 23 – 25 октября 1992 года.// «Независимая газета», 22. 10. 92 г.

территории внезапностью и обманом, выдыхается. По сути, он вынужден перейти к обороне. В этом огромная заслуга народа, лучшие сыны которого вместе с братьями с Северного Кавказа, представителями абхазских диаспор, России, других республик СНГ, оказали агрессору мощное сопротивление, а на ряде участков войны нанесли ему и сокрушительное поражение. За пять месяцев противник понес большие потери. Грузинская сторона, как правило, замалчивает, или же занижает количество убитых и раненых. Свидетельством тому и недавнее сообщение грузинских источников по телеканалу «Останкино» о, если не ошибаюсь, 640 убитых. По нашим предварительным данным агрессор потерял… в несколько раз больше». На вопрос о том, как была проведена Гагрская операция, В. Гурджуа подчеркнул, что «это был первый удар объединенных сил РА и Конфедерации, причем из весьма сложного положения, когда республика была отрезана от внешних источников жизнеобеспечения. Совершенно смехотворны высказывания Шеварднадзе и его окружения, что грузины в Гагре имели до полусотни миролюбиво настроенных военных и т. п. сентенций. На самом деле в зоне г. Гагра под командованием небезызвестного «миролюбца» Каркарашвили держали оборону отборные части… Личный состав их насчитывал до 4 тысяч человек. Их поддерживали свыше 40 ед. бронетехники, десятки артиллерийских орудий, минометов, боевая авиация. В особо тяжелом положении оказалась юго-восточная Абхазия. Окруженная со всех сторон, она оказывает яростное сопротивление агрессору. Насмерть схватились абжуйцы с оккупантами, у которых в прямом смысле горит земля под ногами. Огромные потери в живой силе, десятки единиц уничтоженной боевой техники, два сбитых боевых вертолета – вот счет, который предъявили врагу герои – партизаны… К этому хочу добавить, что создание регулярной армии – дело не легкое и нескорое… Другое дело – наряду с созданием регулярной армии, попутно наводить порядок и дисциплину в уже сложившихся вооруженных формированиях. Мы обязаны, несмотря на имеющиеся

объективные и субъективные трудности, навести здесь порядок, обеспечить всех вооружением и обмундированием, крепить дисциплину, следить за выучкой, как командиров, так и бойцов. Все это должно делаться под непосредственным контролем комиссии по обороне и безопасности…»[1].

Газеты, электронные средства информации нередко обращались в ту пору к теме дисциплины и порядка, и поднимались эти вопросы чаще всего с подачи бойцов и командиров, находившихся на линии фронта. Я, как журналист и редактор, видел, что у фронтовиков, в отличие от гражданских лиц, более обостренное чувство справедливости, они острее реагировали на расхлябанность, несобранность, мягкотелость, не говоря уже о правонарушениях, подпадающих под уголовный кодекс. И то, и другое также имели место в то военное время. И иной раз газете, особенно в напряженные моменты, приходилось выступать с редакционными заметками, хотя просьб и установок по этой проблеме от руководства не было. Зато после публикации подобных «установочных» материалов для острастки высоких чиновников и «разносов» не следовало. Выходило, что все сделано правильно, в соответствии с логикой военного положения. Вот, к примеру, выдержки из статьи на тему дисциплины и порядка, написанной редактором газеты 28 января 1993 года, после захвата бандитами Гудаутского райотдела милиции. Этот случай довольно негативно сказался на морально - психологическом климате прифронтовой зоны. Реакция также последовала и со стороны тех, кто находился на боевых позициях. Проблема порядка в обществе, тем самым, получила широкий резонанс. И потому в редакционной статье отмечалось: «Сегодня Абхазия в тяжелейшем положении. Так же, как это было не раз в прошлом, стоит вопрос: быть или не быть государству, да и народу абхазскому. Народ в целом это осознает. Отсюда и его героическое сопротивление оккупантам, сорвавшее черные замыслы прави-

[1] Газета «Республика Абхазия» №5, 21 января 1993 г.

телей Грузии. Очевидно также и то, что на войне гибнут лучшие из лучших, цвет нации, ее опора и будущее. И чтоб было меньше этих смертей, нужна крепкая дисциплина и порядок, слаженная работа всех звеньев государственного механизма и на фронте, и в тылу. К сожалению, в этих вопросах у нас еще немало упущений и недостатков. Нам, журналистам, как на фронте, так и в тылу, приходится выслушивать критические замечания и от бойцов и от гражданских лиц о слабой работе правоохранительных органов. Подтверждением тому – случаи безнаказанного мародерства, откровенного насилия, прямого бандитизма, остающиеся без должного реагирования. Впрочем, о какой карающей силе этих органов можно говорить, вспоминая недавний инцидент – вторжение группы вооруженных лиц в районный отдел милиции»[1].

Позже, уже в мирное время, автору этих строк стало известно из источников, заслуживающих доверия, что в тот злополучный январский день в райотдел милиции намеревался прийти глава Абхазии, Председатель Государственного Комитета Обороны, Главнокомандующий Вооруженными Силами Абхазии Владислав Ардзинба. Только случайность развела его с бандитами, «захватившими» здание милиции, где расположился и министр внутренних дел республики. История эта, безусловно, вызывает немало вопросов, но ответов пока нет…

В той же публикации «О дисциплине и порядке» дальше говорилось, что «…при всем этом не скажешь, что мы испытываем дефицит руководящих кадров. Скорее всего, в дефиците оказались ответственность и исполнительность. Спрос и исполнение, надо прямо сказать, на невысоком уровне. А ведь у нас, слава богу, есть кому спрашивать: это комиссии Верховного Совета, Совет Министров, министерства и ведомства. Каждый руководитель – будь то МО, МВД, прокуратура, суд, другие структуры, должен нести ответственность за порученный участок работы, и с него

[1] Газета «Республика Абхазия», №7, 28 января 1993 г.

должен быть спрос за тот или иной провал, упущение, недостаток. Если же этого нет, то этим непременно воспользуются именно те элементы, для которых понятия родина, народ, отчизна – пустые звуки. Думается, допускать этого нельзя. Это было бы несправедливо и нечестно по отношению к тем, кто с оружием в руках защищает нашу Родину, не позволит сделать это и священная память о тех, кто пал за свою Отчизну»[1].

Конечно, стиль публикации был жестким. Газета, хоть и государственная, не могла указывать таким государственным и властным структурам, как комиссий Верховного Совета, Совету Министров и т. д. какие формы и методы им применять в своей работе. И, тем более, попрекать их в таких упущениях, как отсутствие контроля и спроса. Думается, в ту тяжелую пору было не до выяснений отношений, да и факты говорили сами за себя. К тому же высокие начальники наверняка полагали, что такого рода публикации согласовываются с первым лицом. Особенно те руководители, которые «родом» из партийно-советской школы.

И все же основное место на страницах «Республики Абхазия», как и во всех газетах, в репортажах телевидения и радио, занимали защитники Апсны, живые и погибшие, войны – добровольцы, все те, кто встал насмерть на пути агрессора. Коллективам средств массовой информации неоценимую поддержку в работе на протяжении всей войны оказывал широкий авторский актив из числа политических, государственных, общественных деятелей, ученых, поэтов, писателей, политологов, публицистов и журналистов. С редакциями тесно сотрудничали Б. Сагария, Б. Шинкуба, Ю. Воронов, А. Гогуа, О. Шамба, С. Лакоба, Л. Любченко, Д. Ахуба, Н. Тарба, Я. Лакоба, Д. Зантария, К. Герхелия, Н. Акаба, Э. Анкваб, Е. Бебия, Е. Аджинджал, Т. Ачугба, В. Хагба, В. Гунба и другие.

Журналисты «РА» старались правдиво отразить картину военных реалий того периода. А такое возможно, лишь общаясь с бой-

[1] Там же.

цами и командирами на передовой, там, где все высвечивается в ином ракурсе, отличном от привычного «мирного» состояния на «гражданке». Иногда и я, оставляя на «хозяйстве» своего заместителя, отправлялся с оказией на сутки-двое в «гости» к военным на передовую. И вот теперь, приняв приглашение моего брата и друга Игоря Габуниа, командира отделения Афоно-Эшерского батальона, направляюсь с ним на «девятку». Путь был неблизкий потому, что пролегал по недавно проложенной и еще не ухоженной дороге вверх в горы. Вначале, однако, остановились в центре Нового Афона. Далее в очерке, написанном по следам этой поездки, отмечалось: «Один за другим подходят бойцы к месту сбора. Ждем машину. Напротив нехитро сколоченный стенд с наклеенными портретами погибших афонцев. Всматриваюсь в таблички с фамилиями: абхазскими, русскими, армянскими… Все они местные, наши, – подает голос боец. Согласно киваю в ответ, но вижу, что один из них все же не афонец. Приглядевшись, узнаю молодого поэта – москвича. Приезжал он сюда в мирное время, полюбил наш край. Начал изучать историю и абхазский язык. В первые дни войны покинул Москву, пробрался в Абхазию горными тропами вместе с отрядом северокавказских добровольцев. Воевал как герой. И остался здесь навечно: в земле абхазской и в душе ее народа. Имя его – Александр Бардодым»[1].

Ныне известно, что молодой и талантливый поэт, смелый и отважный боец, ходивший не раз на ночные вылазки в тыл врага, трагически погиб в начале войны. Он был одним из первых добровольцев, прорвавшихся в Абхазию, преодолев выставленные в горах Кавказа Ельцинские кордоны. Такие, как А. Бардодым и его боевые товарищи, глубоко порядочные, проникнутые высокими и светлыми чувствами гуманизма, стремились на помощь Абхазии наперекор воле руководства своей страны. И, прибывали в абхазскую страну, вливаясь в ряды, как они сами, пассионариев по рождению, по крови, по зову сердца. Таких людей на передовой было подавляющее большинство. Они, известно, ковали Победу.

[1] Газета «Республика Абхазия», 22 июля 1993 г.

О том говорится в продолжение очерка: «…Вот мы на месте. Нас встречают бойцы взвода. Первые приветствия, рукопожатия. Знакомые все лица – афонцы. Сели за стол под навесом, рядом в метрах 20-ти блиндаж. Грохот пушек не смолкает. Мне лично это действует на нервы, вызывает внутреннюю напряженность. Рядом со мной бойцы играют в нарды, с другими обмениваемся новостями, отвечаю на вопросы односложно, все больше слежу за канонадой. Кто-то из бойцов замечает, что еще до нашего прихода они просидели в блиндаже несколько часов, пережидая обстрел, происходивший совсем рядом. Только тут я замечаю метрах в пяти расщепленное дерево. «Прямое попадание» - провожая мой взгляд, говорят ребята. Так, за разговором, уханье и разрывы снарядов постепенно стали чем – то обыденным. Удивляло только то, что человек довольно быстро адаптируется к любой обстановке… Если говорить серьезно, – делились воспоминаниями бойцы, – то мартовская атака раскрыла многое. Показав героизм и беззаветную преданность Родине, высветила также и наши упущения, недостатки, особенно в подборе командиров среднего звена: комвзвода, комроты, комбата»[1].

Правы были бойцы в этих своих рассуждениях. Мартовская операция долго обсуждалась в абхазском обществе, как в народе, так и в политическом и военном руководстве страны. Говорили о неудаче открыто и нелицеприятно, многое из того получило отражение в средствах массовой информации. На страницах газет, на радио и телевидении выступали глава Абхазии, министр обороны, командиры и бойцы, отмечавшие причины тех неудач, пути их исправления. Заметно было, что общество отходит от первоначального шокового состояния. Люди, и на передовой, и в штабах, и в

[1] Там же.

тылу, заново настраивались на решительные действия: понимали, что освобождать свою столицу им придется в условиях ожесточенных боев с противником, и готовились к тому основательно – морально, духовно и физически.

В одном из эпизодов очерка рассказывается о буднях небольшого воинского коллектива, прошедшего горнило мартовских сражений, и вновь готового идти на штурм абхазской столицы: «Здесь, на рубеже обороны, люди сугубо гражданских специальностей: повар, директор школы, рабочий и т. д. Возраст от 17 до 54 лет. Рядовому Адгуру Джения, пришедшему сюда недавно, 17 лет, бойцу Харазия Льву, участнику мартовской атаки – 52 года. Комиссару Ирадиону Джиджолия, потерявшего одного сына в Шроме (другого, как стало известно позже, в Камане) 54 года. И шел он в марте на Сухум бойцом, подбадривая молодых. За что и выбрали комиссаром. Зураб Аргун был ранен в том наступлении, брат погиб. На рубеже обороны постоянно возился со скакалкой. Мне объяснили: тренируется, разрабатывает мышцы после ранения, чтобы легче было в наступлении. Игорь Габуния – участник мартовской операции, считает, что старшим по возрасту надо внимательно относиться к молодым бойцам. У него в отделении прекрасные ребята – Джемал Хахубия, Рауль Лолуа, Дима Кафельников, Руслан Аргун и другие. Гурам Квициния – майор милиции. Мог бы, конечно, работать в своей должности зам. начальника милиции. Он решил иначе. С первых дней, с Красного моста, – на передовой. Вместе с ним на рубеже обороны Руслан Смыр, приехавший с Украины, оставив там больную жену и маленького сына, афонцы Аракел Кондакчян и Миша Сарьян и многие другие. Вспоминали бойцы своих боевых товарищей, не вернувшихся с той атаки: осетина Георгия Доева, воевавшего вместе с сыном, Александра Гудника, Дмитрия Трифонова, Тараса Хзарджяна, Валерия Аргуна, Валерия Коваля, Владимира Яланчиди, Руслана Авидзба, Романа Григолия, Зурика Вардания, Валерия Смыр. Все они отдали жизни ради свободы Родины. «Могло быть меньше жертв», - считают бойцы, будь некоторые командиры посметливей, знай они азы военного искусства»[1].

Мне, как журналисту, доводилось общаться и разговаривать с известными политиками и командирами, в том числе и по военной проблематике. Все их разговоры были познавательны, интересны и запомнились надолго. Общаясь с афонцами, как отмечается в очерке, я привел слова прославленного абхазского командира, к тому времени ушедшего из жизни: «От командиров во многом зависит жизнь бойца, - вспомнились слова легендарного Мушни Хварцкия. Незадолго до его гибели, мне довелось разговаривать с ним в Эшере. Уже тогда он отмечал, что личный пример командира очень важен для наших бойцов. Говорил о том, как в начале войны заставлял, убеждая словом и делом, рыть окопы и траншеи, возводить блиндажи. Он доказывал, что в отношениях с нашими бойцами нужна строгость в сочетании с уважением к человеческой личности и достоинству. Эффект будет тогда заключил он, когда любой приказ, даже самый строгий и рискованный, будет отдаваться командиром толковым, храбрым, а значит и авторитетным. Эти мысли полностью были поддержаны моими собеседниками, многие из которых непосредственно знали Мушни. «Побольше бы нам таких командиров, – говорили бойцы, – и Сухум бы давно взяли»[2].

Помимо местных средств массовой информации, грузино-абхазская война, как уже отмечалось, привлекла пристальное внимание российских СМИ. После военной победы абхазов в Гагре, чаще стали информировать своих читателей и телезрителей газеты и электронные средства дальнего зарубежья. Выстраивая свою информационную политику, В. Ардзинба использовал все возможные контакты с различными СМИ, но основной упор все же им делался на российские издания и телеканалы. Глава Абхазии не только сам был в тесном контакте с журналистами, но и своим

[1] Газета «Республика Абхазия», 22 июля 1993 г.

[2] Там же.

ближайшим сотрудникам, членам правительства, депутатам парламента поручал чаще встречаться с представителями средств информации. Поэтому, безусловно, абхазские и российские издания часто стали выходить с публикациями Ю. Воронова, С. Лакоба, Н. Акаба, З. Ачба и других авторов, где излагалась позиция абхазской стороны. В течение войны тему грузино-абхазской войны постоянно освещали такие издания, как «Независимая газета», «Российская газета», «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Московский комсомолец», «День», «Мегаполис – экспресс», «Экспресс – хроника», «Аргументы и факты», «Коммерсант», «Литературная газета» и другие. Абхазская тема нередко появлялась в передачах телеканалов «Останкино», «Россия», НТВ, а также в сообщениях информационных агентств – Интерфакс, ИТАР – ТАСС, Би-Би-Си.

Владислав Григорьевич обладал, как известно, цепкой памятью и основательно помнил и тех журналистов, кто честно и добросовестно делал свою работу, отвергая при этом политический заказ и конъюнктуру момента, что также имело место в ту пору. Интересны в этом плане впечатления упомянутого выше корреспондента «Красной звезды» В. Попова, тяжело раненного во время июльской операции, которые позже он описал в своих воспоминаниях. О той встрече с Владиславом Григорьевичем он пишет: «Чуть ниже стоял армейский «Урал». Меня перетащили в кузов, в котором почему – то оказались матрасы, и повезли вниз, к Эшерам… Машина, переваливаясь на ухабах, пробиралась вниз, и мокрая горная дорога, поросшие густейшим кустарником склоны неровно, какими то синкопами уплывали от меня. Кроме Акуна и Гиви, в кузов набились еще с десяток абхазов с оружием. Зачем? Куда едут? Кто они такие и откуда взялись – выяснилось очень скоро. Причем, под негодующие крики, зычные команды: «А ну быстро из машины! Кто такие? Дезертиры? Расстреляю сейчас всех!». Это был Ардзинба. Расстреливать он, конечно, никого не стал. С ним были несколько человек, которые быстро разделили

приунывших абхазов на боевые группы и, не мешкая, повели их обратно, в гору. «А вы чего?» – обратился Ардзинба к моим спутникам. – «Владислав Григорьевич», – из-за брезента я хорошо слышал голоса Гиви и Акуна, которые поспешили к своему лидеру, – там, в машине майор Попов. «Красная звезда». Он ранен тяжело. Боимся - не довезем». – «Да вы что! Немедленно в Гудауту его. В Москву. Если надо – самолетом отправляйте. Головой мне за него отвечаете». – Позже Гиви мне расскажет, что Ардзинба, оказывается, внимательно следил за моими публикациями, а потому знал о моей работе в республике. Я слышал, что и как он воскликнул в ответ о новости на мой счет, и мне показалось, что это было искреннее восклицание»[1].

И еще такая важная деталь, которую возможно подметил не каждый исследователь. Например, о том, что, если на начальном этапе войны в политических заявлениях и в средствах информации Ардзинба утверждал о готовности абхазской стороны обсудить, после вывода грузинских войск, разумеется, перспективы совместного государственного обустройства Грузии и Абхазии, то в последующем, с течением времени, его высказывания по этой проблеме стали существенно меняться. Такая трансформация суждений абхазского лидера, судя по публикациям СМИ, отмечалась уже с начала 1993 года. Переломным моментом, как мне кажется, является месяц январь, вначале которого захлебнулся штурм абхазами Сухума. Это придало уверенности руководству Грузии, которое, отказавшись от мирного способа решения конфликта, направило все свои усилия на создание условий ведения войны до победного конца. В то же время глава оккупационного режима в Абхазии Надарейшвили «озвучил официальную позицию грузинских властей по отношению к рассматриваемым процессам… Он, предварительно отметив, что «у грузин в Абхазии большое военное преимущество», заявил: «Я считаю, что в настоящий момент

[1] Владимир Попов. Абхазский крест. Москва, 2007. С. 87.

все мирные пути исчерпаны, и конфликт можно преодолеть только военным путем»[1]. В свою очередь, «2 февраля главнокомандующий грузинскими войсками Э. Шеварднадзе издал приказ, в соответствии с которым во много раз была увеличена военная мощь грузинского корпуса, в Сухум были направлены «дополнительные силы в необходимом количестве для гарантированной защиты» и начата была полная мобилизация всех имеющихся ресурсов и резервов».[2]Ужесточение грузинской позиции продолжалось: «… 4 февраля грузинский парламент принял постановление «О ведении переговоров между Грузией и Россией по разрешению конфликта в Абхазии». Документ обязывал Совет национальной безопасности и обороны Грузии «выработать и осуществить неотложные мероприятия по своевременному и достойному завершению конфликта в Абхазии и в 10–дневный срок представить парламенту Грузии». И уже 10 февраля было принято решение «о переброске в Абхазию дополнительного контингента грузинских войск и об объявлении дополнительной мобилизации, в первую очередь беженцев из Абхазии… В тот же день Э. Шеварднадзе издал приказ о боевой готовности №1, которым он обязал Совет Министров АРА (правительство оккупантов – В. Ч.) «немедленно произвести мобилизацию всех имеющихся ресурсов и резервов для обеспечения защиты Сухуми и Очамчиры и предписал мэру г. Сухума и управляющим Сухумским, Гульрипшским, Очамчирским, Гальским районами «произвести мобилизацию имеющихся резервов»[3].

Ответные действия абхазской стороны не заставили себя долго ждать. Усилило мобилизационную готовность Конфедерация народов Кавказа. Укреплялось командование войск Конфедерации, приказом ее президента Ю. Шанибова командующим войсками назначался Ш. Басаев, начальником штаба – А. Зехов. Войска

[1] А. Ф. Авидзба. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга II. Сухум, 2013. С. 206.

[2] Там же. С. 206 – 207.

[3] Там же. С. 208.

Конфедерации подчинялись Министерству обороны и Генеральному штабу абхазской армии. В середине февраля в Пицунде «состоялось расширенное заседание Президиума КНК, на котором выступили В. Ардзинба, Ю. Шанибов, С. Сосналиев. На нем еще раз была подтверждена решимость народов Кавказа поддерживать борьбу Абхазии за свою свободу»[1].

И как ответную меру на ужесточение военных планов Грузии Владислав Ардзинба скорректировал и политический аспект своих намерений, в частности, свое видение государственно – правовых отношений Грузии и Абхазии. Теперь уже в своих выступлениях в СМИ он рефреном подчеркивал, что ставка на силовое решение абхазского вопроса делает проблематичным дальнейшие переговоры о будущих отношениях. Еще в конце октября в разговоре с журналистами российских газет глава Абхазии отмечал, что «возможность избежать дальнейшего кровопролития, думаю, еще есть. Повторюсь: при условии вывода грузинских войск за пограничную реку Ингур»[2]. В начале же 1993 года, на вопрос российского корреспондента – как он относится к обвинениям грузинской стороны о проведении Абхазией политики сепаратизма, Ардзинба заявляет следующее: «Это не сегодняшняя проблема и далеко не сегодняшние обвинения. Они, конечно, не имеют под собой никаких оснований. Просто Грузия решила использовать данный тезис как очень удобный для нее повод, чтобы упразднить государственность Абхазии. Больше ничего за этим не стоит. Говорить о каком – то сепаратизме здесь не приходится: мы же ни от чего не собираемся отделяться! У нас есть своя территория, свое государство на этой территории. А вот что действительно имеет место, так это политика государственного терроризма в отношении Абхазии. Насильственная ликвидация государственности одного народа другим – это и есть настоящий государственный терроризм, и ни-

[1] Там же. С. 209.

[2] Газета «Известия», 20 октября 1992 года.

что иное… Мы никогда не предлагали и не искали военных путей решения проблемы… Но, поскольку нас поставили в эти условия, мы вынуждены и будем защищаться, пока последний грузинский солдат не покинет нашу территорию»[1].

В интервью, данном агентству «Интерфакс», состоявшем по объему из шести абзацев, В. Ардзинба осветил 11 вопросов на тему грузино-абхазских отношений. Отвечая на один из них, абхазский лидер сказал: «Мы с самого начала выступали за мирное цивилизованное решение проблем взаимоотношений Грузии и Абхазии. Естественно, война никоим образом не в наших интересах. Мы готовы в любой момент, в любой час перейти к мирному решению этой проблемы. Но для этого необходимо вывести войска Грузии с территории Абхазии. Только после вывода войск Грузии в Абхазии могут быть размещены и миротворческие силы». На вопрос о будущем статусе Абхазии он ответил, что «мы должны говорить о договорных отношениях между Абхазией и Грузией, но продолжение войны, попыток силой навязать нам свою волю, может привести к тому, что в принципе такие переговоры о будущих отношениях могут стать уже невозможными»[2].

Корреспонденту «Комсомольской правды» Ардзинба отвечает так: «Для того, чтобы выйти из состояния войны, мы готовы обсуждать любой вариант мирного урегулирования. Однако, сегодня политические переговоры между Грузией и Абхазией практически полностью прекращены, и, судя по заявлениям грузинского руководства в средствах массовой информации, Тбилиси, по - прежнему, надеется решить абхазский вопрос военной силой»… На вопрос – есть ли какие- либо условия, от которых Абхазия не отступит, прозвучал ответ: «Да. Это вывод грузинских войск». По поводу каких-либо федеративных отношений между Грузией и Абхазией Владислав заметил: «… Чем больше будет продолжаться война, тем меньше шансов на то, что мы между собой сможем найти общий язык»[1].

В своем большом интервью радиостанции «Би-Би-Си» Владислав Григорьевич, в частности отмечал: «Я должен сказать, что Шеварднадзе не раз выступал и продолжает выступать с постоянными призывами к решению конфликта в Абхазии путем силы, военным путем. Я мог бы сослаться… на его выступление по грузинскому радио 8 февраля, последовавшее затем выступление на сессии Верховного Совета Грузии, соответствующее решение, принятое там. Там прямо ставится вопрос о том, что договор с Российской Федерацией Грузии нужен для того, чтобы получить оружие от России, чтобы продолжать эту войну. Сейчас идет постоянное наращивание грузинских сил в Абхазии, которое имеет целью продолжение войны и истребление абхазского народа». На вопрос о том, каким видится будущее Грузии и Абхазии, может ли последняя найти свое место в федеративном или конфедеративном грузинском государстве, Ардзинба сказал: «Хорошо известно, что наши предложения, сделанные на сессии Верховного Совета Абхазии, никоим образом не были связаны с так называемым нарушением территориальной целостности Грузии. Они происходили в рамках тех демократических процессов, которые идут на территории бывшего СССР. Мы предложили цивилизовать эти отношения, перейти к договорным отношениям между Абхазией и Грузией. В ответ на это к нам прислали танки. Если Грузия будет продолжать свою политику, политику истребления абхазского народа, политику ликвидации абхазской государственности, то нам будет весьма сложно найти общий язык. Пока такая возможность сохраняется, но чем больше будет длиться война, тем меньше будет шансов для того, чтобы мы согласились иметь вообще какие – либо отношения с Грузией»[2].

---

[1] Газета «Столица», №8, 1993 год.

[2] Газета «Республика Абхазия», 24 января 1993 года.

[1] Газета «Комсомольская правда», февраль 1993 года.

[2] Газета «Республика Абхазия», 4 марта 1993 года.

В беседе с корреспондентом «Труда» Ардзинба сообщал: «...Абхазия является государством 1200 лет. Оно существует с VIII века. Мы были автономной республикой и имели договорные отношения с Грузией. Она упразднила автономию (имеется в виду переход Республики Грузия к Конституции 1921 года, в которой отсутствовали государственно – правовые отношения между Грузией и Абхазией – В. Ч.), мы с этим не согласились, и тогда она окрестила нас сепаратистами и развязала войну. По сути, Грузия была федерацией, но нынешнее руководство Грузии вместо того, чтобы цивилизованно урегулировать отношения внутри федерации, пошло путем уничтожения народа. Нет народа – нет проблем. Но пока жив хоть один абхаз, мы будем бороться за свое государство. Так и напишите: до последнего человека. Нам некуда отступать. Это наша земля». На вопрос, какой вы видите будущую Абхазию? Суверенным государством или… Владислав отвечал: «Я думаю, что мы должны укреплять отношения с Российской Федерацией. Речь должна идти о восстановлении прерванных связей…». А в адрес Грузии заметил: «Продолжение войны практически не оставит нам шансов найти согласие. После такой бойни трудно убедить народ в том, что с Грузией можно жить в мире. Но мы не отказываемся от переговоров, а значит, еще ничего не исключено»[1].

Программной можно назвать часовую беседу В. Ардзинба в передаче «Момент истины» с А. Карауловым, показанной в начале июня 1993 года телеканалом «Останкино». В ходе интервью глава Абхазии охватил ряд важнейших проблем: военные, политические, межнациональные, государственно-правовые, которые непосредственно затрагивали находящуюся в состоянии войны республику. И все же в той беседе основными вопросами, на которых настаивал ведущий программы, были: «когда кончится эта война и каким видится будущее государственное устройство Абхазии».

[1] Газета «Труд», 7 мая 1993 года.

На первый вопрос Ардзинба отвечал следующее: «Мы, во-первых, внесли соответствующие предложения, они переданы недавно побывавшему у нас представителю (Генерального секретаря ООН Б. Б. Гали – В. Ч.), послу по особым поручениям, господину Бруннеру. Эти предложения доведены до российской и грузинской сторон, они представляют собой план мирного цивилизованного решения проблемы войны в Абхазии. Они включают в себя, в частности, отвод войск с линии противостояния, затем вывод всех войск с территории Абхазии, введение миротворческих сил, возобновление законных органов власти, создание необходимых условий для возвращения людей в места их постоянного проживания и, естественно, вопрос о компенсации того ущерба, который нанесен Республикой Грузия в Абхазии».

По поводу завершения войны Ардзинба вновь напоминает о своей позиции: «Мы говорим – вы выведите войска с территории Абхазии, тогда мы можем сесть за стол переговоров и попытаться найти решение проблемы. Но силой вы нас не заставите принять это… Также, примерно, он обсуждал вопросы прекращения войны в Абхазии и вывода грузинских войск с ее территории и в публикациях на страницах российской прессы. Российское телевидение в начальный период войны редко обращалось непосредственно к абхазскому лидеру, поскольку на этот счет видимо было указание свыше, из Администрации президента Б. Ельцина. В. Ардзинба, как отметил известный тележурналист А. Караулов, лишь иной раз мог быть представлен в 2 – 3 минутном сюжете, но не более того. Но со временем, когда начала меняться военная обстановка, электронные средства информации активнее стали сотрудничать с руководителем Абхазии. Кстати, и А. Караулов, обратим внимание, подготовивший для Российского ТВ большое интервью с главой Абхазии под популярным логотипом «Момент истины», появился в Гудауте в начале июня 1993 года, когда уже обозначался перелом в ходе войны, и инициатива могла полностью перейти к абхазской стороне. И, конечно, грузинское руководство было сильно обеспо-

коено этим. Свидетельством тому вопросы корреспондента (прибывшего, между прочим, на встречу с В. Ардзинба не из Москвы, а из Тбилиси), которые сводилось к тому, чтобы осветить планы и намерения абхазского лидера в отношениях с Грузией. Ответы на некоторые вопросы маститого журналиста, казалось, предназначены были удовлетворить интерес грузинской верхушки к той политической ситуации, которая складывалась тогда вокруг абхазской республики. Караулов довольно упорно, надо отдать ему должное, обращался к главе Абхазии на предмет того, например, когда и как Ардзинба собирается завершать грузино-абхазскую войну. И настойчиво вопрошал при том: «Вы же политик, Вы обязаны найти мирное решение этого вопроса…»[1]. Ставил вопрос так, не раз повторяясь, будто бы это абхазы развязали агрессивную войну. В. Ардзинба, как всегда, был тверд и последователен в своем ответе: военные действия будут завершены тогда, когда грузины выведут из страны абхазов свои войска. Караулов, тем не менее, настойчиво пытался выяснить дальнейшие намерения абхазского руководства, задавая, к примеру, такой вопрос: «Ну, хорошо, вывели грузины свои войска, дальше что?». – «Дальше покажет время», – сдержанно и дипломатично отвечал журналисту глава Абхазии. – «Но я должен вам сказать, найти решение проблемы взаимоотношений Абхазии и Грузии в августе значительно было проще, чем в сентябре. В сентябре проще, чем дальше. Сегодня с каждым днем все сложнее и сложнее найти уже пути к взаимному сосуществованию этих двух народов, этих двух республик». Караулов был явно не удовлетворен ответом, о чем свидетельствует тональность его последующего вопроса на ту же проблему: «Но все-таки, Владислав Григорьевич, простите мне мою назойливость. Согласились грузины, отвели свои войска, Вы сели за стол переговоров, я вас спрашиваю, что Вы можете предложить? Вы отвечаете двумя словами – остальное покажет время. А нельзя ли чуть более

[1] Газета «Труд», 7 мая 1993 года. С. 71.

конкретно. Готовы ли Вы к компромиссу? Есть ли у Вас эти реальные предложения?». В. Ардзинба тут же отреагировал следующим пассажем: «Я считаю, компромисс как раз состоит в том, чтобы вначале войска были выведены с территории Абхазии. Все любые компромиссы возможны только после того, когда Грузия откажется от силового пути решения этой проблемы». Журналист не преминул спросить и о том, чем, безусловно, грузинское руководство было озабочено в ту пору. Вопрос, как говорится, был поставлен в лоб: «Господин Ардзинба, Абхазия хотела бы присоединиться к России?». – На что Владислав Григорьевич откровенно отвечал: «…Мы от имени Верховного Совета Абхазии направили свое обращение в Верховный Совет России, в котором ставится вопрос о принятии Абхазии под покровительство или в состав Российской Федерации». – «Но ведь Грузия никогда не согласится с тем, что Абхазия станет частью российской территории. Это так?» – тотчас в категоричной форме возражает А. Караулов. - «Грузия не согласится не с этим, – логично подмечает Владислав, – Грузия не согласится с тем, что народ Абхазии самостоятельно пытается определить свою судьбу»[1].

В тот период, когда готовилось интервью А. Караулова с Владиславом Ардзинба, абхазское сопротивление набирало силу. Совсем немного времени оставалось до начала широкомасштабного июльского (1993 г.) наступления абхазской армии. Примерно в то же время, в марте и мае, глава Абхазии предпринял ряд политико-дипломатических шагов, оказавшихся под пристальным вниманием Грузии, России, ООН. Это и упомянутое обращение абхазской стороны с просьбой о Российском покровительстве или о вхождении Абхазии в состав Российской Федерации, сделанное 23 марта 1993 года. По этому поводу в пункте 1 – ом постановления Совета Национальностей Верховного Совета России от 30 апреля 1993 года отмечалось: «… С удовлетворением воспринимая вы-

[1] Там же. С. 68 – 72.

раженное в Обращении Верховного Совета Республики Абхазия к Верховному Совету Российской Федерации желание народов Абхазии войти в состав или под покровительство Российской Федерации (в Обращении ВС РА вначале говорилось о взятии под «покровительство» – В. Ч.), стремясь к мирному урегулированию конфликта в Абхазии, предложить президенту Российской Федерации, правительству Российской Федерации в соответствии с нормами международного права и, прежде всего, уважения прав человека и права народов на самоопределение, активизировать переговоры с руководством Республики Грузия по вопросу Обращения Верховного Совета Республики Абхазия к Верховному Совету Российской Федерации для нормализации обстановки в Абхазии».

Позже, 15 мая того же года, В. Ардзинба в своем письме на имя президента РФ Б. Ельцина также сообщает по этому поводу следующее: «Пользуясь случаем, хотел бы еще раз уверить Вас, Борис Николаевич, в неизменности стремления абхазского народа войти в состав Российской Федерации, которое нашло отражение в Обращении Верховного Совета Республики Абхазия от 23 марта 1993 года и будет в ближайшее время подтверждено на всеабхазском сходе народных представителей»[1]. Спустя всего лишь неделю, 21 мая 1993 года, В. Ардзинба направляет программное Обращение Генеральному секретарю ООН Бутросу Бутросу Гали. В нем предлагалось рассмотреть три варианта будущего статуса Абхазии: а) нейтральное демилитаризованное государство, чья независимость гарантирована ООН или иной международной организацией; б) суверенное государство под покровительством (опекой) России; в) суверенное государство, состоящее в конфедеративных отношениях с Республикой Грузия. Там же следовала приписка, что «последний вариант теперь будет иметь много противников среди граждан Абхазии – негрузин и вряд ли получит достаточную поддержку на референдуме или опросе»[1].

Таким образом, можно констатировать, что к маю 1993 года, когда вовсю шла кровопролитная грузино-абхазская война и коренной перелом в ней еще предстоял определиться в июле того же года, Владислав Григорьевич рассматривал перспективу отношений и с Россией, и с Грузией только в формате горизонтальных государственных связей. Свидетельством тому его комментарии по поводу упомянутого выше Обращения Верховного Совета Абхазии к Верховному Совету Российской Федерации. В своем письме Генсеку ООН Бутросу Гали В. Ардзинба поясняет: «Ставшие уже привычными обвинения со стороны ряда грузинских лидеров в адрес России, которая якобы стремится аннексировать Абхазию, используя при этом некую группу пророссийски настроенных «абхазских экстремистов», совершенно беспочвенны. Речь может идти только о вполне понятном стремлении негрузинского населения Абхазии перед лицом тотального истребления и изгнания с родной земли вступить под защиту нашего великого северного соседа… Однако речь вовсе не обязательно идет о вхождении Абхазии в состав Российской Федерации, а скорее о защите и покровительстве народов, тесно связанных с Россией, ее языком и культурой на протяжении столетий»[2].

Следует также учитывать, что эти заявления и политико-дипломатические акции главы Абхазии были вызваны интенсивным переговорным процессом между Грузией и Россией, в том числе и о заключении Соглашения между этими государствами, причем, за спиной Абхазии. В случае успешного исхода переговоров Грузия получала существенную финансовую подпитку (250 млрд руб.), которая придала бы новый импульс агрессивной войне. Тбилиси обретал возможность легальных поставок российского вооружения

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 г. г. в документах. Сухум, 2004. С. 345.

[1] Там же. С. 348.

[2] Там же. С. 348.

и техники. В таком случае Абхазия могла оказаться в катастрофическом положении. По существу российская исполнительная власть и грузинское руководство в мае 1993 года пытались согласовать дальнейшее развитие планов, намеченных еще во время Дагомысской встречи Шеварднадзе и Ельцина в июне 1992 года. И то, что российско-грузинское соглашение тогда не состоялось, безусловно, заслуга также и руководителя Абхазии, имевшего тесные контакты с Российским парламентом, другими государственными структурами, предупреждавшими российскую исполнительную власть о необходимости сбалансированного подхода к данной проблеме, то есть, с учетом интересов абхазской республики.

Надо полагать, что выше отмеченные политические и дипломатические действия, предпринимаемые абхазским руководством, удачно срабатывали и нередко вызывали напряженность и недоверие между «союзниками» – Тбилиси и Москвой. Такое происходило между ними и в мае – июне 1993 года. Отсюда, полагаем, и «прогрузинское» содержание ряда вопросов российского журналиста, которому, несомненно, информацию поставляли и грузинские собеседники в Тбилиси, скажем, тот же Джаба Иоселиани, также беседовавший в ту пору с А. Карауловым. К примеру, приведем такой пассаж последнего: «Давайте говорить обо всем чуточку более конкретно. Если Россия останется в стороне, мы не будем пока говорить слово геноцид, не будем пока. Россия остается в стороне, Россия не принимает ваши предложения, да и не может принять постольку, поскольку сегодня какие бы отношения между Абхазией и Грузией не были, вы все-таки на всех картах мира выступаете как территория Грузии. Есть ли другие варианты решения этого конфликта? Может ли Абхазия остаться в составе Грузии как федерации, если да, то на каких условиях?». – На подобные вопросы Владислав Григорьевич всегда держался такой формулы ответа: «Абхазия, – это, во-первых, территория, на которой наше государство существует уже 1200 лет и на которой мы

– как народ, имеем право на самоопределение. Ведь, скажем, грузинское государство возникло и также существует на основе этого права на самоопределение грузинского народа. Почему же этого права должен лишаться другой народ?». Тут, полагаем, вспомнив, грузинские претензии к абхазам, журналист, не выдержав, просто сорвался: «Потому что, – эмоционально продолжил он нить разговора, – скажут вам, в Абхазии живут не только абхазцы, здесь, прежде всего (исключительно грузинская версия трактовки проблемы – В. Ч.), живут грузины…». Такая вот аргументация территориальных притязаний Грузии к Абхазии.

Приведем и такое высказывание журналиста, явно выдающее недовольство и раздражение Тбилиси, когда, например, Караулов, по существу, в вопросительной форме предлагает В. Ардзинба следующее: «А может быть, для начала, для спокойного обсуждения всех этих вопросов Абхазии отказаться от идеи вхождения в состав России?». На что Владислав Григорьевич четко и откровенно, явно предупреждая стороны, замешанные в грузино-абхазском конфликте, заявляет: «Я думаю, ни от какой идеи нам отказываться не надо, потому что, как я уже подчеркнул, если мы не найдем пути решения этого вопроса в том плане, как мы обратились к руководству России (о взятии Абхазии под российское покровительство – В. Ч.), то, естественно, есть и другой путь. Скажем, есть путь создания государства, которое не будет входить ни в состав России, ни в состав Грузии (о подобном статусе Абхазии говорится в письме В. Ардзинба в адрес Генсека ООН от 21 мая 1993 года – В. Ч.), демократического государства, которое будет демилитаризованной зоной, потому что надо ведь учитывать специфику Абхазии. Это ведь уникальный регион и с экономической, и с других точек зрения. Он может стать местом, где смогут отдыхать люди не только, как раньше со всего Советского Союза, но и со всего мира»[1].

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 68 – 69.

Таким образом, «каверзные», с грузинской начинкой, вопросы задавал Андрей Караулов, один из самых титулованных тележурналистов России. Владислав Ардзинба, в свою очередь, обстоятельными и аргументированными ответами, сумел довести до российской общественности правдивую информацию о войне в Абхазии. И, вместе с тем, эффективно распорядившись представленным на экране временем, выставить на «суд» российских телезрителей виновников войны – агрессивных грузинских националистов в обличье руководителей Грузии.

В этом плане следует отметить успешное сотрудничество главы Абхазии со всеми средствами информации. Также необходимо подчеркнуть, что в целом российские СМИ, невзирая на политические и иные воззрения редакций и журналистов, во взаимодействии с В. Ардзинба сыграли весомую роль в информационном обеспечении населения великой России, в освещении, в основном на реальной основе, событий, происходивших в течение всего периода грузино-абхазской войны.

К тому времени грузино-абхазская война вступала в последнюю фазу – это июльская и сентябрьские военные операции, приведшие к окончательному разгрому оккупационных войск, военному и политическому поражению имперской Грузии.

Активные наступательные действия Абхазской армии развернулись с начала июля 1993 года. «В ночь с 1 на 2 июля Сухум подвергся самому мощному артиллерийскому обстрелу с начала войны. Утром 2 июля значительный абхазский морской десант из Гудаут (командир Лакут Зарандия) при поддержке малых катеров военно-морских сил Абхазии был высажен в районе села Тамыш на Восточном фронте. До 300 абхазских десантников вместе с конфедератами и казаками соединились с местными партизанскими отрядами и перерезали трассу Сухум – Тбилиси. Грузинская армия в Сухуме оказалась в окружении. Шеварднадзе после брюссельского визита (в ходе которого руководство НАТО пообещало поддержку грузинскому лидеру – В. Ч.) срочно вылетел 2 июля в Сухум,

куда «перенес управление страной». Грузинская армия была брошена против десанта на Восточный фронт, где разгорелись ожесточенные бои. Но в это время с противоположной стороны началось мощное наступление на Сухум. Абхазская армия прорвала Гумистинский фронт и овладела рядом стратегически важных высот в направлении Шрома – Ахалшени, в восьми километрах от столицы Абхазии»[1].

С самого начала боевых действий Абхазской армии была задействована активная политическая деятельность абхазского руководства. Еще накануне наступления абхазских военных в адрес Генсека ООН Бутроса Бутроса Гали и Президента Б. Н. Ельцина обратился многотысячный сход народа Абхазии в селе Лыхны, состоявшийся 18 июня 1993 года. Также и средства информации отмечали, что простые люди, подвергшиеся агрессии, просили высоких политиков «возвысить свой голос в защиту прав человека, тех граждан Республики Абхазия, которым угрожают физическим истреблением, воздействовать на Грузию, которая не соблюдает элементарные нормы прав человека, проводя самую разнузданную человеконенавистническую политику»[2].

В адрес заместителя Генерального секретаря ООН по политическим вопросам М. Голдинга обратился 5 июля Глава Абхазии В. Ардзинба с предложением, в котором отмечалось: «Мы выражаем искреннюю признательность за стремление отправить в зону грузино-абхазской войны военных наблюдателей ООН. Однако, на наш взгляд, до решения этого вопроса было бы весьма важным для ООН получить от Абхазской и Грузинской сторон обязательства, подтверждающие их стремление к прекращению войны в Абхазии. Это, в первую очередь, обязательства: о прекращении огня; о выводе войск из Абхазии в течение 10–15-дневный срок с момента прекращения огня всех вооруженных формирований

[1] С. Лакоба. Абхазия де – факто или Грузия де-юре? Саппоро, 2001. С. 68.

[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. в документах. Сухум, 2004. С. 352- 354.

Республики Грузия; разоружении и расформировании подразделений, созданных из числа граждан Абхазии на занятой грузинскими войсками территории; об одновременном выводе из Абхазии добровольческих отрядов; о создании сторонами конфликта необходимых условий для ввода и функционирования военных наблюдателей ООН и миротворческих сил. При этом доводим до Вашего сведения, что руководство Республики Абхазия, со своей стороны, гарантирует выполнение вышеперечисленных обязательств. Принятие Вами наших предложений создаст возможность размещения, на первом этапе, военных наблюдателей по обе стороны фронта и дальнейшего продвижения по пути полномасштабного урегулирования в Абхазии. Решение же вопроса о размещении военных наблюдателей ООН только на грузинской стороне, без учета выдвинутых нами предложений, явится нарушением прав и игнорированием интересов Абхазии как одной из сторон конфликта»[1].

В течение июльского наступления абхазских войск В. Ардзинба дважды обращался к главе России. В первом письме (8 июля) он довольно сдержанно сообщал, что «по инициативе министра иностранных дел России А. Козырева на границе между Российской Федерацией и Абхазией по реке Псоу в ближайшие дни вводится визовый режим пропуска граждан». Осуществление этого намерения, которое поставило бы в крайне тяжелое положение население Абхазии, более 80 тысяч которого составляют русские, ни в коей мере не отвечает национальным интересам самой России. В завершение обращения отмечалось, что «полномасштабное урегулирование войны в Абхазии мы видим, прежде всего, в незамедлительном выводе грузинских оккупационных войск с территории нашей республики, о чем Вами неоднократно заявлялось с августа 1992 года»[2].

[1] Там же. С. 355.

[2] Там же. С, 357.

Следующее обращение (18 июля) к главе России написано в ином стиле, более теплом и эмоциональном. Как известно, в это время с ожесточенными боями шло продвижение Абхазской армии к Сухуму. Уже делались попытки остановить абхазов политическим и иными способами, например, установлением визового режима с подачи американской креатуры в Российском руководстве А. Козырева, о чем говорилось выше. В этих условиях очень вежливо и мягко излагал в своем послании ситуацию президенту России Владислав Ардзинба. Он, в частности, отмечал: «Народ и руководство признательны Вам за огромные усилия, направленные на прекращение войны против Абхазии. Руководство Абхазии с огромным уважением относится к Вашим инициативам. Так, узнав о том, что именно Вы на переговорах в г. Москве предложили установить конкретный срок прекращения огня, мы прекратили его с 20 мая сего года. На встрече с Вашими представителями в г. Сочи и Гудаута 14 июля сего года мы согласились с формулировками статей проекта Соглашения, на которых настаивали Ваши представители. Мы пошли на это в ущерб своим интересам, стремясь поддержать Ваши усилия по установлению мира, и рассчитываем на то, что Вы, как и прежде, не оставите нас одних в беде… Я обращаюсь к Вам с просьбой оказать соответствующее влияние на грузинскую сторону с тем, чтобы и она пошла на определенные уступки. Вместе с тем, вновь обращаюсь к Вам с просьбой предоставить возможность встретиться с Вами в любое удобное для Вас время… С надеждой на Ваше участие»[1].

Анализ средств информации – абхазских, грузинских, российских – подтверждает, что июльский 1993 года наступательный порыв абхазских формирований сильно обеспокоил Шеварднадзе и его опекунов. В Тбилиси и Сухум зачастили дипломатические представители западных стран, также в центр абхазского сопротивления – Гудауту был командирован зам. министра иностранных дел

[1] Там же. С. 366.

РФ, спецпредставитель Российского руководства Б. Пастухов, которому было поручено убедить В. Ардзинба остановить абхазские войска на подступах к Сухуму. «Пастухов считал, что Абхазская армия должна нависать над Сухумом, но ни в коем случае не брать город. «В противном случае, – сказал он, – Россия откажется от своих посреднических усилий». Из Гудауты он отправился в Сухум, а затем вылетел в Тбилиси. Результатом дипломатических усилий стало «Сочинское соглашение», подписанное 27 июля 1993 года грузинской, абхазской и российской сторонами, которое предусматривало прекращение огня, вывод грузинской армии из Абхазии, «возвращение законного правительства» в Сухум. Грузия была потрясена и деморализована»[1].

Кстати, у автора этих строк состоялась короткая беседа с кремлевским посланцем во время той самой сессии Абхазского парламента, обсуждавшего вопрос о перемирии с грузинами. Приведу отрывок из очерка «Да, это я – Борис Пастухов…»: «… Перед началом сессии Верховного Совета я занимался выпуском газеты в типографии. Чувствовал, что опаздываю на заседание, на котором должны принять решение: быть или не быть очередному перемирию с грузинами… С такими мыслями я вошел в здание Гудаутской районной Администрации и направился в зал заседаний, где должны были собраться депутаты Верховного Совета. Посмотрев на часы, понял, что опаздываю весьма прилично: минут на тридцать. Тем не менее, поднявшись на второй этаж, вхожу, как я тогда называл прихожую, в предбанник, тускло освещавшийся слабосильной лампочкой. Здесь, за неимением соответствующего места, иногда в углу, я хранил в первые дни войны энное количество газет – так называемый архив (газеты «Республика Абхазия»). Собрался было, открыв дверь, войти внутрь, в зал заседаний, как в этот момент мое внимание привлек силуэт человека, сидевшего в одиночестве на одном из двух стоявших здесь стульев. Попытался

[1] С. Лакоба. Абхазия де – факто или Грузия де-юре? Саппоро,2001. С. 69.

разглядеть незнакомца с поблескивающими очками на лице, как и я, подумалось, опоздавшего на сессию. В это время, в ответ на мое пристальное внимание, из полутемного угла раздалось: «Да, да, молодой человек, это я, Борис Пастухов, заместитель министра небольшой страны – России, сижу в прихожей Верховного Совета великой Абхазии. И терпеливо жду решения депутатов: быть ли миру или войне?». Я вначале растерялся. Не верилось, что в «предбаннике» сидит спецпредставитель президента Российской Федерации. Но факт оказался налицо. Мне было совестно, оставив гостя в одиночестве, пройти в зал заседаний. К тому же я видел, что здорово припозднился. И потому, раздумав идти на сессию, присел рядышком с Борисом Николаевичем. И, видимо, в знак благодарности Пастухов вкратце поведал мне суть происшедшего. – «К началу работы сессии я был в зале, даже выступил с сообщением о желании России остановить войну, начать переговоры о мире, об условиях, на которые согласна Грузия. Все шло вроде нормально. Затем, перед обсуждением этих предложений, – заметил Пастухов спокойным тоном, но не без доли сарказма в голосе, – Владислав Григорьевич предложил покинуть сессию, сказав, что мне сообщат решение депутатов. И вот я здесь, в прихожей: жду, как велено, вердикта абхазских парламентариев»[1].

Владислав, как всегда, был прав. И вот почему. В связи с этим вспоминается такой эпизод. Цитирую по выше упомянутому очерку: «Главнокомандующий Вооруженными Силами выступает с экрана телевидения с призывом к населению поддержать войска, штурмующие столицу Абхазии – Сухум. После обращения Ардзинба, на следующее утро в Гудаутский райвоенкомат явилось подкрепление, которое Владислав Григорьевич незамедлительно… отослал по домам. А случилось это так. После сообщения из военкомата, Владислав решил сам посмотреть на новобранцев, от которых, возможно, зависел успех наступления. На небольшой

[1] В. Чамагуа. Эпоха Владислава, Хроники. Сухум, 2013. С. 207 – 209.

площади стояли рядами, отдельно друг от друга, старики и подростки, пришедшие по призыву Главнокомандующего. Возраст одних явно превышал 60-летний рубеж, а то и более лет. Чуть дальше, было видно, выстроились совсем юные, по всему ученики восьмых, девятых и десятых классов. Владислав Григорьевич тогда, долгим и пристальным взглядом окинув собравшихся, громко, во весь голос скомандовал: «Приказываю, до особого случая, всем разойтись по домам!». Он в этот момент, как вспоминал много позднее, прямо – таки кожей ощутил, какова цена наступления наших Вооруженных Сил. Резерва практически не было. Народ, истекая кровью, выжимал из себя все, что было в его силах. Разве должен был знать об этом тот же Пастухов?»[1].

Уже в мирное время я напомнил Владиславу о том, что он в июле 1993 года выставил с заседания сессии парламента представителя Ельцина. На это он отвечал так: «Пастухова никто не выставлял. Понятно, что тогда решался вопрос продолжения войны или перемирия с грузинами. Дело это сугубо абхазское. И посторонним при обсуждении подобных вопросов на сессии быть не рекомендуется. Тем более, что Пастухов был заинтересованным лицом. Это Россия поставила вопрос и добилась Сочинских соглашений от 27 июля 1993 года. И с подачи Грузии. Мы уже находились на подступах к Сухуму, грузинские войска были деморализованы. Шеварднадзе испугался, что не удержит город. В российские планы не вписывалась победа абхазов и поражение грузин»[2].

Перемирие оказалось ложным. Оно было принято под давлением России для спасения от разгрома грузинской армии. Но и положение абхазских войск, несмотря на взятие ряда господствующих высот над Сухумом, было тяжелым. Свидетельством тому воспоминания первого заместителя министра обороны Абхазии Гурама Допуа, который отмечал: «В ночь на 18 июля я был назначен руководителем оперативной группы со всеми вытекающими отсюда полномочиями. На следующий день я пришел на высоту «920» к Султану (Министр обороны Сосналиев – В. Ч.). Ему-то было все понятно, но никакой растерянности я не заметил, напротив, видел, как упорно он ищет выход из ситуации. Дальше, вниз на «девятку», – беседа с Сергеем Платоновичем (начальник Генерального штаба Дбар – В. Ч.). Дальше – Шрома. Вторая бригада таяла на глазах… Тяжелый боекомплект был почти на исходе... Владислав Григорьевич потребовал ежесуточного доклада в 20 часов. С бешеной скоростью бежали сутки... 23 или 24 июля на высоте «920» было принято решение – закрепить занятый восточный склон высоты, развилку дорог Шрома – Ахалшени, сохранить максимальное присутствие по левому берегу реки Гумиста, из населенных пунктов вывести остатки батальонов. Докладывать Верховному было поручено мне. Докладывал ночью в Красном доме, при свете настольной лампы. Постарался как можно сдержаннее и спокойнее изложить суть закрепленного успеха и необходимость объявления перемирия, о чем уже давно просила грузинская сторона (посредством Москвы, разумеется – В. Ч.). Реакция была очень бурной. Его можно было понять, теперь вся ответственность ложилась только на одного человека. Пришлось привести последние аргументы – по состоянию на текущий момент у нас выведено из строя более 2300 человек личного состава, тяжелый БК (боекомплект – В. Ч.) почти исчерпан… К исходу дня 26 июля перемирие было объявлено»[1].

Подчеркивая значение июльской операции, Г. Допуа говорит: «Июльская операция, по замыслу, была той самой успешной операцией, которую удалось реализовать только в сентябре. Причем в июле мы располагали довольно хорошим запасом БК и ГСМ (горюче-смазочными материалами – В. Ч.). Например, в июле тяжелого боекомплекта у нас было втрое больше, чем в сентябре. Однако

[1] Там же. С. 207.
[2] Там же. С. 206.

[1] Честь дороже жизни. Книга жизни генерала Сосналиева. (Автор-составитель Г. Аламиа). Сухум, 2012. С. 100 – 101.

дело пошло не по заданному сценарию. Сработал синдром неудач в январе и марте. Вместо того, чтобы продвигаться по направлению к Келасуру «по верху», в обход населенных пунктов, затем по флангу, прижимая противника к Сухуму, занять главенствующие высоты и, насквозь простреливая с них позиции и коммуникации противника, парализовать любое его перемещение, часть наших батальонов вошли в населенные пункты, где оказались под шквальным огнем артиллерии. В это же время другие батальоны начали теснить противника вдоль линии фронта с северо-востока на юго-запад, штурмуя высоты, занятые глубокоэшелонированными и плотно заминированными подразделениями. Несмотря на проявленный массовый героизм, значительные потери, огромное количество раненых, общий план операции был сорван. В то же время Восточный фронт четко выполнил свою задачу, аккуратно захлопнув все коммуникации противника»[1].

Об этом в своем приказе, в образной форме, наш Главнокомандующий отмечал: «Как 300 спартанцев, 300 десантников вызвали огонь на себя, парализовали действия стратегического грузинского резерва, чем во многом облегчили проведение основной операции и, выполнив поставленную задачу, взорвали железнодорожный, автомобильный мосты и отошли по приказу командования к заранее определенному месту дислокации. Отмечая высокое военное мастерство, мужество и героизм, проявленный бойцами при проведении в Очамчирском районе десантной операции, приказываю: 1. Всему личному составу десанта, подразделений Военно-Морских Сил и Восточного фронта, обеспечившему переброску и высадку десанта на подготовленном плацдарме, объявить благодарность…»[2].

Не один пункт Сочинского соглашения, официально принятого 27 июля, не был выполнен, в том числе и самый главный – о выводе грузинских войск из Абхазии. Во второй половине июля, еще до подписания Соглашения, В. Ардзинба, полагаем, уже понимал, что грузины не станут выполнять предложенные российской стороной мирные обязательства, и что мирным путем вряд ли изгнать оккупантов из пределов Абхазии. Но он был вынужден дать согласие на требования Москвы остановить наступление. Так, 20 июля, выступая на пресс-конференции перед местными и иностранными журналистами в Гудауте, он, в частности, отмечал, что «при посредничестве России продолжается поиск возможности прекращения войны политическими путями. К сожалению, Грузия пытается всячески затянуть подписание Соглашения о прекращении войны и выводе своих войск с территории Абхазии». Он также заявил о том, что «если в ближайшее время не будет решен вопрос мирного урегулирования военного конфликта между двумя государствами, то Вооруженные Силы Республики Абхазия готовы освободить свою столицу и оккупированную часть республики силой. Для этого у нас есть все необходимые средства…»[1]. Во время же встречи главы Абхазии Владислава Ардзинба с личным представителем Генерального секретаря ООН Эдвардом Бруннером в Сочи 31 июля была подчеркнута «необходимость активных действий со стороны ООН, в первую очередь оперативного решения вопросов, связанных с направлением в Абхазию наблюдателей ООН и миротворческих сил». Владислав Ардзинба заверил личного представителя Генерального секретаря ООН в том, что «абхазская сторона строго и неукоснительно выполняет все пункты Соглашения о прекращении войны в Абхазии». Он также заявил, что «если с грузинской стороны будет допущено невыполнение Соглашения и в особенности его основных положений – вывод грузинских войск и восстановление законных органов власти Абхазии, то в этом случае вся ответственность за дальнейшее развитие событий целиком и полностью ляжет на грузинскую сторону»[2].

[1] Там же. С. 100.

[2] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 79.

[1] Газета «Республика Абхазия», 22 июля 1993 года.

[2] Газета «Республика Абхазия», 5 августа 1993 года.

Позже, во время Московской встречи Ардзинба и Ельцина 24 августа 1993 года, средства массовой информации отмечали, что абхазский лидер обратил внимание президента России на то, что «Грузия практически сорвала предусмотренный Соглашением вывод войск с территории Абхазии… «Трагедией Сочинского Соглашения» назвал Ардзинба стремление грузинской стороны оспорить и поставить под сомнение статью соглашения, предусматривавшую возобновление деятельности законных органов власти на всей территории Абхазии»[1].

Кстати, в ту пору многие средства информации отмечали тупиковую ситуацию, создавшуюся в грузино-абхазском противостоянии после Сочинского соглашения 27 июля. Грузинские СМИ, понятное дело, винили в том абхазскую сторону, российские власти, звиадистов, в общем, всех, кроме агрессивной политики руководства мини-империи и грузинской «пятой колонны» в Абхазии. В российских изданиях разброс мнений имел более широкий спектр. К тому же внимание тамошних СМИ с некоторых пор было занято большей частью непримиримым противостоянием Кремля и «Белого дома», то есть исполнительной и законодательной властями. Иное дело – абхазские средства информации. Сложившаяся ситуация «ни войны, ни мира» получила активное отражение и на страницах печати, на радио и телевидении. Примером тому статья в «Республике Абхазия», опубликованная накануне судьбоносного Сентябрьского наступления абхазской армии. В ней, в частности, говорилось: «Прошло уже полтора месяца после подписания тремя сторонами Соглашения о прекращении огня в Абхазии. В нем четко, черным по белому обозначены временные рамки вывода грузинских войск, восстановление законных органов власти республики, реализация других пунктов документа. Что же мы имеем на деле? Ни то, ни другое не выполнено… Подписывая трехсто-

[1] А. Ф. Авидзба. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). КнигаII. Сухум, 2013. С. 381.

ронее Соглашение, абхазская сторона в значительной мере рассчитывала на российские гарантии в смысле безусловного выполнения грузинской стороной взятых обязательств. К сожалению, этого не произошло. Сорван график вывода бронетехники, артиллерии, личного состава с территории Абхазии. Грузинская сторона умышленно загоняет в тупик вопрос восстановления законных органов власти. Тем самым по существу подвергаются ревизии положения Соглашения о прекращении огня. Так спрашивается, почему же не сработалигарантии великой державы в выполнении графика Соглашения? Думается, не последнюю роль в том сыграли нынешние события в Мегрелии. Российское руководство, безусловно, обеспокоено действиями сторонников экс-президента Гамсахурдия, имеющего призрачный, но шанс на возвращение в Тбилиси… нельзя исключать и того, что недавний визит в Тбилиси российского министра обороны в определенной мере связан с ситуацией в западной Грузии. Чрезмерная уступчивость тбилисского руководства в разрешении проблемы российских военных баз, о чем мы узнали из печати, могла быть связана с подтверждением поддержки Шеварднадзе… Наконец, вполне логичен в этой связи и отзыв в Москву Сергея Шойгу, руководителя российской части Объединенной комиссии, на фоне почти что провала Соглашения, все пункты которого, за исключением прекращения огня, не выполнены. О чем все это говорит? Не о том ли, что грузинская сторона пытается достичь, во-первых, продления по мере возможности состояния оккупации Сухума и восточной части Абхазии; во-вторых, по всей видимости, не желает расставаться с планами раздела республики по Гумисте, считая это своего рода программой минимум на данном этапе… Разве не подтверждается это и отсутствием всех тех санкций, которыми руководители России предупреждали участников Соглашения, в случае его невыполнения. Так, что угрозы эти, как и недавнее заявление МИДа России, не более чем слова. Посему, учитывая вышеупомянутые и иные реалий нынешней обстановки, говорить только о мирном решении грузи-

но-абхазского противостояния и не видеть иной альтернативы, на наш взгляд, было бы не оправдано и весьма беспечно…»[1].

Таким образом, журналисты также констатировали ситуацию, в которой оказалась Абхазия. На то был общественный запрос, связанный с беспокойством по поводу будущей перспективы народа и страны абхазов. Политическое руководство и военные, в свою очередь, принимали решения, которые на этот раз, слава Богу, были столь засекречены, что ни Москва, ни Тбилиси, о том не ведали. Это, безусловно, и привело к успеху наступления и победе, а в результате – окончательному провалу агрессивных планов руководства Грузии, и ее покровителей. В том числе и по части тайных планов по расчленению Абхазии, к чему приложили руки дипломаты и политики не только Грузии, но России, США, Германии, Франции, Великобритании. Свидетельство тому – записи приватных переговоров послов США и Германии на эту тему, оказавшиеся в распоряжении абхазских властей. О том же писал, в частности, глава Абхазии В. Ардзинба Генеральному секретарю ООН К. Аннану в своем обращении 16 сентября 1993 года, в котором отмечал следующее обстоятельство: «Особо, на наш взгляд, следует сказать и о карте, прилагаемой к Докладу Генерального секретаря ООН, на которой Республика Абхазия изображена подчеркнуто разделенной по реке Гумиста и с грузинским названием «Абхазети». Эта карта подтверждает не скрываемое намерение руководства Грузии в отношении территории Абхазии – разделения ее на две части с осуществлением этнической чистки. Остается только сожалеть, что такая карта тиражируется в официальных документах ООН»[2].

Наличие подобного коварного сценария, причем не только с подачи Тбилиси (грузины как раз были заинтересованы в том не в меньшей степени), но и политических деятелей более влиятельных стран, подтверждают высказывания Андрея Козырева

[1] Газета Республика Абхазия». №43, 16 сентября 1993 года.

[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. в документах. Сухум, 2004. С. 387.

– главы внешнеполитического ведомства России. По этому поводу С. Лакоба отмечал: «никто в Москве не ожидал, что в течение всего лишь трех дней после падения Сухума абхазы возьмут под контроль практически всю территорию Абхазии… Это никак не вписывалось в планы режиссеров-постановщиков, т. к. затрудняло проведение политики «разделяй и властвуй» в самой Абхазии. Позднее последовали циничные заявления А. Козырева о якобы территориальных приобретениях абхазов. Под «приобретениями» имелась в виду отвоеванная столица Абхазии, что вызвало возмущение у многонационального населения республики и у северо-кавказцев»[1].

Эти и другие факторы побуждали абхазское руководство проявить политическую волю и, вопреки планам «сильных мира сего», ускорить освобождение оккупированных территорий страны. И надо отдать должное главе Абхазии, который, разумеется, должен был наметить час «икс». И это время, безусловно, определенное Владиславом Ардзинба, благоприятствовало успеху задуманной военной операции. В тот период, по большому счету, руководству России было не до проблем Абхазии и Грузии. Между российскими властными структурами происходила политическая схватка, и, как говорится, не на жизнь, а на смерть. В высшем эшелоне власти схватились меж собой исполнительная власть в лице Б. Ельцина и законодательная – то есть, руководство Верховного Совета России.

Анализируя ситуацию в Абхазии в преддверие завершающего этапа войны, исследователь В. Пачулия подчеркивал: «Уже 9 сентября 1993 года стало окончательно ясно, что грузинская сторона не собирается выполнять Сочинское соглашение. В этот день по условиям соглашения в Сухум должно было вернуться законное абхазское руководство из Гудауты. Вместо этого именно 9 сентября грузинские оккупационные власти организовали в Сухуме митинг, на котором было заявлено: «Абхазов в Сухум не пустим!»… С учетом

[1] С. Лакоба. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? Саппоро, 2001. С. 81.

новых обстоятельств Генштаб (Вооруженных Сил – В. Ч.)Абхазии приступил к разработке широкомасштабной операции по освобождению столицы Абхазии и всей оккупированной территории республики. План операции был разработан двумя генералами: министром обороны РА генерал-майором С. А. Сосналиевым и начальником Генерального Штаба генерал – майором С. П. Дбаром. Разработка плана операции проходила под непосредственным руководством Главнокомандующего Вооруженными Силами Республики Абхазия В. Г. Ардзинба»[1].

Обратимся снова к непосредственному участнику тех событий первому зам. министра обороны РА Г. Допуа, который отмечал: «Сентябрьская операция, по сути, – не претерпевший каких-либо существенных изменений вариант Июльской. Казалось бы, внезапное перебазирование штаба было явлением спонтанным, но Султан (Сосналиев – В. Ч.) еще до июльской операции поставил такую задачу! Теперь у нас был штаб, вынесенный из города, где… была создана жесткая система ограничения доступа. В новом штабе Султан поставил работу так, что даже Сергей Платонович (Дбар – В. Ч.) покинул на некоторое время фронт и занял рабочее место начальника штаба (имеется в виду Генеральный Штаб Министерства обороны – В. Ч.). Работа закипела: осуществлялась корректировка планов после основательной проработки разведданных, шифрованная переписка с Восточным фронтом, проводилась индивидуальная работа с командирами. Все считали себя виновными в неуспехе Июльской операции и теперь работали на окончательный результат, в успехе которого никто не сомневался – стремились только к минимизации потерь. Войска были в постоянной готовности, созданные в июле плацдармы на левом берегу реки Гумиста наращивались личным составом и вооружением»[2].

1 В. М. Пачулия. Грузино-абхазская война 1992–1993 гг. (боевые действия). Сухум, 2010. С. 225 – 226.

2 Честь дороже жизни. Книга жизни генерала Сосналиева. (Автор проекта – Г. Аламиа). Сухум, 2012. С. 101 – 102.

Далее приведу отрывки из эмоционального и, вместе с тем, образного и реалистичного радиорепортажа с места боев за Сухум военного корреспондента Абхазского радио Олега Шамба: «Вот он, как на ладони, наш родной Сухум – столица древней Апсны. С высоты Бирцха невооруженным взглядом четко видны общественные здания, улицы, парки… После мощного артиллерийского огня на подавление боевых позиций противника ринулся в атаку батальон Аки Ардзинба и спустя полчаса по рации мы услышали спокойный, уверенный голос командира: «Высота полностью контролируется нами, захвачены артиллерийские установки и много боеприпасов». Итак, последний оплот грузинских гвардейцев пал. В информации Министерства обороны Республики Абхазия скупо прозвучало: «Все стратегические высоты над Сухумом контролируются Вооруженными Силами Республики Абхазия». Всего одно предложение, а сколько кроется труда, отваги и героизма наших парней, сколько жизней отдано для подготовки плацдарма для освобождения нашей столицы! Невольно вспомнил геройски погибшего Мушни Хварцкия, все время твердившего: «Ребята, не забывайте, в первую очередь, надо контролировать высоты, в этом залог нашей победы…»[1].

А что же, тем временем, происходит в стане врага? Там, вот уже десятый день агонизирует политическое руководство Грузии и военное командование. Процессы те же самые, только масштабы меньше, что имели место в мае 1945 года в Берлине. Тогда окружение Гитлера уповало на милость англо-американцев, в случае с грузинами окружение Шеварднадзе также наделось на помощь западных стран, в частности, на войска НАТО. В этой связи исследователь С. Лакоба отмечал: «Находившийся в Сухуме во время штурма глава миссии ООН генерал Джон Хвидегард (Видигор) рассказал автору этих строк (С. Лакоба – В. Ч.) в 1994 г. об одном ин-

1 Олег Шамба. Летопись войны. Грузинские беженцы: кто они? Сухум, 2007. С. 330 – 333.

тересном эпизоде, который потряс его. Члены грузинского правительства перед самым падением Сухума собрались на берегу моря (на территории военного санатория) и стали вглядываться вдаль с помощью бинокля. Когда генерал спросил, что происходит, они начали его возбужденно убеждать, что вот-вот в Сухуме должен высадиться пятитысячный десант НАТО. Хвидегард заявил им об абсурдности этой информации, на что ему уверенно ответили, ну, мол, не пять, но две-три тысячи точно, просто генерал не в курсе… По всей видимости, Шеварднадзе не только себя убедил в прямом западном военном вмешательстве, но и внушил эту мысль своему окружению…»[1].

Реальную военную поддержку Грузии вначале предложила Россия, но уж точно не Запад. В первые дни абхазского наступления, 18 сентября, по свидетельству зам. министра обороны Грузии, генерала Л. Шарашенидзе «в Адлере состоялась встреча Грачева с Шеварднадзе, Каркарашвили, министром безопасности Батиашвили. Грачев предложил ввести в Грузию две воздушно – десантные дивизии – Псковскую и Тульскую. На это предложение болезненно отреагировал Каркарашвили, заявив, что это будет новой оккупацией Грузии, и он уйдет в отставку, а Шеварднадзе промолчал, тем самым отказав в согласии на ввод российских войск. Так мне говорил сам Грачев, в присутствии начальника Генерального штаба М. П. Колесникова», - возвратившись из Адлера, отмечает Шарашенидзе… «Я тут же позвонил Шеварднадзе и доложил ему об этом, он мне предложил немедленно вылететь в Сухуми с подготовленным нами проектом статуса Российских войск в Закавказье. Поздно ночью 19 сентября я прилетел в осажденный город, где на окраинах шли уличные бои. Единого управления не было… За полночь я прибыл к Шеварднадзе и доложил ему проект статуса российских войск и попросил его согласиться с предложением П. С. Грачева о вводе в Грузию дивизий и с вступлением в СНГ. Подождем пару дней», – ответил мне Шеварднадзе»[1].

Это поведение Шеварднадзе вполне понятно: он ждал помощи от своих западных партнеров из стран - «друзей» Грузии, от руководителей ООН, НАТО, СБСЕ. Ведь на все его обращения и письма были благожелательные ответы. Также и при личных контактах: главу Грузии обнадеживали, обещали помощь и поддержку, и не только в связи с абхазским «сепаратизмом», но и от поползновений «имперских» амбиций России. Грузинский лидер, лелеявший планы по интеграции своей страны в Европейские структуры, сознавал, что со вступлением в СНГ, их придется отложить, и, возможно, надолго. А как это объяснить сподвижникам, грузинской элите? Могут и сместить с властного олимпа, благо желающих на его место предостаточно. К тому же и абхазское наступление набирает силу и мощь…

По этому поводу генерал Шарашенидзе вспоминал: «Прошли три дня. 23 сентября Шеварднадзе объявляет о согласии ввести десантные дивизии в Абхазию и просит срочно позвонить Грачеву и сообщить эму об этом. – «А с вступлением в СНГ немного подождем», – сказал мне Шеварднадзе… С Грачевым созвониться не удалось, а начальник Генштаба М.П. Колесников, выслушав меня, сказал: «Поезд ушел, ни одного солдата никуда двинуть не можем…». В то время уже начались известные события у Белого дома»[2].

И тогда Эдуард Амвросиевич забил настоящую тревогу: он понял, что грузинская драма на абхазских подмостках завершает свой последний акт. Хотя и припозднившись, но все же «26 сентября Шеварднадзе обращается с письмом к Б. Ельцину, В. Черномырдину, П. Грачеву. В нем глава Грузии прямо заявляет о своей готовности вступить в СНГ. Интересно, что этот исторический документ был направлен из Сухума, в котором Шеварднадзе оказался в качестве политического заложника. Ему, попавшему в

[1] С. Лакоба. Абхазия – де-факто или Грузия – де-юре? Саппоро, 2001. С. 75 – 76.

[1] http://apsnyteka.Org./1553-lakoba_s_byvshy_mynystr_oborony_o_voin_i_situatsii_vokrug_abkhazii_1992_1993.html

[2] Там же.

капкан, и в страшном сне не могло присниться, что он, в качестве пленника, будет умолять руководство России о спасении не только Грузии, но и своей жизни. В своем письме, за день до освобождения столицы Абхазии, он, в частности, пишет: «В Сухуми создалась катастрофическая ситуация – опасность падения города реальна. На улицах идут рукопашные бои, погибают сотни невинных людей. Единственное спасение сейчас заключается в немедленном задействовании в качестве миротворческих сил частей десантных войск, дислоцированных в Грузии… Исходя из вышеизложенного, убедительно прошу Вас, Борис Николаевич, спасти Грузию. Сообщаю Вам, если это сейчас имеет значение, что мною принято решение о вступлении Грузии в Содружество Независимых Государств. Мы согласны ввести в зону конфликта военные части, предложенные генералом Павлом Грачевым на встрече в Сочи»[1].

Но было уже поздно договариваться за спиной у абхазов. Оставались даже не дни, а часы до полного освобождения Сухума. Так определяет в своем фронтовом репортаже победоносную ситуацию военный корреспондент Абхазского радио Олег Шамба:«А между тем, кольцо окружения Сухума сужается. Мы находимся в штабе, в непосредственной близости от передовых позиций. Четко даются команды, на машинах подъезжают бойцы, командованием они сразу направляются в районы боев, а их немало. Наступление идет одновременно с Одишского направления, улицы Чанба, кладбища Михайловки, Сухумской горы… Последние сообщения свидетельствуют об освобождении многих районов Сухума. Освобожден старый микрорайон, большая группировка грузинских гвардейцев оказалась в окружении на Лечкопском плато… И вот флаг Республики Абхазия развевается над железнодорожным вокзалом Сухума… Недалек час освобождения нашей Родины»[2].

[1] http://apsnyteka.Org./1553-lakoba_s_byvshy_mynystr_oborony_o_voin_i_situatsii_vokrug_abkhazii_1992_1993.html

[2] Олег Шамба. Летопись войны. Грузинские беженцы: кто они? Сухум, 2007. С. 333.

… И этот час наступил. Газета «Республика Абхазия» в то поистине судьбоносное время отмечала: «Освобожден город Сухум – столица Абхазии! С победой тебя, народ Апсны! Вечная память павшим героям! Это великая победа абхазского народа, всех народов, вставших рядом с нами в тяжелейший период, когда решалась судьба наша: быть или не быть народу абхазскому. Народ наш не дрогнул, выдержал страшнейший натиск грузинского фашизма и, собравшись с силами, после года упорнейшего сопротивления, нанес решающий удар. Свершился акт возмездия: разгромлена грузинская военная группировка, освобожден древний Сухум – столица Абхазии…»[1].

Из оперативной сводки Министерства обороны Республики Абхазия: «27 сентября завершилась операция по освобождению столицы Республики Абхазия – города Сухума от грузинских оккупационных войск. Она длилась 12 дней и закончилась полной победой Вооруженных Сил РА. В ходе кровопролитных боев наши войска разгромили 2-ой армейский корпус противника, численностью до 12 тысяч человек, оснащенный большим количеством бронетехники, артиллерии и авиацией. Захвачено много трофейного вооружения, в том числе танки, БМП, артустановки и боеприпасы. 27 сентября в 13.30 у Дома правительства Абхазии в городе Сухуме завязался сильный бой. Через 2 часа здание было захвачено и над городом водружено знамя Победы. Вооруженные Силы продолжают наступление по всему фронту…»[2].

Заявление Министерства иностранных дел Республики Абхазия: «Командование Вооруженных Сил Республики Абхазия во избежание бессмысленного кровопролития неоднократно обращалось к грузинской стороне с предложением вывести войска из города Сухума в соответствии с Сочинским соглашением. Для этого вооруженным формированиям Грузии была предоставлена возможность выйти из города по безопасному коридору, создан-

[1] Газета «Республика Абхазия», 30 сентября 1993 года.

[2] Там же.

ному в северо-восточной части города. Однако, в связи с отказом грузинской стороны командование Вооруженных Сил Республики Абхазия было вынуждено продолжить операцию по освобождению столицы Абхазии города Сухума. В результате этой операции 27 сентября 1993 года значительная часть города взята под контроль Вооруженными Силами Республики Абхазия. В связи с сообщением средств массовой информации о том, что в городе продолжает находиться Эдуард Шеварднадзе, Министерство иностранных дел Республики Абхазия уполномочено заявить, что командование Вооруженных Сил Республики Абхазия готово предоставить возможность главе Грузии выехать за пределы суверенной Абхазии»[1].

Сообщение Министерства обороны РА: «27 сентября в 15.10 во время боя у Дома правительства Абхазии в городе Сухуме погиб фотокорреспондент ИТАР – ТАСС и Ассошейтед – пресс Андрей Соловьев. По данным МО РА Андрей Соловьев был убит снайперским выстрелом из Дома правительства охраной оккупационного правительства Абхазии во время съемок хода боевых действий»[2].

Анализ СМИ военного периода доказывает, что победа абхазского народа в грузино- абхазской войне явилась следствием симбиоза двух равнозначных и взаимодополняющих факторов. Это – единство и сплоченность народа и выдающаяся роль национального лидера в консолидации и организации усилий абхазского общества на сопротивление врагу. Также важнейшим условием победы абхазов явилось всесторонняя братская поддержка народов Северного Кавказа. При наличии таких трех весомых факторов, образовавшихся в первые месяцы войны усилием воли авангардной части абхазского народа и его лидера В. Ардзинба, у Грузии, даже при солидарности с нею западных стран и Ельцинской России, в перспективе никаких шансов на успешную реализацию своих агрессивных планов не оставалось.

[1] Газета «Республика Абхазия», 30 сентября 1993 года.

[2] Там же.

Из этих факторов вытекали остальные: «Абхазская государственность, абхазская армия, поддержка абхазов национальными общинами, добровольческое движение, традиционное крестьянское хозяйство, российский фактор, гуманитарная помощь народу Абхазии и др.»[1].

Абхазская государственность и абхазская армия не могли существовать и тем более бороться за право быть независимыми и свободными народу и государству без духовной и идейной основы. Проводниками этой освободительной идеологии являлись средства информации республики, стратегию и тактику которых на разных этапах борьбы направлял национальный лидер.

Стратегическими задачами абхазских СМИ в период войны являлись следующие установкиВ. Ардзинба: первое – всемерная защита Отечества от грузинских агрессоров, то есть война до победного конца. Второе – это известный постулат главы Абхазии о том, что переговорный процесс возможен лишь при условии полного вывода грузинских войск из Абхазии: «вначале вывод войск, затем – стол переговоров».

Тактические задачи средств информации вытекали из двух основных условий, и были нацелены на освещение и пропаганду героического подвига защитников родины, как жителей Абхазии, так и пришедших ей на подмогу добровольцев из разных республик СНГ, из дальнего зарубежья. Важное направление в деятельности СМИ Абхазии – это разоблачение агрессивной политики грузинских властей, как метрополии, так и местных оккупантов.

В. Ардзинба не только формировал информационную политику, но и сам непосредственно, с первых дней войны, включился в идейно-психологическую схватку с противником посредством печати, телевидения и радио. Он своими выступлениями, обращениями, пресс-конференциями, интервью, опубликованными в раз-

[1] В. М. Пачулиа. Грузино-абхазская война 1992–1993 (боевые действия).Сухум, 2010. С. 348 – 352.

личных СМИ, внес неоценимый вклад в идеологическое обеспечение справедливой борьбы абхазского народа за независимость от грузинской мини – империи.

Таким образом, национальный лидер и сформулированная и проводимая им информационная политика с активным участием абхазских СМИ, также и средств информации России, других стран, поддержавших справедливую борьбу абхазского народа против агрессора, в итоге позволили прорвать информационную блокаду, созданную на начальном этапе войны главой Грузии и его зарубежными покровителями. О том признался сам Э. Шеварднадзе, отметивший в свое время, что в период войны и в информационной схватке единоборство выиграли абхазские СМИ, выгодно отличавшиеся от грузинских средств информации.

Надо отметить, что организатором этой победы на информационном поле, как и самым активным ее участником, что явно заметно по выступлениям национального лидера в абхазских, российских и зарубежных СМИ, являлся глава Абхазии В. Ардзинба. Сегодня нельзя не признать, что умело поставленная усилиями Владислава Григорьевича в тяжелую военную пору информационная политика, сумела доказать мировому сообществу идейно – духовную правоту абхазского народа, отстоявшего свою свободу в кровопролитной войне с превосходящими силами грузинского агрессивного национализма.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В. АРДЗИНБА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1993 – 2005 гг.)

Основная, стратегическая цель абхазских СМИ в послевоенное время – это пропаганда и освещение процессов строительства новой абхазской государственности. Цели и задачи, которые формулировал глава Абхазии уже в мирное время, коренным образом отличались от условий военного периода. Тогда, в пору лихолетья, стояла одна задача – разгром и изгнание врага из пределов Абхазии. Теперь же спектр деятельности средств информации охватывал более широкий диапазон. Это – освещение проблем безопасности страны, переговорного процесса между Грузией и Абхазией под эгидой ООН и при посредничестве Российской Федерации. Также необходимо было противостоять политике изоляции победившей Абхазии посредством политических, экономических и информационных санкций, процессам, связанным с массовым и неконтролируемым возвращением беженцев.

Наряду с перечисленными проблемами, В. Ардзинба большое внимание уделял в политическом и информационном плане такой важнейшей сфере деятельности абхазских государственных и общественных структур, в том числе и СМИ, как пропаганда необходимости установления стратегического партнерства между Российской Федерацией и Республикой Абхазия. Он всегда подчеркивал в своих выступлениях, в том числе и в печати, что тесное

единства с кровнородственными народами Северного Кавказа является залогом безопасности абхазского народа и его государственности. Это подтвердила и минувшая война.

В то же время следует отметить, что в поствоенной Абхазии, оказавшейся в тисках жесткой блокады, со второй половины 90-х годов появились оппозиционные национальному лидеру и его политическому и экономическому курсу общественно-политические группировки и печатные издания. Абхазское общество стало постепенно фрагментироваться. Этому способствовали различные факторы: блокада республики и, соответственно, бремя экономической стагнации, что отражалось на жизненном уровне населения. Сказалось и влияние на общественный климат в Абхазии многочисленных НПО, щедро оплачиваемых соответствующими западными фондами, структурами и организациями. Появились финансовые средства, начались создаваться партии и движения, в том числе и протестные. Некоторые персоны, возглавлявшие подобные структуры, видимо, не осознавали, что таким образом их используют для противостояния жесткому курсу Ардзинба на независимость от Грузии. Другие – это делали вполне осознанно, связанные прошлой послужной биографией с метрополией. В этом плане много интересного могут поведать воспоминания бывшего депутата Верховного Совета Абхазии Наполеона Месхи, весьма осведомленного политического деятеля той поры, опубликованные в его довольно солидной книге под заголовком «Как отторгалась Абхазия» (2011 г.). Основная же движущая сила внутриполитической борьбы – это стремление представителей абхазской политической элиты, весьма пестрой по своим воззрениям, но довольно схожей по своему стремлению любыми путями освоить властный олимп, абхазских, разумеется, масштабов. Если, скажем, сразу после войны, когда возобновили свою работу в освобожденном Сухуме государственные газеты «Апсны», «Республика Абхазия», Абхазская телерадиокомпания, некоторые ведомственные газеты и журналы, была одна картина в обществе, то с середины 90-х и

вплоть до 2005 года реальность уже становится иной. В республике издаются частные, общественные и партийные издания, которые, как правило, имеют подпитку от разных структур, в том числе и западных, а также поддерживаются отдельными абхазскими политиками и бизнесменами. В ту пору оппозиционными изданиями, построившими свою информационную деятельностьна огульной критике внешней и внутренней политики Первого Президента, являлись «Нужная газета», «Айтайра», «Амцахара». Более умеренную позицию занимала независимая газета «Эхо Абхазии». Нейтральными в политическом плане, в основном, были газеты национальных общин республики: «Крунк», «Амшен», «Русское слово», «Казак Абхазии» и другие.

Безусловно, что государственные абхазские и зарубежные СМИ, особенно российские, были действенным фактором в политической и дипломатической борьбе В. Ардзинба с оппонентами абхазской независимости. И эта борьба началась сразу после завершения военных действий, когда потерпевшая сокрушительное поражение Грузия, используя своих покровителей в лице Ельцинской России и руководителей стран Запада, замыслила уже «мирным» путем восстановить прежнее имперское господство над утерянной Абхазией. Как справедливо отмечает С. Лакоба, «воодушевленные российской военной поддержкой и быстрым разгромом движения (звиадистского – В.Ч.) в Мегрелии, грузинские политики поверили в возможность вновь начать военные действия против Сухума. После взятия Зугдиди 6 ноября 1993 года грузинские войска вышли к границе Абхазии по реке Ингур, а Шеварднадзе стал делать реваншистские заявления о том, что войдет в Абхазию с оружием в руках. Вступление в СНГ казалось ему достаточной платой для претворения в жизнь этих планов»[1].

В ту пору глава Грузии, как ему казалось, по праву рассчитывал на поддержку Кремля, поскольку, идя навстречу, поневоле,

[1] С. Лакоба. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? Саппоро, 2001. С. 86.

конечно, российским интересам он вошел в СНГ, продлил мандат военных российских баз на территории Грузии, отдал две ключевые должности в грузинском правительстве пророссийским генералам – министру обороны Надибаидзе и руководителю Службы Безопасности Георгадзе. Но в планы Кремля на тот момент продолжение войны не входило – ведь Грузия уже была в фарватере российской политики. Тем не менее, до стабильности в отношениях Абхазии и Грузии было далеко. Да и «гарантам» мира (ООН и России) верить на слово было нельзя. Именно это положение – отсутствие взаимоприемлемых точек соприкосновения между сторонами конфликта – отмечает Ардзинба в интервью газете «Северный Кавказ» в начале октября 1993 года. В беседе с корреспондентом И. Черновым он констатирует: «Войны заканчиваются не на полях сражений, а за столами переговоров. Это – аксиома. И пока рано говорить о завершении грузино-абхазского конфликта. Конец ему может быть положен только тогда, когда противоборствующие стороны подпишут соответствующие документы. Но одни согласны на контакт при условии представления народу Абхазии права на самоопределение, другие требуют распустить ныне действующий Абхазский парламент и создать правительство переходного периода. Условия для противников неприемлемые. Поэтому сегодняшний этап противостояния больше похож на временную передышку, чем на победу одних и поражение других…»[1].

Победившая Абхазия, безусловно, в политическом и государственно – правовом отношении не пошла бы на условия Грузии, руководители которой в своих предложениях выше «широкой» автономии не поднимались. И потому фактор войны снова мог бы оказаться тем самым привычным для Тбилиси способом подчинить себе «заблудшую» Абхазию. Это прекрасно понимает Глава Абхазии и потому озвучивает в печати свои намерения, чтобы

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 92.

предупредить грузинских лидеров и их союзников: «Если Грузия снова начнет войну, это будет война не с Абхазией, а с КНК, со всеми народами Северного Кавказа»[1].

Уже в то время, несмотря на нерешенность проблемы замирения с Грузией, явное сближение интересов Тбилиси и Москвы, абхазский лидер, используя различные тактические возможности, все же склонялся к стратегической цели –объявлению независимого статуса Абхазии. Но, однако, он решил быть осторожным в высказываниях: пожар войны мог вспыхнуть с новой силой. В ту пору, как отмечалось, грузины жаждали реванша. И потому, надо думать, на вопрос корреспондента газеты «Московские новости» он отвечал дипломатическим языком: «Входить или не входить в Россию – решит референдум, но и без него, очевидно, что нас с вами связывают неразрывные нити. Экономически мы ориентированы на Север. Это первое. Второе: Северный Кавказ – единый организм, абхазы – его часть, поэтому перекрыть границу с Россией – это нечто невозможное»[2].

Разрушенная войной экономика. Установленные Россией экономические и политические санкций. Угроза грузинской повторной агрессии. И, как отмечает А. Авидзба, «… несмотря на все это, Абхазия в тяжелейших условиях послевоенного времени, и, мягко говоря, в атмосфере недоброжелательного окружения, приступила к закреплению итогов войны – строительству независимого государства. Через шесть дней после изгнания грузинских войск, 6 октября, Председатель Парламента Абхазии В. Ардзинба заявил, что его страна будет «искать пути создания демилитаризованного нейтрального государства при наличии международных гарантий»[3].

Такая позиция абхазского руководства была воспринята предельно негативно не только Грузией, что, впрочем, понятно, но

[1] Там же. С. 92 – 93.

[2] Там же. С. 94.

[3] А. Ф. Авидзба. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга II. Сухум, 2013. С. 594.

и Ельцинской Россией. Москва не оставляла Тбилиси без надежды на то, что со временем, и, что подчеркивалось, не без помощи России, прежний статус-кво вполне может быть восстановлен. Впрочем, Шеварднадзе в то время приходилось верить на слово российским верхам, поскольку западные страны не видели скорой перспективы в разрешении грузино-абхазского конфликта, и, в свою очередь, полагали, что регион Южного Кавказа – это зона влияния Москвы. В таких условиях исполнительная власть России поспешила сделать ряд шагов для ублажения Грузии. В начале февраля 1994 года Ельцин в Тбилиси подписал с Шеварднадзе Договор о дружбе и добрососедстве, который, кстати, так и не был ратифицирован российским парламентом. Грузинам также была обещана модернизация армии, подготовка военных кадров в российских военно-учебных заведениях, техническое оснащение и вооружение частей и формирований. Россия брала под охрану пограничными войсками грузино-турецкую границу. Срок пребывания российских военных продлевался до 1995 года. Таким образом, поражение Грузии в абхазской войне привело к тому, что Тбилиси, как отмечалось, пришлось вернуться в лоно российской политики, «временно отказаться от западной ориентации, что свидетельствует о глобальных геополитических последствиях победы Абхазской армии в сентябре 1993 года»[1].

Вместе с тем, Москва, под эгидой ООН и при участии стран – «друзей» Грузии, приступила к активной посреднической миссии, на которую дали согласие Тбилиси и Сухум. Кстати, вскоре абхазская сторона сменила правила «игры», выставляя наперед тактические задачи, оставив втуне, до лучших времен, главную стратегическую цель – открытое декларирование независимой государственности абхазов. Предложение абхазской стороны определиться с политическим статусом путем референдума грузинская сторона сразу отвергла, поскольку ответ подавляющего большинства населения бывшей автономии был бы однозначным – это независимость, в первую очередь, от грузинской метрополии. Грузия тогда сосредоточилась на проблеме грузинских беженцев и получила в том поддержку Москвы и западных стран. В январе 1994 года сторонами, по инициативе Абхазии и России, обсуждался вопрос о вводе в зону конфликта миротворческих сил СНГ, и, как показала последующая практика, набиравшихся только из российских военнослужащих. Тбилиси шел на то, как говорится, со скрипом в сердце, и в надежде на обещание высокопоставленных военных чинов российской армии, о чем стало известно позже, поспособствовать возвращению грузинских беженцев в Абхазию. Наверное, Ардзинба уже тогда подозревал о том, коли в своих высказываниях на эту проблему приватно заявлял, что, в принципе, в благородном миротворческом процессе могут быть заложены некие «подводные» камни. Впоследствии глава Абхазии, отмечал, что «при разработке официального текста «Соглашения» определенные представители Российской Федерации (полагаем, это были глава МИД Козырев и руководитель военного ведомства Грачев – В. Ч.) обещали грузинской стороне, что введение миротворческих войск будет использовано для массового возвращения беженцев под контролем и охраной МС (миротворческих сил – В. Ч.). Об этом можно было судить хотя бы по заявлениям, которые делал господин Шеварднадзе. Он говорил о том, что им обещали вернуть беженцев, но обещание не выполняется»[1].

В целом Владислав Ардзинба положительно оценивал начало грузино-абхазского переговорного процесса с участием представителей ООН и ведущих стран мира. Тогда он в интервью Абхазскому телевидению подчеркивал такой аспект: «В то же время, я считаю, что уже сам факт того, что в Женеве ведутся переговоры между абхазской и грузинской сторонами при участии России, под эгидой ООН и СБСЕ, - крупный и важный шаг для Абхазии. Мы

[1] А. Ф. Авидзба. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга II. Сухум, 2013. С. 594.

[1] В. Чамагуа. Эпоха Владислава. Хроники. Сухум, 2013. С. 165.

решаем наши проблемы не на поле боя, а за столом переговоров. То, что мы всегда предлагали грузинской стороне, но, к сожалению, она к этому не прислушивалась. В Женеве мы имеем возможность широко информировать мировую общественность, что такое Абхазия, каковы ее требования, какие вопросы она выдвигает. Кроме того, создается определенное впечатление о наших представителях. А через них – впечатление о руководстве Абхазии, о ее народе. Тем самым Абхазия, участвуя в этом процессе, так или иначе, уже представляется пусть еще пока как непризнанная республика, но ведущая переговорный процесс. Я уверен, что республика добьется успеха в интересах народа Абхазии»[1].

Надо отметить, что в течение короткого послевоенного периода, с ноября 1993 по ноябрь 1994 года, во внешней и внутренней политике непризнанного абхазского государства произошли значительные, а то и судьбоносные события. Так, после войны, в ноябре начался переговорный процесс между Грузией и Абхазией, инициированный ООН, Россией, ведущими западными странами. В итоге 1 декабря 1993 года был подписан Меморандум о понимании, которым стороны «обязались не применять силу на время переговоров, создать условия для возвращения беженцев и произвести обмен военнопленными. Одновременно Москва частично сняла экономические санкции против Абхазии, введенные 20 сентября 1993 года»[2]. Таким образом, Республика Абхазия, как полноправный участник переговорного процесса под эгидой высокой международной организации (ООН), становится субъектом международного права. Через некоторое время (4 апреля 1994 года), после довольно продолжительных переговоров с грузинской стороной, представитель Абхазии, в присутствии представителей ООН, СБСЕ и России, визирует два важных международных документа. Это – Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта и Четырехстороннее соглашение о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц. Вскоре, 14 мая, грузинская и абхазская стороны также реализовали январскую договоренность, подписав «Соглашение о прекращений огня и разъединений сил». Это позволило ввести миротворческие силы в зону конфликта.

[1] Газета «Республика Абхазия», 26 января 1994 года.

[2] С. Лакоба. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? Саппоро, 2001. С. 86.

Вначале с миротворчеством обстоятельства складывались неплохо. Миротворцы основательно обустраивались в Зоне Безопасности в Гальском районе. Во второй половине июля 1994 года В. Ардзинба предложил зам. предсовмина В. Миканба выехать на место и оценить реально ситуацию с точки зрения взаимодействия МС и местных органов власти района. Владислав и меня попросил выехать вместе с Миканба, и об увиденном рассказать на страницах газеты. В том газетном отчете отмечалось: «Поспокойнее стало после ввода российских миротворческих сил. И все же до полного успокоения еще далеко. Некоторые силы усердно эксплуатируют проблему грузинских беженцев в качестве козырной карты в своей нечистоплотной игре. Делают все возможное для их проталкивания в массовом порядке в Гальский район, а затем в другие районы Абхазии. Поэтому надо быть начеку. Укрепить госграницу, рубежи обороны. Об этом шел разговор в г. Гал, где проходило рабочее совещание членов оперативного штаба по координации взаимодействия командования миротворческих сил, наблюдателей ООН с правительством, Минобороны, местными органами власти… Об обстановке в районе информировали глава Администрации Гальского района Р. Кишмария, представители министерств обороны и внутренних дел, Службы Безопасности, других служб… Затем состоялась встреча членов штаба, возглавляемого В. Т. Миканба, с заместителем начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, генерал-полковником В. И. Журбенко, командующим миротворческими силами МО РФ в зоне грузино-абхазского противостояния генерал-майором Якушевым, генералами и офицерами МС. Генерал-полковник

Журбенко проинформировал абхазскую сторону о том, как идет освоение территории, какие колоссальные силы и средства расходуются на переброску и обустройство личного состава, техники, создание коммуникации и служб».[1]«Но жалеть об этом, заявил он, никоим образом нельзя, поскольку речь идет о прекращении войны, вернее, о предпосылках ее невозобновления. К тому же весь мир, ООН, другие международные организации пристально следят за российской миротворческой миссией, и по результатам ее будут оценивать наши способности и возможности. Многое, если не все, здесь зависит от доброй воли абхазской и российской сторон, взаимного согласия и взаимопонимания, отметил генерал»[2].

Как видим, военные рассуждали здраво и по делу, если бы политики, российские и грузинские, не использовали их в своих корыстных интересах. Что и происходило здесь нередко. Прошло всего несколько месяцев и в августе – сентябре 1994 года были организованы две опасные провокации с участием миротворцев – в Гудауте и в Гальском районе. И стало ясно, что Ардзинба был прав, подозревая высшее военно-политическое руководство России и Грузии в сговоре за спиной Абхазии.

Раньше этих событий абхазская делегация во главе с В. Ардзинба побывала в Нью-Йорке, в Организации Объединенных Нации. Там присутствовала и грузинская делегация во главе с Шеварднадзе, добивавшаяся проведения миротворческой операции в Абхазии с помощью полицейских сил ООН, в формате принуждения к миру. Судя по всему, именно эта проблема была предметом обсуждения главы Абхазии и председателя Совета Безопасности ООН Мериме. Шеварднадзе же пытался, используя свои старые связи в среде политических лидеров Запада, и в частности США, добиться с их помощью возвращения Абхазии в лоно метрополии. «Думается, не без советов этих приятелей, именуемых в совокупности «клубом

[1] В. Чамагуа. За свободу Апсны. Оружием слова. Москва, 2011. С. 32.
[2] Там же.

друзей Грузии», он одно за другим выдвинул, мягко говоря, нелепые предложения. Это и т. н. международный директорат вместо законных органов власти Абхазии и введение на территорию республики миротворческих сил ООН с приданием им полицейских функции, что, по словам наблюдателей, оставляло все меньше пространства для переговоров»[1]. Такой жесткий курс грузинского лидера, как и следовало ожидать, не получила поддержки ни в ООН, ни серьезных политиков Запада. «В то же время стабильная и конструктивная абхазская позиция, писала газета «Республика Абхазия», подняла престиж нашей республики, пробудила интерес к Абхазии, ее проблемам. Этому способствовали также как личные контакты лидеров Абхазии с видными политическими деятелями западных стран, так и их умение сполна донести до мировой общественности позицию нашей страны, найти пути понимания и решения проблем в общепринятых мировым обществом рамках». Подтверждением тому и комментарий радио «Свобода». «…Визит абхазского лидера господина Владислава Ардзинба и его встреча с личным представителем Генерального секретаря ООН господином Эдуардом Бруннером, очевидно, привнесли определенные изменения в позицию ООН, которая раннее неукоснительно придерживалась принципа территориальной целостности Грузии… Среди членов грузинской делегации царили растерянность и подавленность», – свидетельствует корреспондент «Свободы» К. Надирашвили, вряд ли испытывающий симпатию к абхазам»[2]. Шеварднадзе, возлагавший большие надежды на силовое восстановление довоенного статус-кво в Абхазии с помощью ООН и стран – «друзей» Грузии, испытал горечь провала после того, как прозвучало «заявление Генерального секретаря ООН Бутроса Гали о том, что ввод миротворческих сил ООН в зону противостояния между Грузией и Абхазией возможен только после достижения по-

[1] Газета «Республика Абхазия», 30 марта 1994 года.
[2] Там же.

литических договоренностей между грузинской и абхазской сторонами. Таким образом, поставлен крест на мечте Шеварднадзе о вводе в Абхазию полицейских сил в голубой униформе. Кинул камень в огород «объединителя Германии и освободителя Намибии» и У. Кристофер, госсекретарь США, объявивший в Конгрессе США, что основной целью миротворческой операции в Грузии является разделение противоборствующих сторон»[1].

В тоже время позиции России и Абхазии в вопросе миротворчества сходились в том, что ее следует проводить в формате «миротворческой операции» силами России и других стран СНГ, с представлением им статуса сил ООН. Взамен несбывшимся планам Тбилиси вскоре явился иной вариант – российский: «Миротворческая операция СНГ с участием контингента российских войск (2 тыс. человек) началась 20 июня, однако Совет Безопасности ООН отказался предоставить им статус сил ООН. Вместе с тем ООН признала, что Россия стала лидером в миротворческом процессе»[2].

И в этом, безусловно, также есть весомая заслуга абхазского лидера, настоятельно предлагавшего российским верхам пойти на миротворчество, с чем они, вероятно, ранее и не спешили. В. Ардзинба в одном из своих интервью отмечал как раз именно этот аспект: «Что касается нас, то мы постоянно ищем пути создания соответствующих гарантий невозобновления войны. Мы апеллируем за содействием к России: контингент российских войск на границе с Грузией справился бы с миротворческой миссией…»[3]. Но в то же время глава Абхазии, с точки зрения безопасности страны, не полагаясь всецело на защиту российского военного контингента, предупреждает: «Что же касается нас, то мы исходим из того, что Вооруженные Силы Абхазии непосредственно не будут стоять на реке, но наши пограничники должны находиться вместе с теми силами, которые будут там размещены. Потому что есть режим пропуска через границу, соответствующий досмотр ит. д. Это должны производить наши силы. А за миротворческими силами на определенном расстоянии будут стоять наши войска, так что в Гальском районе, естественно, мы будем находиться. Но мы не уповаем только на решение того, что будут выставлены миротворческие силы, мы должны укреплять Вооруженные Силы Абхазии и быть готовыми в любой момент, в любой час, в случае, если не будет принято решение, защищать свою Родину, другого выхода у нас нет»[1].

Эти опасения абхазского лидера оказались не беспочвенными. Тбилисские лидеры, в надежде на реванш и возвращение к прежнему статус-кво, активно разыгрывали вопрос грузинских беженцев в качестве козырной карты. И при этом они рассчитывали, конечно, с помощью международных организаций и российских миротворцев, расположившихся на отведенных им по Соглашению секторах, незаконно, в массовом порядке, ввести в Абхазию десятки тысяч бежавших в свое время грузин. Главным подстрекателем и возмутителем обстановки в тот период был глава Грузии Э. Шеварднадзе, который, полагаем, основываясь на конкретных обещаниях российской стороны, «… объявил о скором возвращении в Гали своих органов власти. В этот же период (лето – осень 1994 г.), обострились российско-абхазские отношения, что было вызвано попытками России оказать силовое воздействие на Абхазию с целью массового (а не поэтапного, как зафиксировано в документе от 4 апреля) возвращения грузинских беженцев под охраной российских миротворцев, а это противоречило мандату их пребывания в зоне конфликта»[2]. Тогда, 25 августа, в Гудауте и 14 сентября в Гальском районе, по причине провокационных дей-

[1] Газета «Республика Абхазия», 30 марта 1994 года.

[2] С. Лакоба. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? Саппоро, 2001. С. 91.

[3] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 109.

[1] Там же. С. 107.

[2] С. Лакоба. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? Саппоро, 2001. С. 91.

ствий руководителя минобороны РФ П. Грачева, его заместителя Г. Кондратьева, главы МИДа А. Козырева и личного представителя российского президента Б. Пастухова Абхазия и Россия оказались на грани опасного военно-политического кризиса. Но выдержка и решительность абхазского лидера, оперативно принятые им меры политического и военного характера, спасли положение. Конфликты эти, к вящему разочарованию грузинского руководства, удалось урегулировать. А трагедия была совсем рядом, стоило только сделать один неверный шаг.

В ту пору эту ситуацию подробно освещали средства массовой информации: абхазские, грузинские, российские. Естественно, у каждой стороны, при этом, была своя подоплека и свое толкование ситуации. Но, при всем этом, у газеты «Республика Абхазия» было преимущество в том, что мне, автору заметок о той кризисной ситуации, удалось получить информацию буквально по следам тех самых событий от людей, принимавших непосредственно участие в противостоянии российских и абхазских военных. И надо отметить, что предпосылки к противостоянию в районе границы закладывались не в один день, как грузинскими политиками, так и персонами из числа вышеотмеченных российских чиновных лиц. О довольно странной ситуации, которая наблюдалась тогда в зоне ответственности российских миротворцев, я несколько раз докладывал В. Ардзинба, возвращаясь из командировок в Гальский район. Описывал некоторые эпизоды и в газете «РА». Вот, к примеру, такой факт: «… 12 сентября в районе села Набакеви, что в 400 метрах от госграницы, была обстреляна автомашина «Жигули» с офицерами миротворческих сил. Один из них был убит на месте, другой, раненый, скончался в медчасти… По первому сигналу работники РОВД в полном составе во главе с начальником Сергеем Сабекия прибыли к месту события и вынуждены были вступить в перестрелку с бандитами. Но сил было маловато, а подкреплений и помощи от миротворцев не поступило. Бандиты смогли уйти за реку. Оперативными мероприятиями, проведенными работниками милиции, установлено, что стрелявшие в машину миротворцев, кстати, ехавших без оружия, по словам местных жителей, говорили на мегрельском, что, безусловно, подтверждает их принадлежность к диверсионным группам, засылаемым с враждебной стороны… В этой связи вызывает, мягко говоря, недоумение легкость, с которой диверсионные группы, вооруженные автоматическим оружием, гранатометами, пулеметами, проходят госграницу, ответственность за охрану которой по логике вещей, наверное, должны нести и миротворцы…»[1].

Такие события, к сожалению, были не единичными. Грузинские диверсанты и бандиты получали отпор, в основном, от абхазских правоохранительных структур. Их сил и возможностей не хватало, чтобы нанести основательное поражение «партизанскому» движению в районе, подпитываемому деньгами и вооружением специальными службами Тбилиси. Об этом были осведомлены, не секрет, и начальство миротворцев, также и руководители российских разведслужб, имевшие в то время тесные контакты со своими грузинскими коллегами. И потому они закрывали на то глаза, видимо, до поры, как говорится, до времени. Ведь это был период, когда российское руководство пыталось переориентировать Шеварднадзе с «запада» на «север», тогда на такие «мелочи», как прорыв защитной линии миротворцев грузинскими диверсантами, убийства солдат и офицеров, подрывы коммуникации, особого внимания не обращалось. Все это дозволялось, чтобы потешить самолюбие грузинских верхов. Таким образом дошли до того момента, когда пришло время исполнить данное грузинам обещание: оголить границу и пропустить на территорию Абхазии в массовом порядке тысячи беженцев. Такая попытка состоялась в середине сентября 1994 года.

Приведем отрывки из репортажа, опубликованного в газете «РА»: «В 20.00 (13 сентября) посты нашей милиции доложили, что

[1] В. Чамагуа. За свободу Апсны. Оружием слова. Москва, 2012. С. 38 – 39.

миротворческие силы сняты по всему периметру абхазо – грузинской границы и отправлены в штаб, то есть в райцентр, а пост на мосту Ингура заменен «миротворцами» из числа грузинских контрактников, проходивших службу на противоположном берегу… Руководители райцентра пытались связаться с командованием миротворцев и получить от них разъяснение… Ответ был сух и лаконичен: идут командно – штабные учения. И что, мол, местные власти при этом в известность не ставятся… Лязг и грохот гусениц танков разорвал тишину утра 14 сентября… К зданию РОВД… подошли семь единиц бронетехники и до 150 десантников на машинах. Майор, возглавлявший подразделение, дал команду: «К бою!». Четыре десятка работников правоохранительных органов и руководители района (все бывшие фронтовики) мгновенно сориентировались в обстановке. РОВД ощетинился автоматами, пулеметом на чердаке, гранатометами из окон. Подается четкая команда: «К бою!». И в дополнение: «Первыми не стрелять!». И все же разум победил, кровь не пролилась. Не пролегла та межа, после которой возникает вражда на долгие годы, и синдром недоверия между народами»[1].

Но загасить пламя провокации было непросто. Исполнителями и заказчиками этого неправедного дела оказались руководители высокого уровня, как Грузии, так и России. Владислав Григорьевич официально обратился в МИД и Минобороны России с запросом: с их ли ведома действует замминистра обороны Кондратьев? В Москве ответили, что, мол, «не в курсе». Сразу после того, Ардзинба пригласил к себе генерал-полковника в резиденцию. У меня была возможность лицезреть эту встречу, которую я описал в одном из своих очерков. Приведу небольшой отрывок: «Поднялся на второй этаж и увидел повсюду чиновные лица: взбудораженные, растерянные, отчаянно взирающие в сторону кабинета главы Абхазии. Я спросил у кого-то: «Что там?» «Там генерал Кондратьев, – был

[1] Газета Республика Абхазия», №76, 7 октября 1994 года..

ответ, который мне тогда ни о чем не говорил. Знал, что тот генерал-полковник, зам. министра обороны Российской Федерации. Подхожу к дверям кабинета Ардзинба, они были двойные, передние чуть приоткрыты, внутренние и вовсе не закрыты. Я отодвинул одну дверцу на несколько сантиметров – и передо мной явилась занимательная картина. Владислав Григорьевич сидел в своем кресле за массивным столом из дуба. Перед ним, сложив руки по швам, навытяжку стоял военный в генеральской форме. Я успел расслышать, что он явно оправдывался. И вдруг, я даже вздрогнул от неожиданности, громовой голос: «Генерал, что за авантюру ты затеял на Ингуре, что за игры такие, еще миротворцев втягиваешь в это! Убирайся с глаз моих, не хочу слушать твоих оправданий. Я тебе обещаю – ты лишишься своих погон! Вон из кабинета!». Оглушенный голосом и словами разъяренного Владислава, я едва успел отойти от дверей. В этот миг оттуда почти вывалился, как я уже знал, тот самый генерал Кондратьев, с капельками пота на красном, словно горячим солнцем обожженном лице, и ринулся стремглав вниз по лестнице. Люди, стоявшие у входа в резиденцию, потом вспоминали: «Из здания выскочил, как угорелый, краснолицый генерал, и, оглядываясь по сторонам, торопливо забрался с сопровождающим его военным в бронемашину и укатил в сторону военного санатория»[1].

Словом, операция «беженцы», замышленная главами Грузии и России не прошла, ее организаторы отступили, ощутив решительный отпор абхазского лидера. И, как отмечает С. Лакоба, «в самый последний момент Кондратьев отдал приказ об отмене операции, сославшись при этом на личное указание Ельцина о ее проведении. Президент России, как часто бывало в таких ситуациях, находился рядом, отдыхая в Сочи. Пятнадцатого сентября он вместе с Грачевым поочередно принял на даче «Бочаров ручей» Шеварднадзе и Ардзинба. В беседе Ельцина с Ардзинба, которая

[1] Там же.

протекала в спокойной атмосфере, министр Грачев вдруг заявил, что введет в Абхазию несколько десантных дивизий и решит все вопросы. Ардзинба очень резко отреагировал на это заявление, и Ельцин буквально оборвал Грачева»[1].

Это было сложное поствоенное время. Запад, в частности США, уже активно пытается вытеснить Россию из региона Южного Кавказа, особенно с территории Грузии. Грузинское руководство тоже шло навстречу этим пожеланиям весьма охотно. Понятно, что Москва с подозрением следила за складывающейся здесь ситуацией и, к тому же пыталась всячески ублажить Тбилиси посулами укрепить грузинскую армию, помочь в возвращении беженцев и прочими обещаниями, в основном, за счет абхазских интересов. И по сему, «наученный горьким опытом прошлого», Ардзинба внимательно следил не только за официальными контактами российских и грузинских политиков, военных, дипломатов, что можно было без особого труда отследить из сообщений средств информации, но также не выпускал из поля зрения частные вояжи и встречи высоких лиц из окружения Ельцина. Кстати, впоследствии я пришел к мнению, что у Владислава были свои источники приватной информации и в кругах грузинского чиновничества, также и в различных российских высоких структурах. В тот период, в сентябре 1994 года, как уже отмечалось выше, я часто посещал Гальский район, встречался с руководителями района – Русланом Кишмария, Вячеславом Вардания, Валерием Ломия, подготовил ряд материалов для публикации в газете «Республика Абхазия». Рассказал также Ардзинба о своих впечатлениях и о состоянии дел в приграничном районе. Владислав Григорьевич живо отреагировал на мои слова: «Это верно, положение там, несмотря на присутствие миротворцев, сложное. И я опасаюсь, не дай Бог, конечно, чтобы оно не переросло в конфликтную ситуацию, и не только

[1] С. Лакоба. Абхазия де-юре или Грузия де – факто? Саппоро, 2001. С. 92 – 94.

с грузинами». – И заметив, что я не понял смысла его последних слов, он разъяснил ситуацию следующим образом: – «На днях в Тбилиси побывал министр обороны РФ Грачев (негласный «куратор» Кавказского региона в то время – В. Ч.), следом за ним грузинам нанес визит его первый заместитель Кондратьев. Что они там делали, – как думаешь?» – прищурившись, спрашивает Владислав Григорьевич. – «Кто их знает», – подумал про себя, а вслух ответил: «Наверное, уговаривали своих грузинских коллег повременить с выводом из Грузии трех российских военных баз». – «Вот-вот, но это еще не все. Грачев совместил приятное и полезное», – многозначительно продолжил Ардзинба. – «Праздновали день рождения министра обороны Грузии Надибаидзе, крестником которого является глава военного ведомства России. Но самое интересное в том, что очень уж щедро одарили не именинника, а как раз гостя. Как мне сообщили из достоверных источников, среди подарков особо выделялась именная, ручной работы, золотая сабля. С ней и убыл он домой, но подозреваю, что взамен наобещал грузинам много чего. Не исключаю, что речь могла идти и о беженцах…».[1]

Выводы Владислава оказались верными. О том, как российские генералы пытались силовым путем впустить в Абхазию грузинских беженцев сказано выше. Но, думается, это была инициатива не военных, а высших политических руководителей Грузии и России. А они, как известно, привыкли решать свои проблемы приватно и чужими руками. В бытность Шеварднадзе и Ельцина руководителями такая практика сложилась, уже не секрет, со времени Дагомысской встречи, которая, безусловно, способствовала решимости грузин начать войну с абхазами. Глава Абхазии понимал, что опасность для Абхазии исходит именно от альянса этих двух политиков, и потому внимательно отслеживал ситуацию, особенно после недавних провокаций с беженцами. И вот, проходит день или два после событий в Гальском районе, как Владиславу

[1] В. Чамагуа. Владислав: испытание судьбы. Хроники. Рукопись книги.

Григорьевичу позвонили из секретариата главы России и сообщили, что с ним хотел бы встретиться Борис Николаевич Ельцин, находящийся на отдыхе в Сочи, в резиденции «Бочаров ручей». Тогда, как он вспоминал позднее, сразу пришла мысль, что приглашение связано с недавними инцидентами, и думалось ему о том, как Б. Ельцин отнесется к провалу миссии Кондратьева: будет гневаться или же дипломатично обойдет эту ситуацию.

Приведу отрывки из очерка, написанного на основе информации, которой в свое время со мной поделился Владислав: «Поразмыслив, я решил, что сам не стану поднимать эту тему (недавнее противостояние российских миротворцев и абхазских силовиков), если о том не поведет речь Борис Николаевич. Однако надо быть готовым ко всему. Известно ведь, что характер российского президента весьма непрост, а порой крут и непредсказуем. Придется, видимо, вести разговор в форме экспромта, отвечая на вопросы главы России. Ведь проблематика встречи не обозначена: кто знает, как и о чем пойдет разговор. Но при любом раскладе надо обязательно поставить вопрос об отмене санкций, введенных российским правительством в конце войны. И сказать о том, что они больше всего бьют по русскоязычному населению Абхазии. Тогда, может быть, все – таки проснется в нем сочувствие и жалость к соотечественникам», - прикидывал будущую обстановку встречи абхазский лидер[1].

Но Владислав и в дурном сне не мог представить то чрезвычайное происшествие, что случилось во время переговоров. Впрочем, расскажу по порядку, как о том поведал мне в свое время Владислав Григорьевич: «Помощник президента России провел абхазского лидера в зал приемов резиденции и попросил подождать, сказав, что Борис Николаевич будет скоро, с минуты на минуту. И действительно, не успел Ардзинба оглядеться, рассмотреть обстановку помещения, как тут же увидел Ельцина,

[1] В. Чамагуа. Владислав: испытание судьбы. Хроники. Рукопись книги.

быстро приближавшегося к нему с протянутой для приветствия рукой. При этом, российский президент, улыбаясь, произнес: «Здравствуйте, уважаемый Владислав Григорьевич! Рад встрече с Вами, поскольку давно не виделись, несколько месяцев, наверное. А выглядите, замечу, молодцом!» – тепло приветствовал гостя Ельцин. – «Что ж, начало неплохое, можно сказать обнадеживающее, значит, не таит обиды», - думал мысленно Владислав. В то же время любезно, и, как принято у абхазов, подчеркнуто уважительно поздоровался с главой великой страны. И тут только он обратил внимание, что через несколько секунд, вслед за Ельциным, видимо, стараясь не мешать началу встречи, тихо прошел в зал министр обороны Грачев и встал за спиной российского президента. Этакая скромность главы военного ведомства несколько озадачила абхазского лидера»[1].

Далее Ардзинба отмечал, что они с Грачевым обменялись рукопожатием, после чего российский президент пригласил их занять места за переговорным столом. Начал разговор, как и положено хозяину, Борис Николаевич: «Я, безусловно, информирован о положении в Абхазии. Сейчас вам нелегко, много разрушений: инфраструктура, предприятия, жилые дома… И переговорный процесс налаживается… Мне Пастухов, мой личный представитель, докладывал о том…». – Тут вступает в диалог Владислав… И, глядя прямо в глаза главы России, произнес заранее заготовленный монолог: «…Вам, Борис Николаевич, всенародно избранному президенту великой страны, и, вместе с тем, человеку, обладающему гуманным складом характера, я уверен в том, особенно понятны душевная боль и отчаяние сотен тысяч жителей республики, не имеющих свободного доступа в Россию, которую они, как и Абхазию, считают своей Родиной». – Ардзинба, внимательно смотревший во время своего монолога на Ельцина, видел, что тот выслушал его весьма благосклонно, а местами даже кивал головой, как бы со-

[1] Там же.

глашаясь с доводами абхазского лидера. И для него стало неожиданностью, что в диалог, вместо российского президента, вступил министр обороны Грачев: «Владислав Григорьевич, эти проблемы понять можно, но войдите и вы в наше положение», – начал разговор с нотками недовольства и обиды в голосе глава военного ведомства. – «Вот уже год, как завершились военные действия, – продолжал он, – а абхазское руководство, тем не менее, упрямится, не соглашаясь с разумными грузинскими предложениями и по беженцам, и по политическим вопросам государственного устройства Абхазии в составе целостной Грузии. А Россия в этих вопросах, вам это хорошо известно, является посредником. На нас смотрит весь мир: справимся или нет с поставленными задачами. Словом, речь идет об авторитете такого ведущего в мире государства, как Российская Федерация. Об имидже ее президента, наконец! Столько времени прошло, давно завершился конфликт, и считаю, что пора абхазам, не упрямясь, не испытывая терпения России, ведь мы можем и своих военных использовать, помириться с грузинами. И жить дружно, единой семьей. Тогда можно подумать и об отмене санкции… Вы же знаете, за какие нарушения они были введены», – так, с солдафонской прямотой, припомнил Владиславу генерал несанкционированное Москвой сентябрьское наступление на Сухум. – «Как только прозвучали последние слова Грачева, – вспоминал о той ситуации Ардзинба, – у меня померкло в глазах. Поистине, белый свет куда-то исчез. И все вокруг обернулось кромешной темнотой. А в том сумраке передо мной, словно в причудливом калейдоскопе, являлись знакомые лица: сотни, тысячи погибших наших ребят! Нескончаемой вереницей также мелькали образы их матерей в траурном одеянии. Не помню – говорил ли я что-либо в ответ министру обороны, но очнулся от грозного окрика российского президента»: «Кто позволил, черт возьми, Павел Сергеевич, вмешиваться, когда вас не просят, в разговор руководителей государств!» – громким и гневным голосом отчитывал Ельцин своего министра обороны. – «Вы, я вижу, забылись, требую соблюдать субординацию!» – А затем, обратившись в мою сторону, спокойно сказал: «Вас же, Владислав Григорьевич, прошу занять свое место и продолжить беседу». Только тогда я обратил внимание, что стою возле стола, наклонившись в сторону Грачева, который, я видел, изумленно смотрел на меня. Видимо, Всевышний уберег меня от отчаянного шага – не позволил вступить в рукопашную с всесильным министром обороны, любимцем в ту пору Бориса Николаевича»[1].

К сожалению, этот случай не стал уроком для российских политиков, которые уже в следующем году снова попытались услужить Тбилиси, и опять с помощью российских военных попытались вернуть беженцев в массовом порядке. И снова в сентябре, только уже 1995 года. О подоплеке этих событий, в результате которых мог вспыхнуть пожар новой войны, Ардзинба рассказывает корреспонденту «Независимой газеты», надеясь, конечно, на то, что коллективная провокация российских и грузинских руководителей против небольшого абхазского народа будет предана гласности, и о том узнает общественность тех стран, откуда исходит угроза для Абхазии. Владислав говорил подробно, не опуская детали, и потому убедительно: «Это были события не менее опасные, чем в сентябре прошлого года. Теперь мы располагаем полным планом того, что должно было произойти. На той стороне (на грузинской территории в зоне ответственности миротворцев – В. Ч.) в миротворческих силах используются подразделения ГРВЗ (Группы российских войск в Закавказье). В них вся техника российская, официально они числятся российскими подразделениями, входящими в ГРВЗ, в действительности в их составе до 80 процентов лиц грузинской национальности. Какие – то офицеры являются россиянами, остальные – граждане Грузии. Фактически это грузинское подразделение, которое в любой момент может выйти из под контроля или сделать вид, что вышло из под контроля и стать

[1] В. Чамагуа. Владислав: испытание судьбы. Хроники. Рукопись книги.

одним из факторов агрессии против Абхазии.30 сентября Абхазия отмечала праздник Победы. Из Тбилиси в Абхазию, даже не уведомив ее руководство, т. е., если хотите, тайно, приехал генерал Соколов, который командует подразделениями миротворцев в сухопутных войсках. Он прибыл 29 сентября в Гальский район и дал команду – в преддверии нашего праздника – начать учения МС. В процессе этих учений так называемый Батумский батальон, входящий в МС, должен был перейти на наш берег и блокировать город Гал. За его спиной с 28 сентября стояли 11-я танковая бригада, вертолетный полк и бригада ПВО из Тбилиси, и дивизия охраны границы из Ахалцихе. Фактически это была группа вторжения. У нее была задача взять под контроль Гальский район, ввести туда так называемое правительство автономной республики, которое никто не назначал, и установить там его правление. Должна была быть осуществлена провокация, и, тем самым, создан предлог для кровопролития. Только путем огромных усилий с нашей стороны его удалось предотвратить. Мы бы, конечно, не позволили Батумскому батальону перейти нашу границу… Миротворцы, которые находятся здесь, прекрасно знают, к чему могли привести подобные действия. Приказ об учениях был устный. Но начальник штаба МС Куземчак за то, что он его не выполнил, отстранен от должности и на днях должен отсюда отбыть. Наказан человек, который предотвратил кровопролитие, не дал использовать МС, вопреки их функциям… Сегодня вообще возникает очень большая опасность. По моим сведениям, в этом году из России на всю ГРВЗ будет набрано примерно 400 человек, а все остальные будут набираться из граждан Грузии. То есть, идет подготовка грузинской армии, которая сидит на российских танках, имеет российскую технику, и все это потом может – при отсутствии гарантий, обернуться большой войной против Абхазии»[1].

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлении В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 219 – 220.

Как видим, жестко, решительно, без оглядки на чины и звания, пресекал глава Абхазии любое поползновение на права, суверенитет и независимость страны, добытые тысячами жизней абхазских патриотов и их союзников. По иному действовать в ту пору было нельзя, любая уступка могла нанести непоправимый ущерб завоеванной независимости и, более того, создать предпосылки для реализации тайных планов Ельцина и Шеварднадзе по интеграции Абхазии в состав Грузии. В этом вопросе грузинского лидера, на всем протяжении блокадного периода, активно поддерживало также руководство ООН, СБСЕ, т.н. друзья Грузии: США, Великобритания, Германия, Франция. И в этих условиях, заметим, Владислав Григорьевич, намечал пути и способы укрепления новой абхазской государственности. В то время ряду квалифицированных юристов, в том числе и за пределами страны, можно сказать, приватно были даны поручения по разработке проекта новой конституции, которая закрепила бы основы независимого абхазского государства. Безусловно, сохранить в тайне весь подготовительный период по разработке новой Конституции было невозможно, при наличии в Абхазии и вокруг нее развитой сети спец. служб ведущих стран мира, и потому главе Абхазии делались предупреждения со стороны влиятельных и заинтересованных политических лидеров не принимать «опрометчивых» решений. Опасным и сильным было в этом отношении давление Кремля, хозяева которого в ту пору считали, что абхазам надо вначале определиться с вхождением в «федеративную Грузию на правах автономии». И только затем уже оформлять соответствующую этому положению конституцию автономии. Полагаем, не без подсказки грузинских лидеров в резолюции 892 (1993), принятой Советом Безопасности Организации Объединенных Нации 22 декабря 1993 года отмечалось, что СБ ООН «настоятельно призывает также стороны не предпринимать каких бы то ни было политических или любых иных шагов, которые могли бы ухудшить существующую ситуацию или препятствовать процессу достижения всеобъемлю-

щего политического урегулирования»[1]. О препонах на пути укрепления абхазской государственности сообщает исследователь А. Авидзба: «Принятие Конституции подтвердило неизменность курса на независимость и продемонстрировало решимость добиваться признания права абхазского народа на самоопределение. На этом пути, как уже говорилось, приходилось преодолевать жесткое противодействие мирового сообщества. Одной из таких мер давления явилось Постановление Правительства РФ «О мерах по временному ограничению пресечению границы РФ с Азербайджанской Республикой и Республикой Грузия», принятое 19 декабря 1994 года. Под предлогом возможного притока добровольцев в Чечню Россия ввела сухопутную и морскую блокаду против Абхазии»[2]. О давлении со стороны Российского руководства говорит и С. Лакоба: «Двадцать шестого ноября 1994 г., когда в центре Грозного шли бои, Парламент Абхазии собрался на свое заседание и принял новую Конституцию суверенного демократического государства. Как только этот вопрос был поставлен, личный представитель Президента России по урегулированию грузино-абхазского конфликта Б. Пастухов несколько раз связывался из Москвы с Ардзинба и требовал отказаться от этого «опрометчивого» решения. Парламент не внял этим увещеваниям и единогласно принял конституцию»[3].

Безусловно, что к 26 ноября 1994 года Республика Абхазия уже являлась суверенным и независимым государством. Это произошло в результате разрыва отношений между Абхазией и Грузией, когда Тбилиси отменил свою советскую конституцию и принял Основной документ Грузинской Демократической Республики. Другой, еще более важный фактор – это грузино-абхазская во-

[1] Сборник документов, касающихся вопроса урегулирования конфликта в Абхазии… (1992 – 1999 гг.). Тбилиси, 1999. С. 20.

[2] А. Ф. Авидзба. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга II. Сухум, 2013. С. 596.

[3] С. Лакоба. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? Саппоро, 2001. С. 94.

йна, поставившая точку в грузино-абхазском сожительстве в любом варианте. Таким образом, Абхазия стала независимой юридически и фактически, то есть, де-юре, и де-факто. А новая Конституция явилась «…правовым оформлением уже созданного государства – Республики Абхазия»[1].

На новую абхазскую Конституцию, с подачи грузинских властей, одним из первых откликнулся Будапештский саммит СБСЕ, состоявшийся 6 декабря 1994 года. В принятом документе отмечалось: «Перед лицом тревожного положения в Республике Грузия, еще более усугубившегося в результате недавних событий в Абхазии, государства – участники вновь заявили о своей твердой поддержке суверенитета и территориальной целостности Грузии в пределах ее международно признанных границ. На основе этих принципов должно быть достигнуто урегулирование конфликтов в Грузии. Должны быть учтены также интересы многонационального населения, проживающего в районах конфликтов. Государства – участники выразили озабоченность в связи с односторонними действиями, предпринятыми 26 ноября 1994 года властями Абхазии (Республика Грузия). Эти действия подрывают как усилия ООН, так и усилия СБСЕ по содействию мирному политическому урегулированию путем переговоров между конфликтующими сторонами в Грузии»[2]. На этом же саммите СБСЕ была предана гласности грузинская версия о якобы «этнической чистке», массовом изгнании населения – «преимущественно грузинского» – из мест проживания и гибелью большого числа невинных гражданских лиц, с чем эта организация выразила глубокую озабоченность. Однако, известно, что «побывавшая в Абхазии в октябре 1993 года миссия ООН по правам человека констатиро-

[1] Конституция Абхазии. Документы по политической истории Абхазии. Выпуск 2. (Составители:Т. А. Шанава, С. З. Возба). С. 24.

[2] Сборник документов, касающихся вопроса урегулирования конфликта в Абхазии (1992 – 1999 гг.). Тбилиси, 1999. С. 47.

вала, что большинство грузин, живших между реками Гумиста и Ингур, бежали до прихода абхазских войск»[1].

Получается, что представители ООН не подтвердили выводы Будапештского саммита СБСЕ об «этнической чистке» в Абхазии. Да и грузинам ли жаловаться на некие «злодеяния» абхазов, когда в то же время их лидеры и замышляли геноцид, и творили его для окончательного подавления и уничтожения абхазского этноса на его собственной земле. Ныне кое-кто из грузин утверждает: дескать, обе стороны виноваты в происшедшем, ответственность должна поровну ложиться на грузин и абхазов за результаты войны, будто бы абхазские танки брали штурмом Тбилиси, снимали и рвали грузинские символы государственной власти, грабили, убивали, насиловали гражданское население. (К сожалению, несколько видных представителей абхазской интеллигенции в 1996 году бездумно поставили свои подписи, вместе с грузинами, под подобным документом в Москве, на встрече под эгидой Фонда А. Сахарова). Так же теперь, после войны, рассуждает представитель оккупационной власти в Сухуме Г. Хайндрава: «Дескать, я воевал, вы воевали – это дело прошлое. Сегодня главное вернуть беженцев… В Абхазии, однако, знают и не забыли, как этот самый Хайндрава в апреле 1993 года в интервью французской газете «Ле Монд дипломатик» заявил буквально следующее: «… Абхазов всего 80 тысяч, что означает, что мы можем легко и полностью уничтожить генетический фонд их нации путем убийства 15 тысяч молодежи. И мы вполне способны на это…».[2] Но Хайндрава не один такой «крутой» грузинский экстремист, агрессивным национализмом больна почти вся элита Сакартвело. Потому, думается, эта болезнь основательно прогрессировала

[1] С. Лакоба. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? Саппоро, 2001. С. 80. Чирикба В. Грузино-абхазский конфликт: в поисках путей выхода. Грузины и абхазы. М. 1998. С. 78 – 79.

[2] Там же. С. 81.

и в среде грузинского народа, как это происходило в 30-е годы прошлого века в фашистской Германии. Ведь у нынешних грузинских «наци» были свои предтечи, также планировавшие и практиковавшие геноцид абхазов в мрачные годы советского тоталитаризма. Известный американский советолог Даррел Слайдер в 1985 году весьма убедительно охарактеризовал деяния палачей абхазского народа в то трагическое время. Он, в частности, отмечал: «Большая часть политической истории Абхазии 1931 – 1953 годов была под властью Лаврентия Берия… В 1937 году, спустя год после смерти Лакоба, Берия организовал чистку среди официальных лиц, обвиняя их в том, что они готовили заговор с целью убийства Сталина… Период после второй мировой войны до смерти Сталина и Берия в 1953 году был особенно тяжелым для абхазов, так как Берия начал кампанию явного уничтожения абхазов как этнокультурной целостности»[1].

Таковы выводы нейтрального исследователя, не отмеченного благосклонностью к абхазам. Следующую попытку уничтожения абхазского народа и его государственности предпринял авантюрист международного уровня Шеварднадзе. Поддержали агрессию не только грузинская элита – политическая и творческая, ни и вся интеллигенция. Молчал и грузинский народ. В этой связи Ардзинба отмечал: «… К сожалению, в прежние годы в Грузии имела хождение пропаганда, воспитавшая сознание «первостатейной» нации. В результате у многих там сложилось представление, что никакой Абхазии нет, а есть только Грузия… Поэтому до сих пор они не могут осознать, что произошло. А ведь ни один маленький народ, которому пытаются навязать волю силой, не будет благодарен. Я долго надеялся, что за время войны в Грузии раздастся хоть один громкий голос: а что же мы делаем? Почему послали войска, насилуем, убиваем? Нет. Трезвого осмысления так и не случилось. Вот сейчас в Тбилиси создан «Фронт освобож-

[1] Владимир Попов. Абхазский крест. Москва, 2007. С. 123.

дения». Китовани, Сигуа и другие хотят силой захватить Абхазию! Опять силой! Но это же не способ решения…»[1].

Таким образом, суровая действительность взаимоотношений грузин и абхазов на протяжении последнего столетия диктовала создание определенной системы государственной безопасности для абхазов, гарантирующей от повторения выше отмеченной ситуации. И основным элементом такой безопасности являлась, принятая по инициативе абхазского лидера, новая Конституция страны. В ней отмечалось, что отныне «Республика Абхазия (Апсны) – суверенное, демократическое, правовое государство, исторически утвердившееся по праву народа на свободное самоопределение»[2].

Почти сразу после принятия нового Основного закона Владислав Ардзинба, уже в качестве избранного президента Абхазии, подключает средства информации, российские, абхазские, к пропаганде и разъяснению целей и задач Основного закона, его содержания. Таким образом он рассчитывал разрядить обстановку крайнего недовольства в политических кругах, как западных, так и российских, занятых «миротворчеством» в пределах Грузии и Абхазии. Других средств воздействия на мировое общественное мнение, кроме печати, телевидения и радио республики, и СМИ России, у блокадной Абхазии не имелось. Вот глава страны и задействует эти средства информации в полную силу. Уже 29 ноября, через три дня после принятия Конституции, он проводит большую пресс-конференцию с участием местных и иностранных журналистов. С некоторыми из них Владислав отдельно беседовал, давая более подробную и содержательную информацию, которая затем распространялась российскими изданиями тиражами в сотни ты-

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 149.

[2] Конституция Абхазии. XX век. Документы политической истории Абхазии. Выпуск 2. (Составители: Т. А. Шанава, С. З. Возба). Сухум, 2015. С. 152.

сяч экземпляров. Эту пресс-конференцию освещала, разумеется, и газета «РА», озаглавив свой материал словами Ардзинба: «Новая Конституция не должна осложнить наши отношения с Россией». Глава Абхазии начал пресс-конференцию с пояснения того, что «принятие новой Конституции Республики Абхазия не означает практически ничего нового в плане статуса республики. В действовавшей до этого Конституции 1925 года Абхазия в статье 5-й также признавалась суверенным государством, только там это основывалось на принципах другой правовой системы – диктатуры пролетариата, построении социализма, что в наше время давало повод объявлять Абхазию последней коммунистической республикой. Однако это совершенно не соответствует действительности, так как в Абхазии происходят те же процессы, что и в других республиках бывшего Союза. Кроме того, в новой Конституции есть глава, посвященная правам и свободам человека, чего не было в прежней. Согласно этой Конституции в Абхазии введен институт президентства, что означает более четкое разграничение ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной…»[1].

Тогда же Владислав заострил внимание журналистов на том, что новая Конституции еще и потому не должна«осложнить наши отношения с Россией, поскольку в документе, принятом 4 апреля 1994 года, под которым стоит и подпись России, Абхазия признается независимой, суверенной республикой, имеющей свою Конституцию и все атрибуты государственности. Россия играла огромную роль в качестве посредника в политическом урегулировании отношении Грузии и Абхазии»… А вот по поводу высказываний грузинского лидера Ардзинба отмечал следующее: «Преступный», «реакционный», «агрессивный» режим – такие обвинения предъявляет Шеварднадзе Абхазии. Странно получается: «преступный» – там, где в конституции присутствует глава о

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005 гг. Сухум, 2011. С. 159 – 160.

правах и свободах человека, с чем не так уж хорошо обстоит дело в самой Грузии. «Агрессивный» – там, где привержены исключительно мирному, политическому решению всех проблем и ни слова не говорят о силовом решении. Абхазия не завоевывала чужих территорий, не вводила свои танки в Кутаиси – и этот режим агрессивный?»[1].

Владислав Григорьевич, это видно и по публикациям, никогда не упускал возможности выступить на страницах изданий, выходивших в республиках Северного Кавказа, Краснодарского края и других, близких к нам территорий. Особенно хорошие отношения в этом плане сложились с влиятельной газетой «Вольная Кубань», с ее собственным корреспондентом в Сочи Игорем Сизовым. И вот, через неделю после принятия новой конституции, газета командирует своего корреспондента в Абхазию. Приветствуя абхазского лидера уже в качестве президента Абхазии, журналист, в частности, говорит: «Владислав Григорьевич, мне приятно поздравить Вас с избранием на этот пост. Большинство читателей нашей газеты (ее тираж в ту пору составлял 100 тыс. экз. – В. Ч.) симпатизирует Вам и Вашей деятельности. Вы не могли бы немного рассказать о новой Конституции Абхазии, об истории появления этого документа?»[2].

Владислав, сделав достаточно подробный и глубокий исторический экскурс, рассказал о политических перипетиях, связанных с разными периодами истории Абхазии, о взаимоотношениях с соседней Грузией, о конституционных коллизиях между этими странами. По поводу же принятого 26 ноября нового Основного закона страны заметил: «Впервые за всю историю Абхазии мы приняли Конституцию, в которой целая глава посвящена правам человека. Она сориентирована на Всеобщую Декларацию прав человека. Гражданам Абхазии самых разных национальностей гарантируются равные права, в том числе избирательные во время выборов парламента. Решая вопрос о государственном языке, мы исходили из сложившейся в республике реальной ситуации. В Абхазии живут представители нескольких этнических групп, и языком общения между ними вот уже много десятилетий является русский язык. Он остается языком межнационального общения и языком официальным, поэтому используется в государственных документах. Подчеркнута в Конституции и важная роль абхазского языка. К большому сожалению, в последнее время реальные условия нашего существования привели к тому, что абхазский язык стал исчезать из употребления. Сейчас мы будем прилагать все усилия, чтобы открыть в республике хотя бы одну нормальную абхазскую школу. Ведь если из общего созвездия языков вдруг исчезнет абхазский язык, пострадаем мы все, не только Абхазия»[1].

По новой Конституции вводилась должность президента страны. На этот пост, как известно, был избран Владислав Ардзинба. Это событие также вызвало большой интерес у журналистов, как местных, так и российских. Корреспондент «Вестей» интересовался о том, например, решением каких вопросов, в первую очередь, займется глава Абхазии. Ардзинба отвечал ему следующее: «Как председатель ВС Абхазии я практически исполнял функции, которые выходили за рамки моих полномочий. Новая конституция только узаконила положение и проблемы, которыми я занимался… В первую очередь необходимо обеспечить людей продовольствием, производство – сырьем. Предстоит заниматься проблемами, связанными с непростой криминогенной обстановкой. В республике очень много оружия после войны. Одновременно я намерен произвести реорганизацию аппарата управления. Какие-то отраслевые министерства будут преобразованы в компании, концерны. Станут работать на хозяйственной основе и кормиться самостоятельно. Много проблем, связанных с нашими дальней-

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005 гг. Сухум, 2011. С. 160 – 161.

[2] Там же. С. 163.

[1] Там же. С. 164.

шими политическими шагами. В ближайшее время, уже в соответствии с новой конституцией, собираюсь представить в Парламент документы о предстоящих путях развития страны»[1].

Абхазия медленно восстанавливалась после войны. Сказывались послевоенная разруха, российские экономические санкции, отсутствие опыта налаживания хозяйственного организма страны у руководителей высшего и среднего звена, в основном, бывших партийных, советских и комсомольских работников. Было заметно, что происходит процесс стагнации, поскольку инициатива не шла с низов, все ждали, как при советах, указаний сверху, причем, это касалось руководителей всех звеньев, от районов и городов, до министерств и ведомств. Такое положение устраивало тех, кто привык «ловить рыбку в мутной воде», а таких, с личной выгодой пристроившихся к народному добру, к слову, в ту пору было предостаточно. Все это уже явно бросалось в глаза и газета «РА» выступила с установочной статьей на первой полосе, хотя редакцию на подобный откровенный разговор никто не уполномочивал. Итак, редакция, наряду положительными тенденциями в республике, также отмечала, что «… надо сказать и о другом. И сказать это честно, нелицеприятно. О наших проблемах, недостатках, просчетах. Они есть, и их тоже немало. Медленно разворачивают свою деятельность министерства и ведомства, организации. Создается такое впечатление, что некоторые руководители, в том числе высшего ранга, ждут указаний сверху, как это было раньше. По принципу – как бы чего не вышло того, боже упаси, что не понравится кому – то сидящему повыше. В городе существует, к примеру, проблема транспорта. С троллейбусными линиями – дело понятное. Но ведь можно организовать хотя бы несколько транспортных маршрутов в отдаленные районы города. Из Нового микрорайона в центр, в Синоп и т. п. Надо прекращать произвол с захватами домов и квартир, разворовывание госимущества, не

[1] Там же. С. 167.

говоря уже о частном. Разве секрет, что между мафиозными группировками ведутся разборки на предмет дележки тех или иных торговых точек, магазинов, предприятий сферы обслуживания? Если не поделили, значит надо ждать пожара. Но вести борьбу с этим – дело не только военного гарнизона, но и правоохранительных органов, милиции, прокуратуры. Их работа, прямо скажем, сегодня не особенно видна. Да и руководители иных предприятий оказались не на высоте, порой пассивно взирают на происходящее. Администрация города делает все возможное, это чувствуется, но нельзя все проблемы спихивать в ее адрес. Для чего же тогда все эти директора и начальники, иные из которых, к слову сказать, сами себя и назначили. Люди надеются, ждут, что Совет Министров, его аппарат, активнее проявят себя в наведении порядка, укреплении трудовой и исполнительской дисциплины в министерствах и ведомствах. Необходимо, на наш взгляд, вести более тщательный и принципиальный отбор наиболее способных, компетентных и честных руководителей ведомств, организаций и предприятий. Пора прекращать продвижение людей по принципу «хороший парень» - потянет, или на кланово – родственной основе. На одном из совещаний Председатель Парламента республики В. Ардзинба прямо отметил: если руководители не справляются, то надо оперативно освобождать таковых от своих обязанностей. Такая вот принципиальная постановка вопроса. Но, к сожалению, не все еще это усвоили. А пора бы. Время не ждет»[1].

Несмотря на «обидную» для руководящих верхов критику, ни одного протестного звонка редактору не последовало. Видимо, все расценили нелицеприятную публикацию в официальном печатном органе, как санкционированную главой страны. Кстати, и сам Ардзинба не поинтересовался, каким образом появилась в редакции идея публикации материала. Но редактору сообщили, что на совещании он отметил акцию газеты довольно скупыми,

[1] Газета «Республика Абхазия», №47, 17 ноября 1993 года.

но положительными репликами. Через некоторое время произошли существенные кадровые изменения в Совете Министров, в министерствах и ведомствах. Поменялись кадры в МВД и СГБ, других правоохранительных структурах. И, наконец, видимо, по следам выступления газеты, в редакцию пришел первый зам. Председателя Парламента Станислав Лакоба с предложением Владислава Григорьевича редактору «Республики Абхазия» занять должность начальника аппарата Совета Министров в ранге вице-премьера. Отказавшись от «почетной» должности, я также понял, что газетная инициатива могла вполне стать наказуемой и привести меня в стан тех же самых чиновников. Но это к слову о ситуации сразу в послевоенное время.

В тот сложный период, как уже отмечалось, для главы Абхазии, и в целом для всей республики стояли три главных вопроса: проблема безопасности страны, переговорный процесс, создание и укрепление политических и экономических основ абхазского государства. Наряду с ними, или, вернее, из них вытекали и другие важные задачи, такие, как миротворческий процесс, противодействие блокаде Абхазии, политическим и экономическим санкциям, введенным против республики 20 сентября 1993 года, в наказание за наступление на Сухум. Затем последовало ужесточение этих мер Россией в декабре 1994 года с подачи Грузии, но объявленных якобы в связи с Чеченской военной кампанией. Понятно, что и грузино-абхазский переговорный процесс, и вопросы безопасности, и блокада – звенья одной цепи: это стремление проигравшей войну Грузии, ее союзников отнять у победителя, т.е. у Абхазии ее победу уже в «мирных условиях». Россия, ООН, «группа стран – друзей Грузии» стали добиваться того путем давления, шантажа, установления, вместо помощи и реабилитации, блокадных условий жизни для жителей республики в послевоенный период.

Несмотря на то, что небольшой стране приходилось в одиночку вести неравную борьбу с мощными прогрузинскими силами, в начальный период переговоров с участием Абхазии был принят

ряд важных международных документов по политическому урегулированию конфликта, по беженцам и проблеме безопасности. По мнению исследователя С. Лакоба «прорывом в грузино-абхазском переговорном процессе явилось «Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта», подписанное сторонами в Москве 4 апреля 1994 г., а также представителями России, ООН и ОБСЕ в присутствии Генерального секретаря ООН, министра иностранных дел России и западных дипломатов. В нем отмечалось, что Абхазия имеет свою конституцию и законодательство, парламент и правительство, соответствующие государственные символы… В тот же день , 4 апреля было подписано четырехстороннее соглашение о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц в Абхазию помимо тех, кто совершил военные и другие серьезные преступления… Еще одно соглашение о прекращении огня и разъединении сил было подписано 14 мая 1994 г. Войска отводились в обе стороны на 12 км от реки Ингур. Тбилиси должен был вывести свои силы из Кодорского ущелья и уничтожить находившуюся там военную технику…»[1].

Будущее Абхазии, судя по многим высказываниям Ардзинба, ему всегда виделось в качестве суверенной и независимой республики. Но политические реалии, в которых доминировали силы, поддерживавшие Грузию, диктовали вести гибкую дипломатическую игру. Ведь силы и возможности были несоизмеримы: с одной стороны, вышедшая из разрушительной войны обескровленная маленькая страна, с другой – ведущие страны Запада, Ельцинская Россия, ООН, ОБСЕ – и все они в союзниках у Грузии. Вот потому глава Абхазии отвечает на вопросы журналистов следующим образом: «Представители западных государств рассказали мне в Женеве, что существует такая организация – «Друзья Грузии», к которой принадлежат самые могущественные державы мира.

[1] С. Лакоба. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? Саппоро, 2001. С. 90 – 91.

Неужели, это, в самом деле, достойное занятие – бороться всем миром против такого маленького народа? Наоборот, его нужно защитить. Мало того, если кто-нибудь действительно желает добра Грузии, стремится выступить в роли миротворца, то пусть создаст комитет «Друзья Грузии и Абхазии». Это действительно будет борьба за установление мира на Кавказе. Но… Односторонняя позиция, к сожалению, продолжает определять международную дипломатию… У нас есть два пути: полная независимость Абхазии и возможные поиски компромиссных решений с Грузией. Но мы не допустим, чтобы наши дальнейшие отношения строились по принципам отношений между метрополией и колонией. Конечно, это надо рассматривать за столом переговоров, возможно, путем референдума, но не давлением, не физическим уничтожением»[1].

И все же, чтобы смягчить напряженность и не попасть под пресс объединенных сил Грузии и могущественных союзников, Ардзинба вынужден, посредством различных средств информации, сообщать миру, что руководство Абхазии не отказывается вести переговоры по полномасштабному урегулированию грузино-абхазских отношений. В том числе по государственному устройству, по беженцам, по безопасности и другим вопросам. Так, отвечая на вопрос журналиста о том, как абхазский лидер относится к конфедеративному союзу Абхазии и Грузии, Ардзинба, как правило, всегда начинал разъяснять проблему из «далека», например, таким образом: «Должен сказать, что, даже когда война еще шла, мы уже начали вести переговоры о всеобъемлющем политическом урегулировании взаимоотношений Абхазии и Грузии. За эти полтора года достигнуты чрезвычайно важные результаты… По существу в Заявлении о политическом урегулировании констатируется , что на сегодняшний день нет государственно-правовых отношений между Абхазией и Грузией. Разрушение этих

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 138 – 139.

государственно-правовых отношений предпринято не Абхазией, а Грузией, которая упразднила Конституцию бывшей Грузинской ССР и перешла к конституции унитарного государства. Поэтому на переговорах ставился вопрос о возможном воссоздании государственно-правовых отношений. Это первое. Второе. В этом документе подчеркивается, что Абхазия не какой – то регион Грузии, что это – государство с соответствующими атрибутами и соответствующими полномочиями. Третье. В документе речь идет о том, что Абхазия и Грузия могут иметь совместные полномочия в определенных сферах деятельности, то есть создать союзное государство. Причем, если рассматривать те полномочия, которые Абхазия намерена передать в совместное ведение, то, по существу, судя по этим полномочиям, признается, что Абхазия является суверенным государством. То есть – все участники переговоров, которые подписали этот документ, фактически признали, что Абхазия является субъектом международного права. Это вытекает из смысла политического Заявления»[1].

Таковыми были политико-дипломатические приемы Владислава: на словах он не отрицал возможность неких государственно-правовых отношений с бывшей метрополией, на практике, которая длилась вплоть до 2005 года, проводил систематическую и гибкую политику «умиротворения» Грузии, ее союзников, и исподволь создавал основы для будущего признания Абхазии в качестве независимого государства. И его самым мощным оружием в этом процессе являлась информационная политика, возможности которой глава республики использовал сполна. Он прекрасно ладил с журналистами всех изданий, даже с теми терпеливо беседовал, которые и вовсе не разделяли его взглядов, были далеки от интересов абхазского народа. В итоге и эти средства информации знакомили сотни тысяч читателей с ситуацией в Абхазии, ее проблемами и перспективами. Конечно, ударной силой в его борьбе

[1] Там же. С. 176.

с оппонентами молодого и непризнанного абхазского государства выступали российские издания, информационные агентства, электронные средства информации. Они были пропагандистским рупором Ардзинба, он прибегал к их услугам и в моменты определенного успеха, и в периоды кризисов в отношениях с Грузией и Российской Федерацией. Причем, Владиславу не был присущ избирательный подход в контактах с журналистами тех или иных изданий: он мог подолгу беседовать как с журналистами центральных СМИ, так и региональных издании, с представителями патриотических или коммунистических средств информации, так и с теми, кто представлял, к примеру, либерально-демократическое направление российского информационного поля. Постоянной практикой Ардзинба в ту пору, впрочем, и во все периоды его деятельности, были систематические встречи с журналистами абхазских газет, радио и телевидения. При этом информационная программа была схожей с той, которая была определена и для российских СМИ. Но были и некоторые отличия. Разговор с местными журналистами всегда был более откровенным, раскованным, Ардзинба нередко делал отступления от темы своего очередного сообщения, доверительно предупреждая журналистов, что некоторые факты и детали, сообщаемые им, не для печати. И эти дополнительные сведения и факты по переговорному процессу, по взаимоотношениям с той же Грузией, ее покровителями – западными странами, посредником в лице Российской Федерации, создавали четкую и ясную картину тех реалий, в котором находилось абхазская республика. И в то же время убедительно демонстрировали ту гибкую, но вместе с тем принципиальную политико-дипломатическую деятельность, которую проводил руководитель Абхазии.

Информационная политика Ардзинба блокадного периода, с 1993 по 1999 годы, сыграла огромную роль в освещении и пропаганде российско-абхазских отношений, причем акцент делался на необходимости укрепления связей между нашими народами: политическими, экономическими, культурно-духовными. Несмотря на жесткие санкции, установленные Ельцинским режимом, Ардзинба всегда отмечал, что чиновничество и правители – это временное явление, а тесные связи и дружба между народами – самый действенный и постоянный фактор. В этом плане в рассуждениях Владислава, опубликованных, как в местной печати, так и российской, очень четко видна грань между понятием народа и государства Российского и теми, кто находится у власти. И говорит он о представителях власти, установивших блокадный режим, довольно нелестно, и это свое мнение доводит до прессы совершенно откровенно, не опасаясь того, что на российском политическом олимпе его оценка не всем будет по нраву. К примеру, таким образом: «Конечно, в России есть разные силы. Народ, я убежден, относится к нам с большой симпатией. А что касается лидеров – не буду скрывать: есть силы, заинтересованные в поддержке напряженности в Абхазии. И мы знаем эти силы»[1]. Или же: «Есть определенный круг влиятельных лиц, стоящих не на принципах посредничества, а лоббирующих определенные интересы. Я имею в виду Шумейко и Пастухова (председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ и первый зам. министра иностранных дел РФ соответственно – В. Ч.). Откровенно говоря, меня потрясает использование столь бездарных политиков. Шумейко всякий раз считает необходимым пройтись по Абхазии. По существу выступает в роли платного грузинского провокатора. Сейчас ему поручено проведение так называемой «мирной конференции по Кавказу». Еще не начав конференцию, он уже столько наломал дров, что вряд ли можно надеяться на какие – то результаты. Подключать к Кавказской политике людей, которые не пользуются никаким уважением на Кавказе – напрасная трата времени… Наши проблемы, прежде всего, связаны с МИДом России. Бездарная политика, которая проводится в отношении

[1] Газета «Голос Украины», 4 июня 1994 года. // Там же. С. 159.

Абхазии, – это политика МИДа. Это трактовка чиновников, которые до сего дня полагают, что их начальник живет в Тбилиси»[1].

Совершенно в ином ключе, отличном от характеристики высокопоставленного чиновничества, оценивает Ардзинба в своих выступлениях, интервью и беседах с журналистами различных средств информации отношения с Российским государством и народом. В этом разе он однозначно утверждает:«Совершенно очевидно, какие бы ни происходили события, наше развитие будет определяться, прежде всего, отношениями с Россией. Мы за самые тесные, братские отношения с ней. В России живут наши единокровные братья, народы России оказывали и оказывают нам помощь. В российских вузах получали образование тысячи жителей Абхазии. В Абхазии живут десятки тысяч русских, которым далеко не безразлично то, как будут складываться отношения Абхазии с Россией. Стремясь к укреплению связей с Россией, мы вступили в Ассоциацию республик Северного Кавказа и Юга России, обсуждаем возможности договоров с другими республиками. Мы надеемся, что нас не будут пытаться изолировать от России, что пока еще, к сожалению, делается. Поэтому мы выступаем за то, чтобы до полномасштабного урегулирования взаимоотношений Абхазии и Грузии заключить Временное Соглашение между Россией и Абхазией, которое решало бы проблемы финансов, экономических, культурных связей и т. п.»[2].

Этими акцентами в своих рассуждениях Ардзинба доводил до сведения читательской аудитории СМИ, с одной стороны, что не следует ожесточаться абхазам на Россию по поводу установленияею блокады, поскольку-де это делается режимом, но не народом российским. С другой – он очень смело, надо отметить, для лидера небольшого государства, пытался довести до российской общественности, российских государственников, и, в целом, до

[1] Газета «Правда», сентябрь 1995 года. // Там же. С. 1999.

[2] Газета «Республика Абхазия», 27 июля 1994 года. // Там же. С. 145.

населения, ущербность жесткой антиабхазской блокадной политики российских властей. В том числе и для интересов самой же Российской Федерации.

Такая постановка проблемы диктовалась тем, что у абхазского лидера в эпоху правления Ельцина, наблюдались с российским руководством непростые, а порой и драматичные отношения. Свидетельством тому беседа Владислава Григорьевича с корреспондентом газеты «Правда» Игорем Ленским, с которым у главы Абхазии сложились, можно сказать, товарищеские отношения. В одном из интервью Ленский спрашивал Владислава Григорьевича: «Изучая стенограмму трехсторонних переговоров (речь идет о переговорах в Москве 3 сентября 1992 года – В. Ч.), которые велись на крутых изломах грузино-абхазской войны, поражаешься жесткому, порой откровенно недружелюбному тону президента России по отношению к Абхазской делегации и лично к вам. Замечаете ли вы в последнее время хоть какое-то смягчение?». На прямой вопрос Ардзинба также откровенно отвечает: «Особого смягчения не замечаю. Для того, чтобы решить проблемы, надо хотя бы иметь возможность их обсуждать. Фактически такой возможности у нас нет. Скажем, последняя моя встреча с Борисом Николаевичем (состоялась в середине сентября 1994 года в Сочи – В. Ч.) касалась ситуации с беженцами, но не касалась абхазской проблематики в целом. Нам очень сложно довести свое мнение до правительства и парламента РФ. Все это время стоит унизительный вопрос: а кто готов меня принять? В этом состоянии мы продолжаем пребывать и сегодня… Роль России как великого государства – помочь малым народам жить без давления извне. Друзей выбирают не потому, что кто-то из них выше ростом и мускулистее, а потому, как они относятся к вам. Народ Абхазии самым дружественным образом расположен к России. Неужели его надо отталкивать только из-за того, что он маленький»[1].

[1] Газета «Правда», октябрь 1994 года. // Там же. С. 148 – 151.

Несмотря на одностороннюю позицию России в грузино-абхазском конфликте, Ардзинба не раз заявлял, что альтернативы российскому посредничеству нет. А вот Шеварднадзе, на мельницу которого, образно говоря, лила воду Москва, частенько декларировал, что Россия не справляется с ролью посредника в переговорном процессе, и что альтернативой ей вполне могли бы стать западные страны – «друзья Грузии» под эгидой ООН.В этом случае, заметим, как ни пытались российские политики и дипломаты услужить Тбилиси за счет ущемления абхазских интересов, грузины, несмотря на свое членство в СНГ, все равно постоянно обращали свой взор в сторону Запада, словно по присловью: «Сколько волка не корми, а он все равно смотрит в лес». Началом такого «ущемления» послужила блокада Абхазии, объявленная по инициативе Тбилиси и совершенная российским руководством, а если конкретнее, по проекту Козыревского МИД. Ужесточение санкций произвели якобы в связи с Чеченской войной, опасаясь притока добровольцев из Абхазии. На самом деле постановление российского правительства от 19 декабря 1994 года, фактически вводившее сухопутную и морскую блокаду Абхазии, имело иной замысел, поскольку позиция абхазского народа Москве была известна. И которую Ардзинба откровенно выразил ее в своем обращении к Президенту Б. Ельцину накануне войны, 9 декабря 1994 года. В том своем письме абхазский лидер настоятельно предупреждал: «Уважаемый Борис Николаевич! С глубокой озабоченностью и болью в Абхазии следят за развитием событий, связанных с Чеченской Республикой. Сегодня, когда речь идет о судьбе целого народа, репрессированного в недавнем прошлом, не время искать правых и виноватых, главное не допустить кровопролития. Нет таких проблем, которые при наличии доброй воли нельзя было бы решать за столом переговоров, тем более, что руководство Чеченской Республики готово на диалог. Мы надеемся, что Вы и на этот раз со свойственной Вам мудростью, сумеете найти

мирное решение проблемы. Иной подход лишь в интересах врагов народов России»[1].

В этот период переговорный процесс был заморожен. Грузия выжидала, чем закончится Чеченская кампания, надеясь все же на победу Федералов и закручивание «гаек», по образу и подобию разгромленной Чечни, также и в Абхазии. «В самый разгар военных событий в Чечне и бомбардировок Грозного, – отмечает С. Лакоба, – Шеварднадзе заявил о готовности предоставить Абхазии такой статус, который Россия предоставит Чечне. Эта его позиция в период первой Чеченской войны «отражала уверенность… как в конечной победе федерального Центра над силами чеченского сепаратизма, так и в жестком подходе Москвы к послевоенному обустройству отношений между Центром и Чечней»[2].

Меж тем продолжала нарастать напряженность в отношениях Абхазии с Россией. Этому способствовали как руководители Грузии, так и российские политики типа Шумейко, которого Ардзинба назвал в печати «платным грузинским провокатором». Тем не менее, шла активная кампания по дискредитации республики, которая могла в определенный момент перейти в горячую стадию, то есть, разразиться новым военным конфликтом с Грузией, при открытой поддержке России. Это сразу же уловил Ардзинба и оперативно сделал ряд публичных заявлений и обращений по опровержению враждебных Абхазии замыслов и инсинуаций. Так, было распространено средствами информации, в том числе российскими, заявление абхазского президента (22 декабря 1994 года) относительно высказываний высокопоставленного московского чиновника, в адрес которого Ардзинба отмечал: «Заявление господина Шумейко, Председателя Совета Федерации, является абсолютно беспочвенным. Известные силы сознательно вводят в заблуждение высокое должностное лицо России (имеется в виду Б. Ельцин

[1] Газета «Республика Абхазия», 16 декабря 1994 года. // Там же. С. 168.

[2] С. Лакоба. Абхазия де – факто или Грузия де-юре? Саппоро, 2001. С. 95. // Анчабадзе Ю. Грузия – Абхазия… С. 118.

– В. Ч.). Со всей ответственностью могу заявить, что на территории Абхазии нет никаких баз для подготовки боевых групп, и не один человек не был направлен органами государственной власти Абхазии для участия в боевых действиях в Чеченской Республике. Позиция руководства Абхазии была изложена в моем обращении к Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину, направленном еще 9 декабря, в котором я высказался за мирное разрешение проблемы. Эта позиция остается неизменной. Мы готовы принять представителей России, которые могли бы ознакомиться с ситуацией на месте»[1].

В тот же день, 22 декабря, В. Ардзинба направил личное послание президенту Российской Федерации Борису Ельцину, в котором явно сквозили откровенность и доброжелательность по отношению к российскому руководителю и великой стране. В нем, в частности, отмечалось: «Как вам известно, народ Абхазии всегда связывал свои надежды с благополучием и процветанием великой России. Поэтому с такой болью в Абхазии воспринимаются попытки организовать кампанию по дискредитации народа и очернению руководства республики в Ваших глазах. В этой связи особую тревогу вызвало обвинение, прозвучавшее в выступлении председателя Совета Федерации России г-на Шумейко и его предложение вывести миротворческие силы из зоны грузино-абхазского конфликта. Со всей ответственностью заверяю Вас в том, что в Абхазии не было, и нет баз для подготовки каких – либо боевых формирований, что засвидетельствовано командованием миротворческих сил и наблюдателями ООН в Абхазии… Всегда с теплотой вспоминаю ту огромную помощь и поддержку, которую Вы оказывали и продолжаете оказывать народу Абхазии, перенесшему войну. Надеемся, что Россия и впредь будет играть важную роль посредника в достижении полномасштабного урегулирования грузино-абхазского конфликта»[2].

[1] Газета «Республика Абхазия», 23 декабря 1994 года.

[2] Газета «Республика Абхазия», 28 декабря 1994 года.

Любезный тон и весьма гибкая тактика абхазского лидера была в тот период продиктована некоторыми обстоятельствами, неизвестными широкой аудитории. Например, тем, что незадолго до чеченских событий В. Ардзинба был приглашен в Москву, где встречался почти со всеми высокими кремлевскими руководителями, то есть, с так называемым окружением президента Б. Ельцина. А дело было в том, что накануне войны в Чечне президента В. Ардзинба, пригласив в Москву, на самом высоком уровне предложили поддержать план военных действий и заявить в российских СМИ о своей солидарности в вопросе наведения в Чечне «конституционного порядка». «Ардзинба, разумеется, без каких-либо колебаний, наотрез отказался. Он понимал, что такой его шаг будет расценен как акт предательства по отношению к чеченским добровольцам, защищавшим свободу Абхазии от грузинских агрессоров. Кроме того, во время встреч с российскими политиками, он настойчиво предостерегал их от военного пути решения чеченской проблемы. Предлагал себя в посредники, гарантируя, что все спорные вопросы можно уладить за столом переговоров. Это также вызвало раздражение в верхах, у всесильных министров: Грачева, Ерина, Козырева, возглавлявших министерства – обороны, внутренних и иностранных дел. Именно они склоняли Б. Ельцина к военным действиям, обещая быстрое и почти бескровное решение проблемы. Тому подтверждением приснопамятное выражение: «Одним, мол, десантным полком возьмем Грозный»[1].

Почти все российские «силовики»уговаривали Владислава Григорьевича поддержать наведение «порядка» в Чечне. Говорил с ним на эту тему и руководитель Администрации Президента России В. Юмашев, ссылаясь при этом на Ельцина: дескать, Борис Николаевич, просил подключить Ардзинба, учитывая его авторитет среди народов Северного Кавказа. Но и это не поколебало мнения Владислава, что надо эту проблему решать мирным путем.

[1] В. Чамагуа. Эпоха Владислава, Хроники. Сухум, 2013. С. 174 – 175.

И, когда он убедился, что бесполезно разговаривать с теми, кто уже наметил войну до победного конца, обратился, как уже отмечалось, к российскому президенту с Обращением, предлагая Москве отказаться от военного пути решения взаимоотношений с Чеченской Республикой. Но машина войны уже была запущена. Ведь ни один заметный политик, кроме Владислава Ардзинба и Юрия Калмыкова, в знак протеста ушедшего в отставку с поста министра юстиции Российской Федерации, не протестовал против войны в Чечне. А вот лидер Абхазии открыто высказал свое мнение, что не приемлет войну в отношении репрессированного народа, который, к тому же, одним из первых на Кавказе, откликнулся на абхазскую беду. И тогда в отношении «Абхазии и ее «строптивого главы» последовало соответствующее наказание – жесткая блокада: политическая, экономическая, информационная»[1].

В то время, когда Ардзинба доказывал в Кремле неприемлемость военного пути в отношении Чечни, ратовал за мирный путь разрешения российско-чеченских отношений, такие же требования выдвигала на митингах и собраниях абхазская общественность: политические партий, движения и организации. Не оказалась в стороне и газета «Республика Абхазия», регулярно освещавшая ситуацию на Северном Кавказе, в том числе и в Чечне. Российские войска все же вошли в Чеченскую Республику, и почти в то же время в государственной газете появляется передовая статья, прямо – таки наполненная гневным пафосом, в которой эмоции, надо думать, перевешивали разумную логику, учитывая положение блокадной Абхазии, и козни ее врагов, многочисленных оппонентов и недоброжелателей. В общем, автор публикации, испытавший на своей шкуре последствия вторжения грузин в Абхазию 14 августа 1992 года, не смог сдержать себя в декабре 1994 года.14 декабря того года в материале под броским заголовком «Тбилисский синдром» Кремлевских политиков» «РА» сообщала: «Итак, «Тбилисский синдром» полностью овладев умами кремлевских политиков, толкнул их на силовое решение чеченского вопроса. Снова, как это уже было у нас в Абхазии, вместо политических способов решения проблемы, упор был сделан на танки, авиацию, артиллерию. Тактика и стратегия московских «ястребов» явно рассчитана на блицкриг: рассечение Чечни танковыми колоннами, окружение Грозного и затем уже на подавление политической воли законно избранных властей суверенной республики. Но одно не уяснили себе проводники силовой политики: Чечня – это не Грузия. Свалить Гамсахурдия с помощью российских штыков было нетрудно, поскольку дело было в очередной замене кумира более лояльной фигурой. В Чечне же решается вопрос жизни и смерти свободной республики – сегодня Чеченской, завтра – остальных республик Северного Кавказа. Поэтому нет сомнения, что каждый чеченец, стар и млад, станут стеной на пути «танко-демократии» Козыревых, Грачевых, Ериных и им подобных… Надо бы также уяснить кое-кому в верхах в Москве: не бывает свободы избирательной, только для больших народов, и коли подминаешь свободу народов, пытаешься свергнуть неугодных лично президентов, то тем самым создаешь прецедент по отношению к самому себе. Благо, желающих этого в белокаменной предостаточно… Народу Абхазии до боли знакома такая картина. Ибо он пережил подобную агрессию грузинских шовинистов, разглагольствовавших, подобно московским лидерам, о неделимости, целостности, неотъемлемости – форме, столь близкой сердцу политикам имперской закваски…»[1].

Словом, вся публикация сверх меры была напичкана и впрямь нелестными оценками и характеристиками представителей высшего российского руководящего олимпа. Я, как автор статьи, и как редактор, разумеется, представлял себе, что без последствий

[1] Там же. С. 175.

[1] Газета «Республика Абхазия», №94, 14 декабря 1994 года.

такое вряд ли могло остаться. Газета вышла во второй половине дня, а уже в следующее утро был приглашен в кабинет президента. Понимал отчетливо: предстоит большой разнос. И не ошибся: «Как вошел в кабинет сразу заметил: Владислав взбешен. Он был на ногах, и, быстро прохаживаясь, держал гневный монолог: «Кто вам дал право разнузданно толковать политику России. Почему несете отсебятину?! Вы, что, умнее всех!» – так, примерно, звучали его слова. Осмотревшись, я увидел, что в кабинете, кроме меня, находятся первый зампредседателя Верховного Совета Станислав Лакоба, гендиректор Абхазского ТВ Гурам Амкуаб и помощник главы Абхазии. Меня заело. Я понял, что гендиректор ТВ приглашен за компанию, что бы знал, как наказуема неразумная инициатива и сделал соответствующие выводы. Так я подумал тогда. И, не сдержавшись, отвечал президенту довольно опрометчиво. Хотя потом, позже, до меня дошло, что лучше было бы тогда промолчать: прошел бы гнев, как летняя гроза. И не оказались мы с Владиславом на грани разрыва отношении. Но, будучи в запале и, ослепленный обидой, говорю: «Я что, уже не имею права высказать собственное мнение. Моя статья, как я полагаю, не означает позицию руководства государства». Это, конечно, была слабая аргументация, учитывая статус газеты. И посему получилось, что подлил масла в огонь: «Посмотрите, – воскликнул Ардзинба, – все умные, оказывается, а я вот, видите ли… – Есть же определенные рамки разговора – в спокойном, сдержанном тоне. Вам, что, неведомо как я призывал к мирному разрешению проблемы. И в Москве говорил об этом, и о том же писал в письме к Ельцину. Почему же вас не устраивает такая постановка вопроса? Вместо того ваш лексикон, все, что пишете, создают нам очень серьезные проблемы». Я хотел опять что-то добавить в свое оправдание, но тут подошел ко мне С. Лакоба и тихо на ухо сказал: «Он всю ночь не спал, звонили ему из Москвы и, ссылаясь на статью, пригрозили: запомним, дескать, вашу позицию». Честно говоря, я тогда здорово обиделся и заметил Станиславу: «Передай, я пошел собирать свои вещи…».

Вскоре, однако, вернее, на следующий день произошло наше с Владиславом «замирение». Утром, часов в 10, прозвучал звонок… Из правительственного аппарата раздалось: «Здравствуй, старик, прошу тебя, если не очень занят, подойди, хочу поговорить…». В кабинете Ардзинба находился С. Лакоба. Мы поздоровались. Владислав пригласил меня за журнальный столик. Секретарь приемной тотчас занесла три чашки кофе. Я молчал… Владислав, конечно, догадывался о том, что творится у меня на душе. Отпив кофе, он поднял на меня глаза и сказал: «Как ты думаешь, у меня не болит душа за то, что сейчас происходит в Чечне? Содержание твоей статьи, должен заметить, в основном соответствует реалиям и чувствам всех абхазов. Но эмоции и присутствующий там лексикон – могли бы быть иными. Я, как и ты, да и все нормальные люди, не приемлю эту войну, сопереживаю с чеченским народом. Действительно, народ в тяжелейшей ситуации. Но, уверяю тебя, мы были в еще худшем положении, стоял вопрос: быть или не быть Абхазии. Я пока не могу сказать обо всем: о тех, кто создал нашему народу трагические условия, и о тех, кто заранее предрешил его судьбу. И сегодня, буду откровенен, мы еще не преодолели опасную черту, у нас немало оппонентов, о врагах я уже не говорю – они известны. Как полагаешь, каким образом, в день выхода газеты, твоя статья уже лежала в российском МИДе?». – «Грузины, конечно, постарались, они это умеют», – вместо меня ответил Станислав Зосимович. – Владислав же продолжил: «Затем ее подсунули кремлевским чиновникам. И мне звонят из Москвы высокопоставленные лица из окружения Российского президента и разговаривают как с руководителем враждебного с Россией государства...»[1].

Вообще, надо отметить, что это было тревожное время, длившееся вплоть до прихода к власти В. В. Путина. В любой день, месяц и год из того периода Абхазия никак не была застрахована от

[1] В. Чамагуа. Эпоха Владислава. Хроники. Сухум, 2013. С. 175 – 178.

новой агрессии Грузии. Перманентно возникали напряженные отношения, готовые перерасти в военные действия, причем, за спиной Тбилиси в подобных ситуациях нередко находились западные союзники или же Ельцинское руководство, у которых были свои цели и задачи. Ардзинба ясно понимал, что большие игроки используют противоречия между Грузией и Абхазией для реализации своих планов в геополитической борьбе за освоение региона Южного Кавказа. Шеварднадзе, думается, также догадывался о том, что и его страна объект политических интриг, но все же верил в свой имидж и непререкаемый авторитет, наработанный за былые заслуги, который обеспечивал ему, до поры, до времени, поддержку влиятельных западных политиков. В Москве к тому относились ревниво, побаиваясь, что грузинский лидер, при случае, не преминет ускользнуть из «пут» СНГ в стан западных союзников. И потому, в угоду реваншистским амбициям главы Грузии, вовсю давили на Сухум, грубо и бесцеремонно проталкивая, пока на бумаге, планы интеграции Абхазии в состав бывшей метрополии. Свидетельством тому письмо В. Ардзинба (13 июля 1995 года) Председателю Совета Глав Государств – членов СНГ, Президенту РФ Б. Н. Ельцину. Глава Абхазии доводит до сведения Ельцина об одностороннем, без ведома абхазских властей, изменении Мандата коллективных миротворческих сил. Он, в частности, отмечает: «В новом Мандате (от 26 мая 1995 года – В. Ч.) появились такие пункты, как обеспечение систем жизнеобеспечения населения (Ингур ГЭС и другие), создание условий для безопасного и достойного возвращения беженцев, осуществления контроля над расформированием и выводом всех добровольческих формирований. Таким образом, без нашего ведома в Мандат миротворческих сил внесены существенные изменения, что является нарушением Соглашения от 14 мая 1994 года, в котором четко определены их цели и задачи. С правовой точки зрения это является ущемлением законных интересов Республики Абхазия, если даже считать ее только стороной в конфликте… Мы хотели бы получить

разъяснения на все эти вопросы и в зависимости от них определить свои дальнейшие действия»[1].

Ущемляли интересы Абхазии в ту пору скоординировано и ООН, и ОБСЕ, и СНГ, и «друзья Грузии», доминировавшие во всех высоких международных организациях. Возьмем, к примеру, январский 1996 года саммит Глав Государств СНГ. Как отмечает исследователь А. Авидзба, 9 января 1996 г. В. Ардзинба обратился к главам СНГ с предложением не рассматривать вопрос Абхазии без участия ее представителей «во избежание принятия решений, основанных на односторонней информации». Несмотря на это, 19 января саммит глав СНГ принял «решение о мерах по урегулированию в Абхазии, Грузия», в котором осуждалась «деструктивная позиция абхазской стороны» и подтверждалось, что «Абхазия является неотъемлемой частью Грузии». Страны СНГ брали на себя обязательства без согласования с Грузией не осуществлять торгово-экономические, финансовые, транспортные и иные операции с властями абхазской стороны; не вступать в официальные контакты с представителями или должностными лицами структур, существующих на территории Абхазии; не допускать функционирования на своих территориях представительств властей Абхазии. Более того, саммит обратился к Совету Безопасности ООН с призывом поддержать меры воздействия на власти абхазской стороны и рекомендовать всем государствам – членам Организации присоединиться к этим мерам. Тем самым, государства – члены СНГ, за исключением Беларуси и Туркменистана, не подписавшихся под названным решением, согласились поставить Абхазию на грань физического выживания, чтобы заставить ее отказаться от своих завоеваний в ходе навязанной ей войны»[2].

Подобные позорные акты, резолюции и постановления готовились, разумеется, с подачи Грузии, ее тексты иной раз помещались

[1] Газета «Республика Абхазия», 19 июля 1995 года.

[2] А. Ф. Авидзба. Проблемы военно – политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга II. Сухум, 2013. С. 597.

в документы международных организаций целыми кусками, почти без изъятия и правки. Например, в Меморандуме о поддержании мира и стабильности в Содружестве Независимых Государств, принятом 10 февраля 1995 года в г. Алматы два пункта из девяти даны в грузинской транскрипции. В частности, в 7-м и 8-м пунктах отмечается, что «Государства – участники Содружества на своих территориях, в соответствии с национальным законодательством и международными нормами, будут предпринимать меры для пресечения любых проявлений сепаратизма… Государства обязуются не поддерживать на территории других государств – участников сепаратистские движения, а также сепаратистские режимы, если таковые возникнут; не устанавливать с ними политических, экономических и других связей; не допускать использование ими территории и коммуникаций государств – участников Содружества; не оказывать им экономической, финансовой, военной и другой помощи»[1]. Также в Заявлении Совета Глав Государств СНГ от 26 мая 1995 года отмечается, что «конфликт повлек за собой гибель тысяч людей, в большинстве своем мирных жителей. Более трехсот тысяч (?!) человек вынуждены были покинуть места постоянного проживания. За пределами Абхазии оказалось практически все грузинское население, составлявшее 47 процентов ее жителей. В специальной резолюции (также с подачи Грузии – В. Ч.) Будапештская встреча ОБСЕ на высшем уровне выразила глубокую озабоченность в связи с этнической чисткой, массовым изгнанием населения – преимущественно грузинского – из мест проживания и гибелью большого числа невинных гражданских лиц. В своей резолюции 993 (1993 год) Совет Безопасности ООН отмечает «продолжающееся противодействие возвращению беженцев и перемещенных лиц со стороны абхазских властей»[2]. Тот же самый текст содержится в резолюции ООН от 12 мая 1995 года,

[1] Сборник документов, касающихся вопроса урегулирования конфликта в Абхазии... (1992 – 1999 гг.). Тбилиси, 1999. С. 51.

[2] Там же. С. 59.

в частности, отмечающем, что выражается сожаление «по поводу продолжавшегося противодействия такому возвращению абхазских властей… И подчеркивается, что «возвращение беженцев и перемещенных лиц в Гальский район явилось бы желательным первым шагом»[1]. Здесь явная неосведомленность ООН, которую ввели в заблуждение грузинские информаторы. Впрочем, тогда уже в Гальском районе, чему я свидетель (мне показывал списки вернувшихся беженцев в 1994 году зам. главы Администрации района В. Ломия), проживало около 30 тысяч жителей, вернувшихся из Грузии по доброй воле абхазских властей. Об этом не могли не знать наблюдатели ООН и Командование миротворческих сил СНГ.

Таким манером, с участием высокопоставленных зачинщиков агрессии против Абхазии в августе 1992 года – Шеварднадзе и Ельцина – происходил процесс шельмования «без вины виноватого» абхазского народа. С того самого времени был взят под прицел нечистоплотных политиков «неуступчивый» в сдаче национальных интересов абхазский лидер. Документально оформленная «сильными мира сего» большая ложь: изгнание всего грузинского населения, этнические чистки, противодействие возвращению беженцев – все это должно было служить кампании по дискредитации В. Ардзинба в глазах мировой общественности, со всеми вытекающими отсюда последствиями. На самом деле все обстояло, что подтверждалось неопровержимыми фактами, совершенно наоборот. Этнические чистки на оккупированной территории в 1992–1993 гг. вовсю практиковали Шеварднадзе и его подручные, выселившие под корень представителей национальных общин Абхазии – греков и евреев. Активно шел процесс выселения русских. Что касается абхазов, то их, в основном, отстреливали, а тем, кому повезло – добирались чудом до свободной территории. О планировании этнических чисток и их реализации на практике есть документальные сведения. Не раз о том писали средства ин-

1 Там же. С. 60.

формации, и российские, в том числе. Так, к примеру, на вопрос корреспондента Санкт-Петербургской «Смены» – правда ли, что во время войны на переговорах, у одного из переводчиков пропал некий текст, в котором были запротоколированы высказывания каких – то западных дипломатов о необходимости депортации из Сухуми негрузинского, в том числе русского населения, Ардзинба отвечал: «Мы обладаем оригиналами записи бесед (Шеварднадзе и представителей ООН – В. Ч.) с бывшим послом Германии в Грузии Дальхофом и нынешним послом США в Грузии К. Брауном. Там речь шла о проведении будущей границы между Грузией и Абхазией по реке Гумиста (была такая большая идея – определить абхазам один только Гудаутский район). Дальхоф прямо заявил, что всех негрузин надо выселить из Сухуми и что этническая чистка есть фактор стабилизации. Да это фактически и происходило. Евреев и греков посадили на корабли и отправили в Израиль и Грецию. Русских и армян тоже вывозили и выводили. Абхазцев просто истребляли». – Простите, переспросил корреспондент Владислава Григорьевича, – термин «этническая чистка» в словах посла точно присутствовал? - «Да, именно этническая чистка», – подтвердил Ардзинба[1].

Владислав Григорьевич также совершено четко и убедительно комментировал средствам массовой информации сфальсифицированные Тбилиси и их покровителями цифры по проблематике грузинских беженцев. Как раз на этом грузинские лидеры строили свою спекулятивную политику давления на абхазские власти. «Сколько грузинских беженцев Вы готовы вернуть в Абхазию?» – спрашивали главу Республики журналисты. – «Речь не должна идти о количестве, – отвечал он. – Есть четырехстороннее соглашение, в котором сказано, что те люди, которые не воевали, не совершали преступлений, могут добровольно вернуться… Сегодня в

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 189.

Гальский район вернулось уже около сорока тысяч грузин. Мы предлагали зарегистрировать этих людей, чтобы могли гарантировать им безопасность, чтобы здесь никто не начал сводить с ними счеты, но по инициативе грузинской стороны, поддержанной управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев и, к сожалению, Россией, нам предлагают осуществить массовое и одновременное возвращение беженцев. Но такого нигде и никогда в мировой практике не было. И в четырехстороннем соглашении говорится именно об упорядоченном возвращении. Мы предложили первым делом зарегистрировать те 40 тысяч беженцев, что уже вернулись, и еженедельно возвращать еще до 200 человек. Нам говорят, нужно 200 человек в день. Нам говорят – или массовое возвращение, или не вернется никто. При этом еще ни рубля на этих людей нам никто не давал, хотя это, как и многое другое, тоже записано в документах. Я вам скажу, для чего это делается, – терпеливо и аргументированно разъясняет суть проблемы представителям прессы глава Абхазии. – Прежде всего, цифры беженцев завышены. В документах ООН фигурирует цифра – 300 тысяч, но по данным последней переписи, здесь жило 240 тысяч грузин. Не может быть, чтобы за годы войны их количество увеличилось до 300 тысяч. Из этих 240 тысяч, следует вычесть те 40 тысяч человек, что вернулись в Гальский район, и еще около 30 тысяч, что живут в других районах Абхазии. Кроме этого, большая часть беженцев давно уже выехала за пределы Грузии, и живет в России. Тем не менее, грузинская сторона все время говорит о 300 тысячах беженцах из Абхазии. Потому что под эти 300 тысяч она получает гуманитарную международную помощь и использует ее по своему усмотрению. Плюс, они имеют возможность все время ссылаться на то, что абхазцы не хотят идти навстречу»[1].

К середине 90-х Грузия, ООН и Россия изменили содержание, тактику и стратегию переговорного процесса по грузино-

[1] Там же. С. 188 – 189.

абхазскому урегулированию. В этой связи на своей очередной пресс-конференции для абхазских и российских журналистов В. Ардзинба отмечал: «Главная сложность состоит в том, что сейчас как Грузия, так и МИД России, являющийся посредником в переговорах, стали уходить от подписанных ранее документов о политическом урегулировании и возвращении беженцев, пытаются навязать нам неприемлемые для нас решения. Мы же являемся сторонниками того, что уже подписано, и не собираемся отходить от этих позиций». Президент Абхазии «подчеркнул важную роль России в переговорах», но также отметил, что, «к сожалению, факты говорят о том, что у России пока нет четкой политики на Кавказе»[1]. Эти выводы Ардзинба подтвердились в ходе начавшихся в Москве в конце августа 1995 года четырехсторонних переговоров по проблеме грузино-абхазского урегулирования. Комментируя их в средствах информации, абхазский лидер отмечал, что «от общественности скрывается тот факт, что нам на стол кладут документ, подготовленный грузинской стороной, вынуждают его подписывать и еще обвиняют в том, что мы его не подписываем»[2].

Владислав Григорьевич, в своем противостоянии оппонентам в политическом и дипломатическом единоборстве, мог рассчитывать, в силу сложившихся обстоятельств, в качестве союзника, в основном, на российскую общественность, которая, безусловно, влияла на руководство страны – посредника в переговорном процессе. Проводниками этого влияния, в значительной мере, а иной раз и вовсе единственным фактором воздействия, были российские средства информации. И потому, как только возникала напряженная обстановка в отношениях с абхазскими оппонентами, Ардзинба тотчас, призвав журналистов на пресс-конференции или брифинги, а то и просто для беседы, разъяснял суть возникшей проблемы по политической ситуации, вопросам урегулирования и беженцам. Таким образом, независимо от предпочтений и воззрений того или иного печатного органа, позиция абхазского руководства становилась известна политикам, общественности, населению той или иной страны. В этом плане, разумеется, ставка делалась на Российскую Федерацию, как основного игрока в грузино-абхазском урегулировании. Периодически, к Москве также обращалась и Грузия, которая в то же время имела мощную поддержку ведущих западных стран. Как ни покажется странным, эту захудалую страну, возглавляемую бывшим партийным функционером, с большим рвением «обслуживали» и на Западе, и на Севере. И, как правило, в обоих случаях в абхазском вопросе брали сторону Грузии. Потому Владиславу Григорьевичу приходилось постоянно быть начеку и ждать тех или иных коллизий и от Тбилисского руководства, и от их союзников. Как, скажем, тогда, когда грузины и посредники фактически отказались от ранее согласованных сторонами в конфликте на уровне международных организаций документов по грузино-абхазскому урегулированию. Главе Абхазии, в знак протеста, оставалось только обратиться к средствам информации, выражая, таким образом, свое несогласие и возмущение двойными стандартами, избирательно применяемыми участниками процесса урегулирования, в одном случае к Абхазии, в другом – к Грузии. Например, договорились вроде после войны, приняли Заявление от 4 апреля 1994 года, причем, с участием ООН и России. В соответствии с ним Абхазия и Грузия согласились на равносубъектные отношения в случае создания общего или союзного государства. И вдруг, словно черт из табакерки, появляется у посредников, но явно грузинская, новая формула государственного обустройства Абхазии.

И снова, обращаясь к российским изданиям, Ардзинба разъясняет: «Так называемые «новые предложения» сводятся к тому, что Грузия станет Федеративным государством. Это преподносится как великое открытие. Во-первых, те принципы федерализма, о которых говорит Грузия, в действительности таковыми не явля-

[1] Там же. С. 190. // Газета «Республика Абхазия», 30 августа 1995 года.

[2] А. Ф. Авидзба. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга II. Сухум, 2013. С. 596.

ются. Речь идет о каком-то провинциальном делении территории государства. Но провинция – это субъект Федерации. С другой стороны, извините. В идее федерализма для Грузии ничего нового нет. Эту идею мы предлагали до войны. Более того, советская Грузия возникла и существовала как федеративное государство. Согласно грузинской Конституции 1927 года, Абхазия и Грузия находились в договорных отношениях друг с другом. Даже по последней Советской Конституции, когда Абхазия входила в состав Грузии на правах автономии, это была федерация. Так что в новой идее ничего нового нет». Сделав небольшой экскурс в советское прошлое, Владислав, возвратившись к «повестке дня», уточняет абхазские позиции: «Сегодня мы выступаем, – продолжает он, – за равносубъектные отношения. В рамках этого и могут возникнуть отношения территориальной целостности. Это не значит, что Абхазия входит в Грузию, а Грузия и Абхазия заключают между собой договор. Я вполне готов к диалогу в любое время, хоть сегодня. Пусть будет предложено место за пределами Абхазии или Грузии. Нам надо встретиться в спокойной обстановке. Обсудить все проблемы, многие из которых можно было бы и снять. Но, к сожалению, у меня такое ощущение, что Шеварднадзе сковывают определенные силы, и пока он не вполне осознал смысл всего, что произошло в последнее время. Начиная с момента войны»[1].

Весьма интересны характеристики действующих политиков в рамках грузино-абхазского урегулирования, о неприглядных и неконструктивных деяниях которых абхазский президент откровенно рассказывает корреспондентам российских изданий. И приводит такой пример: «… В Москве на нашу делегацию оказывалось давление с тем, чтобы мы согласились на грузинский вариант (о вхождении Абхазии в состав федеративной Грузии – В. Ч.). Более того, Борис Пастухов утверждал, что если даже Абхазия и Грузия

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлении В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 193.

по союзному государству между собой договорятся, то Россия это не признает. Вот таков уровень посредничества! Считаю, что это не честный способ ведения переговоров… Грузинский документ об урегулировании предложен нам посредником в лице г-на Пастухова. Посредник, если я правильно понимаю русский язык, это тот, кто помогает двум конфликтующим сторонам найти верное решение, содействует в равной степени одним и другим. Но если этот посредник занимает одностороннюю позицию, кладет нам на стол грузинский план урегулирования, а потом делает заявление о том, что абхазская сторона срывает переговоры, то это довольно странный посредник… В период сталинизма… мы, абхазы, чудом уцелели от уничтожения. За время войны с Грузией был организован самый настоящий геноцид. И вот, после этого нам предлагают войти в состав государства, которое на протяжении десятилетий ставит перед собой цель – истребление нашего народа»[1].

Весьма подробно останавливается Ардзинба на персоне своего главного противника Э. Шеварднадзе в беседе с башкирским журналистом Ириной Николаенко, которой он поясняет: «Что касается заявления г-на Шеварднадзе о том, что Абхазия якобы сорвала переговоры, и теперь Россия должна принять меры, чтобы заставить ее принять грузинский план урегулирования, то я могу сказать, что господин Шеварднадзе привык загребать жар чужими руками, и ему очень хочется руками России заставить Абхазию пойти на условия Грузии. Я думаю, что его надежды довольно безосновательны. Возможно, он надеется на г-на Пастухова? Но ведь кроме Пастухова в России есть и другие люди. Есть руководство России, есть и сама Россия. Поживем – увидим. Что же касается силового варианта разрешения наших отношений с Грузией, которым нам пригрозил Шеварднадзе, то ведь нам не привыкать. Мы уже потеряли счет подобным угрозам. В Грузии говорят, что если Россия силовым методом решает проблемы в Чечне, то почему бы и Грузии

[1] Там же. С. 204 – 206.

не попробовать то же самое с Абхазией? Но Грузия уже пыталась силой разобраться с Абхазией. Мы результаты знаем. Думаю, что следующая попытка будет иметь еще более плачевные результаты для Грузии… Покушение на Шеварднадзе, со всей очевидностью показывает, насколько сильны внутригрузинские противоречия. В этом государстве, на мой взгляд, существует совершенно очевидный авторитарный режим, который представляет собой осколок тоталитарной системы, случайно оставшийся на территории бывшего СССР, где организуют преследования и гонения на инакомыслящих, их там просто физически уничтожают… На этом фоне выглядят весьма забавно рассуждения господ на Западе и некоторых демократов в России о том, что Шеварднадзе – это тот лидер, который может обеспечить развитие демократии в Грузии. Это, как минимум, забавно. Почему? Да потому, что Шеварднадзе один из наиболее ярких представителей тоталитарного режима, человек, который несет прямую ответственность за все несчастья, которые происходили и происходят на территории бывшего СССР, и не только СССР. События в Югославии это ведь тоже следствие тех изменений, которые произошли при его участии. Он несет ответственность и за то, что значительная часть достояния Союза за рубежом пропала. Человек, который долгие годы преследовал всех, кто думал иначе, - вдруг стал демократом? Я в это никогда не поверю. Как не поверью и в то, что человек, который никогда не верил в Бога, в преклонных годах стал истинным христианином»[1].

Проводником политических интересов Запада в ближайшем окружении Ельцина являлся глава МИД России Андрей Козырев, ныне проживающий в США. Он, как известно, был ярым противником абхазской независимости, и, естественно, главным оппонентом абхазского лидера в российском руководстве. Многие несчастья Абхазии, начиная с военной поры, связаны с Козыревым, являвшимся, как и Шеварднадзе, креатурой Госдепа США, что и сблизило их и по службе во внешнеполитическом ведомстве бывшего СССР. Безусловно, Ардзинба был прекрасно осведомлен о том, но, как он не раз отмечал, без МИДа великой страны обойтись было нельзя. Тем не менее, глава Абхазии нередко подвергал критике это ведомство, и причины для этого были в избытке.

[1] Там же. С. 206 – 208.

В таких случаях, как свидетельствуют многие публикаций, в том числе и в российских газетах, Владислав Григорьевич откровенно заявлял журналистам: «К сожалению, наши проблемы в урегулировании конфликта в значительной степени связаны с МИД России. Но мы делаем четкое разделение: это позиция МИД, а не России. Для нас Россия – совершенно иное. Для нас Россия – это великое государство, с которым мы самым тесным образом связаны столетиями. Для нас Россия – это великий русский народ и другие братские народы, с которыми мы поддерживаем самые добрые отношения. Мы считаем, что в России есть совершенно определенное отношение к Абхазии, это отношение связано с пониманием той ситуации, в которой оказался небольшой народ, в числе которого и русское население, составляющее его треть. Но есть и определенные политические силы, в первую очередь, в МИД России, которые всячески пытаются оказать давление на Абхазию. Политика, проводимая МИД, никакой критики не выдерживает. Здесь, у нас в Абхазии, она в точности повторяет позицию, занимаемую им в отношении Сербии, являющейся, как и мы, историческим союзником России. Эта политика вредит не только интересам Абхазии, но и интересам великой России… Я процитирую вам письмо Козырева, на основании которого была закрыта граница. Причиной объявили якобы возможное участие Абхазии в событиях в Чечне. Но это был лишь повод. Причина кроется совершенно в другом. Как видно из того письма и других последующих документов, это сделано по просьбе Грузии с целью оказания экономического и политического давления на Абхазию. Вот в чем заключается главная причина. Из-за голода заставить Абхазию пойти на те условия, которые ставит Грузия. Об этом совершенно

откровенно и цинично написано в том письме: «… 345-й батальон воздушно – десантных войск, входящий в состав миротворческих сил, целесообразно отвести с рубежа реки Ингури в место постоянной дислокации в город Гудаута, с тем, чтобы у абхазцев создалось реальное ощущение незащищенности от Грузии». Что может быть циничнее подобных предложений?»[1].

Во второй половине 90-х, а если точнее с 1996 года, российская позиция по отношению к «несговорчивой» Абхазии значительно ужесточилась. На это повлиял ряд факторов: это, в значительной мере, неудовлетворенность результатами Чеченской войны, неуверенность в том, что грузины и в дальнейшем согласятся на пребывании военных баз России в Грузии, стремление Москвы любыми способами, также и за счет интересов Абхазии удержать Тбилиси – своего «стратегического партнера» на коротком паводке. Но здесь коса, как говорится, нашла на камень: абхазы не собирались в угоду российско-грузинским интересам поступаться своей свободой и независимостью. К сговору Эдуарда Шеварднадзе с окружением Ельцина дело шло еще с 1994 года, начиная с пограничных инцидентов в сентябре того же года, когда с помощью миротворцев пытались впустить в Абхазию, вопреки договоренностям, грузинских беженцев в массовом и неконтролируемом порядке. В дальнейшем напряжение, постоянно имевшее место в блокадный период, в основном, ужесточалось по нарастающей. Президент Ельцин и премьер Черномырдин, надо отдать им должное, в «абхазском вопросе» ни в чем не отказывали коллеге Шеварднадзе. Например, «в рамках совместного российско-грузинского плана по подавлению Чечни и Абхазии Россия перекрыла 19 декабря 1994 года границу с Республикой Абхазия по реке Псоу, а 19 января 1996 года поддержала решение Совета глав государств СНГ об экономической и политической изоляции Абхазии. В течение 1995 – 1997 гг. Москва установила морскую и сухопутную блокаду Абхазии, отказалась признавать абхазские паспорта, отключила все телефонные линии, связывавшие Абхазию с внешним миром. По сути Россия перестала быть посредником в конфликте, оказывая беспрецедентное многоплановое давление (военное, дипломатическое, финансово-экономическое, информационное, морально – психологическое) на руководство и гражданское население Абхазии… В середине сентября 1995 года во время визита в Тбилиси премьер-министра Черномырдина было достигнуто соглашение, своеобразная сделка – «Абхазия за базы». Россия заверила Тбилиси, что поможет восстановить контроль над Абхазией в обмен на сохранение в Грузии пяти российских баз сроком на 25 лет…»[1].

Впрочем, весьма, надо думать, красноречив и такой факт. Например, до того, как Россия и СНГ ужесточили блокаду Абхазии, как уже отмечалось, с 19 января 1996 года, сигнал о необходимости такой меры поступил из недр Организации Объединенных Наций. О том свидетельствует Резолюция 1036 (1996), принятая Советом Безопасности на его 3618 заседании 2 января 1996 года, то есть, чуть более чем за две недели до Московского решения. Знакомясь с некоторыми пунктами Резолюции, не может не возникнуть ощущения, что содержащиеся в них обвинения полностью, без единой корректировки, переписаны из «шпаргалок» МИД Грузии. Затем, как водится, они, преобразовавшись в жесткие формулировки, перекочевали и в текст Решения СНГ по Абхазии. Так, некоторые пункты из РезолюцииСБ ООН отмечают, что Совет Безопасности… вновь подтверждая также право всех беженцев и перемещенных лиц, затронутых конфликтом, на возвращение в свои дома в условиях безопасности в соответствии с международным правом и положениями Четырехстороннего соглашения, выражает«сожаление по поводу продолжающегося противодей-

[1] Там же. С. 206 – 210.

[1] С. Лакоба. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? Саппоро, 2001. С. 95 – 96.

ствия такому возвращению со стороны абхазских властей…». Судя по всему, высокая международная организация не информирована о том, что по доброй воле тех же абхазских властей в Гальский район вернулось, по утверждению Ардзинба в средствах массовой информации, до 40 тысяч беженцев. Далее в документе говорится, что Совбез «… глубоко озабочен ухудшением гуманитарной ситуации, в частности, в Гальском районе, где по – прежнему отсутствуют безопасные условия». Совет Безопасности озабочен также«… ростом насилия и убийствами, совершаемыми в районах, находящихся под контролем абхазской стороны, о котором сообщается в письме постоянного представителя Грузии при Организации Объединенных Нации на имя Председателя Совета Безопасности…». Совбез, выходит, не информируется своими военными наблюдателями в зоне конфликта о засилье в Гальском районе бандитов и диверсантов, засылаемых туда грузинскими спецслужбами. ООН, как видно, основывается на сообщении грузинской стороны. Почему тогда не берутся в расчет заявления абхазской стороны по ситуации в зоне конфликта? Речь ведь идет о территории, находящейся под юрисдикцией законной абхазской власти. Получается, что ответственность возлагается на абхазскую сторону, на основании грузинских обвинений, поскольку информация запрашивается только у грузинской стороны. Подобными парадоксами и неувязками прямо-таки полнится сия резолюция, как например: Совбез ООН «… призывает стороны, в частности, абхазскую сторону, достичь без дальнейших проволочек (!) существенного прогресса на пути к всеобъемлющему политическому урегулированию…». ООН также требует, чтобы абхазская сторона «существенно ускорила процесс добровольного возвращения беженцев и перемещенных лиц путем принятия графика на основе графика (?) Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев…». И считает необходимым, чтобы она (абхазская сторона – В. Ч.) «гарантировала безопасность неорганизованных репатриантов, уже находящихся в

этом районе (Гальском – В. Ч.), и решила вопрос об их статусе в соответствии с Четырехсторонним соглашением; призывает абхазскую сторону в этом контексте в качестве первого шага содействовать возвращению беженцев и перемещенных лиц в Гальский район в условиях безопасности и достоинства… Осуждает этнические убийства и продолжающиеся нарушения прав человека, совершенные в Абхазии, Грузия, и призывает абхазскую сторону обеспечить безопасность всех лиц в районах, находящихся под ее контролем…»[1].

Такие вот перлы: Совбез осуждает этнические убийства (грузин, разумеется), а о том, что убийцы часто идут в Абхазию из Грузии – ни слова. И о том также, что они – убийцы взрывают и расстреливают из засад российских миротворцев, абхазских милиционеров, местных крестьян-мегрелов – об этом в документе также не говорится. Словом, содержание резолюции, по несуразной мешанине лжи и полуправды (ясное дело, писали со слов грузин), напоминает известную присказку: «В огороде – бузина, а в Киеве – дядько». И все же, заметим, что выводы и рекомендации Совета Безопасности ООН от 2 января 1996 года, несмотря на одностороннюю позицию, все же кардинально отличаются от Решения Совета глав государств СНГ от 19 января того же года. Содружество, ведомое российским президентом, античеловечными положениями своего решения, приняло поистине «драконовские» меры по удушению с целью обуздания малочисленного народа, едва уцелевшего в агрессивной войне Шеварднадзе. Причем, в документе были задействованы почти все жуткие предложения и «советы» главы Грузии по умерщвлению свободолюбивой страны. Участники СНГ договорились, что «будут предотвращать продажу или поставку в зону конфликта… вооружений, соответствующей техники всех видов и запасных частей, боеприпасов,

[1] Сборник документов, касающихся урегулирования конфликта в Абхазии… (1992 – 1999 гг.). Тбилиси, 1999. С. 62 – 63.

военных транспортных средств и оборудования». Таким образом, видимо, снова замышлялось, как в августе 1992, оставить безоружную Абхазию наедине с вооруженным до зубов Ельцинской Россией грузинским агрессором, откровенно грозившим абхазам реваншем. Государства – члены Содружества приняли решение «запретить представление абхазской стороне своими юридическими и физическими лицами или со своей территории любых технических консультаций, помощи или услуг в области подготовки кадров и по другим вопросам…Также было решено, что члены СНГ «не будут осуществлять торгово-экономические, финансовые, транспортные и иные операции с властями абхазской стороны; не будут вступать в официальные контакты с представителями или должностными лицами структур, существующих на территории Абхазии… Не будут допускать функционирования на своих территориях представительств властей абхазской стороны, а также лиц, официально представляющих эти власти. И что весьма прискорбно для «Содружества государств» – явно нежизнеспособного союза бывших советских республик – так это их коллективное обращение в Совет Безопасности ООН «с призывом поддержать меры воздействия на власти абхазской стороны и рекомендовать всем государствам – членам Организации присоединиться к этим мерам». Получалось, что десять стран Содружества, за исключением Республики Беларусь и Туркменистана, не поддержавших данное Решение, призвали против крошечной абхазской республики практически все мировое сообщество. Абсурдный, заметим, поступок, на который ни ООН, несмотря не ее прогрузинскую ориентацию, ни мировое сообщество стран, так и не откликнулись.

Подобные политические акции проводила «команда» Б. Ельцина, иногда скрытно, за спиной Абхазии, а иной раз и без особой маскировки. В Москве, конечно, осознавали, что предстоит тяжелая борьба за Южный Кавказ. А грузинский союзник был явно ненадежным, и уже давно не считал, что «солнце для Грузии восходит, как раньше, на Севере». Ардзинба остро и зримо представлял эту опасность: Россия, ослабевшая в экономическом плане, готова была рассчитываться за лояльность и сговорчивость Грузии интересами Абхазии. Он также видел, что западные страны, особенно США, все ближе подбираются к Южному Кавказу, и что грузино- российское стратегическое партнерство недолговечно, то есть скоро от него, по выражению абхазского лидера, останутся «рожки да ножки». Но, тем не менее, положение блокадной страны было тяжелым, и, в некотором смысле, непредсказуемым. Все зависело, как не раз утверждал Владислав, от России. Да вот только ее президент временами действительно становился непредсказуемым. И мог, окончательно уступив давлению Тбилиси, попытаться превратить Абхазию в разменную монету в навязанной Москве геополитической игре. В то время именно к тому подводил Б. Ельцина глава российского МИД А. Козырев, публично утверждавший, что абхазские власти незаконно приращивают чужую территорию, имея в виду освобождение Сухума и восточной Абхазии. В этом случае лидер абхазского народа проявлял политическую волю и присущую ему решительность, давая отповедь подобным злонамеренным утверждениям. Но в отдельные моменты, когда в избытке нагнеталось напряжение посредниками в переговорном процессе, требовалось проводить диаметрально противоположную политику, гибкую и осторожную в отношениях с руководством великой России, ООН, западных стран. И все же в те моменты, когда мировые игроки, сговорившись, откровенно наступали на позиции абхазской страны, ее лидер, не таясь, во весь голос предупреждал, что есть красная черта, перейти которую не позволено никому, поскольку таково решение народа. В таких случаях, опять же его рупором и глашатаем были средства массовой информации. Со страниц разных изданий он разъяснял абхазскую позицию, и, обвиняя недругов Абхазии, искал также поддержки у общественности, у всех людей доброй воли.

Сразу же после принятия странами Содружества Решения по Абхазии от 19 января 1996 года, уже 23 января В. Ардзинба со-

брал абхазских журналистов на пресс-конференцию, которую в газете «Республика Абхазия» освещал автор данной работы. Было заметно (поскольку я близко знал Ардзинба), что Владислав Григорьевич еще не полностью избавился от смешанного чувства негодования и горечи в связи с принятием жестких и болезненных для абхазской республики дополнительных санкций. В начале разговора Ардзинба напомнил журналистам об обращении главы Грузии к руководителям государств СНГ, о поддержке ими плана Шеварднадзе – Козырева, включающего комплекс мер по экономическому удушению нашей республики, в том числе придание миротворческим силам полицейских функций. Из того, подчеркнул он, было «принято на саммите СНГ не более 10 процентов», и, что принятое Решение «не подписали ряд руководителей государств СНГ». Я понимал, что несколько сглаживая ситуацию, Владислав Григорьевич, тем самым, пытался успокоить население, чтобы предупредить антироссийские настроения. Им было также подчеркнуто, что Государственная Дума РФ приняла обращение к президенту России Б. Ельцину и Постановление. И там отмечается, что подобные решения имеют силу с правовой точки зрения лишь после ратификации их Думой. Касаясь продления срока пребывания миротворческих сил в Абхазии до 19 апреля 1996 года, Ардзинба отметил, в частности, «неправомерность обсуждения с целью пересмотра мандата миротворческих сил на основе предложений Грузии». Это стало бы по сути дела, подчеркнул он, «ревизией всех предыдущих решений и документов, в том числе Четырехстороннего соглашения. В первую очередь, любые решения по данному вопросу должны согласовываться с конфликтующими сторонами, то есть должно быть учтено мнение Абхазии. Поэтому никакого расширения функции миротворческих сил не может быть, – уверенно и твердо заявил Президент Абхазии. – В ином случае – это искажение всех договоренностей со всеми вытекающими отсюда последствиями. Такое решение, принятое с подачи грузинской стороны, как известно, не поддержал ряд госу-

дарств СНГ», – добавил он. Далее Ардзинба отметил, что «достаточно жесткий режим санкций и раньше существовал по реке Псоу. К нему добавилась морская блокада. Уже несколько дней без движения стоят в порту морские суда. В условиях блокады это может вызвать адекватную реакцию населения». И затем, предупреждая людей о серьезности положения в связи с ужесточением блокады, абхазский лидер обратился к населению с настоятельной просьбой «основательно готовиться к весеннее- полевым работам, чтобы помочь государству, позаботиться о продовольственном обеспечении». В заключение, призвав всех к ответственности за судьбу государства, В. Г. Ардзинба отметил, что «жизнь – это борьба, в том числе и в жизни государства, и, что у нас нет оснований для паники, мы готовы противостоять любой угрозе. Мы также должны знать, что и в России, и в странах СНГ есть мощные силы, готовые поддержать народ Абхазии»[1].

В январе - феврале 1996 года Президент Абхазии побывал в российской столице с довольно широкой программой встреч в руководстве страны. В тот период как раз сменили Козырева на посту МИД, и с новым руководителем этого ведомства Примаковым Е. М. глава Абхазии встретился 4 раза за время пребывания в Москве. Состоялись также встречи, как сообщала собкор газеты «Республика Абхазия» в Москве Татьяна Гулиа, с вице-премьером правительства РФ А. Большаковым, к которому Ардзинба испытывал уважительное отношение, с министром обороны П. Грачевым, с председателем Совета Федерации РФ Е. Строевым, спикером Госдумы Г. Селезневым, руководителями всех думских фракций: Г. Зюгановым, Г. Явлинским, А. Беляевым, В. Жириновским, вице – спикером Госдумы С. Бабуриным.

Комитет Государственной Думы по делам СНГ и связям с соотечественниками организовал пресс-конференцию главы Абхазии. Председатель названного Комитета Г. Тихонов рассказал присут-

[1] Газета «Республика Абхазия», 26 января 1996 года.

ствовавшим о проблемах урегулирования грузино-абхазского конфликта и позиции Госдумы по этому вопросу. Затем выступил Ардзинба, который рассказал об истории взаимоотношений Абхазии и Грузии, предыстории, развязанной грузинским руководством войны. Отвергая все обвинения в сепаратизме, звучащие с грузинской стороны, В. Ардзинба привел в то же время известное признание Шеварднадзе о том, «как он способствовал развалу СССР, с тем, чтобы Грузия стала независимой». Президент Республики Абхазия отметил, что «сразу после завершения войны абхазская сторона, проявив добрую волю, села за стол переговоров. В ходе переговорного процесса был подписан ряд документов, в том числе – важное Заявление о мерах по политическому урегулированию и Четырехстороннее соглашение, в соответствии с которым Абхазия является субъектом международного права». Далее В. Ардзинба заметил, что, несмотря на жесткую блокаду, другие санкций, которые принимаются по инициативе Грузии в отношении к Абхазии, и которые получают поддержку определенных официальных кругов России, «мы, тем не менее, считаем, что Российская Федерация должна быть посредником и гарантом любых договоренностей». В пресс-конференции приняли участие представители центральных газет, радио и телевидения России, а также зарубежных средств массовой информации. От газеты «Республика Абхазия» освещала пресс-конференцию спец. корр. Татьяна Трояновская[1].

Затем, 15 февраля, в российско-американском информационном пресс-центре состоялась пресс-конференция Президента Республики Абхазия В. Г. Ардзинба. Как сообщил Владислав Григорьевич журналистам, «в процессе переговоров с российской стороной был выработан проект «Протокола о грузино-абхазском урегулировании», состоящий из 9 пунктов. В этом документе, в частности, говорится: «Каждая из двух равноправных сторон сохраняет свою Конституцию, а отношения между ними будут регулироваться особым договором, которому по соглашению сторон может быть придана сила конституционного закона». На пресс-конференции отмечалось, что абхазская сторона и до этого вела речь о создании союзного государства на основе договора. Однако грузинская сторона предлагает федерацию с представлением Абхазии «широких полномочий». По мнению В. Ардзинба, под этим подразумевается стремление грузинского руководства вернуть Абхазию к сталинско- бериевской автономии образца 1931 года… Следует подчеркнуть, что этот промежуточный документ является лишь проектом, который не подписан ни одной из сторон, а только передан на рассмотрение грузинской стороной. В настоящее время нет никаких государственно-правовых актов, связывающих Абхазию с Грузией. Многих журналистов взволновало сделанное в тот же день министром обороны РФ П. Грачевым заявление о выводе миротворческих сил из зоны конфликта, чреватом новым военным противостоянием. В. Ардзинба отметил, что пребывание миротворцев обеспечивает мир и возможность политического диалога. Однако, подчеркнул он, в случае вывода российских войск, «народы Абхазии сумеют защитить свою Родину». Ряд вопросов касался блокады, экономики Абхазии… Пресс-конференция вызвала большой интерес российских и иностранных журналистов (она длилась около двух часов). Достаточно сказать, что на ней присутствовали представители более 50 средств массовой информации, а также аналитических центров западных стран и советники посольства США, Канады, Германии. Были и советники Грузинского посольства, а также грузинские журналисты»[1].

Еще одна пресс-конференция на тему недавнего визита главы Абхазии в Российскую Федерацию состоялась в Сухуме 21 февраля, по возвращении Владислава Ардзинба в Абхазию. «Все эти 16 дней, – сказал Президент, – были очень напряженными и плодот-

[1] Газета «Республика Абхазия», 3 февраля 1996 года.

[1] Газета «Республика Абхазия», 21 февраля 1996 года.

ворными. Главной задачей поездки были встречи и консультации по проблемам урегулирования отношении между Абхазией и Грузией и того Протокола, который, возможно, будет подписан сторонами в конфликте… В целом, я очень доволен результатами поездки и бесед. Встречи с Е. Примаковым носили очень конструктивный характер, хотя наши взгляды не во всем совпадают (подчеркнул Ардзинба – В. Ч.), – в процессе переговоров мы выступили с новой инициативой – создания федеративного союза равноправных государств, что находится на стыке с теми предложениями, с которыми выступает Грузия. Это союз государств с общей внешней границей, но с сохранением каждой стороной своей конституции и с тем объемом полномочий, который, по сути, носит конфедеративный характер. Так что это не федерация в классическом смысле, а образование, которое содержит элементы и федерации, и конфедерации. Это тот минимум, дальше которого мы идти не можем… Грузия же пока не желает идти ни на какие уступки, поскольку в ее Конституции говорится, что она является единым неделимым государством, включая территорию бывшей Абхазской АССР. По существу – это Конституция унитарного государства. Под федерацией они в действительности понимают автономную Абхазию времен 1931 года и хотят, чтобы мы на это согласились. Но после опыта более чем 70-летнего совместного проживания и прошедшей войны – это совершенно нереальная вещь»[1].

Выше приводились публикаций российских и абхазских журналистов, которые находясь в контакте с главой Абхазии, освещали проблематику грузино-абхазских отношений в поствоенное время. Ниже приведем примеры того, как подается эта же тема, к примеру, в грузинских и зарубежных изданиях. Вопрос (по телефону) корреспондента Грузинского телевидения Нино Ратиашвили Президенту Абхазии В. Г. Ардзинба: «…Вы высказали

[1] Газета «Республика Абхазия», 24 февраля 1996 года.

надежду, что услышите правду от Эдуарда Шеварднадзе о действительных целях ввода войск 14 августа 1992 года. По Вашему мнению, для чего все-таки были введены войска в Абхазию?» Ответ Ардзинба: «Для того, чтобы силой навязать Абхазии волю Грузии и Шеварднадзе…». Вопрос: «Говорят, Вы хотите объединения Абхазии с Грузией?». Ответ: «Я предлагаю Вам приехать в Сухум. Я отвечу на этот вопрос, если Вы, конечно, готовы передать в эфир, не исказив моих слов. Я сторонник нормального развития Абхазии, формирования нормальных, добрососедских отношений с Грузией». Вопрос: «Формулировка «добрососедские отношения» подразумевает отношения между двумя государствами?» Ответ: «Я думаю, что форма наших взаимоотношений может быть найдена за столом переговоров. Во время моего пребывания в Москве, мы выдвинули инициативу, которая была оценена положительно в кругах министерства иностранных дел России… В ответ на который получили не шаг навстречу, а наоборот, снова попытку грузинской стороны с помощью России навязать нам волю Грузии. Этим конкретные результаты не будут достигнуты. Это я прямо заявляю». Вопрос: «Вы предлагаете Грузии объединение по принципу конфедерации. Это же два государства?» Ответ: «Нас не беспокоит название. Нас беспокоит проблема формирования равноправных отношений с Грузией…». Вопрос: «Вы планируете иметь собственные деньги, армию, таможню. Это же нереально, Ваша экономика ведь на нуле?» Ответ: «У Вас ложное представление о нашей экономике. Возможно еще и потому, что мы почти три года, практически, живем в условиях блокады… Вы только попробуйте жить в таких условиях, испытайте на собственной шкуре (!), после этого Вы с большим пониманием рассмотрите этот вопрос». Вопрос: «Вы не раз заявляли, что если Грузия решится на то, чтобы проблему Абхазии решать силой, Вы будете воевать до конца и не только в Абхазии, но и в Тбилиси, и на всей территории Грузии. Неужели у Вас есть столько силы?.. Ответ: «Я хочу сказать, что Грузия никогда не решит проблему

Абхазии силой. Единственный путь решения проблемы – это уважения абхазской стороны…»[1].

Вот другой пример освещения грузино-абхазских отношений через призму западных средств информации. Показательны в этом плане способ подачи материала, трактовка ситуации, лексикон журналистов и прочие приемы, создающие у читателя заранее определенное восприятие сообщаемой информации. Так, в интервью Ардзинба агентству «Рейтер» корреспондент Лоренс Шитс начинает свое сообщение таким образом: «Лидер абхазских сепаратистов (ни президент Абхазии, ни глава государства – В. Ч.) полагает, что истекает время мирного урегулирования конфликта с грузинским правительством. … Абхазский лидер Ардзинба сказал, что его сторона более не намерена делать уступки, пора уступить грузинскому президенту Эдуарду Шеварднадзе. «С каждым днем уменьшаются шансы для достижения мира», – сказал Ардзинба в региональной столице в Сухуме… Абхазия согласилась бы на «федеральный союз» с Тбилиси, – компромисс, который, по сути, означал бы конфедерацию с Тбилиси. «Это самая большая уступка с нашей стороны, и это, то минимальное, на что мы могли бы согласиться. Мы никогда не согласимся на статус региона Грузии в федеральном государстве. Ардзинба в своем недавнем телефонном разговоре с Шеварднадзе выразил свою готовность в урегулировании конфликта. «Если в скором времени не последует ответа, боюсь, что в будущем мы на сможем быть гибкими. Будет проведен референдум, и мы узаконим свою независимость», – сказал он»[2].

Как видим, отдельные фразы, вырванные из контекста, создают необходимую картину. Это, разумеется, образ «воинственных» и, значит, «несговорчивых сепаратистов». Они-то и угрожают, как следует понимать, президенту Эдуарду Шеварднадзе тем, что «истекает время мирного урегулирования конфликта», «уменьшаются шансы для достижения мира». И столица у них почему-то «региональная», а не единственная, как у всех государств. И Владислав Ардзинба поименован не президентом Республики Абхазия, а «лидером сепаратистов» – так формируется, не только самими пишущими, разумеется, а в редакционных офисах, информационная политика почти всех западных СМИ. Тем не менее, Владислав Григорьевич использовал и эту площадку, чтобы больше людей в мире имели информацию о событиях в Абхазии, чтобы вызвать сочувствие и солидарность в отношении малочисленного народа и его страны. В том же интервью он в заключение отмечает, что «блокада полностью обескровила абхазскую экономику, многие слои населения находятся в критическом положении. Жизнь для многих наших людей чрезвычайно осложнена. Туристы не посещают нашу страну, торговые пути закрыты из-за блокады. Но если Шеварднадзе думает, что заставит нас упасть на колени ради куска хлеба, он ошибается».[1]

Что же касается новой инициативы абхазской стороны, то через некоторое время стало ясно, что грузинская сторона не приемлет эту самую инициативу о федеративном союзе двух равноправных государств, согласованную с российским посредником. Вместо того, чтобы надавить на Тбилиси, Ельцинское окружение и МИД России, снова, в духе прежних козыревских традиции, стали давить на абхазскую сторону. Об этом и других проблемах в очередной раз с корреспондентом «Правды» И. Ленским беседует глава Абхазии. Он, в частности, отмечает: «Во время моей февральской поездки в Москву (о чем было сказано выше – В. Ч.) большинство спорных вопросов было согласовано. К сожалению, на последних переговорах в июле (1996 года – В. Ч.) и грузинская сторона, и российские посредники попытались вообще свести на нет идею равноправных отношении между Грузией и Абхазией. Нам снова пытались навязать отношения между метрополией и

[1] «Новое поколение», 27 марта 1996 года.

[2] «Рейтер», май 1996 года.

[1] Там же.

колонией. На это мы никогда не пойдем. Наш народ не смирится с возвращением национального гнета, которому мы подверглись на протяжении десятилетий. Вообще говоря, нам не предписано Богом быть в союзе с Грузией. Поскольку Россия интереса не проявляет, а Грузия пытается восстановить свое колониальное господство над Абхазией, у нас может не оказаться другого выхода, как заявить о своей полной государственной самостоятельности и суверенитете»[1].

Это откровение Ардзинба о том, что независимая де-факто республика вскоре может, поставив точку в переговорном процессе, окончательно состояться таковой де-юре, сильно встревожило грузинское руководство. Столь решительный настрой абхазского лидера насторожил и посредника – Россию, руководителей «государств – друзей» Грузии. Это обстоятельство, на наш взгляд, сыграет роковую роль в судьбе абхазского лидера, которого,через год с небольшим, «уговорят» отправиться на встречу с Шеварднадзе в логово извечного противника – в Тбилиси. А там, известно, знали свое дело отменно, особенно когда речь шла об «упрямцах» – абхазских государственных и политических деятелях, противившихся генеральной линии правителей имперской Грузии. Побывал ведь в столице Грузии в свое время, в декабре 1936 года, глава Советской Абхазии Нестор Лакоба, «упертый», как и В. Ардзинба, в «абхазском вопросе». И в ночь скончался, после того, как отведал от грузинского гостеприимства в доме Лаврентия Берия.

Глава Абхазии, тем временем, вызывал все большее недовольство в сообществе противников абхазской свободы и независимости, чересчур смело, во весь голос, обвиняя тех, кто пытался загнать вновь абхазов в грузинское имперское стойло. И никоим образом не хотел считаться с тем, что он вел опасную борьбу, практически без союзников, с самыми влиятельными игроками в мире: Ельцинской Россией, руководителями крупнейших западных

[1] Газета «Правда», 22 августа 1996 года.

стран, главными международными организациями – ООН, ОБСЕ, СНГ. О Грузии – и говорить нечего. Кто же еще остался в мире, не будучи в оппонентах лидера маленького абхазского государства, возжаждавшего освободиться от колониальных пут «малой империи»? Несмотря на подобное неравенство сил и возможностей, В. Ардзинба продолжал «воевать» за интересы Абхазии. Ситуация же вокруг абхазской республики, к тому времени, значительно осложнилось. Особенно после того, как «… российские военные корабли вошли в Сухумскую бухту и арестовали украинское судно. Тбилиси давно требовал, чтобы иностранные суда, приходившие в Абхазию даже с гуманитарными грузами, проходили таможенный контроль в грузинском порту Поти. Абхазское правительство выразило резкий протест по поводу подобных действий России, носивших односторонний характер».[1] Давление на Абхазию постоянно нарастало. Инструментом воздействия на республику, более болезненным и жестким, нежели решения ООН, были постановления Совета глав государств СНГ по Абхазии. В марте 1997 года руководители стран СНГ вновь пошли на поводу Шеварднадзе. По его инициативе и при поддержке Ельцина «… зона миротворческой операции была расширена вглубь территории Абхазии, что гарантировало, по мнению Тбилиси, безопасное возвращение грузинских беженцев в южную часть Абхазии. Однако абхазская сторона не признала новый мандат, измененный без ее согласия, и пригрозила поставить вопрос о выводе российских войск»[2].

Об ужесточении позиции абхазского лидера в отношении решении, принимаемых на саммитах СНГ сообщает корреспондент «Независимой газеты» Н. Пулина. Как отмечает «НГ», во время встречи В. Г. Ардзинба с побывавшей в Сухуме делегацией Исполнительного секретариата СНГ, глава Абхазии «высказал пожелание, чтобы любые решения, связанные с грузино-абхаз-

[1] С. Лакоба. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? Саппоро, 2001. С. 96.
[2] Там же. С. 96 – 97.

ским конфликтом, принимались саммитом СНГ с согласия обеих сторон. При этом он подчеркнул, что «если к предстоящему саммиту будут готовиться определенные документы, то они должны быть согласованы и с абхазской стороной». «Мы за выполнение решений, принятых на саммите, но они должны быть законными. Миротворческие войска в зону конфликта были введены с согласия обеих сторон. И мы не позволим, чтобы в Мандат миротворцев в одностороннем порядке были внесены изменения. Это противозаконно, а противозаконно поступать на территории Абхазии я никому не позволю», – заявил руководитель Абхазии. Он отметил, что в результате диверсионно-террористической деятельности грузинских спецслужб погибают мирные жители, сотрудники милиции, военнослужащие миротворческих сил. «Ни один миротворец не погиб по вине абхазской стороны», – сказал Ардзинба». Журналист также подчеркивает и такой момент: «Жесткую позицию абхазской стороны подтверждает и еще одно высказывание Владислава Ардзинба: «Статус Абхазии уже определен ее народом и Конституцией. Право на самоопределение принадлежит не только грузинскому народу. Мы живем на своей территории и частью территории Грузии никогда не были и не будем. Мы хотим иметь добрососедские отношения с Грузией, но никаких форм зависимости от Грузии мы не принимаем»[1].

Так реагировал Президент Абхазии на то, что за спиной республики решались столь важные вопросы, которые затрагивали ее жизненные интересы. И не только по проблеме миротворчества. В то время также застопорился переговорный процесс по политическому урегулированию. Потому ждать конца блокады в ближайшее время не приходилось. Было понятно, что стояла задача изнутри сломить сопротивление абхазского народа с тем, чтобы недовольство масс экономическими трудностями, вызванными санкциями, направить против «упертого» руководства. Отчасти

[1] «Независимая газета», 16 октября 1998 года.

это удавалось достичь: появилась оппозиция, как грибы в дождливую пору, в Абхазии множились НПО (неправительственные организации) в основном западного толка и с оппозиционным оттенком, стали возникать партий и движения. Все это вело к фрагментарному состоянию (дроблению) народа и общества, что должно было ослабить, по определенному сценарию, коллективную стойкость и волю абхазов к сопротивлению, и, значит, позволило бы нашим оппонентам вовлечь свободную республику в лоно бывшей метрополии. Надо признать, что определенные подвижки в этом плане имели место. Некоторые бывшие абхазские продвинутые «демократы и патриоты», пребывая, не безвозмездно, разумеется, в различных НПО и общественно-политических группировках, приватно поговаривали об абхазской отсталости от «демократических» процессов, происходивших в соседней Грузии. Появлялись на эту тему и публикации в печатных изданиях, например в газете «Аитайра». Владислав Ардзинба, понимая, что со временем маленькое абхазское общество под таким мощным давлением (Грузии, России, западных стран) может трансформироваться и не выстоять, пытался любыми способами прорвать блокаду. С этой целью он проявлял инициативу за инициативой, чтобы каким – то образом реанимировать переговорный процесс. И, продемонстрировав на них добрую волю абхазской стороны, предлагал разные проекты по восстановлению между Грузией и Абхазией государственно – правовых отношений на равноправных условиях. Так он мыслил добиться отмены экономических и политических санкций. Или, на худой конец, смягчить блокадные условия.

В этом плане глава Абхазии, обращаясь к оппонентам и посредникам через средства массовой информации, отмечал: «Мы готовы обсуждать проблему урегулирования вообще. Я думаю, что если бы не та позиция, которую заняли наши посредники и грузинская сторона, эта проблема уже была бы решена. С самого начала были подписаны соответствующие документы, Заявление о мерах

по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта. В нем недвусмысленно разъяснено, что двусторонние отношения должны строиться на равноправной основе… Мы даже сделали шаг навстречу и предложили создать федеративный союз. Но грузины понимают под этим государство, в котором Абхазия будет автономией с широкими правами. В этом случае все сводится к местному самоуправлению, и у нас будет меньше прав, чем мы имели в Советском Союзе. Я думаю, что эту проблему можно было бы решить, если бы игра не шла в одни ворота, и Россия в равной степени оказывала давление не только на абхазскую сторону, но и на Тбилиси. Вначале планировалось представлять нам экономическую помощь, участвовать в восстановлении республики, создать условия для решения проблемы беженцев… Но, к сожалению, все это свернули и посчитали, что проблему Абхазии можно решить путем ее удушения голодом, отключением света и газа. Вина за то, что процесс урегулирования стопорится, целиком и полностью лежит на тех, кто действует такими методами… »[1].

Таким образом, всеми способами: провокациями на границе, замораживанием переговорного процесса, экономическими санкциями, способствовавшими стагнации хозяйственного комплекса республики, бедственного положения населения пытались загнать в угол абхазский народ и его лидера, отнять кровью лучших сынов и дочерей Абхазии, ее союзников, добытую свободу и независимость. Это была величайшая несправедливость, и о том Владислав постоянно говорил в своих выступлениях и беседах, как в местных изданиях, так и зарубежных средствах информации. Часто сообщал о том эмоционально, иной раз и с закономерным возмущением: «Ведь были колоссальные разрушения энергетики, мостов, других коммуникации. Очень многое удалось сделать. Железная дорога у нас функционирует, основная часть мостов и

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 261 – 263. // «Независимая газета», 26 апреля 1997 года.

многие предприятия восстановлены. К сожалению, наши возможности в 10 – 20 раз ограничены ненормальными экономическими условиями. Нигде в мире такого не было: в регионе, где прошла тяжелая война, где столько разрушений и горя, люди хотят встать на ноги, но им каждый раз этой блокадой напоминают о тяжелом положении. Однако я должен прямо сказать: терпение нашего народа не беспредельно. В один прекрасный день абхазцы так прореагируют, что очень сильно аукнется в той же самой России. Уже есть соответствующая реакция Парламента, который поставил вопрос о посредничестве России в урегулировании»[1].

В то же время, отвечая на вопрос корреспондента «Независимой газеты» о его отношении к Конфедерации народов Кавказа, В. Ардзинба предупреждал: «Если эта политика не прекратится (то есть, режим санкций – В. Ч.), то у наших народов не будет другого выхода, как объединиться друг с другом, для того чтобы вместе защищать свои права»[2]. В интервью с журналистом из газеты «Континент» Мариной Нестеровой Владислав приводит многочисленные факты, свидетельствующие о бездушном отношении Российского посредника, фактически изолировавшего жителей республики, в том числе 50 тысяч русских, отрезав их от всего мира жесткой политической и экономической блокадой. Например, отмечает он, «для нормального функционирования Абхазии необходимы пшеница, солярка, запчасти и многое другое. Нам запрещено закупать это и вывозить из России. Чтобы завезти тысячу тонн селитры, тысячу тонн газа из России, я шесть месяцев (!) добивался у российских властей разрешения. Подписано соглашение между Абхазией и Россией о начале возобновления движения по железной дороге, но оно не действует… В силовом порядке нам отключено 90 процентов каналов связи с Россией, хотя была договоренность осуществлять связь через Ростов. Недавно въезд машин

[1] Там же. С. 264.

[2] Там же. С. 265.

на территорию России был ограничен утвержденным списком. И даже если президент едет, нужно за два дня позвонить, чтобы пропустили…»[1].

Все это, безусловно, предназначалось для того, чтобы ублажить руководство Грузии, продлить время нахождения Российских военных в Грузии, и, соответственно, не потерять геополитический плацдарм в регионе Южного Кавказа. К тому же, дела на Северном Кавказе складывались для Москвы неважно: военная кампания федералов завершилась неудачей, и готовилось подписание мирного соглашения с Чечней. Москва в этих условиях вынуждена была, разморозив переговорный грузино-абхазский процесс, даже несколько оживить его. Исследователь А. Авидзба по этому поводу отмечал: «В первой половине июня 1997 г. в Москве проходили трехсторонние переговоры по вопросам урегулирования грузино-абхазских отношений. К тому времени грузинское руководство настаивало на выводе миротворцев, очередной срок мандата которых истекал 31 июля. В ходе переговоров Президент Абхазии заявил о необходимости подписания документа, «который подвел бы черту состоянию войны». Проект подобного протокола был подготовлен абхазской стороной и согласован с российской. Подписание документа планировалось 18 июня. Но оно не состоялось по вине грузинской стороны, выдвинувшей заведомо неприемлемые условия»[2].

После известных чеченских событий, то есть, подписания Договора Российской Федерацией и Чеченской Республикой, Москва несколько скорректировала свою политику в отношении Абхазии. Владислав Ардзинба, в свою очередь, заявил в беседе с абхазскими журналистами, что «подписание Договора о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской республикой Ичкерия является событием большой важности,

[1] Там же. С. 269. // Газета «Континент», апрель 1997 года.

[2] А. Ф. Авидзба. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга II. Сухум, 2013. С. 598.

крупным достижением президента Бориса Ельцина, и чеченского – Аслана Масхадова». Он также подчеркнул, что «Абхазия со своей стороны поддержала бы любые шаги, направленные на подписание аналогичного договора между Абхазией и Грузией. Думаю… это то, что нам необходимо сегодня. И пример – Договор России и Чечни, где обе стороны, желая прекратить многовековое противостояние, идут на установление равноправных, взаимовыгодных отношений»[1].

Вскоре Президент Республики Абхазия был приглашен в Москву, где вел переговоры в Администрации президента России, в МИДе, Совете Безопасности, в Правительстве РФ, в Министерстве обороны, ФСБ, ФПС и других ведомствах. Встречи проходили, в основном, с первыми лицами министерств и ведомств. Это также, наверное, показатель того, что в то время отношения России и Грузии складывались непростые: Тбилиси все настойчивее ставил вопрос о выводе российских миротворцев из зоны конфликта, были проблемы и у российских военных в Грузии. В этих условиях Москва предложила сторонам возобновить переговорный процесс, при этом предварительно подписав документ, который определил бы основные направления и цели переговоров по урегулированию конфликта. Как сообщала редакция «НГ», в ходе обсуждения ситуации в зоне конфликта глава Абхазии высказался за продолжение там российской миротворческой миссии. Он считает, что вывод российских миротворцев «вызовет военное развитие событий, в которое будет втянут весь регион». В случае вывода КМС на месте россиян могут оказаться «миротворческие батальоны народов Кавказа». Президент В. Ардзинба заявил, «что согласен на переговоры с грузинской стороной при посредничестве России, в ходе которых и будет выработан документ по типу того, что заключили Москва и Грозный»[2].

[1] Газета «Республика Абхазия», 23 мая 1997 года.

[2] «Независимая газета», 11июня 1997 года.

По этому поводу В. Ардзинба, во время своего выступления на сессии абхазского Парламента 6 июня 1997 года, отмечал: «Мы предложили господину Шеварднадзе подписать Договор о мире – аналогичный тому, что подписали Россия и Чеченская Республика Ичкерия». Он попытался «с порога отвергнуть его, объявив неприемлемым»[1]. Вместо того, как известно, глава Грузии, видимо, как альтернативу, предложил идею проведения «международной конференции по мирному урегулированию конфликта в Абхазии», озвученную шефом МИД Грузии Ираклием Менагаришвили. На ней намечалось широкое представительство: «группа государств – друзей Грузии», представители ОБСЕ, республик Северного Кавказа, правда, в роли наблюдателей, которую им определил Тбилиси. Грузинское руководство также планировало поставить на конференции вопрос, как сообщал Интерфакс, о расширении числа военных наблюдателей ООН в Абхазии в несколько раз. «Сегодня в Абхазии находится около 160 ооновских наблюдателей, писала «НГ». – В Тбилиси полагают, что если из Абхазии будут выведены миротворческие силы СНГ, наблюдатели ООН «в определенной степени» возьмут на себя их функции».

Словом, Грузию, как видно, не интересовали предложения Абхазии по политическому урегулированию по типу России и Чечни. У нее были другие проекты по этой проблеме, которые, в свою очередь, ни в коей мере не воспринимались абхазским руководством. О том сообщал В. Ардзинба депутатам Народного Собрания республики на упомянутой сессии, на которой глава страны выступил с анализом политической ситуации и перспективах по урегулированию грузино-абхазских взаимоотношений. «Все это мы видим в очередном выступлении главы грузинского государства в Парламенте Грузии 27 мая 1997 года, – отмечал В. Ардзинба в своем выступлении, комментируя грузинские предложения по «государственно – правовому обустройству» Абхазии

[1] Газета «Республика Абхазия», 11 – 12 июня 1997 года.

по Тбилисским лекалам. Он ясно подчеркнул, что предложения грузинского лидера «вызывают искренние сожаления». И добавил, что не видит в предложениях Шеварднадзе «ни реализма, ни конструктивности позиции, и, более того, она исключительно противоречива». К примеру, его, главы Грузии, предложение о так называемом едином грузинском государстве «с широчайшей автономией» Абхазии, которые предполагают современные международные стандарты, как отметил Владислав Григорьевич, «в какой бы степени ни представлялась автономия – широкая или широчайшая, как на этот раз, в сравнительной или превосходной степени – суть не меняется». В. Ардзинба, подвергнув критике ссылки Шеварднадзе на автономные образования Испании, подчеркнул, что они являются, по сути, не государством даже, а местным самоуправлением. И напомнил, что «за время переговоров мы никогда не обсуждали и не собираемся обсуждать проблему автономии Абхазии в составе грузинского государства. Мы обсуждаем проблемы возможного воссоздания государственно-правовых отношений между абхазским и грузинским государствами…»[1].

Надо полагать, что В. Ардзинба изначально понимал, что грузинское руководство вряд ли согласится на абхазские проекты по воссозданию отношений Грузии и Абхазии на основе союза равных по правам государственных образований. На всем протяжении переговорного процесса, как свидетельствуют различные документы и многочисленные публикации по этой проблематике, несмотря на сильное давление, демарши, провокации российских и западных посредников, В. Ардзинба не только не свернул с этого пути, но твердо и целенаправленно отстаивал право абхазского народа на свободное от грузинской метрополии существование. Словом, Абхазия виделась нашему лидеру только в качестве независимой страны. Этого мнения Владислав придерживался всегда. Все остальные схемы, как показало время, вынужденная дань по-

[1] Газета «Республика Абхазия», 11 – 12 июня 1997 года.

литико-дипломатической игре с различными центрами силы. Не раз в личной беседе с автором этих строк глава Абхазии настойчиво повторял: «Нам нужно выиграть время». И становилось понятным предназначение всех этих инициатив и различных комиссий с задействованными в них грузинскими и абхазскими чиновниками, также и химерических формулировок и схем по государственно – правовым отношениям Абхазии и Грузии, которые, вдруг появившись на свет, также незаметно исчезали с повестки дня. А появлялись они почти курьезным образом. Скажем, грузины и союзники требуют «федерацию», абхазы тотчас отвечают предложением «конфедерации». Затем оппоненты скатываются до «широкой автономии», Сухум взамен предлагает «общее» или «союзное» государство, разумеется, с полным набором для Абхазии суверенных прав. Из всего этого, конечно, ничего получиться не могло. Но время, как и задумывал В. Ардзинба, играло в нашу пользу. И обвинить абхазское руководство в несговорчивости у всесильных оппонентов вроде не было оснований»[1].

Анализ средств информации, освещавших грузино-абхазскую проблематику в послевоенный период подтверждает, что позиция грузинского руководства в поствоенное время, как и в предыдущие периоды, никаких изменений не претерпела. Главным условием грузино-абхазского урегулирования Тбилиси представлял только согласие Абхазии на вхождение в состав грузинского государства на правах вначале «широкой», а затем «широчайшей» автономии. Москва также с начала переговорного процесса, в основном, придерживалась грузинской позиции, отступая иной раз для проведения «двойственной политики», чтобы поставить на место слишком «зарывавшуюся» Грузию в отношениях с Россией. Владислав отчетливо видел, что влиятельные страны Запада, с помощью которых пытается решить свои проблемы, в том числе

[1] В. Чамагуа. Слово лидера. // Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 15.

и абхазский вопрос, грузинский лидер, все громче объявляли о своих интересах в регионе Южного Кавказа. Так, по сообщению экспертов СНГ, еще весной 1998 года Госдепартамент США объявил о том, что страны СНГ, за исключением России, включаются в зону военной ответственности США: с 1 октября 1998 года – Украина, Беларусь, Молдова и Закавказье; с 1 апреля 1999 года – вся Центральная Азия. Личный состав вооруженных сил, которые должны быть в готовности действовать на территории бывших советских республик, дислоцируется на континентальной части США, а боевая инфраструктура – в зоне Персидского залива. Такое развитие ситуации, которое всячески поддерживалось грузинским руководством, сильно беспокоило Россию. Это, по мнению В. Ардзинба, по всему должно неминуемо привести в перспективе к конфликту «стратегических партнеров» и разрыву отношении между Москвой и Тбилиси. В таком случае, российское руководство будет вынуждено, чтобы окончательно не расстаться с геополитическим влиянием в Закавказском регионе, считаться с интересами абхазской республики. Таким образом, по расчетам Ардзинба, время и политические обстоятельства создавали условия для будущего признания независимой де-факто Республики Абхазия, главным образом, Российской Федерацией. Его удивительная прозорливость и вера в счастливую судьбу Абхазии подтверждается следующим высказыванием, опубликованным в «Независимой газете» в 1999 году. Еще тогда Владислав отмечал: «Некоторые в Москве думают, что признание Абхазии не выгодно для России, но это очень примитивная позиция. Это можно сравнить с позицией крупных мировых держав, которые в одном случае поддерживает принцип права нации на самоопределение, в других высказывают какие-то условия. Думаю, что рано или поздно мы дождемся того, что Россия признает независимость Абхазии»[1].

[1] Там же. С. 16.

Это оптимистическое предвидение национального лидера, его титанические усилия по защите интересов молодой страны, а также выдержка и терпение народа, зачастую на слово верившего своему президенту, шаг за шагом вели, преодолевая политические, экономические и психологические преграды противников абхазской независимости, к отмене блокадных санкций, установлению тесных дружественных межгосударственных отношений Абхазии и России.

Начало этим политическим сдвигам было положено с приходом в большую политику В. В. Путина, на излете 90-х. Будучи премьером России, он первым делом смягчил, а затем и вовсе отменил экономические санкции, введенные против Абхазии после завершения грузино-абхазской войны. Но если бы не было того задела, то есть решительности, твердости и стойкости в военную пору, и затем упорной и великолепно продуманной политической и дипломатической борьбы Ардзинба за права абхазского народа и интересы его государства, сегодня мы могли бы лицезреть иные реалии. Об этом убедительно свидетельствует политик, который довольно продолжительное время пребывал в оппонентах Владислава, как во время войны, так и в блокадный период. Речь идет о Борисе Пастухове – личном представителе президента России Б. Ельцина в ранге первого заместителя министра иностранных дел РФ. Воспоминания российского политика в средствах информации Абхазии и России, таким образом, прокомментировал историк А. Авидзба: «В конце войны в Абхазии Б. Пастухов, говоря о начале Сентябрьского (1993 года – авт.) наступления, заявил: «Ардзинба нас обманул». Российский дипломат тогда рассказал о том, что через несколько часов он и Шуйков (представитель российской части трехсторонней комиссии по урегулированию – В. Ч.) прибыли в Гудауту и встретились с Ардзинба. Пастухов сообщил: «Мы стали убеждать Ардзинба отдать приказ о прекращении наступления, но так и не сумели добиться от него определенного ответа». Уже в 2010 г. тот же Б. Пастухов говорил, что В. Ардзинба «делал много,

очень много, может быть, даже иногда выше своих сил, для того, чтобы пришел мир, чтобы люди жили лучше». Пастухов, вспоминая свои переговоры и встречи с В. Ардзинба, говорил о своих тогдашних впечатлениях: «Да, конечно, он (В. Ардзинба – А. А.) незаурядный человек, но что он такой упертый? Ну что он такой негибкий? Ну да, конечно, принципиальность в его положении необходима, но нельзя же так. А потом уже, когда мы ближе познакомились, я для себя сделал вывод, что если бы он тогда где-то дал слабину, дрогнул, все могло развернуться совершенно иначе»[1].

Дипломат Пастухов не договорил, что «иначе» означало бы, в случае победы Грузии, и ее союзников в военную пору и в блокадный период, избиение частью, а другой частью изгнание единомышленников Владислава Ардзинба и прозябание оставшегося абхазского населения в грузинской метрополии. Не сказано, понятно, и том, что львиную долю своей воли, упорства, решительности, твердости, а в необходимые моменты, и гибкости в политическом и дипломатическом противоборстве с недругами Абхазии, Ардзинба употреблял на нейтрализацию коварных планов именно Ельцинской команды, членом которой до признания Москвой нашей республики был и сам Борис Николаевич Пастухов. Например, «в 1993 г. Пастухов называл Ардзинба обманщиком и преступником, а в 2010 г. он говорил: «Я должен сказать, и это мое глубочайшее убеждение, что великое счастье Абхазии, абхазского народа, и это какой – то, если хотите, такой высокий знак судьбы, знак расположения к судьбе, к истории, к будущему абхазского народа, что в эти тяжелейшие дни, которые выпали на долю этого замечательного народа, лидером государства, человеком, который повел к освобождению и победе народ, был Владислав Ардзинба». И, думается, отмечал исследователь, здесь конъюнктура, всегда являющаяся спутницей дипломатии, не причем, а, может быть, на-

[1] А. Ф. Авидзба. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга II. Сухум, 2013. С. 589 – 590.

против, приведенные слова Пастухова в какой-то мере идут в разрез с конъюнктурой[1].

Что же, Пастухов, хоть и поздно, но все же своими, как кажется, искренними оценками отдал справедливую дань памяти великого для абхазов человека, и, как отметил дипломат, незаурядного политического и государственного деятеля в российском общественном восприятии. А вот его коллега Евгений Примаков, которого Владислав Григорьевич прилюдно высоко ценил, так и не снизошел до подобной характеристики национального лидера абхазов в своих опубликованных воспоминаниях. А ведь он прекрасно знал о его большом таланте ученого по совместной работе, и выдающихся способностях в качестве государственного и политического деятеля. Ведь в результате оказалось, что руководитель небольшого абхазского государства, как военный стратег, прозорливый политик и гибкий дипломат, превзошел своих оппонентов, всех этих Козыревых, Грачевых, Пастуховых, Шеварднадзе и их западных покровителей. И того же Примакова, также приложившего немалые усилия (даже вынудил Ардзинба отправиться 14 августа 1997 года, чуть ли не силком, пригрозив, в случае отказа, суровыми карами для народа, во вражье логово – грузинскую столицу), для реализации грузинских намерений в отношении Абхазии и его лидера. И чтобы там тогда не произошло, в итоге торжествовала победоносная идея абхазской независимости, выпестованная и реализованная теперь уже легендарным Владиславом!

В такой напряженной, а временами и взрывоопасной обстановке в регионе, как свидетельствуют средства массовой информации, истекали блокадные 90-е годы. На их излете, 3 октября 1999 года, в Республике Абхазия был проведен исторический референдум, одновременно с выборами ее президента. 12 октября Народное Собрание приняло Акт о независимости, «ставший

[1] Там же. С. 590.

новой ступенью в становлении суверенного Абхазского государства и завершивший правовое оформление независимости Республики Абхазия»[1].

Начало двухтысячных также не предполагало, если исходить из ситуации, сложившейся в рамках грузино-абхазского переговорного процесса, в частности, по политическому урегулированию, по проблеме беженцев и т.п., какого-либо прорыва в том или ином вопросе. Тем не менее, на мой взгляд, урегулирование конфликта происходило на основе прежних принципов. Москва лишь изменила тактику, а стратегия оставалась прежней: при каждом удобном случае российскими политиками, в том числе и главой государства, неукоснительно подчеркивалась территориальная целостность Грузии, и забота о правах абхазов и южных осетин в грузинском государстве. Таким образом, продолжалась политика задабривания Грузии не только Москвой, но и ООН, «друзьями Грузии», теми же странами – США, Великобритании, Франции, Германии. Так, в докладе Генерального секретаря ООН «О положении в Абхазии…» (14 января 2004 года) отмечается, что Совет Безопасности от 30 июля 2003 года постановил продлить мандат Миссии Организации Объединенных Наций по наблюдению в Грузии (МООНГ) до 31 января 2004 года. Отмечалось, что «Специальный представитель (Х. Телявини) и МООНГ, опираясь на «Группу друзей», продолжали работу в трех направлениях: экономическое сотрудничество, возвращение беженцев и внутренне перемещенных лиц, политические вопросы и вопросы безопасности, о чем договорились президенты РФ и РГ в Сочи в марте 2003 года. Это – ключевые мероприятия, призванные обеспечить установление взаимопонимания между грузинской и абхазской сторонами и, в конечном итоге, проведение предметных переговоров о всеобъемлющем политическом урегулировании на основе документа, озаглавленного «Основные принципы раз-

[1] Там же. С. 602.

граничения полномочии между Тбилиси и Сухуми», и сопроводительного письма к нему»[1].

В этой ситуации глава Абхазии, представляя, что решение грузино-абхазского конфликта и международными организациями, и влиятельными мировыми игроками – Россией и странами Запада, по существу затягивается искусственно, в угоду своим геополитическим интересам, предпринимает неожиданный политический ход. В. Ардзинба, наряду с восстановлением нормальных межгосударственных отношений с Грузией, предлагает Российской Федерации установить с Абхазией ассоциированные отношения в форме союза двух равноправных государств. В интервью газете «Республика Абхазия» он отмечал: «Недавнее обращение Народного Собрания Абхазии к обеим палатам Российского парламента, безусловно, является позитивным шагом. По основным своим параметрам оно полностью совпадает с моим соответствующим обращением к Президенту и руководству России. Естественно, не следует ожидать, что этот вопрос будет решен в короткие сроки. Тем не менее, на мой взгляд, для его решения есть хорошие перспективы»[2].

На вопрос корреспондента «НГ», « что изменилось в российско-абхазских отношениях с тех пор, как Вами было направлено известное письмо Президенту России Владимиру Путину с предложением придать Абхазии статус ассоциированного члена?», Ардзинба отвечал: «Официальная позиция руководства России по вопросу политического статуса Абхазии не изменилась: оно, по-прежнему, признает территориальную целостность Грузии в пределах границ бывшей Грузинской ССР. Однако мы в республике считаем, что такой подход России, других ведущих государств и международных организаций лишен правовых оснований»[3].

[1] Документы ООН по Абхазии. Доклад Генсека ООН от 14 января 2004 года.

[2] «Республика Абхазия», 3 – 4 апреля 2003 года.

[3] «Независимая газета», 30 января 2003 года.

Кстати, вопрос корреспондента «НГ» был неточен. Ардзинба в своем письме на имя российского президента ставил вопрос о равноправном «ассоциированном союзе» двух государств, но не в качестве статуса Абхазии в формате «ассоциированного члена», как обозначил свой вопрос корреспондент, т. е. означавший вхождение республики в состав России. Как видим, в том большая разница. Эту разницу пояснял Президент Абхазии еще в 2001 году в беседе с корреспондентом «Независимой газеты» Е. Тесемниковой, отмечая, что республика стремится к установлению ассоциированных отношений с Российской Федерацией. И что представления об этих отношениях должны быть следующими: «Абхазия является субъектом международного права (членом ООН и других международных организаций); одновременно она, совместно с Россией осуществляет внешнюю и оборонную политику; находится с ней в валютном и таможенном союзе; осуществляет совместную охрану государственной границы»[1].

С самого начала 2000-х, таинственная болезнь В. Ардзинба стала прогрессировать. Одно время Владислав Григорьевич связывал это, и мне о том не раз говорил, с болезнью десен и зубов. И нам, его сотрудникам, так и казалось. Хотя нездоровые слухи, связанные с поездкой Владислава Григорьевича в Тбилиси, имели хождение в обществе чуть ли не с того самого злополучного 1997 года. Конечно, многим абхазам, и тем, кто работал с главой Абхазии непосредственно, очень не хотелось, чтобы он отправлялся в страну неприятеля, к тому же, где его давно объявили вне закона. После того, как состоялась поездка, Владислав рассказал мне кое – что о том, и о своих подозрениях по поводу этого визита к грузинам, предпринятого под нажимом МИД России, выходит, против его воли. Об этом я поделился с читателями в своем очерке под заголовком «Ехать в Тбилиси надо, хотя есть сомнения…».

[1] «Независимая газета», октябрь 2001 года. // Газета «Республика Абхазия», 25 – 26 октября 2001 года.

Приведу несколько эпизодов из него: «… Впервой половине августа 1997 года в Сочи состоялась встреча президента Абхазии и министра иностранных дел Российской Федерации. Как позже отметил Ардзинба, это была инициатива Евгения Примакова. Он сообщил Владиславу, что едет в Тбилиси и приглашает его с собой. Владислав отказался от предложения шефа МИД России, пояснив, что, в принципе, всегда готов встретиться с грузинским лидером, но на нейтральной территории. Затем, как я знаю со слов Ардзинба, Примаков, сославшись на Бориса Николаевича Ельцина, заявил, что на поездке главы Абхазии в Тбилиси настаивает президент России. На это Владислав Григорьевич ответил, что решение будет принято в Сухуме, и об этом он известит Примакова. На том они и расстались»[1].

Владислав, собрав соратников, проинформировал их, что «ему предложено Москвой отправиться в Тбилиси для встречи с Шеварднадзе 14 августа, в день грузинской агрессии против Абхазии, что, конечно, воспринимается негативно. Но с другой стороны, заметил он, это нужно для того, чтобы хоть каким – то образом смягчить режим санкции»… Тогда все промолчали, таким образом, выходит, согласившись с поездкой Ардзинба в Тбилиси. Возражал лишь С. Лакоба, напомнив, в качестве аргумента присутствующим о судьбе другого главы Абхазии – Нестора Лакоба, отравленного Берия в столице Грузии. Наверное, если в тот момент соратники твердо выступили против визита в Грузию, эта поездка могла не состояться. Но это все же из области предположений… И Ардзинба не только съездил в Тбилиси, но и переночевал там, к сожалению. Результатов же особенных от поездки не оказалось, хотя Владислав на итоговой пресс-конференции по возвращении в Сухум высоко оценил роль Примакова, выполнявшего, по словам Ардзинба, «непосредственное задание Б. Н. Ельцина». Эти слова я слышал самолично и отразил в отчете, опубликованном в газете »РА» 20 августа 1997 года. В то же время я обратил внимание, что аргументируя необходимость поездки в Тбилиси, Владислав привел совершенно иные обстоятельства того, как появилась идея самой встречи. «Во время беседы с министром иностранных дел РФ Евгением Примаковым (она состоялась в Сочи по инициативе Примакова – В. Ч.), который 14 августа собирался в Тбилиси, – отмечает Ардзинба, – мне было предложено поехать вместе с ним». Получается, что вначале Примаков от своего имени предложил Ардзинба поехать в Тбилиси, а затем, когда тот отказался, появилось предложение Ельцина. В этом-то, как раз нестыковка и двусмысленность. Как все же понять: по своим личным или российским делам отправлялся Примаков в Тбилиси, или же ехал туда все же в роли посредника по поручению президента Российской Федерации?»[1].

«… Шло время. И совершенно случайно, общаясь с Владиславом по делам служебным, однажды заметил, к своему удивлению, что он переворачивает страницы довольно напряженно, не одним или двумя пальцами, как это водится, а чуть ли не пятерней. Еще раньше, помню, как-то в беседе он поделился со мной, что у него проблемы с деснами, от того и слова некоторые ему трудно выговаривать. После этого я стал внимательнее присматриваться к нему. Это было нетрудно, поскольку наши встречи были регулярными. И видел воочию, что болезнь (Владислав уже знал, что это не десны) прогрессирует: говорить ему стало тяжелей, страницы и слова давались с трудом. В одну из наших встреч, заметив мое пристальное внимание на то, как он переворачивает всеми пальцами руки страницу, Владислав сказал: «Знаешь, старик, болезнь моя что-то сильно затянулась, никак не могу выйти из этого состояния…». – Тогда, потрясенный его признанием, я молчал. Не знал, что ответить, как, какими словами, поддержать этого, сильного духом и волей, человека. – «А ведь тогда, когда собрался ехать в

[1] В. Чамагуа. Эпоха Владислава. Хроники. Сухум, 2013. С. 210 – 211.

[1] Там же. С. 213.

Тбилиси, – вновь заговорил Владислав Григорьевич, – я спросил, собрав наших, как быть? Москва настаивает, министр иностранных дел от имени руководства России предлагает поехать и дает гарантию, что все будет нормально. И только один человек был против поездки, остальные все согласились… Вот так это и произошло», – тихо, словно себе, заметил он. Я совсем растерялся, когда до меня дошло, о чем подозревал Владислав. Хотя в Абхазии многие уже связывали его болезнь с той роковой поездкой в Тбилиси. Но для меня стало шоком то обстоятельство, что об этом же думал и сам Владислав»[1].

По поводу посещения главой Абхазии Тбилиси исследователь А. Авидзба писал: «Уже тот факт, что визит был назначен на 14 августа, пятую годовщину вторжения Грузии в Абхазию – день Памяти защитников Абхазии, свидетельствует о том, в угоду кому и чему организовывалась эта встреча. В очередной раз В. Ардзинба вынужден был пойти на непопулярный шаг: в Абхазии это решение и сам визит восприняли неодобрительно, а реакция на то, что он состоялся 14 августа, была однозначно негативной. Кроме того, что Е. Примаков ручался за неприкосновенность В. Ардзинба в Тбилиси, тем не менее, о полноценных гарантиях его безопасности во вражеском стане говорить не приходилось. «Несговорчивый» В. Ардзинба, несмотря на то, что представлял маленькую и непризнанную страну, часто становился поперек интересам влиятельных сил и даже нередко способствовал смешиванию карт в их локальных, региональных и даже глобальных военно-политических играх, ареной которых являлась Абхазия. Он не мог все это не понимать, но ему тогда четко дали понять: если он не поедет в Тбилиси, то узнает, «что такое настоящая блокада»[2].

Так или иначе, свой второй президентский срок Владислав Григорьевич отрабатывал с подорванным здоровьем. Тем не менее, многие его свершения связаны именно с этим периодом. Оппоненты же не почувствовали и намека на какую-либо слабину национального лидера во всех тех проблемах, связанных с защитой интересов свободной абхазской республики. Владислав Григорьевич именно в тот период дал решительную отповедь инициативе Запада и России, предложивших абхазскому руководству «новую» формулу по политическому урегулированию. Так называемый проект Бодена «Об основных принципах разграничения полномочий между Тбилиси и Сухуми», названный по имени спец. представителя Генерального секретаря ООН в регионе конфликта, ничем не отличался от предыдущих грузинских предложений – «широкой» автономии Абхазии в составе грузинского государства. К тому времени Ардзинба, как отмечалось выше, отвергнув данную инициативу посредников по урегулированию, предложил Москве совершенно иную формулу в области государственно-правового устройства Абхазии, в корне отличную от предыдущих форматов. Это был неожиданный ход, смысл которого заключался в том, что Владислав ставил вопрос не об интеграции в государственно-правовом отношении с Грузией, о чем велись переговоры с участием великих держав на протяжении более 7 лет, а непосредственно с Российской Федерацией. Расчет национального лидера, полагаем, строился на том, что Абхазия в минувшие годы постепенно обрела силуи авторитет в политическом, экономическом и международном плане. И потому Владислав Григорьевич посчитал, что пришло время, отступив от дипломатической риторики, декларировать открыто стратегические задачи абхазского государства. Об этом свидетельствует, к примеру, такой вопрос российского журналиста: «Реально ли, по-вашему, вхождение Абхазии в состав России и вообще – ставится ли такая цель?». Ответ Владислава: «Интеграция с Россией является частью наших национальных интересов. Наиболее удобной формой возможных взаимоотношений с Россией мы считаем модель ассоциированного государства. Другими словами, сохраняя независимость, свою

[1] Там же. С. 214 – 215.

[2] А. Ф. Авидзба. Проблемы военно – политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга II. Сухум, 2013. С. 599.

внешнюю и оборонную политику (в том числе и охрану границ) Абхазия готова строить совместно с Россией. Мы также стремимся к заключению валютного и таможенного союза. Такая модель не только способна обеспечить безопасность и свободное экономическое развитие Абхазии, но и, на наш взгляд, отвечает интересам национальной безопасности России»[1]. О возможности, пусть даже в отдаленной перспективе, возвращения Абхазии в состав Грузии Ардзинба говорит таким образом: «Вопрос о независимом государственно – правовом статусе Абхазии уже решен ее народом, это зафиксировано действующей Конституцией и Актом о государственной независимости Республики Абхазия, принятым по результатам референдума. Следовательно, о вступлении Абхазии в состав Грузии, на каких бы ни было условиях, не может быть и речи»[2].

В ту пору предложение Ардзинба об интеграции Абхазии с Россией в качестве ассоциированного союза двух государств, думается, привело в замешательство крупных политических игроков, поскольку комментариев по поводу неожиданной инициативы абхазского руководства не последовало ни от Москвы, ни от западных посредников. Ну, а реакция Грузии, в любом подобном случае, могла быть только отрицательной.

Наряду с политическими проблемами, значительное внимание глава государства уделял восстановлению разрушенного войной народнохозяйственного комплекса республики, без чего не возможно было добиться повышения уровня благосостояния населения Абхазии. Известно, что стабильная экономика и самодостаточный уровень жизни населения – это один из основных критериев безопасности государства. Это понимали оппоненты абхазской независимости, и определили абхазам блокадные условия, чтобы подавив волю народа к самостоятельности и свободе, реинтегрировать вышедшее из кровопролитной войны молодое государство в прежнюю метрополию.

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 542. // «Время МН», 14. 08. 2002.

[2] Там же. С. 542.

Владислав Григорьевич в своих выступлениях и обращениях, в интервью и беседах с представителями СМИ часто напоминал и своим соратникам, и согражданам о том, чтобы выдержать противостояние с недругами абхазской независимости, коих всегда было предостаточно, необходимо опираться на собственные силы, т. е. следовало поднимать и развивать абхазские традиционные отрасли народного хозяйства. Наличие в стране самодостаточной экономики, как известно, способствует не только росту жизненного уровня людей, но и политической стабильности государства, упрочению суверенитета и независимости государства.

В этом плане примечательны послания Президента Республики Абхазия В. Г. Ардзинба Народному Собранию РА. Анализ двух из них, озаглавленных «О положении в стране и об основных направлениях внешней и внутренней политики», охватывают временные рамки в пределах 1998 – 2000-х годов. Это период блокады – политической, экономической, информационной, объявленной Абхазии Ельцинским режимом по сговору с Грузией. Глава Абхазии в указанных посланиях подробно, тщательно и глубоко анализирует создавшуюся ситуацию, раскрывает причинно-следственную связь экономических и политических санкций, тормозящих становление разрушенной войной экономики и развитие социальной сферы, значит, и повышение жизненного уровня населения. Выходило, что при молчаливом согласии мирового сообщества, Грузия, Россия, СНГ на протяжении многих послевоенных лет пытались, накинув блокадную удавку, втолкнуть свободную Абхазию в состав бывшей грузинской метрополии. Тем не менее, Абхазия не отступила от своих принципов во внешней и внутренней политике, не сдала ни пяди своих позиции. Более того, президент страны аргументированно, со статистическими выкладками, доказывает, что даже в столь критической обстановке, жизнь свободной республики не замерла. Происходил процесс медленного, но все

же роста экономики, отдельных отраслей производства, курортной сферы. Параллельно Абхазия, официально признанная субъектом переговоров, участвовала в политическом урегулировании под эгидой ООН, и при посредничестве ведущих стран мира. Нельзя не отметить и того, что для главы государства важен все же не только отчет о проделанной работе. Вместе с тем он делает выводы по сложившейся ситуации, намечает пути ее улучшения. Таким образом, становится очевидным, что послания президента, с одной стороны, являются информацией о состоянии политических, хозяйственных, культурно-духовных процессов, имевших место в обществе и в стране за отчетный период, с другой – своего рода программой совершенствования деятельности руководящих структур на будущее. Подчеркнем также, что послания примечательны тем, что в них заключена та формула жизнеспособности абхазского государства, о которой не раз предупреждал Владислав Григорьевич. Это его убежденность в том, что гарантией свободы и независимости Абхазии является, в первую очередь, «… опора на собственные силы, и не только тех, кто здесь, на территории Абхазии живет, но представителей нашей диаспоры далеко за пределами Абхазии, включая не только абхазцев, но и всех выходцев из Абхазии…». [1] Это, безусловно, способствовало бы реализации и такого важнейшего аспекта, как международное признание Абхазии. О том говорил и глава государства, подчеркивая, что «… каждый день, прожитый нами, каждое дело, сделанное нами, так или иначе, приближает нас ко дню признания Абхазии. Чем больше мы продержимся и чем больше сумеем сделать за это время – тем больше оснований надеяться на то, что мы станем суверенным, независимым государством»[2].

В то суровое время, когда жизнь, мягко говоря, не баловала людей, когда мы были закрыты со всех сторон, абхазское государство, можно сказать, если не на 100 процентов, то в основном, рассчитывала на свою самодостаточность во всех сферах и областях жизни. И выдержала весь блокадный период, время жестких политических и экономических санкций. Это, конечно, феномен, связанный с блестяще выверенным курсом, политическим и экономическим, основателя нашего государства. В этом плане значительную роль сыграла ставка главы республики на сельскохозяйственный сектор экономики, на абхазское крестьянство, которое, выдержав бремя блокады, помогло выстоять и стране в целом.

Гарантией независимости и безопасности абхазской республики, то есть, важнейшим стратегическим фактором, Владислав Григорьевич считал исторически утвердившиеся кровнородственные связи с народами Северного Кавказа: абазинами, адыгами, вайнахами, осетинами и дагестанцами. Если у России, как утверждали ее руководители, в союзниках были только армия и флот, то у абхазов, как известно издревле, всегда была надежда на поддержку Всевышнего и северокавказских братских народов. О стратегически важной роли Северного Кавказа в судьбе абхазов постоянно подчеркивал Владислав, как в своих устных выступлениях, так и в СМИ. В своей речи на праздновании 5-летия Победы (30 сентября 1998 года) В. Ардзинба дал высокую оценку подвигу наших братьев, вставших, с первых дней войны, вместе с нами на защиту Абхазии. Тогда Владислав отмечал: «Война, которая пришла на нашу землю, далеко не у всех, и об этом надо прямо сказать, вызвала однозначную реакцию отпора. Были и те, даже среди руководства Абхазии, кто не только втайне ждал этого часа, но и убеждал других в бессмысленности сопротивления. Были и те, кто смирился с оккупацией, сотрудничал с врагом, создавал комитет спасения Абхазии, пытаясь в действительности спасти свою шкуру. Были и просто паникеры. Но подавляющее большинство и руководителей, и народа были готовы противостоять применению силы. Тем не менее, положение было воистину отчаянным. Большая часть территории была оккупирована, здесь развер-

[1] Газета «Республика Абхазия», 11 – 12 августа 1999 года.

[2] Там же.

нулся настоящий геноцид, силы были явно не равными. И в этот самый трудный час раздался мощный голос протеста наших братьев на Северном Кавказе. Они не только протестовали, они бросились на помощь Абхазии. Мы не забыли то утро, когда первые отряды добровольцев, перейдя через перевал, пришли в Гудауту. Одна только весть об этом, передаваясь из уст в уста, удесятеряла наши силы. Рядом с абхазами, адыгейцами, кабардинцами, черкесами, чеченцами, осетинами, дагестанцами и представителями многих других народов Кавказа встали казаки, русские, которые по-братски восприняли боль нашего народа. И подобно тому, как наша красивая река Бзыбь становится полноводной и стремительной, вобрав в себя воды Геги, Юпшары и многих других, стало полноводным и неукротимым наше движение за освобождение Абхазии. Вечная память и слава всем героям, отдавшим свою жизнь за свободу Апсны. Я прошу вас минутой молчания почтить их память. (Спасибо!). Низкий поклон их матерям и отцам, семьям! Искренние пожелания счастья, мира и благополучия каждому, кто встал с нами рядом и сегодня отмечает эту дату!»[1].

В тяжелый блокадный период, как и в военное время, В. Ардзинба, отражая натиск мощного влияния из сообщества стран – «друзей» Грузии по переговорному процессу, политическому урегулированию грузино-абхазских проблем, по вопросам беженцев и т. п., безусловно, учитывал и опирался в своей деятельности на реальный фактор поддержки северокавказских союзников. Для абхазской политики отношения с братскими народами имели стратегическое значение. По этому вопросу Владислав Григорьевич отмечал: «Одним из важнейших факторов, определяющих ситуацию не только на переговорах, и в системе региональных отношений, является Российская Федерация. Известно, что в экономическом, политическом и культурном плане Абхазия исторически связана

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 359.

с регионами Северного Кавказа и Юга России. Аналогичные интересы существуют у северо-кавказских субъектов Российской Федерации в отношении Абхазии. Поэтому ситуация в Абхазии непосредственно влияет на стабильность в данном регионе, прежде всего в Адыгее, Кабардино – Балкарии и Карачаево – Черкессии, на территориях которых живут родственные абхазам народы. Это вынуждает российское руководство более взвешенно подходить к решению наших проблем»[1].

Задачу многостороннего сотрудничества и укрепления наших традиционных связей с братскими народами В. Ардзинба считал наиважнейшим фактором безопасности абхазского народа и его государства. Подтверждением тому его речь, произнесенная перед депутатами абхазского Парламента и всем руководством республики. В своем послании он отмечал: «Одним из наиболее перспективных направлений внешней политики Абхазии является Северный Кавказ и Юг России. Несмотря на то, что в силу экономической и политической блокады мы в полной мере не можем задействовать свой потенциал, наши позиции в этом регионе сохраняются и служат одной из важнейших гарантий неприменения силы в отношении Абхазии. Поэтому необходимо развивать всестороннее сотрудничество с северокавказскими республиками и регионами Юга России в рамках региональных организаций, таких, как ассоциация «Северный Кавказ», а также на двусторонней основе, в этой связи правительство должно прикладывать больше усилий для развития отношений на основе существующих договоров с субъектами Российской Федерации»[2].

Президент Абхазии всегда следовал тому, что слово обязательно должно подкрепляться делом. И он на практике проводил свою линию: в тяжелое блокадное время, вопреки воле центральных

[1] В. Г. Ардзинба. По пути независимости, на благо народа. Послание Президента Республики Абхазия Народному Собранию. Сухум, 1999. С. 30.

[2] Там же. С. 31.

российских властей, были подписаны договоры о дружбе и сотрудничестве со всеми братскими северокавказскими республиками, Татарстаном и Башкортостаном, там же открыты постпредства для решения текущих и долговременных экономических, социальных и культурных вопросов. В бытность В. Ардзинба главой Абхазии процессы сближения братских народов Северного Кавказа с абхазами, упрочение исторических связей в культурной и духовной сфере между нашими народами происходили на постоянной основе. Ардзинба показывал тому пример, часто общаясь с известными политическими и общественными деятелями, видными представителями науки и культуры, с ветеранами грузино-абхазской войны из братских республик. Сам не раз бывал в официальных поездках или же в качестве гостя на различных торжествах и мероприятиях в Кабардино- Балкарии, Адыгее, Карачаево-Черкессии, в Краснодарском крае… Публицистическое наследие Владислава Григорьевича убедительно свидетельствует о его уважительных и теплых отношениях с известными представителями братских народов, например, с Юрием Калмыковым, Асланом Джаримовым, Давидом Кугультиновым, Зауром Налоевым, губернатором Краснодарского края Николаем Кондратенко и другими. Высоко ценил он роль Конфедерации народов Кавказа и общественно – политическую деятельность ее лидеров Мусы Шанибова и Юсупа Сосламбекова по защите Абхазии, близкими были отношения в период военного лихолетья с видными командирами абхазской армии, добровольцами Ибрагимом Ягановым, Мухаммадом Килба, Геной Кардановым, Хамзатом Ханкаровым, Шамилем Басаевым и другими. Этот большой задел искренней дружбы и взаимоуважения абхазов и братских народов, наработанный в период войны и блокады, как отмечал В. Ардзинба, необходимо было постоянно наращивать. Основываясь на крепких позициях абхазского народа, его влиянии и авторитете в республиках Северного Кавказа, следовало, наряду с активной работой с ветеранскими организациями добровольцев, упрочением культурных и духовных связей

абхазов с северокавказскими братьями, повышать также уровень экономического сотрудничества. Вся эта деятельность, в первую очередь, в интересах всех здоровых сил, лояльных по отношению к абхазской свободе и независимости. Таким образом, Владислав Григорьевич считал, что нынешним и будущим властным структурам следует основательно усвоить значение единства и сплоченности с единокровными братьями, и каждодневно пропагандировать в абхазском обществе эту формулу, разъясняя нашим людям, что деятельность в этом направлении, наряду с проблемами демографии, является стратегической задачей. И в большей степени ее реализация необходима нашему малочисленному народу, нежели другим народам. Так, безусловно, мыслил и действовал Владислав Ардзинба, которого лучшие люди Северного Кавказа и Абхазии считали, как известно, считают и поныне, общим для нас всех выдающимся политическим и государственным деятелем.

В своей разнообразной деятельности, в том числе и в области информационной политики, Владислав Григорьевич использовал все возможности для эффективной работы на том или ином участке. Мало кто знает, что в идейной защите молодого абхазского государства он участвовал не только на официальной основе, но и не раз выступал в качестве автора под различными псевдонимами. И писал он только в газету «Республика Абхазия». К этой газете, которую он и создал, как почти все в республике, у него было особое отношение. Отмечу такой факт: в сборнике (далеко не полном) публицистических выступлений В. Г. Ардзинба «Мы шли на смерть, чтобы жить…» большую часть составляют его публикации, увидевшие свет на страницах газеты «Республика Абхазия». При всем этом, как отмечала помощник главы государства Раиса Николаевна Погорелая, Владислав Григорьевич свой рабочий день начинал с чтения газеты «Республика Абхазия» и чашки кофе. И к тому же, действующий президент, донельзя перегруженный работой, находил возможность сотрудничать с газетой. Более того, кроме своих официальных материалов, присылал в редакцию и

такие статьи, комментарии, злободневные заметки, которые были подписаны его псевдонимами. Об этом был осведомлен лишь узкий круг – редакторат газеты. Эти материалы, опубликованные в «РА» под псевдонимами Чыгрыц Джыр-ипа, Куадз Адзадз, Эргюн Эзгюн, вызвали большой резонанс в общественных кругах. Но в то же время, согласно морально-этическому кодексу журналиста, не позволявшему раскрыть имя настоящего автора, его лавры приписывались, как в целом коллективу редакции, так и главному редактору, в частности. Думаю, в этом плане настала пора, поставив все точки над «и», сказать, что автором этих публикаций был ни кто иной, как президент В. Ардзинба.

А началось это таким образом: «Как-то, после обсуждения редакционных проблем, Владислав Григорьевич вдруг неожиданно сказал: «Хочу сотрудничать в газете». Я был удивлен, и, не уловив его мысль сразу, ответил: «А разве мы не сотрудничаем?». «Да нет, – говорит Владислав, – ты не понял: я хочу писать как корреспондент, обозреватель, комментатор, название не имеет значения, главное – творчество». Мне подумалось: «Да откуда у него на это время?». Он, почувствовав мои сомнения, тут же заметил: «Это не блажь, старик, обещаю по мере возможности давать вам материалы. У меня немало их накопилось: из архивов, из закрытых фондов. Разве это не интересно?» – словно бы он уговаривал меня. Мне все-таки не верилось: при его загруженности и еще подготовка материалов для газеты – это слишком. Владислав Григорьевич, чувствуя мой скептицизм, уже горячо, можно сказать, даже запальчиво, восклицает: «Слушай, что плохого в том, если я стану вашим корреспондентом!». «Хорошо, мы будем только рады», – все еще удивляясь, соглашаюсь с ним[1].

Владислав, как всегда, верен своему слову. Будучи обладателем большого количества архивных материалов под грифом «Совершенно секретно» из закрытых московских фондов, некото-

[1] В. Чамагуа. Эпоха Владислава. Хроники. Сухум, 2013. С. 218.

рые из них отдает абхазским ученым, часть оставляет себе, и готовит на их основе публикации в газете. Например, под рубрикой «Белые пятна истории», которую он вел под псевдонимом Чыгрыц Джыр-ипа, был напечатан материал под заголовком «Как абхазские крестьяне относились к созданию колхозов». Это – спецсводка НКВД по Гудаутскому уезду под строгим грифом «Совершенно секретно», датированная 1930 годом. Она предваряется комментарием ведущего Чыгрыца Джыр-ипа (В. Ардзинба), разъясняющего подоплеку крестьянских волнений в Абхазии в пору колхозного строительства в бывшем Союзе ССР. Интересна характеристика, которую дал Владислав руководителю абхазской республики Нестору Лакоба: «Выдающийся сын абхазского народа Н. Лакоба, используя свой авторитет и влияние, смягчил процессы коллективизации и вывел тем самым из-под удара большие массы крестьян. Дело это было в ту эпоху нелегким и весьма опасным», – подчеркивает Ардзинба. Далее в комментарии он делает вывод о том, что «эту щадящую политику Лакоба запомнили враги абхазского народа Сталин и Берия, подписавшие ему смертный приговор»[1].

«Как расхищали имущество греков» – так называется другая публикация, напечатанная в газете под рубрикой, которую вел Ч. Джыр-ипа. И здесь материалы под грифом «Совершенно секретно» из личного архива Владислава Григорьевича. К ним дается его глубокий и острый комментарий. Понимая, что для газеты материал объемный, автор сам разбивает его на части, и, чтобы публикация легче и интереснее читалась, выделяет текст подзаголовками. Звучали они так: «Технология грабежа», «К грекам пришла беда, а грузины заняли их дома», «Судья Эхвая: возвращения греков не допущу», «Берия: ваш дом передается переселенцу». Словом, и в журналистской «кухне», как видим, Владислав заявил себя профессионалом. Завершается эта большая публикация таким выводом В. Ардзинба: «Всевластие Сталина и Берия, их местных наймитов

[1] Там же. С. 219.

трагическим образом отражалась на судьбе как греков и абхазов, так и других народов, населявших бывший СССР. Забыть такое – значит допустить возможность повторения тех злодеяний»[1].

В публицистическом багаже В. Ардзинба есть также и другие, написанные им под псевдонимами, статьи, комментарий, сатирические реплики. Известно, что национального лидера во второй половине 90-х и в первой половине 2000-х целенаправленно подвергали псевдокритике т. н. независимые газеты, выходившие в Абхазии. Многие публикаций в тех газетах, особенно в таких изданиях, как «Аитаира» и «Нужная газета», были ангажированными по разным причинам, в основном карьерными амбициями некоторых абхазских политиков…

В. Ардзинба был не только выдающимся политическим и государственным руководителем Абхазии, но также являлся ее первым защитником в идейно-духовном плане, то есть, главным идеологом страны. Он не мог стерпеть возведения напраслины и клеветы в адрес молодого государства, его государственных и общественных устоев, что в то время, как и ныне, также были в ходу. Одним из подобных свидетельств неприятия национальным лидером огульной критики, клеветнических утверждений, не основанных на каких-либо серьезных фактах и явлениях послевоенных реалий – трудной поры становления абхазского государства – является его публикация «Возродиться во власти», напечатанная в «РА» под псевдонимом Куадз Адзадз. Эта блестяще написанная статья, можно сказать, являясь образцом политической полемики, с одной стороны, продемонстрировала публицистический талант автора, широту его кругозора, глубину знаний общественно – политических процессов и явлений, в которые была вовлечена абхазская республика.

Владислав Григорьевич живо и убедительно, на высоком профессиональном публицистическом уровне, комментирует несо-

[1] В. Чамагуа. Эпоха Владислава. Хроники. Сухум, 2013. С. 219 – 220.

стоятельность и убогость экономической составляющей программы новой ОПД. И начинает он так: «…То, что названо в качестве основных принципов программы, в целом очень напоминает призывы ЦК КПСС к тому или иному событию. В ответ на сакраментальные «мы выступаем…», «ОПД призывает» так и хочется сказать: «Всегда готовы». Эту ассоциацию усиливают перлы типа «экономика должна быть основана на принципах рыночных отношений» – с одной стороны, и одновременно «относительное социальное равенство», «столь стремительный и глубокий раскол общества неприемлем для абхазского менталитета и традиционных ценностей». Вот те на! Одно противоречит другому. Так и просится в ответ не мною сказанное: «Не знал, чего хотелось, то ли Конституции, то ли осетрины с хреном». Видимо, какие-то «неокоммунисты»?! И с чего они взяли, что социальное равенство имманентно присуще абхазскому менталитету? Как будто нет за нами истории тысячелетий. С луны, что ли, свалились?!»[1].

Ардзинба также мастерски снимает тогу с радетелей «за народ», показав их теми, кем они являлись на самом деле – людьми, не чуравшихся лживых утверждений, к тому же нередко бывших и носителями откровенного невежества. По этому поводу он отмечал: «…Упрекают за то, что «мнение народа практически не изучается и не учитывается при принятии тех или иных важных решений, определяющих будущее нашей страны», словно запамятовав, что только что этой самой властью был проведен референдум. И тут же, без зазрения совести, не спросив мнения народа, говорят от его имени: «люди остались один на один со своими трудностями», «общество вправе увидеть», «общество оказывается отстраненным» и т. д. и т. п. Зачем же за всех других, за все общество, ну хоть бы за его часть? Ведь не демократично же. Да и к власти вроде подписанты имеют прямое отношение. Одни и по сей день – представители одной из ее ветвей (речь идет о законодательной

[1] Там же. С. 219 – 220.

власти – В. Ч.). И известны тем, чем известны. Печально известны, одним словом. Другие побывали у власти и, действительно, были отстранены в виду несоответствия, так сказать. Что поделаешь, шить сапоги должен сапожник, а печь пироги – пирожник»[1].

Весьма примечателен хлесткий комментарий Владислава в адрес т. н. радетелей абхазского языка. Думается, смысл и содержание мыслей Ардзинба являются актуальными и по сей день, хотя прошло уже с того времени более полтора десятка лет. В тот период по поводу псевдо – патриотов он говорил: «…Вроде бы радеют за абхазский язык, требуют сделать его «необходимым и достаточным как в повседневной жизни, так и в ведении всех государственных дел». Вот так взял и сделал. Особую прелесть этому абсолютному невежеству придает то, что среди подписантов есть те, кто и двух предложений на абхазском не то что написать, произнести не смогут. Уж они-то научат нас абхазскому. Вот взять бы их и заставить, чтобы в одночасье не только заговорили, но и начали писать по-абхазски. Бесплодное занятие, думаю. Как говорится, «не лучше ль на себя, кума, оборотиться». Поэтому и остается от всего этого лишь голый популизм, а от «основных принципов» – лишь отсутствие всяких принципов, один голый эгоизм, цель которого – любой ценой, всеми правдами и неправдами возродиться во власти, которую так клеймят. Но они это особенно не скрывают (см. «Нужную газету», 5. 03. 2000 г.)»[2].

Подвергнув справедливой критике некоторые другие выпады и «ценные» замечания оппозиции в адрес власти, Ардзинба в завершение отмечает: «И, наконец, возрождать можно то, что уже существовало, чего никак не скажешь о нашем государстве. Мы строим государство. Задача куда более сложная, чем возродить то, что было. И на этом пути мы сталкиваемся с сотнями самых сложных проблем. Нам не содействуют, а делают все, чтобы помешать, не дать, не пустить и т. д. и т. п. И к тому же мы не многомиллионный народ, раскинувшийся на бескрайних просторах земли. «Благими намерениями» устлана, говорят, дорога в ад. И не надо ввергать нас в него, хотя бы ради своих детей… И все же нет оснований для уныния. Мудрая восточная пословица гласит: «Один дурак может задать столько вопросов, на которые не ответят и сто мудрецов». От этой древней мудрости становится веселее в тяжелом пути. Пусть и собака лает, караван то идет!»[1].

Острым памфлетом и сатирическим пероммог пройтись по адресу оппонентов в ту пору Владислав Григорьевич. И за темой далеко ходить не надо было. В обществе, как говорится, под боком, находились любители порассуждать, или «пофилософствовать» над высокими проблемами. Также и на предмет, скажем, государственного обустройства страны.И, в конечном счете, как это водится, определиться с судьбой Абхазии, возможно по невежеству… в рамках бывшей метрополии. О том талантливым пером публициста В. Ардзинба, то бишь Эргюна Эзгюна, сообщается в заметках под заголовком «Смеяться, право, не грешно над всем, что кажется смешно», опубликованных в «РА»»[2].

Таков был ответ Владислава всем тем, кто по разным причинам, в том числе и обладателям всевозможных западных (считай – грузинских - В. Ч.) грантов или иных «поощрений», пел осанну демократическим процессам, якобы захлестнувших нищую и убогую Грузию.

Буквально накануне президентских выборов, 30 сентября 2004 года, в День Независимости Абхазии, поздравляя народ с великой Победой, В. Ардзинба отмечал: «Вечная память и вечная слава героям, сложившим головы за свободу Родины!… Я всегда осознавал всю тяжесть ответственности, которую возлагает на меня доверие народа, в особенности народа, борющегося за свою свободу и национальное достоинство. И никогда не жалел сил для того,

[1] В. Чамагуа. Эпоха Владислава. Хроники. Сухум, 2013. С. 219 – 220.
[2] Там же.

[1] Там же.
[2] Газета «Республика Абхазия», 28 июня 2000 года.

что бы оправдать это доверие. Благодаря взаимной поддержке, единству и вере нам удалось одержать Победу и сохранить народ. И после войны над Абхазией неоднократно нависали угрозы, но благодаря мужеству, терпению и трудолюбию, наш народ с честью преодолел их. Мы доказали миру, что способны самостоятельно развиваться, строить независимую государственность. Мы многому научились, и этот опыт будет служить основой для процветания Абхазии. Нам есть, чем гордиться, и есть на что опираться для того, чтобы уверенно смотреть в завтрашний день»[1].

И затем, касаясь предвыборной обстановки, Владислав Григорьевич четко и убедительно характеризовал действия оппозиционных сил в борьбе за власть. Он говорил: «Я считаю, что самым страшным грехом являются попытки некоторых недальновидных политиков убить веру народа в собственные силы, перечеркнуть все то, чего мы достигли. История и народная память никогда не простят этого»[2].

И в то же время, для здоровых сил общества, и для тех, кто еще способен был одуматься, стряхнуть с себя озлобленность и предвзятость, В. Ардзинба приводил в пример простые вроде, но бесспорные истины: «Напомню, что именно действующая власть организовала оборону страны в Отечественной войне 1992–1993 гг. и привела к Победе наш народ. Именно эта власть в тяжелейших условиях экономической блокады и постоянного давления сделала все возможное, чтобы Абхазия смогла выстоять. Именно эта власть не позволила реализоваться реваншистским планам Грузии в послевоенное время. Именно эта власть последовательно проводила курс на независимость и сближение с Россией. Результатом этого явились новые возможности для укрепления нашей государственности и развития экономики, открывшиеся в последнее время»[3].

[1] Газета «Республика Абхазия», 1- 2 октября 2004 года.

[2] Там же.

[3] Там же.

И все же, несмотря на призывы национального лидера, выборы в начале октября 2004 года не дали результатов, поскольку различные оппозиционные силы объединились в единоборстве с кандидатом в президенты от действующей власти. Обстановка в республике сильно накалилась, и была готова привести к столкновениям и дестабилизации в обществе. Этому, в основном, способствовали незаконные действия оппозиции, сторонники которой захватили телевидение, здание Администрации Президента. Во время этих событий погибла видный деятель национально-освободительного движения, известный правозащитник Тамара Платоновна Шакрыл.

В своем Обращении к соотечественникам после президентских выборов 3 октября 2004 года, которые не выявили победителя, В. Ардзинба отмечал: «Возникла реальная угроза открытого гражданского противостояния, угроза единству нашего народа и его независимой государственности. Вооруженными людьми осуществлен захват Абхазской государственной телерадиокомпании, отдельные средства массовой информации способствуют еще большему расколу общества и углублению кризиса. Политическое противостояние достигло такого накала, что разрушаются семьи, брат готов поднять руку на брата, товарищи по оружию, совсем недавно вместе защищавшие Родину, разошлись по разным политическим лагерям. Некоторые представители интеллигенции вместо того, чтобы призвать народ к согласию и благоразумию, выступают с заявлениями, возрождающими в памяти обвинительные речи на показательных процессах тридцатых годов»[1].

И, чтобы вывести абхазское общество из губительного политического кризиса, который мог обернуться потерей кровью добытой независимой государственности, В. Ардзинба принял решение действовать строго в рамках абхазской Конституции, о чем он сообщает посредством газеты «Республика Абхазия»: «В этих

[1] Газета «Республика Абхазия», 13 – 14 ноября 2004 года.

условиях, я, как действующий глава государства, был вынужден подписать Указ «О повторных выборах Президента Республики Абхазия». Это решение вытекает из полномочий, возложенных на меня Конституцией Республики Абхазия, и является единственным законным путем преодоления кризиса и смены власти»[1].

В то обостренное время в Абхазию прибыли представители российских властных структур во главе с вице-спикером Государственной Думы РФ С. Бабуриным. Цель приезда – совместный с абхазскими властями поиск выхода из создавшейся критической ситуации. Но к тому времени выход был найден, и, в соответствии с Конституцией, он заключался в проведении повторных выборов, о чем уже своим Указом объявил действующий Президент Владислав Ардзинба. Документ о проведении повторных выборов был напечатан в газете «Республика Абхазия», вопреки утверждениям некоторых СМИ, что об Указе сообщали только телевидение и радио. Как раз этих сообщений и не было, поскольку электронные СМИ были захвачены оппозиционными силами, противившимся повторным выборам. Кстати, и в мой адрес поступали телефонные предупреждения противников публикации Указа Ардзинба, от которых в штабе оппозиционных кандидатов в президенты, как правило, открещивались. В итоге в ходе повторных выборов, на основе известного соглашения, были избраны новым президентом страны С. Багапш – представитель оппозиции, вице-президентом – Р. Хаджимба, представлявший официальную власть. Таким образом, только усилиями Первого Президента В. Ардзинба тогда удалось избежать, по всему, трагических последствий опасного противостояния, способного повлечь потерю новой абхазской государственности и независимости. Об этом необходимо всегда помнить и современникам тех опасных катаклизмов, и будущим поколениям, которые, несомненно, должны сделать из того необходимые выводы.

[1] Газета «Республика Абхазия», 13 – 14 ноября 2004 года.

Сложные, неоднозначные процессы и события, имевшие место в поствоенный блокадный период, с каждым минувшим годом становятся достоянием истории. Для профессиональных исследователей и просто любознательных граждан страны много интересного и познавательного о нашем славном прошлом можно почерпнуть, как в официальных документах различных международных организаций, так и в воспоминаниях очевидцев, в публикациях различных СМИ, как отечественных, так и зарубежных. То же самое можно сказать об информационной политике В. Ардзинба, которую он, умело и на пользу народа и государства, направлял в самые напряженные и судьбоносные периоды абхазской истории.

Отмечая узловые моменты информационной политики, проводимой В. Ардзинба в послевоенный период, в первую очередь, следует обратить внимание на такую особенность. На то, например, что глава Абхазской республики вновь, как во время войны, столкнулся с объединенными силами противников абхазской независимости: Ельцинского руководства России, западными «друзьями Грузии», и, разумеется, с происками ее лидера Шеварднадзе. В ту пору глава Абхазии объединенному натиску этих сил мог противопоставить, в том числе и посредством печатного слова, лишь свою «гибкую», а в необходимый момент и жесткую, политику по противодействию планам водворения свободной республики в состав грузинской метрополии. В своей деятельности в этом плане В. Ардзинба, наряду с глубоко продуманными политическими решениями и дипломатическими ходами, активно использовал возможности средств массовой информации – абхазских и российских. «Глубокий аналитик В. Ардзинба прекрасно понимал: чтобы не сдать позиции страны – победителя и выстоять в борьбе с могущественными оппонентами, необходимы гибкая политика и информационный прорыв. И он повел свою игру», активно и умело используя информационное оружие: печать, радио и телевидение»[1].

[1] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 11.

Поражение Грузии в войне с еще большей силой подогрело самолюбие грузинского лидера Э. Шеварднадзе, который не преминул использовать свои влиятельные связи с мировыми игроками, чтобы вернуть Абхазию в лоно метрополии как силовым, так и политико-дипломатическим способом. По этому поводу С. Лакоба отмечал: «Термин «осажденная» крепость, применяемый к Абхазии, не ограничивается только периодом непосредственных военных действий на ее территории. У народа создалось устойчивое ощущение того, что против него ополчилась не только Грузия, но и весь мир. Шараханья из стороны в сторону российской политики, однозначная поддержка Грузии Западом, крайне необъективный подход к одной из сторон в грузин – абхазском конфликте международных организаций (ООН, ОБСЕ и др.) – все эти факторы были восприняты тбилисским руководством как поощрение продолжающихся агрессивных действий»[1].

В то же время, повторимся, глава Абхазии, в отличие от многосторонней поддержки Шеварднадзе, опирается на упорство и терпение абхазского общества, и видит выход из создавшейся ситуации в плотном сотрудничестве со средствами информации. Таким образом, он, шаг за шагом, преодолевая информационную блокаду, доводит до российской и мировой общественности информацию о положении в Абхазии. Регулярно сообщает о тех жестоких мерах «сильных мира сего», применяемых к абхазской республике, чтобы сломить ее стремление жить свободно и независимо от грузинской мини-империи.

Владислав Ардзинба в послевоенный блокадный период, судя по различным документам, выступлениям средств информации, как абхазских, так и зарубежных, уделял первостепенное значение вопросам безопасности абхазской республики, переговорному процессу, в том числе по политическому урегулированию и по беженцам. Также под его непосредственным руководством создавались политические и экономические основы молодого абхазского государства, намечались и укреплялись связи и контакты с братскими республиками Северного Кавказа, в целом, с народами Российской Федерации. Эти вопросы, безусловно, были стратегическими до конца правления В. Ардзинба.

Могущественные оппоненты абхазского лидера зачастую о позиции Абхазии по тем или иным стратегическим проблемам узнавали из его интервью или пресс-конференции. В ответ на жестокую блокаду с целью подавления воли народа и руководства республики, Ардзинба своим политическим оппонентам отвечал следующим образом: «Независимость Абхазии не является предметом обсуждения»[1].

Абхазский лидер изначально верил, что в перспективе признание независимости страны обязательно произойдет. Свидетельством тому «его удивительное прозорливое высказывание» о том, сделанное на страницах российской газеты, за десять лет до признания Абхазии Российской Федерацией. Тогда он высказался таким образом: «… Рано или поздно мы дождемся того, что Россия признает независимость Абхазии»[2].

Словом, послевоенная информационная политика, проводимая усилиями Владислава Ардзинба, убеждала свой народ, что терпение и жертвы были не напрасными, и что в близкой перспективе народ Республики Абхазия обязательно заживет счастливо и благополучно.

---

[1] С. Лакоба. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? Саппоро, 2001. С. 104.

[1] Газета «Республика Абхазия», 30 августа 1996 года.

[2] Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 16.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Владислав Григорьевич, как видим, не только выдающийся политический и государственный деятель, блестящий военный стратег, крупный ученый, но также умелый организатор информационный политики и талантливый публицист. Национальный лидер, к тому же, как уже отмечалось выше, был первым среди идейных защитников, созданного им же современного абхазского государства. Многие положения речей, интервью и бесед В. Ардзинба, опубликованные в различных средствах информации, разъясняли содержание стратегических и тактических целей и задач в разные этапы минувшего периода его правления страной. Эти мысли Владислава Григорьевича весьма актуальны и в наше время.

Главной стратегической линией, смыслом своей жизни, как известно, Владислав Ардзинба считал обретение Абхазией суверенитета и независимости. Это цель была реализована титаническими усилиями народа и национального лидера. К тому же под его руководством были подготовлены все условия – политические, экономические, правовые – для признания независимости Республики Абхазия, и, в первую очередь, Российской Федерацией. И это, как не раз предсказывал Владислав, свершилось – в августе 2008 года Российская Федерация признала независимость Республики Абхазия.

Но до того момента абхазы пережили тяжелую предвоенную ситуацию, трагическую агрессию, поставившую народ на край гибели, судьбоносную Победу над врагом, и затем, после кровопролитной грузино-абхазской войны, ничем не оправданную жесточайшую блокаду, организованную противниками абхазской независимости. И все эти периоды, практически решавшие

судьбу абхазов и их государства, Владислав Ардзинба являлся не только официальным главой республики, но, наряду с тем, и в несоизмеримо большей степени, признанным лидером своего народа. Эта характеристика не означает, что автор призывает чуть ли не к обожествлению личности В. Ардзинба. Отнюдь нет. В этом плане совершенно справедливо высказывание помощника Первого Президента А. Тания, что «было бы очень обидно, если бы Владислав Ардзинба стал жертвой обезличивающей официальной пропаганды, как это произошло со многими выдающимися деятелями мировой истории. Гораздо важнее, чтобы в памяти нашего народа его исторический портрет сформировался во всех нюансах. От этого он не станет менее впечатляющим, зато будет более реалистичным и интересным для изучения»[1].

Полагаем, что факты и свидетельства из жизни и деятельности В. Ардзинба в разные периоды его правления настолько многообразны и судьбоносны, что рассказ о них всегда должен быть живым, познавательным, интересным и, думается, увлекающим примером для подражания, как правителями, так и просто гражданами страны. Для того есть много источников, и, не в последнюю очередь средства массовой информации, запечатлевшие, как свершения Первого Президента Республики Абхазия на разных этапах новейшей истории, так и сложные, порой трагические реалии, через которые прошел абхазский народ и наш национальный лидер. При таком подходе к освещению личности Владислава, когда на первом плане у исследователей конкретные свидетельства СМИ о деяниях лидера, и те реальные, правдивые обстоятельства, которые сопутствовали тому, станет особенно зримым и убедительным насколько героическим, настолько и трагическим теперь уже вписался в историю образ основателя современного абхазского государства Владислава Ардзинба.

[1] А. Таниа. Предисловие. // Мы шли на смерть, чтобы жить. Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. Сухум, 2011. С. 5.

В первой главе данной работы отмечалась роль В. Ардзинба и его влияние на процессы национально-освободительного движения абхазского народа на его завершающем этапе. Тогда, незадолго до великого разлома – крушения Советской державы, начал отсчет последний этап нашего освободительного движения за обретение свободы и независимости от грузинской метрополии. В ту пору, однако, обстоятельства выглядели и вовсе непредсказуемыми, и вряд ли кто-то мог бы точно и уверенно определить – насколько долго продлится национально-освободительная борьба. Современникам той эпохи все же было отчетливо видно, что сила советской власти с каждым днем слабела, или, образно говоря, таяла как весенний снег на солнце. В то же время быстро набирали мощь национальные движения в союзных республиках. Подобные движения в некоторых республиках, как, скажем, в Грузии, становились, в отсутствие или слабости Советского государства, явной угрозой для малочисленных народов, как в случае с абхазами. Именно в тот период (в декабре 1990 г.), с приходом Владислава Ардзинба к власти в Абхазии, национальное движение, до того, являвшееся сугубо абхазским, приобретает теперь уже союзников в лице русских, армян, греков и других представителей национальных общин республики, за исключением грузинской части населения.

Для столь важной объединительной деятельности всех этносов в республике, целью которой было противостояние грузинскому агрессивному национализму, обойтись без мощных и влиятельных СМИ было практически невозможно. До прихода к власти в Абхазии В. Ардзинба, как отмечалось, подавляющее большинство средств информации работало по установкам грузинской метрополии и их местных креатур в автономной республике. В течение небольшого временного периода Владислав, реорганизовав частью ряд изданий, также образовав новые газеты, создал совершенно иное информационное поле, нежели было прежде, теперь уже выражавшее чаяния и интересы абхазского общества. То

есть, настоящая гласность и открытость в обсуждении населением сложных политических, экономических и национальных проблем и процессов, что без средств массовой информации вряд ли можно было реализовать, стала реальностью в результате новой информационной политики В. Ардзинба.

Кроме освещения практической деятельности руководства Абхазии по стабилизации перманентно напряженной политической обстановки в республике, абхазские СМИ также вели, в большинстве своем, идейно-психологический поединок с грузинскими средствами информации. С конца 80-х годов XX века начался новый виток националистической истерии, запущенный грузинскими шовинистами нового поколения. Одной из основных программных установок агрессивных грузинских националистов, принятой всеми политическими и общественными объединениями, как собственно Грузии, так и ее «пятой колонны» в Абхазии, в ту пору являлся основополагающий тезис: Грузия – для грузин, а нацменьшинства – гости на ее территории. И Абхазия в том не была исключением. Грузинские руководители и элита, в целом интеллигенции, ясно понимали, что абхазы – древний самобытный народ, со своим давним историческим ареалом проживания, не связанный родственными отношениями с картвелами, вряд ли добровольно откажутся от своих корней и ценностей. И основные силы своей пропагандистской машины «малая» империя развернула против соседнего малочисленного народа, с целью дискредитации его истории, культуры и языка. Среди грузинского населения Абхазии, а также на страницах средств информации Грузии и абхазских изданий, подконтрольных властям метрополии, прямо-таки с пеной у рта, пропагандировалась пресловутая теория грузинского филолога П. Ингороква о том, что Абхазия – это извечная территория Грузии, а абхазы – грузинское племя. Позже эта лживая установка была несколько «модернизирована» отмеченным идеологом, выдумавшим псевдо тезис о том, что абхазы якобы пришлый народ, пару веков тому назад спустившийся с горных вершин Северного

Кавказа. Это был, безусловно, рассчитанный психологический выпад грузинских шовинистов: «Мифотворческая идея Ингороква (и сотоварищи – В.Ч.) «отнимала у абхазов историческое прошлое» и наносила народу серьезный «историографический удар» в самый трагический момент его истории»[1].

Этим и другим инсинуациям представителей метрополии противостояли вначале, до прихода во власть В. Ардзинба, неравные силы. С одной стороны, замороченные на шовинизме грузинские власти и почти все средства информации Грузии, включая государственные издания, с другой – несколько абхазских средств информации: издания Народного Форума Абхазии и районная газета «Бзыбь». Но после того, как В. Ардзинба, став главой Абхазии, принял решительные меры по реорганизации и консолидации СМИ, за исключением грузинских, появилась широкая возможность противостоять махровым идеологам мини - империи силами абхазской элиты: историков, писателей, публицистов. Эта возможность самозащиты стала своеобразной психологической отдушиной для народа. В результате эффективной информационной политики В. Ардзинба, доминирование грузинской идеологии в СМИ Абхазии, в абхазских и русскоязычных средствах информации, практически было сведено на нет. Это также стало большим успехом главы республики в его деятельности по упрочению политического и экономического суверенитета и будущей независимости Абхазии. Но были и такие факты успешной деятельности Ардзинба, которые в ту пору не освещались. Впрочем, и сегодня, хоть уже прошло значительное время, о том пока имеется скудная информация. Речь идет о парламентских квотах, добытых усилиями Ардзинба в Тбилиси, в ходе непростых переговоров с президентом Гамсахурдия. По каким бы то ни было причинам (о некоторых из них сказано в первой главе), но грузинский лидер пошел навстречу своему абхазскому оппоненту. И выборы в Абхазии

[1] С. Лакоба. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? Саппоро, 2001. С. 7.

состоялись, причем, абхазы, будучи в республике в меньшинстве, обрели, таким образом, парламентское большинство. Это обстоятельство впоследствии явилось одним из основных обвинений Шеварднадзе в адрес первого президента Грузии. Это также было серьезным достижением Владислава Григорьевича, позволившим, во – первых, отодвинуть начало грузинской агрессии, и, во-вторых, отстаивать свободу и независимость абхазов цивилизованным парламентским путем. И все же, отметим, что В. Ардзинба не исключал военный путь развития ситуации. Он прекрасно понимал, что Грузия добровольно не пойдет на деколонизацию Абхазии. Но были сомнения и надежды, связанные с ролью России, руководство которой вначале дало гарантию защиты Абхазии от грузинского военного вторжения, затем, по известным уже причинам, отошло от прежних обещаний. Тем не менее, глава Абхазии сделал все возможное за тот короткий предвоенный срок, чтобы подготовиться и к такому повороту событий. О реформировании военных структур в Абхазии на основе ряда принятых Парламентом законов сказано в первой главе, в том числе отмечен факт создания по личному решению В. Ардзинба Отдельного полка внутренних войск (ОПВВ), прозванного в народе абхазской гвардией.

При всем этом, отметим, что неудачи первого этапа войны, наряду с объективными обстоятельствами, также обусловлены, полагаем, и субъективным человеческим фактором. Тем, что чрезмерное доверие, повлекшего тем самым отсутствие строгого контроля за абхазскими «силовиками», причем, еще до начала грузинского вторжения, в значительной мере ослабило обороноспособность нашей республики. В. Ардзинба сразу после войны дал указание соответствующим структурам (Генеральной и Военной прокуратурам республики) провести уголовное расследование, то есть, разобраться в отмеченной ситуации и поставить точку в этом деле, но его «сподвижники» того периода «успешно» спустили на тормозах задание главы государства. Наверное, оттого, что оно могло повлечь за собой не только прежних «сило-

виков», но и некоторых бывших в то время высокопоставленных чиновных людей.

Таким образом, Абхазия вступила в оборонительную войну по призыву ее лидера почти безоружной, подвергшейся неожиданной агрессии. И, как отмечалось выше, сказалась ненадежность «силовиков», также наличие значительного элемента в руководящих структурах из бывших партийных и советских работников, мысленно склонявшихся (а иные делали это и вслух), к автономии Абхазии образца 1978 года, и не видевших никаких шансов на успех в войне с грузинами до победного конца. Все это создавало на начальном этапе агрессии опасную ситуацию, и метрополия надеялась путем раскола в абхазском обществе выиграть военную кампанию. И все же национального лидера в то критическое время поддержали идейные сподвижники, рядом твердо встала малочисленная, в сравнений с грузинами, но доблестная народная гвардия – лучшие из лучших. Тогда, 18 августа 1992 года, на историческом митинге в Гудауте, абхазы, как древние спартанцы, пришли к единогласному решению: победить или умереть в сражении за свободу! Но впредь не быть им в колониальном рабстве метрополии! Так, усилиями патриотов и национального лидера, разворачивалась с первых дней Отечественная война абхазского народа против грузинских захватчиков.

Основная задача, которую поставил Э. Шеварднадзе с приходом во власть, свергнув законного президента Гамсахурдия – это создание моноэтнической государственности Грузии. Уже перед войной прояснялась картина того, что на пути реализации этой цели грузинские лидеры никоим образом не будут считаться с интересами абхазского народа. Тем более, что наступило безвременье в связи с распадом Союза ССР, и грузинские лидеры хотели воспользоваться отсутствием сильного центра власти, который раньше все же был препятствием в реализации откровенных реваншистских планов. Но оставались другие серьезные препоны – это государственные образования абхазов и осетин, и сами эти

народы, и эту проблему надо было снимать. И этим, разумеется, обосновывались, как отмечает А. Авидзба, цели и задачи грузинского вторжения в Абхазию, краеугольным камнем которого становились «… планы по ликвидации абхазской государственности, низведении статуса Абхазии до культурной автономии, уничтожению политических, экономических, культурных и духовных связей абхазов с кровнородственными народами Северного Кавказа. И потому Парламент Абхазии квалифицировал действия Госсовета Грузии и его войск как оккупацию и геноцид»[1].

Первоначальные успехи грузинских агрессоров, что отмечается положениями второй главы работы, вытекали также из внешней военной и политической поддержки Ельцинской России, руководства западных стран, ведущих международных организаций, за исключением ОНН (Организации Непредставленных Народов). В работе подчеркивается, что Шеварднадзе, двинувший вероломно свои вооруженные силы против малочисленных соседей, пользовался открытой поддержкой самых влиятельных политиков в мире: Д. Буша, Г.-Д. Коля, Б. Клинтона, Д. Бейкера, Дж. Шульца и других. «Россия, в свою очередь, открыв свои арсеналы накануне войны, экипирует Грузию вооружением и боеприпасами целой дивизии»[2]. К тому же, во время Дагомысской встречи Ельцина и Шеварднадзе, скорее всего, была обговорена и проблема ввода войск в Абхазию. Этот факт подтверждает и глава Абхазии в беседе с тележурналистом А. Карауловым: «Во-первых, тот факт, что было передано большое количество оружия незадолго до вторжения войск. Можно выразить абсолютную уверенность в том, что российская разведка прекрасно знала о том, что эти войска войдут в Абхазию. Мы не исключаем того, что было известно и некоторым другим официальным кругам о том, что эти войска войдут в Абхазию»[3].

[1] А. Ф. Авидзба. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Книга II. Сухум, 2013. С. 232.

[2] Там же. С. 233.

[3] Там же. С. 233.

Во второй главе также подчеркивается, что, если Грузия пользовалась поддержкой крупнейших стран мира, то в защиту Абхазии с оружием в руках встали многие тысячи добровольцев, представлявших большое число народов. В первую очередь, на беду абхазов откликнулись наши братья из республик Северного Кавказа. В этом, безусловно, велика заслуга Конфедерации народов Кавказа. Еще в первые месяцы войны глава Абхазии отмечал: «Именно позиция КГНК не позволила уничтожить абхазский народ»[1]. В том, что не был реализован грузинский блицкриг, это, разумеется, заслуга и абхазского народа, и наших союзников – добровольцев, и тех дополнительных факторов, которые стали возникать в связи с военными действиями в Абхазии. В исследовании обращается внимание на то, как национальный лидер решительно, и в то же время гибко, вел политическую игру с российским руководством. Многочисленные документы, обращения, заявления и письма главы Абхазии, большей частью опубликованные на страницах абхазских и зарубежных изданий, свидетельствуют о титанической работоспособности Председателя Парламента, руководителя Государственного Комитета Обороны Абхазии, Главнокомандующего Вооруженными Силами Республики Абхазия Владислава Ардзинба. Поразительно то, что только Организации Объединенных Нации главой Абхазии в период войны направлено было шестнадцать тщательно отработанных и выверенных в правовом плане официальных обращений. Намного больше заявлений и обращений адресовал Владислав Григорьевич президенту Б. Ельцину, Верховному Совету Российской Федерации, руководству республик Северного Кавказа, десяткам и сотням иных адресатов. Наглядным свидетельством тому сборник документов под заголовком «Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. в документах, под редакцией В. Ардзинба. Там перечислено 248 документов, но, я уверен, что их

[1] «Литературная газета», 16 сентября 1992 года.

гораздо больше. Эти документы печаталось в средствах информации с комментариями Владислава Григорьевича, которыми он, как правило, насыщал свои интервью и пресс-конференции.

Как уже отмечалось выше, В. Ардзинба, в основном, сотрудничал с абхазскими и российскими изданиями. Последний фактор особенно важен в том плане, что российской общественности, тем самым, предоставлялась возможность ознакомиться с реальной действительностью военной поры, а многое из того, как известно, замалчивалось или интерпретировалось в угоду Э. Шеварднадзе и его покровителям из окружения Б. Ельцина. Из анализа абхазских и российских СМИ военного периода можно сделать выводы, что намерения изолировать Абхазию от источников информации, в том числе и российских, не удались. В определенной мере для абхазов были сложности в этом плане до освобождения северо-западной Абхазии. Однако после Гагрской операции абхазской армии интерес к Абхазии со стороны зарубежных СМИ, можно сказать, вырос в разы. Сокрушительное поражение грузинской группировки войск, нанесенное военными силами маленькой республики, притом, когда Московские переговоры 3 сентября 1992 года воспринимались как политическая капитуляция абхазского руководства, было для всех, в том числе и для СМИ, как гром среди ясного неба. К тому же, перед тем глава грузинского Госсовета Шеварднадзе щедро делился с журналистами информацией о том, что в моноэтнической Грузии нет места абхазской государственности, а вот по поводу «культурной автономии» можно подумать. Имел в виду, наверное, что такое будет возможным, если В. Ардзинба надумает прибыть в Тбилиси на поклон, как это делалось раньше, в советском прошлом, партийными лидерами автономии. И после неожиданного поражения грузин в Гагре наши оппоненты прояснили для себя, что держать абхазскую республику в информационной блокаде будет весьма проблематично. Так оно и произошло. В последующем, что надо отметить, средства информации России неплохо освещали абхазскую проблематику. По

ним становилось заметным, скажем, разное отношение к Абхазии ветвей российской власти. Так, например, даже поверхностный анализ публикаций явно указывал на поддержку агрессивных намерений Грузии против Абхазии российской исполнительной властью, иногда и в ущерб собственным интересам, что четко отмечал В. Ардзинба. Иная, заметим, картина вырисовывалась в Верховном Совете России, где подавляющее большинство депутатов было на стороне жертвы агрессии – Абхазии. С экранов электронных СМИ часто сообщалось о позиционной войне на Гумистинском рубеже обороны, реже, но все же появлялась информация на телевидении и в печати с Восточного фронта.

Информационным всплеском обычно реагировали СМИ при наступательных операциях Абхазской армии: январской, мартовской, июльской и сентябрьской – победной. Отмечая деятельность средств информации в целом, как абхазских, так и российских, нельзя не отметить, что В. Ардзинба четко разделял предназначение и местных СМИ, и российских изданий. И те и другие выполняли, как думается, стратегические задачи, одни в работе с собственно абхазским населением, армией, тылом, словом со всеми теми, кто ковал победу над агрессором. Здесь, как известно, слово, духовное начало, играло далеко не последнюю роль. И абхазские СМИ сполна справились со своим предназначением. О том, кстати, высказался «отец» грузинской агрессии Шеварднадзе, огорченно заметив, что и грузинские СМИ проиграли информационную битву абхазским журналистам. Российские же СМИ, в отличие все же от руководства своей страны, заняли более сбалансированную позицию. Даже в тех изданиях, где было заметное влияние грузинского лобби, горячие материалы, подготовленные с участием главы Абхазии, имели «зеленый» свет. В тех же «Известиях» (гл. редактор И. Голембиовский – уроженец Тбилиси), «Независимой газете» (зам. гл. редактора А. Гагуа), «Московских новостях» (А. Микадзе – ведущий журналист, собкор по Грузии), и других изданиях, интервью и беседы с абхазским лидером не залеживались, а порой, как говорится, с колес отправлялись в печать. Выходило, что материалы с участием Владислава воспринимались в редакциях как будущие публикации «высокой пробы», и потому у газетчиков срабатывал профессиональный инстинкт. А у журналистов в творческом контакте с Владиславом Григорьевичем по-иному и не выходило. Немало российских журналистов, уже после знакомства с абхазским лидером, как некоторые признавались мне, держали в голове мысль о последующих встречах со столь интересным собеседником. И старались не подвести «соавтора» публикации, не исказить ненароком его мысли и рассуждения по проблеме. В этом плане, и во время войны, и позже не слышал от Владислава серьезных упреков в адрес российских СМИ, публиковавших его интервью, беседы или отчеты с пресс-конференции. Хотя, наверное, могли быть моменты, мне неизвестные. Следует также уточнить, что в российских СМИ публиковалось достаточное количество материалов негативного для нас содержания, авторами которых являлись наши оппоненты, а то и прямые враги. Но были и тогда, и в послевоенное время, дружественные издания, такие, как «Правда», «Советская Россия», «Литературная газета» и другие, а также десятки журналистов из иных средств информации, с сочувствием относившихся к беде абхазского народа.

Таким образом, и на информационном фронте делалось немало оружием слова. И в победе над агрессором, думается, есть весомая толика полезного вклада СМИ. Абхазские и российские средства информации понесли в войне и невозвратные потери. Немало журналистов было награждено правительственными наградами. Полагаем, что Владислав Григорьевич был сполна удовлетворен выполнением профессионального долга абхазскими и российскими журналистами во время грузино-абхазской войны.

После войны, с введением экономических и политических санкций против Абхазии, острие своей информационной политики В. Ардзинба сосредоточил на нескольких важных (стратегических) направлениях. Это – идеологическое обеспечение абхазски-

ми СМИ процесса послевоенного строительства политических и экономических основ независимой республики; создание заново, практически с ноля, государственных институтов (отсюда впервые автором этих строк было введено, к прискорбию, в посмертном некрологе, определение о том, что « В. Ардзинба – основатель современного абхазского государства»); разъяснение населению страны целей и задач санкций и пропаганда необходимости сопротивления организаторам блокады, посягающим, таким образом, на независимое существование Абхазии. Стратегической также была задача всемерной поддержки средствами информации мобилизационной готовности народа в связи с угрозами повторной агрессии Грузии.

Выступления В. Ардзинба на страницах абхазской и зарубежной печати, в передачах радио и телевидения – все это свидетельства тяжелейшего единоборства национального лидера и абхазского народа в защиту своих завоеваний – независимости и свободы от грузинского колониального прошлого. Ныне немало тех самых свидетельств известных политиков, являвшихся в ту пору оппонентами Владислава, о твердой воле, непреклонности абхазского лидера, когда речь заходила об интересах народа и страны. Но мы также знаем и о том, что наш лидер, если это было необходимо, пускал в ход политическую гибкость и весьма деликатные дипломатические приемы в общении с политиками, даже с теми, кого он презирал и ненавидел. Об этом, в частности, о Шеварднадзе и Козыреве, он делился своим мнением с автором этих строк. Например, по поводу главы Грузии отмечал так: «Как не разговаривать с Шеварднадзе, несмотря на мою неприязнь, если интересы дела требуют того. Надо подавлять эмоции, когда речь идет о судьбе народа». И приходилось общаться нередко: по проблемам Ингур ГЭС, вопросам беженцев в Гальском районе, и многим другим. Но больше всего, конечно, обсуждались проблемы политического урегулирования. И я как-то слышал от Владислава Григорьевича: «У меня иногда создается впечатление, что, если бы

решение того или иного вопроса зависело только от Шеварднадзе, то мы непременно достигли бы определенного прогресса. Но, по-моему, он чего-то или кого-то побаивается», – резюмировал Владислав. По поводу того же Козырева отмечал примерно так: «Циник и подлец! И верный прислужник американского Госдепа, конечно. Однако является министром иностранных дел великой России. Игнорировать это обстоятельство, разумеется, нельзя, потому и с ним приходится разговаривать».

С упрочением позиций нашей республики в грузино-абхазском переговорном процессе Владислав Григорьевич постепенно отходит в политико-дипломатической «игре» от прежней формулы государственно-правового устройства Абхазии в составе федеративного или конфедеративного союза с Грузией. Со второй половины 90-х годов минувшего века абхазский лидер, что заметно по его многим публикациям в СМИ, ведет речь в основном о восстановлении равноправных и мирных межгосударственных отношении с грузинским соседом. В то же время глава Абхазии во всех своих устных и печатных выступлениях подчеркивал судьбоносное значение тесного взаимодействия, укрепления дружбы и добрососедских отношений с русским народом, со всеми народами России, в первую очередь, с братским Северным Кавказом. О сложной ситуации той поры рассказывает большое число российских изданий, одно из которых вписала прямо в заголовок, предварявшим текст интервью с абхазским лидером, лейтмотив политики В. Ардзинба того периода, заключив его таким образом: «Сухум смотрит на Москву, отвернувшись от Тбилиси».[1]

Это был не только образный прием газеты. В этих словах была заложена большая смысловая нагрузка. О том, что абхазский лидер, наконец, пришел к той своей программной цели, которую он не мог по известным причинам озвучить раньше: союз и содружество независимой Абхазской республики с Российской

[1] Газета «Время новостей», 14. 08. 2002 г.

Федерацией, но никоим образом с Грузией. В том он усматривал безопасную гавань для становления абхазской государственности. Так, кирпичик за кирпичиком, выстраивал президент Абхазии фундамент для будущего признания нашей страны ее великим соседом – Россией.

Отметим и то, что сегодня огромный исторический пласт, в виде пройденного абхазским народом тяжелейшего пути, познается из выступлений главы абхазского государства в средствах массовой информации. Это и довоенное время, и трагический период войны, и блокадное лихолетье. Можно сказать, что СМИ, на основе большого числа публикаций национального лидера, создали своеобразную летопись эпохи Владислава Ардзинба. Это бесценное публицистическое наследие национального лидера полагаем целесообразным использовать в качестве своеобразных учебников и пособий по новейшей истории Абхазии, как для школьных, так и вузовских курсов образования подрастающего поколения абхазов. Словом, черпать знания об эпохе Основателя нового абхазского государства, в котором жить еще многим поколениям абхазов, сподручнее всего, думается, из первоисточника – из трудов самого В. Ардзинба. Верна ведь заповедь о том, что знание прошлого – это не что иное, как путеводная звезда в будущее, счастливое и благословленное, разумеется.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 3
Предисловие 8

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Формы и методы информационной политики в. Ардзинба накануне грузино-абхазской войны (1989 – 1992 гг.) 35

ГЛАВА ВТОРАЯ

Информационная политика в. Г. Ардзинба в условиях войны (14.08.1992 – 30.09.1993 Гг.) 145

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Информационная политика в. Ардзинба в послевоенный период (1993 – 2005 гг.) 273

Заключение 392

ЧАМАГУА В. З.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В. Г. АРДЗИНБА И БОРЬБА АБХАЗСКОГО НАРОДА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И СТАНОВЛЕНИЕ АБХАЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (1989 – 2005 гг.)

Редактор **А. Я. Дбар**
Корректор **А. Я. Дбар**
Верстка **Н. Г. Гунба**

Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Тираж .... Физ. печ. л. 25,5. Усл. печ. л. 23,715.
Заказ №...

Республика Абхазия, РУП «Дом печати», г. Сухум, ул. Эшба, 168.